

Работа

над

о
дешидками

современный
любовный
роман

Annotation

Неотразимые и успешные любимчики судьбы не любят неудач и презирают неудачниц. Что делать, если ты — одна из них? Как завоевать сердце этих неприступных принцев? Возможно ли? И нужно ли...

Инесса Ключина

Работа над ошибками

На циферблате электронного будильника красными огоньками высвечивалось время — пять тридцать утра. Время искренних молитв Богу. Время духовного и физического самосовершенствования. Время раннего подъема на работу. Время просыпаться больным от боли, которая чуть затихает ночью, но вновь разгорается к этому странному времени «икс». Время понтов для тех, кто хочет что-то для себя доказать.

Стасу не принадлежало почти ничего из этого списка. Может, лишь физическое и духовное это самое... Привычно вытянувшись на жесткой кровати, он проделал несколько легоньких упражнений. Следующие упражнения уже делались на прикроватном коврике, специально задуманном для этой цели. Все должно быть продуманно. Как на задании, как на войне. Иначе — не выживешь.

Ритуал самосовершенствования длился минут тридцать. А потом продолжался — на пробежке в парке. Завершал его контрастный душ и сытный завтрак, это уже не совсем совершенство, но все же — и Стас был готов к новому дню.

Пробежки в парке всегда были радостными для Стаса. Тяжелый рюкзак на плечи — и ты вновь как будто на учениях, и если хорошо постараться, можно представить себе...

Все давно в прошлом. Военные контракты. Соревнования. Жестокие противники. Множество травм — и душевных тоже. Теперь Стас — обычный обыватель.

В утреннем парке Стас редко встречал бегающих по утрам. Смелости Стаса многим не доставало. А ему так иногда хотелось, что называется, «нарваться»... на кого-нибудь такого же жестокого, и ощутить вновь дыхание и ритм борьбы. Никого. Не все так, как ты хочешь.

Правда, сам парк с внешней стороны с завидной регулярностью обегала одна дамочка. Таких про себя Стас сразу крестил «неудачницами» — пухленькая, в спортивном кафтанчике, который с чужого плеча. О косметике в шесть утра у нее на лице Стас не смел даже и мечтать.

Неудачница была презабавная. Пыхтела, сжимала губы, вытирала пот со лба и упрямо бежала, выдавая с головой свое полное неумение бегать на длинные дистанции. Ну какая это спортсменка? Так, худеющая... Стаса немного раздражала эта утренняя звезда. Она напоминала ему о людях, которые плохо умеют делать свою работу. Не бегай, если не умеешь. Или научись распределять дыхалку для начала. Тренируйся больше...

Ну вот, собственно, и мадам. Своей прекрасной персоной. Вот она затормозила резко и нелогично, сбив себе дыхание и ошеломив самого Стаса. Стас легко догнал ее. А она шнурки завязывает на кроссовках. Ну не глупая неудачница?

Стас так же легко обогнал мадам. Та лишь мельком глянула на Стаса — они встречались взглядом часто, на утренних пробежках, мадам знала его в лицо и не боялась угрозы. Несколько раз Стас замечал, что неудачница старается проложить маршрут как можно ближе к маршруту Стаса. Страхуется. Время раннее, рядом — никого. Все правильно. Стас одобрял данный маневр и иногда чуть кивал неудачнице — не больше. В первый раз лиц ее озарилось улыбкой. Но она быстро поняла, что к чему, и перестала улыбаться. С такими, как она, Стас знакомиться близко не будет.

Стас завернул за угол ограды парка и чуть не сбил ритм и дыхание — на его пути сидел щенок. Маленький, непонятного окраса, с разъезжающимися лапами и висячими ушками.

Стас продолжал бежать на месте.

Щенок. Что с ним делать? Стас оглянулся, но это было лишним. Привычка подмечать все то, что тебя окружает, сохранилась еще с контрактов. Замечать, анализировать и собирать в модель окружающего мира. И Стас прекрасно знал, что собак в парке и ближайших районах теперь вообще не водится. Точнее, они были, но месяца три назад их всех переловили.

Щенок был не из породистых. Так, дворняжка овчаркинского окраса. Стас продолжил пробежку. Незачем останавливаться из-за такой ерунды. Много повидавший на войне, Стас и не такое оставлял за своей спиной. Чего там собак — убитых товарищей... И сентиментальность не завладела его душой после отхода от всех дел — Стас остался все таким же собранным и жестким. Ничего не изменилось с тех пор.

Стасу было плевать, что будет с псом. Он уже заворачивал по аллее направо, как боковым зрением заметил неудачницу, вновь резко затормозившую и вставшую около щенка. Ему захотелось вернуться и надавать ей по шее. Ну кто так бегают? Неужели не догадывается, что нельзя резко тормозить после бега? Да это же каждый ребенок знает, в любой книжке про диеты написано! Ну не глупая гусыня?

Стас почему-то замедлил бег, забежал за ограду парка и аккуратно выглянул из-за нее, сам не зная зачем.

Мадам стояла молча. Не сюсюкала, не улыбалась. Минута неподвижного стояния. Стас уже было решил, что ей плохо, и задумал выйти из укрытия, как неудачница нагнулась и подхватила щенка. Тот заскулил и засучил лапами, а мадам прижала его к своему старенькому спортивному костюмчику и потрусил в обратном направлении.

Стас продолжил пробежку, удивляясь человеческой глупости.

Он встречался с мадам не только утром; несколько раз он видел ее днем — она живет в соседнем доме, эти встречи не удивительны. Наметанный глаз Стаса вмиг оценил недорогие джинсы и кофточку, дешевенькую сумочку, мягкие туфли на плоской подошве — Стас и не знал, как такие называются. На лице мало косметики, и само лицо — уставшее и осунувшееся. Такие не живут припеваючи. На правой руке у нее не было колечка, но это ни о чем не говорило. С детьми он ее не встречал, хотя и это не говорило ни о чем, он ее вообще мало видел. Что еще? Этот тип классической неудачницы Стас почему-то особенно не любил. Такие ко всему прочему жутко правильные и чуть ли не гордятся сложившимся положением вещей. Бедные работницы бюджетных организаций, замужем, с любовниками или одинокие...

Стас продолжал бежать. Он ускорил темп, и лямки тяжелого рюкзака привычно врезались в плечи. Она небогатая. Скорее всего, одинокая. Зачем ей пес? Забрала, чтобы пристроить или отдать в приют для бездомных животных? Мадам потратит последние деньги (Стас готов был поспорить на свой бывший АК-47, что так и будет), чтобы устроить пса. Или — о, верх благочестия! — оставит себе. Кормить, гулять... Ну и ладно. Пес скрасит ее одиночество. Пусть неудачница все же будет счастлива.

Стас бежал и удивлялся себе. Года три назад — да нет, даже год назад! — он бы оставил эту досадную случайность без внимания. А сейчас — нет. Вот бежит и думает уже минут десять.

Мадам совершила благородный поступок, однозначно. Равнодушный Стас — равнодушная скотина. Это бесспорно по христианским заповедям, по человеческой морали и по всему тому, к чему Стас относился с недоверием. В юности он был идеалистом.

Тренировки, контрактные войны, жестокие учения выбили напрочь всю благородность и веру в идеалы. Был закон выживания. Был закон товарищества и еще что-то высокое до боли, но Стас предпочитал в высоту не глядеть. Все остальное на войне отсеялось как наносное. Стас спокойно принимал себя гадом. Как написано в умных книгах? Познай себя? Стас познал до самого доньшка. Он теперь знал, какой он трус, и как равнодушно может нажать на курок, спасая свою шкуру. Зачем тешить себя иллюзиями? Равнодушная скотина, и нет оправданий.

Сожаления и потребности все исправить у Стаса не появилось. Он продолжал бежать легко и почти не задыхаясь. Он выкинул мадам из головы, перестал думать о чем бы то ни было. И тело наполнилось ощущением здесь-бытия, и Стас бежал еще быстрее, задыхаясь от острой пьянящей радости быть...

Когда я впервые увидела его, я не знала, что делать. Резко затормозила, молча стояла и глядела. И он на меня глядел маленькими темненькими глазками, ничего не понимая. И меня будто по сердцу резануло ножиком. Бедный малый, совсем один!

Я прекрасно знала — собак в округе извели под корень. Очевидно, подбросил кто-то.

Щенок молчал, но не пробовал встать и убежать, или подойти ко мне, виляя хвостом и выпрашивая лакомство. Странно. Очень-очень. Раньше в детстве мне позволяли заводить только кошек, собак я видела лишь чужих или бродячих — и только на улице. Я не знала, что мне с ним делать. Перед глазами пробежали вереницей все несчастья, если я возьму пса себе. Кормежки, гулянья, несвобода, ответственность... Пес тихо пискнул, а ножик опять полоснул мое сердце. Плевать. И пусть у меня сейчас мало денег, и прочие неприятности сыпятся чередой, но тебя, миленький, я здесь не оставлю. Аккуратно подхватив пса (он странно засучил лапами и попытался меня напугать чем-то похожим на лай), я его погладила и поспешила домой.

Глава 1

Я всегда нуждаюсь в деньгах. Их у меня регулярно не хватает, вопреки жесткой экономии и многочисленным фокусам, которые успешно освоила в студенческие годы. И хотя я о многом мечтаю, как любой другой человек, жизнь приучила довольствоваться малым. Но иногда, когда мимо проходит умопомрачительная девушка в норковой шубейке, обдавая шейфом дорогих духов, сердце сжимается, и хочется подумать о... Пожалуй, об этом промолчим.

Конечно, я тоже могу купить эту самую шубку. Ну, допустим, не совсем эту и не сразу, а после полугода жесточайшей экономии в стиле Акакия Акакиевича Башмачкина: не зажигать свет, не ужинать, не изнашивать вещи, а стирать их в случае крайней необходимости. И я уже вижу, как иду на работу, чуть касаясь ногами тротуара...

Если совсем честно, мне даже не полгода копить, а чуть больше. Зато курточку с мехом чебурашки могу себе позволить без этих жесточайших мер. Посему на ней пока и остановимся.

Нелюбимые мною западные проповедники говорят о том, что пастырь не оставит свою овцу, и она ни в чем не будет нуждаться. Если посмотреть с этой точки зрения, то я и правда особо не нуждаюсь, а все излишества — от лукавого. А то, что я овца, и ежу понятно.

Пока мои подружки карабкались, набивая шишки, по карьерной лестнице, или удачно выходили замуж, или вместо замужества шли в дорогие любовницы либо вовсе на панель, или организовывали собственные бизнесы, я благополучно прозябала в школе на свои бюджетные. Всматриваясь в личики мальчишек и девчонок, искала ответ, для чего же меня создали такой бесперспективной.

Но это было так, и никак иначе. Пробовала работать в торговле, после этого несколько дней батрачила с утра до ночи в офисе с «перспективой карьерного роста», даже замужем была. Судьба только на дорогу не вывела, да я бы не пошла: Достоевский и Камю не позволили бы. Выпускнице филфака не пристало...

Впрочем, кого обманываю. Это просто мне не пристало. Вот и все.

Но в тот день, когда я отнесла пса к ветеринару, вариант подобного развития сюжетасобственной жизни все-таки мелькнул в голове.

Я уже договорилась с директором приюта (мамочка одного школьника, я ребенка не учу, его учит Роза Андреевна, но мы с ней дружим, и ребенок все равно как мой), и отложила деньги — последние деньги! — на то, чтобы жизнь пса оказалась лучше моей. Чтобы у него появились добрые заботливые хозяева, и он действительно ни в чем не нуждался. Чтобы его любили и баловали...

Еще раньше я заметила, что с лапами пса что-то не так. Он на них не вставал, сесть не мог, лежал на боку и молчал. Вердикт ветеринара был жестоким: две перебитые лапы, глисты и маленькая грыжка. И куча денег за лечение, которых мне хватило бы на месяц жизни. Ветеринар посмотрел в мои готовые заплакать глаза и предложил усыпить песика. Я покачала головой. Деньги найду в любом случае.

Оставив пса у ветеринара, я вышла, чтобы принести нужную сумму, то есть забрать из дома все наличность кроме мелочи, а оставшуюся сумму снять с кредитки. Оставшиеся денечки до аванса будут проведены на запасенных ранее крупах, картошке и двух банках тушенки. Ничего, похудею.

Солнце светило уже по-летнему, близилась поздняя весна, и в этот денек у меня был методический день, а проще — выходной. Повезло псу. Я посмотрела на высокое небо над головой и вдруг поняла, что уже точно ни в чем нуждаться не буду. Вот уж кому все дали давным-давно, и не моя вина, что это было неактуальным в наше время. Возможно, это было неактуальным даже во времена Христа. И уж точно — не денежным...

И еще я поняла, что Жужик останется со мной.

Чуть больше года спустя

Ну вот, мадам с Тузиком вышли на прогулку. Мадам в своем старом спортивном тренике «Мужики, одела — что — было», Тузик — в натуре. Крепкий орешек эта неудачница. Стас думал, что эти пробежки закончатся еще тем летом. Но мадам вот же второй год все так же бегаёт по утрам. Раньше она иногда пропускала или маловато пробегала, а теперь — нет. Труба и Тузик зовут.

Сначала — туалет Тузика. Мадам отводит его от цветов и кустов, растущих вокруг ее дома. Тузик туда не ходит. Он интеллигент, как и мадам. Иногда не слушается ее, правда, но, по большому счету, у них идилия. Мужика бы завела себе, что ли... И одевается глупо. Костюмчик поновее купила бы себе.

Она похудела по сравнению с прошлым летом, и грация у нее есть своя, особенная — Стас это давно заметил. Вот купила бы классный спортивный костюм, глядишь, и кто-нибудь обратил внимание. С другой стороны, кому в шесть утра смотреть на нее? Только Стасу. А Стас уже все для себя решил. Таким мадам в его жизни места нет.

Когда Шарик заканчивает свои делишки, неудачница стартует (старт этой звезды вообще разговор отдельный, так ни черта не научилась за два года), а пес привычно пристраивается рядышком с хозяйкой, временами чуть забегай вперед, насколько позволяет ему поводок, и ненадолго задирает лапу. Навострился, шельмец.

К Стасу относится неоднозначно: не рычит, но и хвостом не виляет. Умные собачьи глаза наблюдают за Стасом, все примечая. Не доверяют. Но все же пес привык к Стасу, как реальную опасность не расценивает. И на том спасибо.

Пес вырос невысоким, с мощными лапами и челюстью, напоминающей челюсть овчарки. И окрасом немного похож на овчарку. Хозяйку, как понял Стас, хоть особо не уважает, но любит. Чувствует, что женщина, что ли?

Впрочем, Стас задумывается об этой парочке редко-редко. Только когда их видит, или еще реже. Он привык к мадам, и она привыкла. Кивает ему иногда, когда пробегает мимо. А иногда не кивает.

В жизни Стаса все очень даже здорово. Бизнесы давно налажены, вот дачку отстроил. Алиска, молоденькая модель потрясающей красоты, часто остается у Стаса на ночь. Здоровье нормальное, ноют, конечно, старые раны, особенно последняя. Но терпимо.

А жизнь идет по определенному распорядку.

Утром у Стаса по плану собственная пробежка и необязательная встреча с мадам и Жужиком (только классическая неудачница, как мадам, могла так назвать свою бедную собачку. Стас как первый раз услышал сию кличку — ушам не поверил), днем — работа и разъезды по делам, вечерами бывают тренировки, кино с Алисой, рестораны, сауна... Случаются жаркие ночи, и снова утро... Все хорошо, если бы не щемящее чувство тоски. Она недавно появилась, как Стас все свои проблемы по бизнесу решил. Впору тоже пса завести.

Все-таки молодец неудачница. Хотя лучше бы семью завела. Детишек там... А с другой стороны, на то она и неудачница. Вряд ли что у нее получится.

Стасу так хотелось верить в это. Он понимал, что мадам — гарант спокойствия его души и радостной уверенности в том, что сам Стас — настоящий счастливчик. Это яркое напоминание: есть люди, которым еще хуже, но они вряд ли что-то изменят в своей жизни. Не дано. Так говорят про таких людей, верно? А почему, Бог их знает...

А летом мы с Жужиком каждый день по вечерам читаем умные книжки. Сейчас время отпуска, и я читаю много-много. В учебный год такого себе не позволишь, и все же в загруженные учебные будни и выходные выбираю один день, чтобы так же отдохнуть душой, как и летом. Иначе с ума сойду от обступающих меня проблем.

Обычно в это время Жужик укладывается где-нибудь в ногах, а я завариваю себе хорошего чая и с огромной кружкой подсаживаюсь к столу, на котором стоит лампа с зеленым абажуром. Ах, отголосок девятнадцатого века! Тогда читали книги всей семьей, их берегли и ценили...

Жужик умильно щурит глазки и подползает чуть ближе, прямо под ноги. И за окном тихо, и моя душа замирает от прекрасных фраз, написанных в книгах...

Сейчас мы с Жужиком перечитываем Новый Завет. Именно он спас меня когда-то от многих «почему», постоянно вертящихся в голове. Почему я не смогла сохранить свой брак? Почему муж ушел к подружке? Почему я никак не могу найти хорошую работу и помахать школе ручкой? Что должно произойти, чтобы мне встретился любимый человек? И встречу ли я его?

Если на первый вопрос я ответ могу дать, смешной и детский, то остальное объяснить не в силах. Зато Новый Завет отвечает крайне понятно: Господу видней. Все в мире так, как и должно быть. И ни один волосок с твоей головы... Ну, вы понимаете, о чем я.

Когда я читаю Библию, душа наполняется...

Дальше может быть только лирика, и на этом месте я обычно останавливаю школьников, говорящих свое сокровенное о каких-нибудь высоких вещах: здесь опасно брать слишком высокие ноты. Можешь не потянуть, и будут они слышаться фальшиво. «Мысль изреченная есть ложь», — мягко напоминаю я слова великого поэта пунцовому от переполняющих его чувств старшекласснику и спокойно перевожу разговор на более приземленные вещи.

Ученик или ученица все же запомнит это чувство. Может быть, когда-нибудь оно охватит их вновь, и я буду счастлива, хотя, конечно, никогда об этом чувстве не узнаю.

Вот такими мечтами я тешу себя на уроках литературы, потому что это все — теория, а будничная практика грустна и отчасти жестока. Подозреваю, что в глазах некоторых моих коллег так и остаюсь романтической дурочкой-декабристкой, вышедшей воевать с холодным равнодушным миром в одиночку. Ничего. И один в поле воин.

Но сегодня я успеваю прочесть совсем немножко: мы договорились с Маринкой, моей подружкой, съездить за Волгу с ночевкой. Палатка, спальники, пенки, котелок и кружки, теплые вещи... Еще много всего, и Жужик, конечно, как главный охранник. Вот уж не знаю, что там наговорила мужу Маринка, но мы точно едем. («Вероник, все будет нормально, мама обещала посмотреть за Колькой, муж тоже согласен. Естественно, сказала не все, ты ж понимаешь... Собирай рюкзаки, с меня тушенка и два фонарика. И спальник возьму свой потихоньку. Жужу берешь? Поставим палатки в нашем укромном месте, хоть на природе побудем, погуляем по лесу... А-то лето уже прошло, а мы так никуда и не выбрались»). Как от такого отказаться?

У меня все готово. Рюкзаки (мой и Маринкин, она под шумок принесла) давно собраны.

Да и сколько нужно вещей и продуктов, чтобы провести на природе чуть больше суток? Немного, поэтому рюкзаки набиты не под завязку.

Я засуну пару ножей в потайной карман рюкзака, а Маринка возьмет перцовый баллончик. Хотя по нашим козьим тропам ходят одни туристы, как и мы, подстраховаться все равно не помешает.

Мы не углубимся в заповедник, поставим палатку на берегу Волги, или чуть выше, где идет срединная тропа.

Жигулевские горы — это не горы Кавказа. Так, небольшие холмики по сравнению с ними. Но какие же они красивые...

Все, мне больше не читается. Я начинаю радостно суетиться вокруг рюкзаков. Ага, несколько пакетиков чая забыла. Вот они, лежат на кухонном столе. Конечно, мы еще соберем трав и заварим в котелке незабываемый чаек...

А ножи нужно положить так, чтобы удобно было выхватить. Хорошо бы научиться ими пользоваться. Те обучающие видео по ножевому бою, которые я смотрела в интернете, не в счет. Маринка наотрез отказывается брать мужа с собой («Нет, Вероник. Пускай дома сидит. Отдохну от него. Хоть поболтаем нормально»), а мне и брать-то некого.

Эти места исхожены нами еще со студенчества, не потеряемся. Плюс Жужик. Я гляжу на растянувшегося на полу пса. Как набегается он там! И тут же недовольно хмурюсь: вот сейчас лежит на полу, а под утро перекидывается ко мне на кровать. Сто раз так было. Никак не могу приучить его к подстилке, иногда сама зову, и пес радостно прискакивает, шумно вздыхая, ложится рядышком и тыкается холодным носом в лицо. Вот позор, если кто-то из мужского пола останется ночевать, а это чудо решит тоже на кровати прилечь. Ну да ладно. До этого радостного момента еще дожить надо...

Привычный запах старого спортивного зала — смесь пыли, дерева, резины и чего-то родного и уютного — ударил в лицо Стасу, когда он отпер дверь и зашел в помещение. Скамьи вдоль стен, крашеные синей краской сами стены, деревянные полы, натянутая сетка для волейбола, подвешенные груши в углу — все как обычно.

Стас чуть улыбнулся и открыл ключом тренерскую.

Он привычно приходил минут за двадцать до занятия, чтобы парни не ждали его на улице, плюс спокойно подготовиться к тренировке. Железная дисциплина — залог успеха. Так было, есть и будет.

Стас переоделся в форму цвета хаки. Не военную, не старую. На тренировку специально купил новую, хоть и та, другая, пылилась в шкафу. Без лишних воспоминаний и привязанностей. Это только мешает идти вперед. Назад Стас старался не оглядываться — во всех смыслах.

После того, как он в последний раз вернулся с контракта, несколько знакомых ребят разыскали Стаса, предложив ему вести тренировки. Потом подтянулось еще несколько ребят, потом еще... С некоторыми земляками Стас познакомился в Дагестане и Чечне, некоторые раньше служили в ВДВ и спецназе и скучали по старым временам, некоторые сами были тренерами и преподавали детишкам рукопашный бой, карате, дзю-до.

Здесь же эти ребята просто «возились» друг с другом, занимались физухой, отрабатывали старенькие и новые приемы, оттачивали быстроту и точность ударов.

Стас, по большому счету, и не очень-то преподавал. Всю разминку он брал на себя, жесткую физуху лучше давал Димыч, бывший спецназовец, а ноу-хау в рукопашке —

Максим, страстный любитель всего нового. Сам Стас любил работу с предметам: палки, ножи, автоматы, камни и дальше что попадется, но даже он склонялся перед Михалычем, который мог сделать своим оружием любую вещичку, от шарфика до стула. В общем, было куда расти и к чему стремиться.

Кроме того, Стас отвечал за постоянность тренировок, общался с директором школы каждый месяц на предмет оплаты зала (за аренду собирались вскладчину и вечно хотели дать денег еще и Стасу, но он никогда не брал) и решал разные моменты среди ребят: от шашлыков на природе всем табором до снятия враждебности между парнями, которые чего-то не поделили, хотя бы на тех же шашлыках.

Быстро зашнуровав кроссовки и закончив таким образом с переодеванием, Стас открыл дверь маленькой подсобки и начал перетаскивать в зал ножи, палки и муляжи автоматов. За этим занятием его застал Андрей, молоденький крепыш лет двадцать двух. Стас улыбнулся в ответ и подал руку для пожатия. Этого мальчишку покойный командир Стаса, бравый вояка и мудрый человек, назвал бы любимчиком Бога. Таких иногда встречал в своей жизни Стас. Редко, но встречал. От парня веяло искренностью и добротой. Он не был ни наивен, ни глуп, просто такие рождаются с этим. Их оберегает жизнь, а если и бьет, то только чтобы сказать: «Любимчики Бога не растеряют света своей души».

Андрея не было недели три, не меньше. Он чуть изменился. Стас отметил загарчик и радостные глаза Андрея. Яркий курортный роман, поди. И все-то этим чудам Божьим удаётся!

А потом вдруг понял, что в рукопожатии было что-то не так. Он чуть скосил глаза на руку Андрея. Так и есть, на безымянном пальце поблескивало новенькое обручальное колечко.

— Можно поздравить, а? — голос Стаса был весел. Андрей чуть смутился, покраснел и опустил глаза.

— Да вот, Стас...Ничего вам не говорил до последнего. Знаешь ведь как...волнуешься, а вдруг...

— Андрюх, поздравляю, — Стас, крепко обняв Андрея, похлопал его по спине. Если бы это был кто-то другой, не Андрей, Стас не преминул бы и отпустить какую-нибудь пошлую шутку о бабах, и посмеяться над семейной жизнью, и ввернуть пару слов о бурном холостяцком прошлом. Но с этим малым он не мог сказать ничего подобного. И не потому, что они мало общались и не дружили — наоборот. Стас просто не мог, и все. С такими не шутят. Стас молчал и по-доброму улыбался.

— Стас, я так счастлив, знаешь... — немного застенчиво начал Андрей и все-таки, сбиваясь, продолжил. — Она такая...ее зовут Ольга...мы с ней долго встречались, она меня из армии ждала. Я копил деньги, никому не говорил, потом сделал предложение...и мы после свадьбы съездили на море...я уж не стал говорить вам все... — он вконец сконфузился. Стас продолжал тепло улыбаться, не дав тому совсем покраснеть.

— Я понимаю. И парни поймут. Женитьба — серьезное дело. Здесь мужества нужно больше иногда, чем на войне. Но с тебя, товарищ, проставление. За партизанство. Мы бы скинулись, поздравили...

— Ладно, Стас, зачем это... — начал было возмущаться Андрей, но Стас уверенно прервал его:

— Андрюх, мы потом поговорим. Давай иди переодевайся, времени мало осталось, сейчас ребята подтянутся, а я еще не все сделал.

— Сейчас переоденусь и помогу, — Андрей, привычный к немедленному исполнению приказов и понимающий тонкие намеки, уже уходил в раздевалку.

Стас не переставал улыбаться. Почему-то ему было так хорошо, когда он смотрел в счастливые щенячьи глаза Андрея. Как будто сейчас рассказали красивую сказку со счастливым концом и прочими радостными делами. Он оставался одиноко стоять в зале.

В раздевалке раздавались возгласы, смех; потихоньку ребята подтягивались, узнавали секрет Андрея, поздравляли, шутили... Стас стоял в пустом гулком зале и чувствовал, как ощущение счастья от сказки постепенно испаряется. Будто рассказали сказку смертельно больному ребенку, который на минутку забыл о своей болезни. Но вот очарование новизны иллюзии проходит, и он вновь погружается в бездну отчаяния...

Стасу никогда так не краснеть и не радоваться. Он и взрослее, и опытнее Андрея, и избитый жизнью поболее.

Стас тихо выругался и пошел в тренерскую, чтобы забрать муляжи пистолетов. Из раздевалки выглянул Андрей, но Стас махнул рукой: отдыхай, я сам.

Сейчас начнется тренировка. Прочь мысли о чертовых сказках. Стас попытался вспомнить что-нибудь жизнеутверждающее. На память пришла только неудачница, ее тотальное одиночество, глупая любовь к псу, а еще — надежда в глазах. Надежда на встречу и счастье.

Вот чего бойся и кого жалеяй.

Настроение Стаса улучшилось. Всегда приятно сравнить себя с тем, у кого в жизни все намного хуже, чем у тебя. Из-за своей глупости исключительно.

Физическая нагрузка выбьет всю оставшуюся дурь, которая началась недавно и причин которой Стас не понимал. Это странное беспокойство о себе, своей жизни. Попытки поиска смысла. Раньше все было просто и прекрасно в своей простоте: либо ты выживаешь, либо тебя готовы убить, и ты опять выживаешь. Или с бизнесом нелады, и ты решаешь проблемы, они наваливаются опять, и вновь что-то делаешь. Нелегко, интересно, захватывающе.

А теперь лишь странные-странные мысли о том, что делал раньше и что ждет в будущем. И еще опаснее мысль: а будет ли у тебя это будущее?

Ночи в августе становятся холодными, а если ты ставишь палатку у воды, без хорошего теплого спальника не обойтись. Мы специально заняли место чуть повыше берега Волги, но все равно холод с воды дошел и к нам. Ввиду этого я взяла Жужика в палатку, и пес согрел спину даже лучше, чем теплый спальник, которым поделилась с Маринкой, расстегнув молнию и превратив его в одеяло. Маринкин спальник — он немножко потоньше — подложили вниз, расстелив его поверх пенки. Таким образом, у нас получилась очень теплая постель. Мы всегда так делали, но веселее было в годы студенчества, когда не могли купить спальники из-за отсутствия денег, и мы таскали в походы тоненькие одеялки. Мерзли ночью, прижимались друг к дружке. Тогда нас было больше в палатках, но сейчас остальные переженились, повыходили замуж и бросили походы.

Я проснулась первой и прислушалась. Только щебет птиц.

— Жужик, ну вставай, — пробормотала я, пытаюсь выдернуть из-под пса уголок спальника. Бесполезно. Жужик, чуть приоткрыв глаза, скосил их на мое лицо и многозначительно вздохнул.

Проснувшаяся от звука моего голоса Маринка прыснула.

— Прямо как пожилой муж. Мол, чего это она болтает? Повезло тебе с собачкой,

Вероник.

— Ага, — беззлобно фыркнула я, — вредная псина.

И все-таки выдернула спальник из-под Жужика. Откинув одеяло, я чуть расстегнула молнию палатки и выглянула наружу.

— Здорово, — только эти слова пришли мне на ум, когда я увидела утренний лес в легкой дымке. Через зеленые кроны деревьев вниз на землю лились потоки утреннего света, робкие и нежные, вся маленькая полянка и часть леса, которые я увидела из палатки, были пронизаны этим светом. Сзади восхищенно присвистнула Маринка.

— Вставай давай, Маринка, хорош валяться! — я первая выбралась из палатки. Жужик выскочил за мной, сразу же вспомнив о своих утренних делах, и загарцевал к деревьям, находящимся чуть в удалении от нашего лагеря.

Я поглядела вниз, на Волгу. Синяя-синяя гладь воды, освещенная солнцем, по которой неспешно перекатываются волны. Огромная река не показывает своей внутренней работы, на поверхности она кажется спокойной и неспешно, с достоинством, несет свои воды к Каспийскому морю. Я столько раз ее видела. Видела, когда она бушует, серая и вздыбившаяся, во время сильных гроз и штормов, и никто не рискнет в это время провести по Волге маленькую моторку. Или в серый ненастный день — тогда она кажется такой же серой и ненастной. А если подгадать, то Волга может быть как зеркало — голубое и прозрачное — но нужно смотреть на нее в полный штиль и с определенного места, а если еще в это время очень ярко будет светить солнце, то...

— Вероника, хорош пялиться. Пес некормленный, завтрак не готов! — Маринка уже вовсю разжигает костер. Дрова, конечно, немного отсырели, но мы предусмотрительно прикрыли их на ночь, взяли хорошую жидкость для розжига и море газеток. Именно они сейчас пылают и подсушивают тонкие веточки, которые Маринка наложила сверху. Скоро занимаются и они, постепенно костер разгорается все сильнее.

Ставим на решетки — муж Маринки не поленился, сделал для походов удобные решеточки для костра по собственной инженерной мысли — котелок с гречневой крупой, рядышком — другой котелок, поменьше, для чая. Дежури́м у костра по очереди. Жужик давно вернулся с гуляний и вертит носом. Это потому, что Маринка уже открыла банку тушенки.

Походная каша с тушенкой, травяной чай с пряниками... Жужик свою порцию смахнул в два счета и лезет за добавкой.

— Ну ты просто нахал, — заявляет Маринка, но все же кладет большую ложку каши псу в его миску.

Вчера мы хорошо погуляли, облазили свои любимые места. Вопреки всем моим спреям, Жужик все же хватил клеща, но ему весной делали прививки, потому я не очень волновалась, выкручивая противное насекомое. Но все равно схожу к любимому ветеринару — тому самому, который поднял в прямом смысле Жужика на ноги — и спрошу совета.

Сегодня мы снимаемся и уезжаем. Когда-то мы могли жить в палаточных лагерях неделю, все были молоды, бедны и свободны. А теперь — другое. Мне завтра на работу (увы, отпуск уже заканчивается), а у Маринки маленький ребенок и муж, бросить которых надолго невозможно.

— Хоть человеком себя почувствовала, не поверишь, Вероник, — говорит Маринка, сворачивая пенки и спальники, пока я складываю палатку. — Вот живешь-живешь и не думаешь ни о чем. Бегаешь, как савраска, а жизнь... она одна и имеет свойство проходить.

Я киваю Маринке и хитро подмигиваю. Когда-то она тоже была учительницей, но ушла в декрет да так в школу и не вернулась. Скорее всего, ее ждет работа в банке: уж муж расстарается, чтобы любимая женушка больше и порога школы не переступила, если только в качестве родительницы, и подвинет кого надо в своем банке, и место найдет. А жаль.

Мы с Маринкой шли по узенькой тропке, извилистой лентой бегущей по склону невысокой горы, когда слышали гул. По Волге, разрезая синюю гладь, летел огромный белоснежный катер. С тропы мы смогли бы увидеть тех, кто находился на палубе катера. Для нас они были бы росточком чуть больше фигурок на свадебном торте.

Катер приближался.

Она была одна. В ярко-алом кимоно, верх которого эта женщина сжимала на груди, а полы его свободно реяли по ветру. Длинные черные волосы тоже трепал ветер. Она стояла без движения и, кажется, наслаждалась свободой и ветром в лицо.

С нашей высоты ее фигура была похожа на малюсенькие песочные часики. Ветер, развевающий кимоно, открывал длинные стройные ноги, и женщина казалась такой неземной...

Катер с умопомрачительной быстротой скрылся из вида, только волны от него еще долго били прибрежные камни и песок. А я вдруг осознала, что стою неподвижно на тропинке среди деревьев, ляжки рюкзака больно сдавливают плечи, по лицу течет пот, от него же промокла и одежда, а Жужик прилег прямо на дорожке.

— Чур меня, — мотнула головой Маринка, стряхивая такое же оцепенение, — пойдём, Вероник. Живут же люди...

Я не двигалась.

— Вероника-а, пойдём, — ласково повторила Марина.

— Да, — я наконец отошла от явления чуда народу, — пойдём. Жужик!

Пес послушно поднялся и побежал следом. Мы молчали.

— А мне здесь больше даже нравится, — невпопад заметила Маринка, — здесь лесом пахнет...

— И мы с тобой вместе, — улыбнулась я. Вместе. Удивительное слово.

— Точно! — подхватила Маринка, внимательно глядя под ноги, — А на этом катере простудиться в два счета. И тем более мы тоже с тобой сейчас идем к переправе...

— Вот сядем, и ветер так же задует в лицо...

— И будем смотреть на волны. Класс! — рассмеялась Маринка.

А я подумала в этот момент, что вид волшебной феи мог разбудить что-то давно забытое, и сердце ощутило бы, как оно сжимается от боли и обиды на свою судьбу...Ничего подобного. Время лечит и учит все принимать — или я меняюсь?

Поправив ляжки, я еще бодрее зашагала вперед. В рюкзаке лежало несколько маленьких камешков с Волги. Я их подарю пятиклашкам, которые у меня будут, скорее всего, на следующий год, чтобы они сделали объемные картинки по сказам Бажова. На картонках они нарисуют Хозяйку Медной горы, и им обязательно понадобятся мелкие камешки, чтобы изобразить полезные ископаемые. Конечно, девочки могут и бисер наклеить на картинку, и бусинки...Мы повесим их в коридоре и назовем выставку... как же мы ее назовем...

— Вероника, заходи давай ко мне в кабинет. Я уже вскипятила чайник. Заходи, не откладывай. Разговор есть...

Роза Андреевна — учитель математики, ее педагогический стаж около двадцати пяти лет. Своей военной выправкой и ироничным, чуть с хитринкой, взглядом всегда прищуренных голубоватых глаз, она вводит в ступор самых отпетых хулиганов школы. Здесь не только в глазах дело. На ее уроках всегда тишина: остренький язычок Розы Андреевны боятся и уважают во всех классах, в которых она ведет алгебру и геометрию. Это мудрый человек и справедливый учитель, искренне любящий свое дело и работающий в школе не из-за денег — хотя и из-за денег тоже. Она немного цинична и отстраненна, не питает иллюзий как относительно детей и их родителей, так и относительно Департамента образования.

Если Роза Андреевна так говорит, значит, случилось что-то важное. Пустыми фразами она не кидается. Минут через пять я, воровато озираясь, крадусь по пустынному коридору. Сейчас конец лета, детей в школе почти не видать, все учителя преспокойненько работают, каждый в своем классе. Разгружают шкафы от старых бумаг, проводят генеральную уборку своего класса, пишут календарно-тематические планирования или резвятся с разными пожеланиями Департамента образования, которые то и дело спускаются в школы в конце лета. Мне никто ничего не скажет, конечно, что я сейчас иду по коридору куда-либо, но с некоторыми товарищами встречаться раньше первого сентября не хочется.

Открываю дверь кабинета Розы Андреевны и вспоминаю с позором, что не захватила с собой ни конфет, ни чая.

— Садись уже, — Роза Андреевна подвигает к парте второй стул. — Что, рада?

Нет, не побегу за конфетами. Видно, разговор действительно серьезный.

— Чему? — настораживаюсь я.

Роза Андреевна пристально глядит на меня — и тут же улыбается.

— А-а, еще, значит, не осчастливили... Так тебе ж дают в нагрузку этот отморозенный пятый «А», — Роза Андреевна наливает мне в кружку кипятка и опускает туда пакетик с чаем. — Тут Нина Петровна с утра фестивалила на эту тему. Не хочу, говорит, этот класс, не нужен он мне. Так что именно тебе их учить читать вслух не по слогам...

— Но в прошлом году она же говорила, что берет два пятых? — недоверчиво спрашиваю я. Нина Петровна за копейку удавится. Этот «динозавр» (сорок лет педагогического стажа — это узнают все и сразу, как только начинают разговаривать с Ниной Петровной) оккупировал огромное количество часов русского и литературы в среднем и старшем звене и не очень-то собирается ими делиться ни со мной, более молодой коллегой, ни с совсем молоденькой, недавно из института, Юлией Дмитриевной, преподающей в нашей школе второй год.

— Вот утром только слышала, как она с этим к директорисе ходила. Старею, говорит, заберите класс...

Я саркастически ухмыляюсь. Нина Петровна либо становится совсем старушкой дряхлой, либо резко молодеет, в зависимости от того, какие цели преследует. Это гений интриги и мастер манипуляции. Дети ее или люто ненавидят, или обожают без памяти. Равнодушных к ней в нашей школе я еще не встречала.

Роза Андреевна улыбается мне в ответ, отпивает глоточек чая и продолжает:

— Нина Петровна делает, что хочет. Екатерина Львовна ведется на ее сладкие речи, а Петровна рада тебя нагрузить балластом. Вот и будешь преподавать у пятого «А» русский и литературу. Слышала я про этот класс: половина таблицы умножения не знают. Это к пятому-то классу! Ладно я его не беру в этом году, своих часов и классов куча...

— Это тот переходящий класс? — уточняю я. Пятыми классами и не интересовалась особо: они были обещаны Петровне еще весной, и мне до них не было дела, но кое-что слышала.

— Ага. Переходящий приз. Это у них четыре учительницы сменилось за четыре года младшей школы. Две декретницы, одна переехала...

— Но учителя были вроде бы неплохие? — не поняла я. Роза Андреевна махнула рукой.

— Вероник, ты о чем? Да учили их, не переживай. Там полкласса — дети пролетариев СССР. Есть сильные детки, есть брошенные родителями. Все, как обычно, ничего нового. А нет, не совсем обычно. Последней каплей для Петровны стал новенький, тот вообще из семьи сектантов...

— Мама дорогая...

— И ничего, приняли. Этим же утром. Думаешь, почему Нина Петровна вой подняла?

— Что, сектант стал последней каплей? — усмехнулась я, прихлебывая чай.

— А ты спокойна, как я погляжу... Не знаю, какой каплей, но этот класс машет тебе ручкой, приветствуя нового учителя по русскому языку. Скажи спасибо — не классного руководителя.

Я пожала плечами.

— Возьму. Не Юле же его брать, ей и так сложновато. Куда мне деваться.

Роза Андреевна кивнула.

— Конечно. Кому такое чудо еще достанется. Юлька молоденькая, не справится, а Петровна — наотрез.

— А почему именно сектант? Это точно? — поинтересовалась я.

— Да не различаю этих... Отец мальчика сказал, они — мормоны. Отец приходил один. Рассказывал о себе директрисе. Импозантный такой... Он вдовец, переехали откуда-то... Я же, получается, подслушивала. Не специально, конечно. Ксерокопировала в кабинете секретаря методичку, а там же слышимость хорошая, да и дверь Екатерина Львовна не закрывала. Потом ушла, поэтому не услышала, что да как. Минут через опять пришла ксерокопировать, а они дальше болтают. Чай, кофе, говорит, мальчишке нельзя...

— Почему нельзя? Аллергия?

— Да по вере не положено. Ой, мамочки, — сокрушенно покачала головой Роза Андреевна, — и чего только не придумают для себя люди...

— Лишь бы мальчишка был хорошим. А какую религию исповедуют его родители — дело десятое.

— А вот здесь не знаю, ничего тебе про это, Вероник, не скажу... Так я главного не сказала: Петровна тоже при разговоре присутствовала. Уж зачем забежала в кабинет? Не иначе переводить с русского на русский. После ухода отца взвилась так, что теперь класс автоматически твой. — Роза Андреевна подмигнула мне заговорщицки. — Вот здесь-то я от души пошпионила, каюсь. Но уж очень интересно было, что эта хитрюга задумала.

Я махнула рукой. Козни Нины Петровны стали мне давно неинтересны.

— Не махай рукой, Вероник. Иди, сходи к директрисе, узнай, что теперь...

Как и предсказывала Роза Андреевна, у меня случилось счастье. В количестве восьми часов в неделю и двадцати человек в классе. Говоря проще, пятый «А» теперь был моим с потрохами.

— Сложный класс, но вы справитесь, Вероника Васильевна, — дипломатично прокомментировала эту ситуацию Екатерина Львовна, — вы обязательно их подтяните. Класс очень неоднородный, со многими предметами проблемы...

Я кивнула и встала, тоже дипломатично показывая, что не хочу слушать сольное пение Сирены, потому что я не Одиссей, на меня эти песенки не действуют. И реальность они не подсластят. А реально вот что: я беру заведомо слабый класс, и следующие пять лет, если не уволюсь, все камни за него полетят в...кого бы вы думали? А у меня столько проблем с десятым, где я классный руководитель, им через год экзамены сдавать...

Хотя чего вредничаю?

— Они правда в четвертом классе по слогам читают? — напоследок задала я вопрос.

— Не все, но... — замаялась Екатерина Львовна. Конечно, она все знает. Мониторит ситуацию по каждому классу.

— И на том спасибо, — вежливо закончила я и вышла из кабинета директора.

Что можно резюмировать? Ответ прост: новый учебный год будет бурным. Только бы здоровье не подвело...

В выходные Стас решил уехать на дачу, или, если точнее, в загородный дом с приличным участком земли. Никакого огорода здесь не было, естественно. Только яблони, груши, сливы. Но урожая он почти не увидел: строители-таджики постарались.

Но беседку рядом с бассейном они отстроили Стасу на славу. Прораб уже неделю говорил ему о ней, но Стас никак не мог выбраться сюда. А теперь приехал с ночевкой. Ночевкой в одиночестве.

Небольшой двухэтажный деревянный дом с камином и витой лесенкой, деревянная банька недалеко от дома, сад, бассейн, а теперь и замечательная беседка с каменной печью. А земли еще много. Что бы еще придумать? Конечно, так шикавать, как шикавали некоторые его криминальные знакомые, он не мог, но еще что-нибудь придумать интересное — да запросто.

Стас перетащил пакеты с продуктами и вещами в дом, свалил на столе в гостиной, а потом присел на крыльчке, жадно вдыхая такой непривычный загородный воздух. Солнце припекало его непокрытую голову. Последние деньки лета. Сейчас он затопит баньку...

Стас не стал торопиться носить из колодца воду в баню, растапливать печь. Подождет. Задумчивым взглядом окинул сад.

Он приехал сюда, чтобы побыть одному и спокойно подумать. Внутреннее чутье Стаса, не раз спасавшее его жизнь в череде военных передраг и проблем бизнеса, за которое и получил прозвище Счастливчик, уже скулило, завывало, кричало в полный голос. А Стас не понимал, в чем подвох. Что он не так делает?

Он столько лет честно постигал азы бизнеса, где-то учился на своих ошибках, где-то делился с нужными людьми, где-то договаривался с авторитетами. И вот теперь, когда сбылось многое, когда ты достиг определенного благосостояния и на тебя работают надежные люди, почему бы не радоваться жизни?

Он отстроил этот дом (не сам, разумеется, на заработанные методом проб и ошибок деньги), несколько деревьев посажено его рукой. А-а...ну да, остается сын.

Алиса. Стас чуть не рассмеялся вслух. Он не представлял такую женщину матерью и не доверял ей.

Значит, нужно искать. Почему-то Стасу не хотелось делать этого. Искать, знакомиться, улыбаться этой прекрасной, очаровывать... не было сил. Не было желания. Он разучился.

Следовательно, пока без сына. Да и не в сыне дело.

Что-то нехорошее, тяжелое, продолжало захлестывать душу Стаса, грозило нарушить железные принципы и строгую дисциплину. Но этому чужому и неизвестному чувству пока не сладить со Стасом.

Стас легким движением поднялся с крыльца, зашел в дом за топором и отправился колоть дрова для бани. Бани для одного.

Вдалеке слышался радостный визг детей, разговоры соседей. Смутно, почти неразличимо. Листья шелестели на ветру, ветки деревьев чуть покачивались...

А лето заканчивалось, и это была данность.

Стас, без рубашки, спокойно и методично колот дрова. Он переночует здесь, после бани выпьет кваса; пиво вряд ли он станет пить один. Вечером погреемся у камина. Что еще? Телевизор, пожалуй...

Да, вечером можно посмотреть и телевизор.

Стас наслаждался одиночеством. Ему никто не был нужен.

Сегодня я бегаю в одиночестве. Не скажу, что это меня печалит, но со спортсменом спокойнее как-то. Роднее и привычнее, чего уж там.

Два года назад я решила круто изменить свою жизнь и вышла, сонная, на свою первую в жизни пробежку в этом вот стареньком спортивном костюмчике, и вдруг увидела Его...

Дальше могла бы быть сказка. Наши глаза встретились, и он понял, что я — его большая любовь, вопреки тому, что я вовсе не красавица и все прочее...

А могла бы сказка не случиться. Вот она и не случилась. Не все в жизни сказки, правда?

Но и суровая реальность меня устраивает.

Жужик весело бежит рядом, а я пытаюсь вспомнить, все ли готово для Первого сентября.

Новый пятый класс. Устаю от малышей. Люблю работать со взрослыми детьми, говорить с ними о Чехове, Толстом, Достоевском. Но все же пятиклашки такие смешные и милые. Настоящие ангелочки. Жаль, что многие в процессе взросления изменятся, станут более жесткими и закрытыми, и к их душам не достучишься даже с помощью героев русской классики.

И все же я рада. За два месяца отпуска соскучилась по общению, такому привычному в учебное время.

Мой бег становится легким, совсем как у спортсмена. Значит, не зря я бегаю, стараюсь на танцах и на аэробике.

Погоди, спортсмен, я еще буду бегать легко и уверенно, как бегаешь ты, мы с Жужиком догоним и перегоним тебя — обязательно!

С Катей мы договорились встретиться в три в итальянском ресторанчике.

— Цветешь и пахнешь, Вероничка, — и это говорит мне Катя, стройная загорелая блондинка в хорошеньком цветастом сарафане и обалденными нарощенными ногтями. Говорит это серому воробышку без загара, без ногтей, без сарафана и золотых волос.

Раньше Катя тоже была учителем, работала в моей школе. Продержалась ровно год.

Потом ушла в туристический бизнес, посетила много стран, как-то смогла познакомиться с очень состоятельным папиком... Она добра и непосредственна. Подозреваю, в моем обществе ей очень приятно чувствовать себя успешной.

— Выбирай, что хочешь. Сегодня мы с тобой шикуюем! — весело щебечет Катя и роется в сумке. — Вот, кстати, тебе сувенирчик. Наборчик из Таиланда. Мыло, гель и массажное масло...о-о... массаж делать...ну, найдешь кому! — хихикает Катя, а я усиленно размышляю, кому бы сделать массаж в ближайший год. Жужику, что ли?

Катя своим шестым чувством и проницательностью, которые ей позволили подняться от простой учительницы до небес, замечает мою задумчивую мину.

— Неужели до сих пор нет? Вероника-а...

— Да где я его найду? Этого самого, единственного?

— А можно и не единственного, — не упускает случая подколоть меня Катя. — Интернет, вечера встречи в кафешках...ну, я не знаю...в фитнес сходи, там в тренажерках мужики накачанные.

Я громко вздыхаю. Катя показывает идеально белые зубки. Раньше у нее не было таких, но папик любит белозубых.

— А-а...я же и забыла, вы же филологи. Кого желаете, красавица? Андрея Болконского али Пьера Безухова? А Родя Раскольников не подойдет?

— Да знаю я эти сайты знакомств, Кать, зарегистрирована. Конечно, поищу на днях...

— Ты мне в прошлый раз обещала сделать это. Гляжу, Вероник, тебя совсем мужики не интересуют? Открой секрет, а? В чем дело? Из-за мужа до сих пор плачешься? Ой, перестань. Не Джеймс Бонд он был!

Я затаиваюсь и молчу. Постепенно Катя, еще порядком помурьжив моего бывшего мужа, начинает рассказывать о себе. Италия и Таиланд с папиком; папик посмотрелся немецких фильмов для взрослых и стал тяготеть к оральному сексу, но это ничего, главное, чтобы ничего похуже; Катя устала уже в турфирме: клиенты стремные, девки, работающие с Катей, тупые, кофемашина в офисе ломается...

Мы заказываем пиццу, вино, салаты и еще много чего, вспоминаем филологическую юность. Я клятвенно заверяю Катю, что найду себе кого-нибудь, а опьяневшая Катя решает поспрашивать у папика о его свободных знакомых.

— Или тех, кто любовницу ищет. А что? Они тоже подойдут. Подкрасим, оденем, фигурка у тебя нормальная — все бегаешь? — сделаем из тебя человека...

Это меня ужасно коробит.

— А сейчас я кто? Не человек, да?

— Вероничка-а, — затягивает в раскаянье Катя, — я же не о том. Нельзя так жить, девочка. Нель-зя!!!

— Тише, Кать, мы в публичном месте, — я верчу головой по сторонам, киваю

официанту и говорю одними губами: «Счет!». Официант кивает мне в ответ и, бросив взгляд на Катю, уходит.

Всегда настает время, когда нужно уходить. И уйти нужно вовремя.

Я почти не пью, когда встречаюсь с Катей: две пьяные училки — одна нынешняя, другая — бывшая — это все же страшно. Напиться и декламировать матерные стихи Есенина? Нет ничего проще и естественней.

Дверь ресторанчика открывается, и я вижу старого знакомого с великолепной длинноволосой моделью. У меня перехватывает дыхание от этой утонченной красоты (девушка действительно редкостная красотка), а червячок зависти очень быстро превращается в откормленного поросенка.

Длинные русые волосы, изысканные черты лица, смуглая кожа и — так неожиданно! — прозрачные голубые глаза, посверкивающие как... как же этот камень называется?

Я прямо завидую моему знакомому. Он сегодня особенно хорош, но в спортивном костюме, серьезный и целеустремленный, спортсмен нравится мне больше, чем сейчас. Вот он без суеты, спокойно и чуть по-хозяйски отодвигает стул, вот по-хозяйски усаживает девушку, садится напротив, накрывает ее узкую кисть своей большой и сильной ладонью...

Я понимаю, что открыто и недостойно пялюсь на прекрасную чету, и прекращаю игру в гляделки. Ну почему бы этому товарищу не повести свою принцессу в суши-бар?

Катя замечает мою рассеянность, аккуратно, насколько позволяют градусы, поворачивается...

— О-о-о, — долго тянет Катя, — Вероника Васильевна... вот даж не пялься. Не нашегс это поля ягода. Он таких, как ты, в упор не видит. Фейс-контроль и дресс-код не проходишь. Вообще, дорогая, никак... Шанс из одной тысячи... миллионов. Ты смотри, какая цаца.

— Я и не смотрела. Просто видела несколько раз мужчину. Он где-то около меня живет.

— Яс-сно, — цедит Катя, — ток это... ну ниче не меняет...

Я понимаю, что давно пора и честь знать. Набираю номер такси. Вот незадача. Чтобы Катю посадить в машину, ждать еще минут пятнадцать. И эти пятнадцать минут наблюдать чужое счастье.

Катя вновь начинает рассказывать о вредном папике, а мне приходится работать на два фронта: и Катю слушать, и за парочкой приглядывать. Счет давно принесен, но такси подъехать пока не желало.

Странные отношения у этой парочки. Девушка точно себе цену знает и себя любит. Спортсмен тоже какой-то странный. Нет, он, конечно, и ласково держал девушку за руку, и улыбался, но в этом не было искренности настоящей любви. Не было ни порыва, ни ровного яркого огня...

Какими бы ни были их отношения, я просто счастлива, что таких отношений у меня нет. «Уж лучше голодай, чем что попало ешь, — говорил незабвенный Омар Хайам, — и лучше будь один, чем вместе с кем попало».

А я мечтаю о любви. Вопреки всему, искренне считаю, что без многого в отношениях человек обойдется, но вот без искренней любви...

И все же свиноподобный червяк глодал мою душу изнутри. Самые красивые и состоятельные — а иногда просто состоятельные — мужчины хотят тебя, купают в бриллиантах. Нет, даже не так... самые желанные мужчины обязательно обратят внимание на тебя, и никаких комплексов и сломанных жизней... Но кое-что смущало меня в этих размышлениях. Что-то я того... не так думаю.

Мою бессмертную душу спасло от полного падения в океан зависти смс о том, что такси прибыло. Я подхватываю пьянущую Катю, и мы, почти сохраняя достоинство, выходим из ресторанчика. Прекрасный спортсмен улыбается своей модели — эту картину я вижу последней, стоя в дверях и чуть повернув голову в сторону парочки. Потом дверь за нами с Катей закрывается.

Отрадно то, что спортсмен очень увлечен своей барышней. Здесь нет ничего особенного ни в том, что он не заметил меня, ни в том, что заметил бы и узнал. Кто я ему? И вспомнит ли? И все же хорошо, что не видел. От его насмешливого и немного жалостливого взгляда в самом начале моей карьеры бегуни я краснела, как помидор. Потом то ли я привыкла к этому взгляду и не замечала, то ли он потерял интерес. Не смотрела никогда на него особо... так, иногда...

А если бы спортсмен заметил мои настырные подглядывания... вот тогда совсем нехорошо. Я бы не покраснела. Я позеленела бы сразу... А я уже взрослая дама, и зеленеть мне вовсе не к лицу.

Милая неудачница! Такое беззастенчивое разглядывание прямо умилило Стаса.

Наблюдая за мадам краем глаза, Стас и виду не подал, что заметил ее. Тренировки периферического зрения были у него всегда в приоритете, наряду со многими другими нужными умениями.

С неослабевающим вниманием слушая Алису, кивая там, где нужно кивать, Стас думал о своем. Интересно, а неудачница замечает, что проигрывает в десять тысяч раз своей подружке, хорошенькой загорелой блондинке? Знает, наверно. Но ее это особо не волнует. Воистину, мир делится на стерв и неудачниц. Ну и промежуточных особей этих двух характеров.

Алиса была стервой. Красивой стервой, прекрасно знавшей о своей красоте и очень умело ее использующей. Они познакомились на одном из вечеров у приятеля Стаса, очень влиятельного человечка. Там много было высоких и длинноногих. Иначе где таких сногсшибательных найти? На дороге такие не валяются, в шесть утра не бегают... Уведут такую красоту — глазом не моргнешь.

Тем временем дамы — неудачница и блондинка — уходят. Блондинка покачивается, а мадам трезва, как стеклышко. Стас и не сомневался — облика морале. Подпоил бы тебя кто, прости Господи...

Алиса оборачивается и оценивающе смотрит на двух женщин. Стас знает, что достанется всем, даже блондинке. Молодая амбициозная моделька и здесь не пропустит случая порекламирровать себя.

— Старые ошипанные курицы. Одна еще ничего, в суп годится, другая вообще...

Стас даже не спрашивает, какая из «куриц» хуже.

Он давно привык к злomu язычку Алисы по отношению к другим женщинам. В том кругу, где она вращается, по-другому и не бывает. А вот он еще не смог полностью скинуть старую кожу и мыслить как его знакомые бизнесмены и иже с ними, чуть свысока смотреть на обычных, ничем не примечательных людей.

И чего ты, Алиса, выпендриваешься? Красота — твоя работа. А в той профессии, что выбрала неудачница, красота, видимо, особо не ценится...

Но вслух Стас не сказал ни слова. Улыбнулся и заказал Алисе ее любимого мороженого. Зачем ссориться с такой потрясающей девочкой?

Все привычные дела по дому я уже сделала: перемыла посуду, протерла полы. Сколько может приносить грязи в свой дом одинокая женщина, без мужа и детей? Мало — если у нее нет пса. Жужик старается и за одного, и за других.

Сегодня я раскрыла Библию не так, как обычно, по закладочке. Раскрыла и закрыла. Что со мной? Неужели встреча в ресторанчике что-то для меня значит? О чем заставила задуматься?

О моей неказистой жизни, конечно. И о бренности существования.

Когда — то я была вовсе не одинока. Я так искренне считала. А потом, увидев мужа в объятиях моей подружки, оставила все мысли о крепкой семье.

Сейчас они, кажется, даже поженились. И, думаю, не стоит упоминания тот факт, что подружек у новоиспеченной жены уже нет.

Не знаю, что печальнее: быть одинокой, как я, или быть рядом с любимым и знать, что у подружки его отбила. Впрочем, многие не мучаются, разрушая чужое счастье. Значит, не так уж оно и было прочно, треснуло где-то, показало тоненькие швы, за которые схватись — вмиг разойдутся...

Книгу я отложила. Стоит ли читать, если в твоей душе нет радости?

И даже чай пить не стала. Зеленый, с жасмином, дорогуший сорт, непозволительная роскошь для скромной учительницы.

Отложила Библию и сделала то, что всегда запрещала делать себе в последние годы: впала в уныние, задумавшись о своей жизни.

Что мне не хватает? Я бодра и относительно здорова, поэтому могу позволить себе почти каждодневные пробежки. Хожу на тренировки в фитнес-клуб. У меня есть постоянная работа и множество подработок, помогающих мне жить мало-мальски достойно. Есть и благодарные ученики, такие же родители. Я предоставлена самой себе в однокомнатной квартире (ремонт сама делала) и веселым псом (настоящий друг). Но, кажется, что смысла в жизни у меня сейчас нет. А в чем для меня смысл?

Кроме всего прочего, хотелось бы семью и детей, как и любой другой женщине. Семьи пока не вышло, детей — тоже.

Но равнять себя с другими — бесполезное занятие. Этот смысл у каждого человека свой...

Вот какой, например, смысл жизни у того накачанного волевого красавца, с которым я часто встречаюсь по утрам на пробежке? Спортивный костюм очень идет ему, у него решительное лицо человека, привыкшего командовать, и бежит он легко и свободно...

Раньше я думала, что он действительно спортсмен, но позже разглядела холод в глазах и что-то такое в лице, что заставляет тебя сразу понять: это — опасный человек. И сразу решила, что он — военный.

У него нет кольца (сколько раз я пыталась поглядеть незаметно на его руки!). Но отсутствие кольца ничего не значит. По холоду в глазах поняла, что этот человек в знакомствах не нуждается. У него уже все есть... и не про вашу честь.

И все же, зачем он живет? Смысл его жизни?

Иногда я вижу его вечерами. Он всегда один. Легко садится в свой джип, легко уезжает куда-то. Мы живем в соседних домах (соседних, но не одинаковых, и моя скромная квартирка вряд ли сравнится с его), бегаем уже несколько лет, а не сказали друг другу ни слова — никогда. Даже не поздоровались — никогда.

Это странно, наверное. Люди привыкают друг к другу, почему бы и не поздороваться...

Мы живем в своих мирках и ничего не замечаем вокруг себя. Ни боли, ни печали... Я чуть не рассмеялась вслух. Какая боль, какая печаль? Вы о чем? Учительница литературы соскучилась по урокам, вот и ищет в жизни случайного прохожего идею и конфликт. А нет этого. Человек успешный, и жизнью наслаждается. А если что и есть, не твоего ума дело, Вероника.

Чай полностью остыл. Жужик разлегся под столом, толстеньким брюшком вверх, и иногда тихонько всхрапывал. Часы показывали время «пи»: уже нужно быть в постели и засыпать, чтобы утром спозаранку вставать на пробежку.

Меня как пелена накрыла печаль. Не пойду я завтра бегать. Пускай там один, успешный и благополучный, бегает по дорожкам. На его фоне я с Жужиком смотрюсь глупо, плохо, смешно... Одинокая баба с собакой. Он и смеется надо мной, наверно.

Я все-таки налила себе чая и мужественно выпила. Мудрые говорили о ритуалах и их благотворных воздействиях на человека. Чай выпит, и хотя бы одна страница Библии будет прочитана. Каждый день — маленький шаг вперед. Не тому ли Ты нас учил?

Сегодня мадам халтурит? Ну-ну.

Стас бежит в своем любимом темпе. Все системы работают нормально. Скоро суббота — отмечаем свадьбу Андрея. Нужно взять вина и коньяка, ребята привезут шашлык и все остальное...

А, вон она. Сегодня мадам выглядит ужасно. Бледная какая-то. Садится на скамейку и спускает Тузика с поводка. Как его... Жужика. Пес кружит около кустов с цветами, но сделать дела не решается... ан нет. Решился. Правильно. Что взять с хозяйки? Сидит себе на лавочке.

Стас замедлил темп. Вернее, пошел шагом, что редко случалось с ним на пробежках. Нет, с неудачницей совсем не то, что нужно. Стас никогда не бросал своих в трудной ситуации, за это его любили на контрактах, за это его не раз ранило... дурацкая привычка. Но он никак от нее не мог избавиться.

Подойти и спросить? А не сделает ли еще хуже?

Пока Стас размышлял, бодрым шагом проходя мимо мадам, та повернула голову и посмотрела на него. Неодобрительно, как показалось Стасу. А потом неудачница поднялась со скамейки и повернулась к Стасу спиной. Даже собаку свою звать не стала — пес просто побежал следом за ней. Мадам подошла к подъезду, открыла дверь и, пропустив вперед собаку, зашла сама.

Вот не везет этой мадам! Мало того, что с жизнью проблемы, так еще и с головушкой. В принципе, одно другому не мешает.

Бледное лицо неудачницы сказала Стасу о многом. Что нужно было не тормозить и предложить помощь. Но эта неудачница еще и гордячка, к тому же. Вот не свезло ей по полной.

Но теперь Стас знал, где живет мадам, хотя бы приблизительно. Он и раньше догадывался, но сейчас уже точно запомнил подъезд. Вряд ли мадам стала бы шифроваться и прятаться от него по подъездам.

Если что, он быстренько найдет ее.

Какое-то чувство неприятно кольнуло Стаса. К чему эта забота? Не иначе, он становится сентиментальным. Скоро станет подбирать с улицы собак и кошечек, как и эта звезда.

Печально, печально...

Я закрываю на замок все свои мечты и радости. Первое сентября прошло, выходные пролетели, а это значит, что впереди еще один год тихого и беспросветного пребывания в школе. Седьмой год моей работы... Что сказать?

Счастья не предвидится, прекрасного принца — тоже, и хеппи-энд в конце видится мне смутно. Но у меня есть огромная любовь в душе, которая дает мне силы каждый день улыбаться миру, вопреки всем разумным объяснениям, и еще те, о ком я могу заботиться, любить, учить...

Короче, объясняю для непонятливых: нет у меня ничего. Ничего такого, чем я могу похвастаться или вскользь упомянуть в разговоре. Ни-че-го. Ни денег, ни карьеры, ни семьи, ни удачливости... Господу видней.

Дни бегут за днями, я по-прежнему бегаю по утрам, но к ноябрю перестану. До мая. По моему, спортсмен бегают и зимой, но я не уверена. В зимние месяцы подольше нежусь в постели, и с Жужиком выхожу чуть позже.

А сейчас спортсмен все так же бегают с тяжелым (кирпичи кладет?) рюкзаком за плечами. Его серые глаза холодны, как небо перед грозой, но иногда он кивает мне на бегу. За этот кивок я бы отдала полцарства. Жаль, случается это редко, и не угадаешь, в чем причина. Но мне, по большому счету, плевать.

Жизнь идет своим чередом, но каждый летний вечер я читаю добрые мудрые книги, показавшие путь стольким душам задолго до моего рождения...

Ты забрал у меня многое. Ты подарил мне болезни и печали, страх и бесполезное позднее раскаяние. Ты помог не забыть о том, что все призрачно в этом мире. Ты освободил мое сердце от привязанностей. Ты заставил ощутить на своей шкуре горечь предательства и боль одиночества, и второе стало страшнее, чем первое. Ты отнял у меня надежду... Впрочем, надежду я сама у себя отняла.

Да святится Имя Твое.

*Кто не верил в дурные пророчества,
В снег не лег ни на миг отдохнуть,
Тем наградою за одиночество
Должен встретиться кто-нибудь.*

В. Высоцкий.

Сегодня я не смогла заснуть от боли.

Жужик спит, похрюкивая и вздыхая во сне, в комнате слышно лишь его сопение да тиканье часов рядом с кроватью. О Боже, Боже, почто ты меня оставил?

Боль разверзается черной бездной, я мечусь по кровати, пытаюсь найти положение, где болеть будет чуть меньше, и прекрасно знаю: все это смешно и бесполезно.

Если язва откроется, то совсем нехорошо. И у меня, как назло, нет таблеток. Думала, что вылечилась, что не будет пока, что не нужны таблетки? Идиотка.

Доползаю до кухни и варю себе овсянку, смолотую в порошок, заготовленную так, на всякий случай. Куда я пойду за таблетками? Середина ночи. А тревожить ту же Маринку среди ночи не очень хочется. Или уже нужно? Я прислушиваюсь к себе. Болит ужасно. Но — еще терпимо. Подождем до утра.

Главное, чтобы не стало хуже, потому что если хуже — это точно скорая. От мысли, что со мной может что-то случиться там, в больнице, а Жужик останется здесь запертым в квартире неизвестно на сколько дней, меня прошибает холодный пот. Нет, подождем до утра.

Что может быть страшнее одиночества? Только одиночество боли.

Я сижу на кухне, глотаю слезы пополам с овсянкой и смотрю на занимающийся рассвет. Жужик что-то почувствовал: пришел на кухню, грузно брякнулся на пол, вздохнул и закрыл глаза. Полное-полное одиночество. И все же — с ним теплее.

Овсянка не помогает. Наивная... веришь в чудеса, девочка? А нету чудес.

Ползу обратно в кровать. И что могло спровоцировать приступ? Сейчас не конец года, у меня в этом году нет выпускных классов, и нет проверки на вшивость в лице вышестоящих товарищей типа директора и этих самых с министерства.

Ибо не ведаешь ни дня, ни часа. И я не пионер, который всегда готов. Снять боль нечем. Да и нужно ли, если я пока могу ее терпеть?

Чтобы душа оживала, нужно пройти через боль. Это я поняла, читая Новый Завет по второму разу. И уходить от боли не следует — найдет и задавит. Мне ли не знать...

Смешную я, наверное, представляю собой картину для стороннего наблюдателя. Загибающаяся от боли женщина, переживающая о своей собачке... Если со мной что, ты позаботишься о ней, Отче?

А что мне остается? Только плакать и посылать мольбы в сереющую полутьму. И терпеть до утра.

Наступает рассвет. Сегодня я не бегаю, благополучный красавец, извини. Да ты и не заметишь.

На исходе ночи, слушая щебетание птиц за окном, совершенно измучившись от боли, я

внезапно понимаю, что со мной из всего в мире, что есть, остается в боли только Бог. Слезы струятся по лицу, я уже успела и проклясть все, и малодушно попросить исцеления. А за какие заслуги, спрашивается? За красивые глаза, не иначе.

Рассвет все ярче, встает солнце, и я ненадолго забываюсь беспокойным сном, совершенно обессилив, бормоча: «Благодарю за все...».

Я не безумна и особо не религиозна, чтение Нового Завета для того, чтобы разобраться в себе — не в счет. Просто мне уже ничего не остается перед жерновами боли. Либо плакать и проклинать, и жалеть себя, и надеяться на что-то, либо — благодарить. И вообще ни на что не рассчитывать. Конечно, можно и скорую, как третий вариант, но я терпеливо жду утра. Чувствую, что дотерплю. Оставлю Жужика в надежных руках, позвоню в школу и сообщу о болезни. А потом — в больничку.

Выбираю, как и давным-давно, благодарность. Не потому, что я шибко умная. От благодарности делается светло на душе. Эта маленькая крупинка на весах боли незаметна, но она становится бесконечной — в сердце.

Это что такое? Опять неудачнице фигово? Нет, ей еще хуже. Ну тридцать три несчастья, не иначе. Сколько же уже можно болеть? Говорят, болезни — по грехам. Сколько же она грешила, мама дорогая!

Опять сидит, нахохлившись, как больная птичка, на ветке. Даже хваленная всеми сдержанность Стаса сейчас не выдержит. Еще немного — и он подойдет и вызовет ей скорую.

А нормальная медицинская помощь этой мадам более чем необходима. Стас уже повидал таких товарищей: лица бледные, как бумага, еле дышат, за живот держатся, испарина на лбу, учащенное сердцебиение от боли... В армии даже самый несчастный сержантишка не пошлет такого солдата никуда, кроме лазарета.

Тузик все свои дела уже сделал, стоит, поскуливая, рядом с мадам. А она даже на пса любимого не смотрит. То есть смотреть не может. Ай-яй-яй! Дело совсем плохо.

Стас наблюдал за мадам уже достаточно давно, стоя за разросшимися кустами недалеко от ее подъезда. Он чуть позже сегодня вышел на пробежку, и разогнаться не успел. Остановился, увидев скрюченную фигуру на лавочке.

Но той, даже если бы он и рядом стоял, было все равно.

Пес настроился на долгое ожидание. Повиливая чуть хвостом, стал заглядывать в глаза хозяйки своими преданными глазами, по-всякому вертел мордой, пару раз даже лизнул лицо. Опять заскулил. Мадам с трудом вздохнула и издала какой-то приглушенный звук, похожий на стон.

Все, баста. Пора оказывать первую медицинскую и узнать, что там творится.

Стас не спеша подошел к неудачнице. Не спеша — чтобы пес смог привыкнуть. Жужик покосился на Стаса, но особой нерасположенности не проявил.

— Девушка, вам плохо? Может, скорую вызвать...

Неудачница медленно подняла голову и посмотрела на Стаса. Стас впервые видел ее глаза так близко. К чуть пухловатым щечкам и курносому носу уже давно привык, но в глаза как-то не заглядывал. А глаза были действительно красивые: большие, голубого цвета, опущенные длинными густыми ресницами. И страдание, отражавшееся сейчас в них, как ни странно, еще больше украшало эти глаза. Стас бы даже сказал, что страдание им шло, как и всему лицу неудачницы. Оно, озаренное отсветом боли, становилось загадочным и

трогательным...

Все это в одну секунду промелькнуло в голове у Стаса. И в следующую секунду он уже смеялся над этой глупой романтикой, которая ударила ему в голову.

— Мой... пес... — выдавила из себя неудачница, покосившись на собаку, — мне стало плохо... живот...

Стас отбросил всю официальность.

— Скажи, какая квартира, помогу. Доведу или донесу, как получится. Там есть, кто тебе поможет? Муж, мама с папой, родственники?

Неудачница мотнула головой. Ну, Стас так и думал.

Псина начала ходить вокруг хозяйки, поскуливая и пытаясь поставить передние лапы ей на колени. Стас рявкнул на нее, жестко и быстро прервав песьи переживания. Пес порычал немного, но уселся рядом и вроде бы затих.

Стас соображал, чем он может помочь. Отвести мадам и чертову псину домой — раз. Дать ей таблетки, если у нее имеются, и вызвать скорую — два. Нет, лучше сразу скорую, не рисковать с таблетками, да и времени нянчиться с неудачницей у Стаса не было.

Он присел на корточки снова заглянул в голубые глаза неудачницы. Когда он заговорил, его голос прозвучал тепло и дружелюбно:

— Девушка, я вас вижу не первый год. Давайте помогу дойти до дома, если можете. Если нет, вызовем скорую так, согласны?

— Я дойду, — скривившись от боли, произнесла неудачница. И никуда не дошла, естественно.

— Болезнь свою знаете? — по странному спокойствию мадам Стас понял, что этот вопрос для нее актуален.

— Знаю, — поморщилась неудачница, — возможно, язва...но, может, и не совсем все плохо.

— Понятно. Сидите уже, я в скорую звоню, — Стас снял с себя рюкзак и, бросив его прямо на тротуар, вытащил сотовый.

— А мой пес... — выдохнула неудачница, и Стасу захотелось взять ее за плечи и хорошенько потрясти. Он еле сдержался.

— Все будет хорошо, — он бросил взгляд на собаку. Пес что-то почуял и испуганно взирал то на хозяйку, то на Стаса. Трус.

Стас отошел от этой полоумной: вдруг ради собаки от скорой откажется? Эта может. Спокойно и четко обрисовал ситуацию диспетчеру скорой помощи. Закончив разговор, Стас подошел к неудачнице снова.

Та бледнела, серела, но изо всех сил терпела боль. Молча.

Ничего удивительного, Стас и не таких терпеливых видел. Терпеливых до жути, на грани потери сознания. Но это было во время военных действий, у храбрых парней, а эта чего себя до такого доводит? Почему она раньше здоровьем не озадачивалась? Профилактику там, таблетки...

А мадам все плохело. Стас видел, как сжимает неудачница зубы, как мутнеют ее глаза и размышлял, не поторопить ли ему скорую еще одним звонком. Хотя как торопить? Бесполезно. Диспетчеры, как и он, вряд ли что-то могут сделать, если машины застряли где-то на многочисленных вызовах.

— Потерпите, девушка, — ласково сказал Стас, — еще немножко, и они приедут.

Неудачница не ответила, чуть головой шевельнула.

Но мадам крупно повезло. Минуты через две Стас увидел долгожданную скорую, заворачивающую к дому. Пес резко встал и забегал, поводок свободно волочился за ним. Стас поймал поводок. Убрать его надо отсюда, и срочно.

— Все, девушка, скорая едет, — Стас осторожно коснулся плеча неудачницы. Мутные глаза ее чуть прояснились. — Сейчас вас отвезут в больницу, подлечат...

— Жужик, — прошелестела эта ненормальная, косясь на конец поводка в руке Стаса, — его нужно...

Стас проклял все на свете.

— Я посмотрю за ним, не переживайте.

А что он мог пообещать женщине почти в полуобморочном состоянии? Только это.

И пошел навстречу машине скорой помощи.

Я совсем не умею быть благодарной.

Мне казалось, ты меня совсем покинул там, на скамейке, в шесть утра, когда я вышла гулять с Жужиком и поняла, что больше мне не сделать ни шагу... Думала, что от боли умру не сходя с места. Впрочем, что значит — покинул? Захотел прибрать меня к себе. Все, Вероника. Закончилось твое негодное существование, хватит уже ныть под голубым небом...

Я уже приготовилась, если это можно так назвать. Мысленно простилась со всеми, обратилась со словами благодарности ко Вселенной, попросила не оставить Жужика и моих родителей, которые далеко-далеко.

А что? Крикнуть я не смогла бы, только простонать, да и вряд ли кто бы услышал. А боль была такая, что я почувствовала себя где-то на границе своего сознания и небытия. Надеяться на спасение? Бросьте. Конечно же, надеялась. Но готовилась к худшему.

Потерять сознание на лавочке — это еще полбеды. Но в шесть утра...

Может, мне повезло бы, я провалялась недолго, меня бы нашли соседи, и все было бы благополучно — этого я уже никогда не узнаю.

Меня спас прекрасный принц, который и не вызывался быть принцем, и выгода его от моего спасения (читай — взять взрослую собаку к себе) была весьма сомнительна. Я подозревала, что ты большой шутник, Отче, но такого черного юмора не предвидела.

Спортсмен подошел ко мне и спросил с участием: «Девушка, вам плохо?». Этот человек не остался равнодушным. Как и любой другой воспитанный и адекватный человек.

Дальше я почти не помню нашего разговора, помню отрывками разговор со врачом. Остренькая игла инъекции, мне чуть легче. И я — в больнице. Без вещей, без чашки и тарелки, без сотового, без ничего.

Боль почти ушла после нескольких уколов, и к вечеру я была несколько вменяема. Тем же вечером приехал спортсмен, привез новенькие чашку, кружку и ложку, съездил за документами ко мне домой. Он привез мне также и сотовый, и я наконец-то позвонила Маринке и Екатерине Львовне. Маринка обещала прибежать на следующий день и привезти из моей квартиры все необходимое. Больше визитов Стаса не требовалось.

«Стас». Он представился вежливо и официально. «Вероника», — сказала я. Он молча кивнул.

— Спасибо вам, — начала было я, но Стас отмел все мои благодарности:

— Перестаньте. Любой бы так сделал.

— Не любой, — с легкостью отвечу за это утверждение.

Стас снова кивнул. В серых глазах ни отсвета эмоций.

— Но вам повезло. Я помог. — Отстраненности он не растерял ни грамма. Сразу же приступил к делу:

— Ваш пес со мной. Я решил подержать его у себя дома, в коридоре. У него началась депрессия, предупреждаю сразу, он потерянный совсем, ничего не ест, лежит без движения. Но я думаю, в ближайшее время ему полегчает, не переживайте только. Если нет, я найду хорошего ветеринара, и с собакой будет все отлично в любом случае. Корм я ему купил один из самых лучших. Не обижу, гулять буду три раза...

— Я... — у меня не было слов. Кажется, я даже заплакала. Все это время моя жизнь,

если честно, походила на постепенно затягивающееся свинцовыми тучами небо. А сейчас, глядя на совершенно чужого мне человека, решившего взвалить на плечи заботы о моем любимом существе, ставшем мне таким родным и близким, я поняла, что от этого доброго поступка чувствую себя по-настоящему счастливой. Небо очистилось от туч, и взошло яркое-яркое солнце.

На лице Стаса отражались иные эмоции: злость с недоумением пополам.

— Да бросьте, Вероника, — сказал он негромко, — вы тут своими слезами и нервами язву точно растревожите. Быстрее выздоравливайте и забирайте свое непородистое чудо. Чувствую, он всю мебель у меня дома сгрызет со своей депрессией...

— Он не грызет уже ничего, он взрослый, — тактично умолчим о двух стульях и ножке стола в недалеком детстве Жужика, но он сейчас действительно взрослый и точно ничего не сгрызет. Наверное, — он очень любит грызть кости. Как все собаки, разумеется. Только кости я всегда варю перед тем, как дать. Если у вас есть время, и вы не заняты, конечно...

— Занят, — коротко и жестко ответил Стас. И через пару минут распрощался и ушел, оставив меня краснеть за свою болтливость.

И все же он мне понравился. Понравился своим умением держать дистанцию с человеком и в любой момент поставить его на место. Чувствую, в этом деле Стас — мастер. Этого так не хватает мне.

Впрочем, я не держу дистанцию по одной простой причине: я ищу любимого человека, если не сознательно, то подсознательно — точно. И отношусь к одиноким мужчинам — еще и симпатичным мужчинам, еще и таким, которые мне помогли — соответственно. Все наш различие в том, что этот человек не ищет и не искал себе никого: у него давно это есть. Что ж, чудненько. Порадуюсь за него и не буду навязываться.

В больнице с небольшой язвочкой я пробыла около двух недель. Новый учебный год наступил без меня, и школа этого почти не заметила. Ничего удивительного, цветов и демонстраций в мою честь не ожидала ни от кого.

Несколько раз приходила Маринка, другие подружки, один раз забежала даже Роза Андреевна. В больнице мне было еще больше одиноко, чем дома с Жужиком...

Жужик. Стас мне ни разу так и не позвонил, хотя знал мой телефон, сам записал в свою телефонную книжку. Я тоже не звонила. Отчасти из-за того, что не хотела показаться навязчивой, отчасти потому, что почему-то поверила этому человеку. Его суровое лицо с холодными и пронзительными серыми глазами и волевым подбородком было жестким и замкнутым, но это было лицо человека, который привык отвечать за свои поступки.

Выписаться из больницы побыстрее было очень легко. Я сдружилась с врачом, подарила кое-что нужное кому нужно, и меня, как и просила, отпустили долечиваться домой пораньше. Долго лечиться здесь я не могла себе позволить. Меня ждали школа и Жужик. Зная свой дурацкий характер, я понимала: не смогу лежать в больнице, если каждую минуту думаю о том, что моя собака мешает спокойной жизни чужому человеку, что он обязан заботиться о ней. Да, характер у меня еще тот. А от дурацкого характера — все беды, так и знайте.

Выписка будет готова к одиннадцати. Я уже сложила все вещи, приготовила деньги, чтобы заплатить за проезд, сложив всю мелочь из кошелька в карман. Кошелек из дома, наряду с остальными вещами, кроме подаренных чашки и тарелки с ложкой и привезенного из моей квартиры Стасом сотового (теперь всегда буду брать телефон с собой, даже если нужно выйти всего на минуточку на улицу), принесла Маринка. Остается только ждать. Ан

нет. Теперь имею право.

Почти две недели я беспокоилась о Жужике, но позвонить и узнать, как дела, было выше моих сил. Я извертела в руках бумажку с телефоном. Стас предусмотрительно оставил мне ее, узнав, что все мои родственники живут в другом городе. «Вдруг что-то понадобится, Вероника. И пса своего заберете у меня». Мне много бы понадобиться могло, но я так и рискнула набрать номер, который я все-таки перенесла в сотовый. Вдруг бумажечка, так бережно хранимая мною, потеряется? С бумажонкой ничего не случилось, конечно, кроме того, что я ее хорошенько помяла.

— Тебя никто не подвезет? — ко мне подходит тетя Тамара, соседка по палате. Ей слегка за семьдесят, это бодрая дачница с красивой сединой в густых русых волосах.

— Нет, — качаю головой я, — уже и так всем надоела. Я сама очень хорошо доберусь.

— А тот молодой человек, который тебе помог? — тетя Тамара жаждет любовной истории, но я ее разочаровываю:

— Он нашел меня на улице и вызвал скорую. Я его не знаю.

— Так, может, что и выйдет? — надеется тетя Тамара.

Я грустно улыбаюсь.

— Нет, тетя Тамара.

— Ты — большая пессимистка. Понимаешь? Оптимистичнее надо смотреть на жизнь. Вот и язвы не будет...

Я вновь грустно улыбаюсь. Что толку от розового оптимизма? Кто-то из умных и знаменитых сказал, что оптимизм — это недостаток информации. У меня ее более чем достаточно.

— Тетя Тамара, все будет хорошо. Больше я сюда не попаду. И обязательно выйду замуж, — радостно отвечаю я. Для вас, тетя Тамара, любой каприз.

— Вот так-то, — кивает мне тетя Тамара, а мне смешно. Раньше, до болезни, я думала, что люди сами делают свою судьбу. И сейчас уверена в том же. С одной поправкой на огромную важность характера и чувств, которые согревают твою душу. Или разъедают ее, как кислота.

Наверное, у меня этой кислоты в избытке, и любые аффирмации, в которые свято верит тетя Тамара, уже не действуют.

Верчу в руках телефон. Я же говорю — сейчас имею право. Подальше уйду от интересующихся ушек соседок и, не раздумывая, набираю номер.

— Слушаю. — Коротко произносит Стас. Ничего лишнего, никаких эмоций по поводу моего звонка. Я даже давлюсь от внезапно нахлынувшей белой зависти. Вот почему я так не могу?

— Стас, это Вероника, — это мой голос звучит так испуганно? Мда...

— Да, Вероника, я понял. Слушаю.

— Я сейчас выписываюсь. Стас, мой пес у вас? — задаю вопрос и пугаюсь, ожидая молчания в трубке, или отрицательного ответа, но Стас говорит бодро:

— А где ему быть? Со мной. Отошел немного, кушает хорошо, мы даже общаемся неплохо. Вероника, вас забирают из больницы?

— Нет, я сама...

— Так и думал. Подождете немного? Заберу вас, как раз собаку передам.

— Да, конечно.

— Вы все там же?

— Да, — теряюсь я.

— Буду минут через двадцать. Приеду — позвоню. Отбой.

Короткие гудки приводят меня в чувство. Этот ли человек держал за руку прекрасную девушку в пиццерии? Собранный, энергичный, четко задающий вопросы. И опять не сказал ничего лишнего. Никаких слов, за которые я могла бы ухватиться и подумать, что хоть капельку нравлюсь ему. Все-таки бегали, считай, бок о бок несколько лет.

Реальность возвращает меня к суровой правде. Бегали, и еще побегаеете столько же. И что с того? С какой стати ты должна хоть чуточку понравиться? Тем более, у него такая красивая подруга...

Чувствую себя Золушкой в сказке о Василисе Прекрасной. И все дело-то в том, что в этой сказке Золушка — лишняя.

Ну и ладно, уйду в свою сказку. Там-то мне точно будут рады.

И остается лишь забрать у Стаса Жужика. Как мне отблагодарить его за хлопоты с собакой? А их было немало, могу точно сказать, зная Жужика. Сколько дать денег Стасу? Да какие деньги? У него и джип, и квартира в хорошем доме, кирпичном, с огромными комнатами. Там, кажется, и консьерж имеется, но я не уверена.

Сделать дорогой подарок? Насколько дорогой? И что подарить?

Чувствую, что голова начинает раскалываться, а язва дает о себе знать туповатой болью. Хватит, на месте разберемся.

После оформления всех документов я с сумками выхожу на улицу. Солнечный сентябрьский денек. Стас стоит, прислонившись к своей машине, разглядывает облака на небе. Рубашка заправлена в джинсы, ворот ее расстегнут, хотя на улице совсем не жарко, и я сама в теплом свитере. Одежда украшает Стаса, ладно сидит на его тренированном теле. О, выглядит он отлично. И я тут же думаю о том, как же выгляжу сама. Сто процентов, лицо бледное и измученное, я не накрашена, разумеется, волосы собраны в дурацкий пучок. Режиссер, занавес! Актерка не хочет выходить на сцену...

Стас видит меня и грациозно подходит. Да-да, грациозно. А вот я совсем не грациозно спускаюсь с лестницы. Ай, да что там. Меня не волнует.

— Все нормально, здоровы? — дружелюбно говорит Стас, забирая у меня сумки. Он легко несет мои вещи к машине, а я семеню следом за ним. Неужели прокачусь на его обалденной машинке? «Неужто на нашей улице праздник?» — вредничаю я. Однозначно, праздник.

— Да, все хорошо, — говорю я. А что еще сказать?

— Я довезу вас до своего дома, загрузу собаку, и к вам, — деловито размышляет вслух Стас, а я молча киваю, — с псом все отлично, будет счастлив, что хозяйка вернулась.

— Да. — Больше говорить не о чем. Остаток пути мы едем в молчании.

Я кошусь на руки Стаса. Он плавно и будто с ленцой ведет машину, сильные пальцы почти расслабленно лежат на руле. «Вот везет же той красотке», — думаю я. Отвожу взгляд и больше никуда, кроме дороги, не пялюсь. Очень красивые руки, и небольшие шрамы не портят совсем.

Машина плавно тормозит около дома Стаса.

— Вероника, вам лучше выйти из машины. Пес от радости все подерет, — бросает на ходу Стас, открывая свою дверь. Я покорно выбираюсь.

И вот он, долгожданный миг. Жужик застывает на несколько секунд, будто не веря,

срывается с места, тянет поводок так сильно, что Стас выпускает его из своей руки. Пес со всех ног бежит ко мне. Он узнал. Он безумно рад, он вертится вокруг меня юлой, гавкает, встает на задние лапы... Сейчас еще немного, и я заплачу от счастья. Присаживаюсь и крепко обнимаю Жужика.

— Жужа моя дорогая...

У Стаса в руках какой-то пакет, он приподнимает его, показывая мне.

— Я сложил остатки корма и игрушки. Купил ему парочку, да он толком-то и не играл. Плошки для еды тоже сложил. Мне не нужны, а вам пригодятся. Пойдем! — это он уже Жужу. Пес обезумел от радости, как и я, но нас отрезвляет голос Стаса, звучащий резковатым, командным тоном.

— Пойдем! — Стас открывает дверь джипа, и пес покорно прыгает на заднее сиденье. Я увидела: там подстилка для него. Ну ничего себе. За две недели так вымуштровывать собаку. Раньше он на машины только гавкал.

— Садитесь, Вероника, — Стас непринужденно открывает мне дверь джипа, будто ухаживать за незнакомыми женщинами ему легко и привычно. А ему и правда легко и привычно это делать, вдруг понимаю я. И как-то становится противненько. Я в печали: что-то странное творится в голове. Хотя чего странного? Обычная история, замарашка встречает королевского сына. Об остальном легко догадаться.

До моего дома можно бы было и пешком отсюда дойти. Жужик смирененько сидит на сидении сзади, и я успеваю только спросить:

— Надеюсь, он вам не очень помешал?

— Первую неделю он просто лежал, не ел почти, а когда я шел с ним гулять, рвался с поводка. Потом пообвык, — Стас пожимает плечами, — я его и на дачу с собой возил, и на шашлыки... Побегал там, мяса наелся. Конечно, непросто к вашему псу было подход найти, — продолжил Стас, паркуя машину. Затем он повернулся ко мне и закончил с такой улыбкой, от которой у меня захватило дух:

— Но я все-таки нашел этот подход.

— Ага, — только и ответила я. Больше ничего мне в тот момент, увы, в голову не пришло.

А потом вовремя вспомнила, что долг платежом красен.

— Стас, вы мне очень помогли, — храбро начала я, не зная, как подвести все дело к плате за добрые дела.

Стас чуть прищурился.

— Вы о чем, Вероника? Никак меня благодарить решили?

— Да, вы столько...

— Забудь, — этот жесткий тон стал для меня ушатом холодной воды. Благодарности всякие подразумевают еще встречи, хотя бы одну — точно. А Стас встречаться со мной больше не желал. Конечно, эту реплику можно бы было объяснить и смущением, и еще какими-нибудь альтруистическими чувствами. Но с одной поправкой: этот человек не привык смущаться. Никогда. Я это понимала.

— В любом случае, я остаюсь вам должной, Стас. Если что-нибудь в моих силах, с удовольствием вам помогу. — С этими словами я открываю дверь и выхожу из машины. Я все сказала, что хотела, а уж его дело, как реагировать.

Стас открывает заднюю дверь машины, и Жужик живенько прыгает на землю. Стас ловит конец поводка и отдает мне.

— Точно сами дотащите все? И собаку доведете? — он хмуро озирает мои сумки.

— Бросьте, я совсем не развалина. Скоро опять бегать начну, — бодро отвечаю я.

— Будьте здоровы, Вероника, — вежливо улыбается Стас и, пока я вожусь с сумками, ключами и Жужиком, садится в машину и уезжает. Остаюсь одна около подъезда, одна со своими невзгодами, мечтами и воспоминаниями.

Ничего удивительного, так и должно было быть. Это человек из совсем другого мира, хотя мы живем в одном городе и даже в соседних домах. Тем не менее наши миры могут пересечься лишь волею случая, а сойтись вместе — вряд ли. Мы всегда будем существовать в разных мирах. Сколько таких людей рядом! Что нас разъединяет? Отношение к жизни. Разные цели, взгляды и привычки. Деньги, а именно — их количество. Да много еще чего.

Так, размышляя и подбадривая себя, я открываю дверь подъезда, дотаскиваю сумки до квартиры, а Жужик весело скачет по ступенькам рядом домой. Наконец-то мы дома, мы — вместе, и все хорошо!

Жизнь продолжается, и ей все равно, исполнились или нет ваши мечты. Но это тоже ценно. Все так, как есть, значит — это и нужно.

Ну а мне сейчас если что и нужно, то это приводить в порядок свою квартиру. И свою голову.

*Для себя мы не просим покоя
И не ждем ничего от судьбы,
И к небесному своду мы двое
Не пошлем бесполезной мольбы...
Нет! пусть сам он над нами широко
Разливается яркой зарей,
Чтобы в грудь нам входили глубоко
Бытия полнота и покой...*

Аполлон Григорьев «К Лавинии»

Холодный северный ветер так сильно продувает мои старые деревянные окна, что кажется, у меня дома холоднее, чем на улице. Я с сомнением кошусь на газеты и малярный скотч. Сегодня уже поздно, может, завтра? Жужик тихонько поскуливает под столом. Я треплю пса за ухом и возвращаюсь к насущному. Что же мне делать? Завтра будет полностью загруженный день, послезавтра — тоже. Когда же я все сделаю? Холод сковывает движения, хочется забиться под одеяло и лежать, ни о чем не думая... Раньше я такую усталость чувствовала в конце учебного года, а теперь — уже осенью. Ничего, прорвемся.

Закрываю глаза. Крым или Варанаси, а при благоприятном течении жизни — и то, и другое. Я уже начала копить на путешествие, потихонечку откладывая деньги и урезая расходы. В прошлом году Варанаси не удался, увы, но в этом году мне уж точно должно повезти. Теперь даже буду варить супы на костях без мяса (косточки глодает Жужик), но обязательно накоплю.

Я же говорю, Акакий Акакиевич просто отдыхает рядом со мной.

Невесело усмехаюсь, склоняюсь над тетрадками. Контрольные пятиклашек нужно срочно проверить: скоро должно быть родительское собрание, на которое обязательно позовут. А что? «Вероника Васильевна, вы ведь не заняты, приходите...». Правильное понимание этого вежливого пассажи таково: «Вероника, ты не замужем, и детей у тебя нет. Нечего сидеть дома, заниматься своими сомнительными делишками. Должна прийти — и точка!»

И я обязательно буду, и тактично не замечу, что на собрание не пришла добрая половина родителей. А зачем? Холодными осенними вечерами лучше сидеть дома, чем интересоваться успехами своих чад...

Жужик уже начинает тихонечко насвистывать. Свист становится все жалобнее и противнее. Уже наизусть знаю все его свисты. Этот — из тех, что не прекратится точно. Жужику очень надо на улицу, да и время гулять давно подошло. Это я засиделась за тетрадками.

Со вздохом встаю из-за стола и наблюдаю, как Жужик опрометью кидается к двери. Да, гулять — без вариантов. А на улице так холодно, слякотно и мерзко...

Я тепло одета, и собраться — пара секунд. Натягиваю резиновые сапоги и старую теплую куртку, беру поводок Жужика. Вот и все, я готова к прогулке. Жужик же готов уже давно. Он тихонько поскуливает и с надеждой смотрит на меня.

Пойдем, песик. Слякоть, промозглый ветер или морозы, но я тебя не оставлю, как и ты меня. Ты самый верный, самый преданный друг. Больше мне, увы, верить некому — только тебе и Тому, кто однажды два года назад все мои пути свел к одной дороге, на которой я нашла тебя...

Ну вот, мадам Вероника и Жужик. Мадам сегодня экстравагантна. Резиновые сапоги из серии «Я шагаю по лужам», куртка — эталон неженственности. Печально.

Хотя на улице такая противная погода, что даже Стасу в своем джипе как-то сыrovато и неуютно. Так что, с другой стороны, Вероника вырядилась очень даже продуманно. Шагает себе по лужам смело, вертит головой во все стороны, наблюдая за собакой, которую спустила с поводка. Тот еще пес. Ох уж намучился с ним Стас, когда его хозяйка лежала в больнице. Его пришлось взять на шашлыки с ребятами, так как ездили на дачу Андрея с ночевкой. Там эта псина фурор произвела.

— Стас, это чей такой?

— На овчарочку похож, да?

— Ну это дворняга, без вариантов, конечно.

— Это чей, девушки твоей?

Ладно, это полбеды. Потом его обкормили шашлыком, и этот герой, видно, решил на волне мясного духа разыскать хозяйку самостоятельно. Хорошо, Андрей заметил вовремя, но ловить путешественника пришлось всей гурьбой по чужим дачам. Конечно, парни потом долго смеялись и шутили, но все равно неприятный осадок остался. И парням отдохнуть не дал, и чуть бесценное животное не потерял.

Если бы это случилось, Стас не знал, как бы смог смотреть в глаза неудачницы.

Но об этом он Веронике никогда не расскажет.

Стас окинул фигурку под фонарем придиричивым взглядом. Мадам конкретно постаралась, чтобы с ней никто не захотел знакомиться сейчас.

Или она не рассчитывает на счастливую встречу? Скорее всего, рассчитывает. Только не сейчас и не здесь.

Стас и сам не понял, что толкнуло его выйти из уютного салона джипа и подойти к одиноким резиновым сапожкам. Он не разговаривал с ней с того самого дня, когда передал ей собаку и довез домой из больницы, перекрыв на корню весь поток благодарностей. И хоть Стас не чувствовал особого расположения к мадам, скорее, чувствовал особое нерасположение, поинтересоваться ее здоровьем надо. Кто ее знает, может, решит опять заболеть? Что будет тогда с ее собакой?

Однозначно, нужно спросить о здоровье. А потом пусть идет на все четыре стороны.

Краем глаза я увидела рослую широкоплечую фигуру и насторожилась. Не хватало еще... А если уж совсем правду — испугалась. Я уж знаю, какой из Жужика защитник. Мягко говоря, никакой.

Что мне делать? От дома я недалеко, всего лишь в парке рядышком, но вокруг — никого, идет дождь, и темно, и ничего хорошего при этом раскладе мне не светит в принципе. Какого черта я пошла в парк? Здесь фонари, ага. Они мне не помогут вообще ничем, если кто...

Но Жужик дружелюбно завилял хвостом и кинулся навстречу высокому широкоплечему человеку. Этот мужчина подходил все ближе. Жужик и не думал лаять, вилял хвостом и бегал кругами, и я наконец разглядела, что это Стас. Вот ведь пес, помнит, наверно,

дорогушие консервы. Несколько баночек мне достались в наследство от Стаса.

— Я не узнала вас в куртке. Обычно вы в спортивном, — вместо приветствия сказала я. Стас в ответ кивает и чуть улыбается. Все правильно. Такие красавцы и удачники редко улыбаются нам, простым женщинам. Слишком хорошо знают свою цену.

— Как ваши дела? Здоровы? — вежливо осведомляется Стас.

— Да, все хорошо. Спасибо...

Он оглядывается и говорит тихо, но с нажимом:

— Вы бы не гуляли здесь одна, Вероника. Время позднее, мало ли что. Всяких придурков полно.

Вот с этим совершенно согласна.

— Да я сама поняла, когда вас увидела и поначалу не узнала. Теперь точно меня здесь больше не увидите.

Стас молча кивает, и больше нам говорить не о чем. Я подзываю Жужика к себе, цепляю карабин поводка, пристегивая его к ошейнику. И вспоминаю, что еще кое-что можно сказать.

— Спасибо вам за все. И за участие. Не знаю, Стас, как я бы без вас... правда, — путаюсь и теряюсь. Куда-то испаряется весь мой богатый лексический запас, разеваю рот, как рыба, попавшая на сушу. И тут же понимаю, что это все нужно заканчивать, и прекращаю разговор нелепейшим способом.

— В общем, я у вас в долгу. Нет, серьезно, — и вижу растекающуюся по лицу Стаса усмешку. Усмешку любимчика судьбы и ее баловня. А может быть, сильного человека, привыкшего полагаться только на себя? Нет, он не смеется надо мной, он вообще не собирается смеяться. Эта усмешка делает его притягательным и таким недоступным, что у меня захватывает дух.

— В жизни всякое может случиться...

— Главное, чтобы больше с вами ничего не случилось, — хмыкает Стас. Дождь становится сильнее, из мелкой измороси превращается в обычный, с крупными большими каплями. Они капают на кожаную куртку Стаса, на его лицо, на меня, на шерстку Жужика... Нам пора домой.

— Берегите себя, — опять улыбается мне Стас и поворачивается ко мне спиной.

До свидания, — говорю ему уже в спину.

Стас легко отдалается от нас, он идет быстрым легким шагом, а я специально плетусь сзади, сдерживая ретивого Жужика, пытающегося броситься за Стасом вслед. Неужели все-таки консервы? Эх, Жужик, потерпи-ка пока без них.

Сказали тебе добрые слова, Вероника, и достаточно. Все-таки как приятно на душе, когда о тебе заботятся. И вообще человек Стас — очень интересный. С одной стороны, помогает, и даже ничего ему не нужно взамен. А с другой — обрывает с благодарностями. Замкнутый, решаю я, сверля спину Стаса. Ну да ладно, его дела, в чужую жизнь не полезешь.

Он все также идет впереди, недалеко от нас, и сзади на него смотреть очень приятно: военная выправка, широкие плечи, уверенные шаги...

И я в старой куртке, резиновых сапогах и с собакой.

Стас внезапно останавливается и оборачивается. Интересненько. Решил проводить? Он ждет, пока я с ним поравняюсь. Давай, Жужик, шевели лапами...

— Кстати, о помощи, — Стас явно смущен, а мне становится занятно. Это что ж за помощь-то такая?

— Я тут...шахматами занялся, — Стас точно смущен. Трудно ему, видно, говорить о любимом деле незнакомому человеку. Либо он не привык спрашивать совета. Особенно у женщин.

— Подумал, может, у вас есть знакомые, которые играют в шахматы? Я бы присоединился. У меня, считай, никого нет, а хочется поиграть с профессионалом или хотя бы с хорошим любителем. Может, я даже заплачу, чтобы он меня поучил...

Невероятно. Я даже забываю выдохнуть. Вот как бывает в жизни. Зажмуриваюсь и выпаливаю:

— Я и сама умею играть. Мой дед был чемпионом области по шахматам, а я, в свое время, играла в университетской команде. Если вам интересно будет играть с женщиной...

— Я ищу хорошего игрока. Все равно, кто это. Сам пока еще не очень хороший игрок, — отвечает Стас, внимательно разглядывая меня. Да не зверюшка дрессированная, не зверюшка. Успокойся.

— В шашки, в шахматы...Могу показать кое-какие партии из стареньких. Их еще мой дед разыгрывал со мной. Где только играть, холодно на улице...

— Хотел к себе этого человечка пригласить, по всяким кафе и клубам сил нет вечером уже ездить, хочется дома побыть...если вы не против.

— Да нет, — пожимаю плечами. Конечно, это «к себе» немного напрягает, и нейтральную территорию предпочла бы всему прочему, но я все еще остаюсь должником, а музыку заказывает он. Но это часть правды. Признаюсь, мне интересен этот человек. Хочется узнать, как он живет, чем занимается, о чем мечтает. Да и вспомнить старые навыки тоже не мешает...Короче, море плюсов.

— Так вы зайдете ко мне поиграть в шахматы? — недоверчиво спрашивает Стас. Кажется, не верит.

— Конечно. Вы мне, считай, жизнь спасли.

— Ой, только вот этого не надо, — спортсмен поднимает глаза к небу, а я вдруг понимаю, что вопрос спасения кого-то для него привычен, и он не считает это чем-то из ряда вон выходящим. Здорово. Всегда уважала таких людей. И Жужика он приютил. «Вот повезло красотке, — еще раз сердито думаю я, — только бы такого мужика не профукала».

— Завтра сможете? Часиков в семь? Дом мой знаете, квартира шестая, второй этаж, там консьерж откроет. Скажете, что к Стасу, он объяснит, куда пройти, если потеряетесь. Но вроде не должны.

Не могу, все занято. Но ради тебя отменю все свои репетиторства с детишками.

— Да, я приду.

— Вероника, и если не сможете, позвоните заранее. Чтобы я не ждал. — Все-таки не верит, что приду. Только вот почему, интересно?

— Все нормально. Не занята я завтра. А у вас шашки и шахматы есть?

— Конечно. И чай есть, и кофе, — Стас, кажется, даже доволен.

Мысленно благодарю своего старенького дедушку, терпеливо учившего нерадивую внучку играть в шахматы. Мне это никогда не давалось легко. Такого мышления, которое нужно для шахмат, у меня отродясь не бывало. Но ничего, настойчивость деда и моя покладистость сделали чудеса. Я научилась прилично играть в шахматы, и очень прилично — в шашки. Шашки всегда мне нравились больше. Все фигуры там, до того момента, пока они не становятся дамками, имеют одинаковые права, в отличие от шахмат. Это равенство фигур на доске меня всегда привлекало.

А шахматы отражали, увы, совсем другую картину, с которой маленькая Вероника была категорически не согласна.

— Так как насчет шашек? — спрашиваю я Стаса.

Стас морщится.

— Есть они тоже. Но мне как-то не очень нравятся. Слишком простые, что ли?

— Простые, — повторяю я задумчиво. Кто бы сомневался.

— Но в шашки тоже можно. В семь?

— Да.

— Только отзвонитесь, если не придете. Мой телефон сохранился? Чтобы я не ждал...

Я поднимаю на Стаса злые глаза. Ну, сколько можно об одном и том же?

— Я же сказала, что приду.

— Тогда замечательно, — говорит мне на прощанье Стас. — Короче, жду вас и готовлю доски.

— Готовьте, — милостиво разрешаю я.

Он прощается и быстрым шагом спешит к машине, а я вновь смотрю ему вслед и думаю, как же легко, оказывается, сделать мужчину счастливым. Даже не сексом и вкусной едой, хотя нам это внушают везде и всюду. Всего лишь разделить его увлечение любимыми игрушками, интересоваться тем же, что и он. Вдруг куда-то пропадает вся отчужденность, которая была раньше, и во взрослом мужчине видишь маленького мальчишку. Еще чуть-чуть, и Стас по лужам запрыгает, вот не вру ни капельки.

Ладно, погодим с восторгами. Характерец у стервеца еще тот, даром что спаситель. Возможно, это увлечение быстро ему наскучит, Стаса хватит всего на несколько партий. И все.

Но таким образом я смогу убедить себя, что с лихвой отплатила за помощь в трудную минуту. А меня научили, к сожалению, всегда отдавать долги.

К подъезду мы с Жужиком возвращаемся уже под проливным дождем. Первым делом переодеваюсь в сухое, полотенцем вытираю пса, потом забираюсь под теплейшее одеяло на свете. Наконец-то. Спать, спать... Но я еще долго не засну, вспоминая лицо Стаса, освещенное парковыми фонарями.

Стас так и не понял, чем был вызван сей его странный поступок. Наверное, так сложились звезды. Или в голове случилось минутное помутнение. Или неудачница владеет неким видом цыганского гипноза, что он вообще смог выговорить такие слова и обратиться к ней с вопросом.

Хотя было все намного проще. Стас недавно для себя открыл шахматы и понял, что эта игра — точно его. И играть с компьютером ему уже надоело. Шахматы — это же состязание, как на ринге! Хотелось видеть противника, его лицо, смену эмоций, перестановку фигур на доске, а не держать в руке мышку и не пытаться выиграть у слепой машины. Захотелось настоящего человеческого соревнования.

Он поспрашивал ребят на тренировке. Некоторые из парней хорошо играли в шахматы, Стас даже сыграл с ними несколько партий. Но у них дети, семья, жены, подруги, работа... Часто с ними Стас все равно бы не смог играть, а сейчас ему необходимо играть постоянно.

Поэтому Вероника могла бы стать идеальным выбором. Ни семьи, ни детей. Вечерами свободна. Так что его несдержанный именно сегодня язык исполнил заветную Стасову мечту. Только бы она не приврала про свое умение играть. И тут же Стас одернул себя: той, для которых глупая собака дороже всего, вряд ли нужно врать. Зачем? Вероника никогда не

пыталась произвести впечатление на него, из всех этих надоевших Стасу женских уловок ни одну не использовала. Так что Стас с радостью предвкушал, что скоро у него наконец-то появится противник. Если этот противник будет играть плохо, он просто его заменит.

А на время общения с Вероникой можно засунуть куда-нибудь подальше свою нелюбовь к неудачнице. Ну вот такая она...странная. Ну с кем не бывает.

*Молчи! Тебя просто нет.
Я тебя выдумал сам.
Ты — звон золотых монет.
Ими полон пустой карман.
С тобой тепло и светло.
С тобою я чист и свят.
И искренне, всем назло,
Ты веришь, что я богат...*

Веня Дркин «Девочка с флейтой»

— Марк, когда папа придет?

Мой нескромный вопрос вызывает бурю чувств на лице мальчика, того самого «сектанта», как окрестила его Роза Андреевна. Спектр этих самых чувств меняется от недоумения и тревоги до готовности соврать.

— А зачем? — ожидаемый ответ.

— Забыл? А посмотри назад, в углу парта сломанная стоит...

— А-а-а, — тревога уходит с лица мальчика, и он начинает частить:

— Вероника Васильевна, я папе говорил, ему такую же крышку сделали по размерам, которые мы мерили с вами. Папа обещал прийти на этой неделе, но у него работа такая, и он может только после трех забежать, и то не всегда, и когда он придет...

— На этой неделе точно придет? — уточняю я, не вдаваясь в подробности о работе.

Марк энергично трясет головой.

— Может, и сегодня придет. К трем или чуть попозже.

Отлично. Наконец-то у меня вновь будут места для посадки детей.

А дело было так. Марк — мальчик упитанный и веселый. Зайдя однажды в класс, он, не рассчитав силы, с размаху сел на середину парты, радостно прокричав: «Здравствуйте, Вероника Васильевна!»

И в этот момент парта прогнулась и треснула ровно посередине, вызвав неумный смех одноклассников и мою головную боль. И теперь нам не хватает парт в классе, потому что сидеть за сломанной партой невозможно, а заменить ее вышестоящие товарищи не торопятся. Кое-кого приходится сажать третьим. Не скажу, чтобы детишкам это не нравится, но мне это немного мешает.

А отец Марка что-то пока не торопится чинить парту.

То, что я узнала сегодня, порадовало. Значит, не такой уж папа и сектант, если адекватно реагирует, и даже крышка готова. С другой стороны, Марк мог и соврать. Узнаю на этой неделе.

«Приду в четыре». Восемь, девять, десять...

И что меня дернуло именно сегодня прождать папу-сектанта до половины шестого? Как будто никаких дел нет. Я начала собираться. Забегу домой, погуляю с Жужиком, а дальше — К Стасу. Зря только пронадеялась. И пусть мормон попадает в мой класс как хочет. Ключ на вахте без меня подозревающая всех во всем бабулечка ему не даст, а позвонить мне его

величество до сих пор не соизволил, хотя я дала Марку номер своего телефона. Ох уж и намучалась с чертовой партией, впору самой бежать и покупать крышку. «Ага, а прикручивать ее кто будет?» — ехидничаю внутренне. Кто-кто? Я с десятиклассниками, не иначе.

— Вероника Васильевна, — слышу мягкий мелодичный голос и улыбаюсь. Вот она, моя прелесть. Десятиклассница Яночка, краса и гордость нашей школы. Незаметная в толпе разномастных старшеклассниц, эта девочка обладает поистине ангельским голосом, а ее стихотворения, которые она показывает мне, чтобы послушать критику, часто трогают до слез.

Я замечаю в ее руке листочек и приветливо машу рукой.

— Ну, заходи быстрее.

Ладно, пускай задержалась. Зато поговорю с Яной, прочитаю ее новое стихотворение. Яна держит свое творчество в строжайшей тайне, и ко мне приходит лишь после уроков вокала и сольфеджио, когда пустеет наша односменная школа.

— Вы не заняты? — Яна всегда деликатна и непритязательна.

— Идем, моя дорогая, — отвечаю я, и Яна с достоинством заходит в мой кабинет.

— Вот, — чуть краснея и улыбаясь, она протягивает исписанный синей ручкой листочек.

Ты проснешься ночью — все белым-бело.

Белыми снегами память замело.

От глухого снега льется яркий свет.

Ветер, снег, метели — только счастья нет.

«Может, ты приснишься, — прошепчи во сне.

В снеге отразишься — и придешь ко мне?

Где тебя я встречу? Где тебя найду?»

За окном метели одинокий гул.

«А нужна ли встреча?» — вдруг шепнет метель.

Несколько снежинок бросит на постель.

Ты от снега двери плотно затвори.

Никогда ты снегу память не дари.

Вдруг проснешься ночью — все белым-бело.

Белыми снегами память замело.

Страстными кострами душу не согреть:

Долгой зимней ночью слишком близко смерть.

Маленькая свечка лишь растопит снег.

Свет горит всю вечность.

Пусть и дома нет,

Пусть и снег, и ветер, и сугробы вновь...

Под январским снегом теплится любовь.

Э-э нет, я не заплачу. Отхожу к окну и чувствую, как слезы наворачиваются на глаза. Я совсем расклеилась. Пора пить витамины и успокаивающие. И тут же прекрасно понимаю, что проблема не в этом.

— Вероника Васильевна... — Яна сама тактичность.

— Мне нравится. Молодец, Ян, — незаметно смахиваю слезы. — А можно его взять? Я бы еще почитала.

— Да, конечно! — улыбка освещает лицо Яночки. Ей так радостно от того, что ее стихотворение прочитали и похвалили. А слезы учительницы — высшая награда за творчество. Надеюсь, их Яна все-таки не увидела.

— Вероника Васильевна, а вы будете на Дне учителя?

— Ты там выступать будешь? — все, я успокоилась.

— Ну да. Петь под гитару, — Яна скромно опускает глаза вниз.

— Тогда точно приду. Обязательно.

— До свидания, Вероника Васильевна. Жду на празднике! — Яна косится на мои собранные вещи, на плащ, лежащий на парте.

— До свидания, Яночка. Приходи, разберем твоё стихотворение. Я бы и сейчас с тобой поговорила о нём, но тороплюсь...

— Да, я поняла, Вероника Васильевна. Подойду завтра на перемене последней, когда моего класса уже не будет.

— Хорошо, — отвечаю я, и Яна уходит. Остаюсь в одиночестве, застываю на месте и долго соображаю, что же мне делать. Вот бывает же. Маленькая мелочь выбьет тебя из привычной колеи, и на секунду забудешь о том, что ты маленькая учительница, и что дома тебя ждут не семья и дети, а голодный пес, и к семи в гости ты идешь не к любимому человеку, а к сомнительному соседу. В пелене будничной жизни прорывается через чужое творчество красота...

Посмотри, как все замечательно, Вероника. Ты прочитала прекрасное стихотворение, плюс в кои-то веки идешь в гости к мужчине, и закроем глаза на детали и подробности. А мормон и парта... да Бог с ним, с мормоном!

Ну ничего себе. Какая у них тут цивилизация. Мой обшарпанный подъезд отдыхает.

Оно и видно, абы кого сюда не пустят, а сами жильцы не мусорят и не портят дорогостоящий ремонт. Цветы в горшках на стерильно чистых подоконниках. Фиалки вон стоят, и цветут так красиво! Но самый большой мой культурный шок вызвали не цветочки, а картины с изображением берегов Волги. На стенах подъезда картины маслом.

Некоторые места я сразу узнала, другие видела впервые. Волга ночью, волга зимой... Я даже про всякие шахматы забыла, зачарованно поднимаясь по лестнице и разглядывая картины.

Вот она, культурка в массы. У меня бы дома эти пейзажи заняли бы самое почетное место, а здесь они должны украшать интерьер подъезда.

Вредина ты, Вероника. Театр начинается с вешалки, а дом успешных людей — с красивых вещей, которых у них очень много. Все правильно.

Вот и дверь квартиры Стаса. Звоним. Вероника, звоним, а не раздумывает, нажать ли кнопку звонка или нет. Конечно, время даже без пяти семь. Но что эти пять минут тебе дадут?

Решаюсь и нажимаю кнопку звонка. Дверь Стас открывает не сразу.

И вот к такому меня жизнь точно не готовила. Я упираюсь взглядом в голую мужскую грудь, сплошь из литых мышц, на которой до кучи блестят капельки воды. И несколько шрамов, рассекающих ее, словно когти медведя, Стаса ох как не портят.

Предупреждать надо. В горле пересыхает сразу же. В голове уже мелькают мысли об изнасиловании. Пожалуй, я соглашусь на все.

Несколько секунд не могу вымолвить не слова, но учительская выдержка дает о себе знать. Молча сглатываю, поднимаю голову и смотрю в самые насмешливые глаза на свете.

Тут же прихожу в себя. Попугать решил, что ли? Или проверить на вшивость? Ну сколько уже можно! Каждый день доказывай в школе, что не верблюд, и здесь тоже? Ага, сейчас. Извини, дружок, стриптиза я не заказывала.

— Мы вроде в шахматы играть собирались? — в моем голосе сарказм разбавлен спокойствием. Не ведусь я на ваши игрушки, так и знайте.

А Стас веселится. Внешне, конечно, невозмутим и будто не понимает, чего я торможу у дверей, но поспорю на что угодно: он доволен своей гадостью. Ничего страшного, оденем Стаса и проглотим гадость.

— Извини, самому неудобно. Торопился с тренировки, не успевал. Ты проходи, я сейчас... — Оказывается, не совсем гадость. Или вовсе не гадость. «Нет уж, раздевайся. Зачем нам шахматы? Как-нибудь обойдемся без них», — ваше чувство юмора, Вероника Васильевна, здесь вряд ли уместно, но все же оно отвлекает. Смело перешагиваю порог и интересуюсь невзначай, пока Стас запирает входную дверь:

— А что за тренировка, если не секрет, с которой забываешь обо всем? — и каменюю, когда незамедлительно слышу ответ:

— Рукопашка...э-э...рукопашный бой.

Замечательно. Мне этого как раз не доставало.

Дверь уже закрыта. Не убежать. Да что это я? Совсем довела себя до ручки, что за паранойя? Ничего удивительного, я же подозревала, что Стас — бывший военный. А военным свойственно увлекаться подобными тренировками. Так ведь? И на честь мою здесь уж точно никто не покусится, даже если захочу. Их высочества нос от нас несколько воротили, неужто теперь воспылают страстью?

— Вы проходите, Вероника, на кухню, там шахматы. — Стас опять официален. Он показывает на дверь в конце красивейше оформленного коридора. — Я скоро.

Покорно бреду по коридору мимо нескольких закрытых дверей и попадаю на кухню моей мечты. Резная мебель со всякими многочисленными дверцами и шкафчиками, барная стойка прекрасно гармонирует с этой мебелью под старину, огромный, хорошая плита. Еще и готовить умеет, этот мужчина мечты?

Он сам выбирал такую мебель? Или кто-то другой? Теряюсь в догадках, и все-таки решаю, что такие мужчины, как Стас, вряд ли выберут вообще такой интерьер. Хотя я его совсем не знаю, и не мое это дело, кто мебель выбирал.

Замечаю на небольшом столике у одного из окон шахматную доску, подвигаю поближе стулья, себе и Стасу. Успеваю расставить фигурки, когда на кухню заходит Стас. Волосы приглажены, торс скрыта черная безрукавка, которая прекрасно обтягивает мускулистую грудь. Точно — издевается. Не буду так играть.

Я представила, как прошу заменить безрукавку на что-нибудь менее обтягивающее, и ужаснулась себе. Давно с мужчиной красивым рядом не сидела? Давно. Это будет точно позор. И не сказала ни слова.

— Может, кофе? Или чай? — Стас вежлив и радушен.

— Нет, спасибо. Я расставила фигурки, — указываю жестом на доску.

— Отлично. Давай начнем, — огонек задора зажегся в глазах Стаса, когда он сел напротив. Меня обдало запахами мыла, одеколona и его кожи, и голова начала кружиться. Этот стол слишком узкий и маленький для нас двоих, и сидим слишком близко. Но так в шахматах и должны сидеть, и если я уйду в другой конец кухни, толку не будет от игры.

Я тоже набрызгалась перед выходом бережно хранимой «Шанелью». Прямо как знала.

А в остальном не стала ни особо утруждать себя, ни наряжаться. Джинсы, джемпер и кроссовки, которые оставила в коридоре, так что выгляжу очень прилично и по-деловому.

— Как будем играть с вами? Мне объяснять или просто сыграем?

— Может, на ты? — осведомляется Стас, слегка усмехаясь.

— Ладно, — не очень уверенно произношу я, — так как играем?

— Первый раз можно просто сыграть. А там посмотрим.

— Хорошо, — соглашаюсь я, — играю...ну, белыми.

Естественно, выиграла я. А Стас оказался трогательным начинашкой.

Когда-то давным-давно маленькая Вероника сидела рядом с креслом деда на коврике, а в это время дедушка играл сам с собой в шахматы или в шашки. Вернее, не с собой. Рядом всегда лежал пожелтевший от времени небольшой газетный листочек. На нем были нарисована шахматная доска, а шахматы нарисованы были определенным образом. У деда было множество таких листочков, они никогда не повторялись. Дедушка бормотал себе под нос: «Белые начинают и выигрывают... Три хода...», а я смотрела на дедушкину доску и подмечала, что фигурки расставлены так же, как и на картинке, вырезанной из газеты. Знаменитые партии легендарных шахматистов дедушка дорешивал усердно и с увлечением.

И сейчас я аккуратно завела Стаса в одну из таких партий, а все остальное было делом техники.

Первую партию мы сыграли молча.

— Супер, — выдохнул Стас, улыбаясь мне совершенно искренне, и быстренько начал вновь расставлять шахматы. — Откроешь секрет хорошей игры?

— Игру надо просчитывать. Каждый шаг.

Рука Стаса, ставящая фигуры, зависла в воздухе.

— Это я уже понял, — тихо сказал Стас таким голосом, что у меня мороз пошел по коже. Я сказала что-то не то? Какой интересный типчик.

— Давайте теперь вы белыми...

— Давай, — пронзительно-насмешливый взгляд серых глаз. Извините, забылась. Можете и это занести мне в копилку позора.

И следующая партия длилась намного дольше, чем первая. Стас тщательно обдумывал ходы, и я задумалась уже о том, не поставить ли часики, иначе придется заночевать на этой кухне.

У Стаса действительно были способности к шахматам. А вот у меня такого никогда не было. Были лишь годы упорных игр и огромное, до небес, желание порадовать деда...

Он такой сосредоточенный сейчас. Ерошит коротенький ежик волос, брови нахмурены, серые глаза внимательно смотрят на доску с шахматами. Пройдет совсем немного времени, и Стас меня обыграет при условии, что постоянно станет совершенствоваться в шахматах. А этот — станет, сразу видно. Жесткий, дерзкий, амбициозный. Перед такими я всегда пасовала, а они мною никогда не интересовались, потому что данные товарищи готовы презирать любого за отсутствие амбиций. И холодные глаза навсегда для меня останутся холодными и замкнутыми.

Я поймала себя на том, что разглядываю Стаса, а он — вот незадача! — заметил, и теперь глядел на меня с выражением... даже описывать не хочу это выражение.

— Я вроде нормально выгляжу. И побриться успел, и лицо умыл. Нет? — краснею как помидор от насмешливых слов.

— Извини, задумалась...

— Ничего.

— Может, кофе? К вечеру устаешь после школы, немного не соображаю... — робко говорю я, и Стас дружелюбно кивает, встает из-за стала, подходит к кофеварке и включает ее. Молчим.

— Ты в школе работаешь? Учителем?

— Да, — ох уж эта старая песня. Сейчас начнется треп про школу, и вопросы о том, почему я учителем работаю, и вообще об этой профессии.

— Какой предмет? — Стас вновь присаживается рядом со мной. То, что он рядом, давит, подавляет...

— Русский и литература. С пятого класса.

— Понятно. — И больше никаких вопросов. Ему совсем не интересна маленькая учительница. Ну и тем лучше.

Стас аккуратно передает мне чашку, его теплые пальцы на миг прикасаются к моим. Мне становится немного неудобно.

Беру чашку и делаю глоток. Восхитительно.

— Нормально сахара? Я как-то не спросил, — извиняется теперь Стас, и я вдруг осознаю, что ему тоже почему-то неловко.

— Нет, все замечательно, — улыбаюсь я бодро и говорю, — продолжим?

Все углы сглажены, все посягательства на чужую территорию исчерпаны. Мы вновь играем и молчим. Не выношу я молчания, оказывается.

— Хорошо играть начинаешь. У тебя способности, видимо...

— Это привычка. С контрактов.

— Контрактов?

— Ну да. Был в Дагестане, Чечне. Плюс соревнования. Там тоже думаешь, наблюдаешь за противником, и думать надо очень быстро...

— И... участвовал в военных каких-то действиях?

— Как ты говоришь красиво. Участвовал.

— Какая у тебя... насыщенная жизнь, — не выдерживаю я, и вновь вижу насмешливые глаза Стаса. Он откровенно улыбается.

— Ага. Прямо насыщенная до жути.

Делаю ход и усиленно соображаю, о чем бы еще поговорить. О погоде или кузнечиках?

— А бегаешь ты давно?

— Ну, дольше тебя, это точно. Как со всем этим завязал и сюда приехал, так и начал. Чтоб не раскисать.

— Да ты и не раскис, — кошусь я на мощный торс Стаса, — очень даже не раскис. И сегодня даже продемонстрировал, — уже улыбаюсь сама. Мне становится легко и весело, и пусть Стас думает и говорит что угодно. Он улыбается мне в ответ.

— Что, немножко шокировал на входе? Да ладно, не бери в голову. Вроде не совсем страшный...

— Нет, — продолжаю улыбаться я, и мурашки бегут по телу от потеплевших серых глаз Стаса.

— Твой ход, — напоминает мне Стас. Поняла, минута шуток закончена. Пора отрабатывать долги.

— Пожалуйста, — легко переставляю фигурку. Стас вновь собран и сосредоточен.

— Вот. Теперь ты. Тоже кофе себе налью. — Стас поднимается одним гибким

кошачьим движением и направляется к барной стойке. — Помогает сосредоточиться?

— Ну да, — ни черта не помогает, если рядом с тобой такой обалденный мужик. И как это я до сих пор выигрываю? Опыт не пропьешь, верно?

— Как у тебя здесь красиво. Такая мебель необычная, под старину, — замечаю я, пока Стас наливает себе кофе. Мы не играем, поэтому можно немножечко поговорить на отвлеченную тему. Но злоупотреблять не буду, поняла уже.

Стас равнодушно пожимает плечами.

— Осталась от прежних хозяев. По мне, так это все лишнее, не люблю как-то эти завитушечки... Но девушкам моим всегда нравилось, и Алиска обожает. Нормально, привык. — Как будто ножик всадили в спину. Алиска. А на что ты надеялась, Вероника? Думаешь, ваши игры перерастут во что-то большее? Ну давай, верь сказкам о принцах, полюбивших золушек. Еще есть сказка под названием «Красавица и чудовище». Кто будет чудовищем в вашем со Стасом случае, угадаешь с одной попытки, не так ли?

— Понятно, — отвечаю я.

Не стоит рвать душу. Молча отыграю еще несколько партий, вежливо попрощаюсь и больше не приду сюда никогда. Так и будем встречаться случайно на пробежках — и только. Скоро я прекращу пробежки до весны и перестану видеть его каждое утро. И перестану ощущать себя никому не нужной...

— Ходишь? — голос Стаса чуть отстраненный. Он полностью погрузился в игру, как я — в переживания о своей никчемности. Не было печали. Погрузишься тут поневоле, когда рядом сидит такой сексуальный мужик и совсем к тебе безразличен, а у тебя и голова кругом, и прочие вещи... Ладно. Не такое видывали. Завтра зарегистрируюсь на сайте знакомств и начну общаться. Везде нужно видеть позитив, ведь так? Безразличие Стаса меня может подтолкнуть к встрече с мужчиной мечты. Я все начну заново. Свидания, надежды, мечты... Как долго у меня всего этого не было.

— О чем задумалась? Твой ход, — звонок сотового Стаса избавляет меня от ответа на вопрос.

— Да, Алис, — говорит он, и мое сердце вновь больно сжимается. Только любовной лирики по телефону мне сейчас не хватает.

Стас слушает молча то, что говорит ему Алиса, около минуты, потом интересуется:

— Куда мне сейчас подъехать, скажи.

Все по делу, четко, без лишних нежностей. Сомневаюсь, что он ради меня сейчас так, чтобы не потревожить мою тонкую душевную организацию милыми щебетаниями с любимой. Скорее всего, это его обычная привычка — так сдержанно разговаривать. Хоть с кем, хоть и с любовницей.

— Ладно, скоро буду, — Стас выключает телефон и смотрит на меня.

— Вероник, моя девушка... Короче, сейчас мне надо уехать.

— Да, я понимаю, — немного неуклюже встаю из-за стала. Во взгляде Стаса — сожаление.

— Может, еще поиграем как-нибудь? Я тут понял, что хочу быть чемпионом по шахматам... — он опять улыбается.

Пытаюсь скривить губы в улыбке. Конечно, чемпионом. А иного вы себе и не представляете.

— Давай. Как буду свободна...нет, когда ты будешь свободен, звони. Договоримся. — Я уже в коридоре, натягиваю кроссовки.

— Хорошо, дорогая. Я позвоню. — Стас закрывает за мной дверь, а я застываю на лестнице. Дорогая? Выхожу из подъезда, все еще размышляя об этом слове.

Он, наверно, всех женщин так называет — «дорогая». Выбрасываю из головы все то, что было сказано и увидено, и смотрю на сотовый. Мы играли около сорока минут, не больше. Вот и замечательно. Успею и прибраться, и почитать немного. Полное одиночество, только Жужик рядом.

А еще загляну-ка сегодня в интернет и поищу там сайты знакомств. Да, это будет очень полезно для меня. Мир не ограничивается такими, как Стас, в нем столько интересных людей, и непременно найдется мой...

Почему же мне сейчас так грустно? Никто не знает?

Тоже мне, хорош гусь. Обещал Веронике в семь уже встречать ее, а сам подзадержался на тренировке.

Стас открыл парням зал, предупредив, что заниматься сегодня не будет, переодеваться даже не стал. Потом слово за слово, немного размялся с ними, покачал пресс и спину, отжался, а в это время часики натикали столько, что пришлось домой чуть ли не лететь, чтобы вовремя встретить гостью.

Стас завалился в квартиру без пятнадцати семь, и по запаху пота от своей одежды решил, что при таком параде встречать Веронику никак нельзя.

Звонок в дверь застал Стаса в ванной. Он быстро помылся, и уже взял в руки джинсы. Стас кое-как натянул штаны на мокрое тело и босиком, как был, побежал к двери.

Стас сначала не понял, почему Вероника стоит в дверях и не проходит, потом посмотрел на ее ошарашенное лицо, вспомнил о своем неприличном для благовоспитанной женщины виде и очень развеселился. Ничего, пусть посмотрит. Ей полезно.

— Мы вроде в шахматы играть собрались? — ничего дамочка, в обморок не упала, не убежала, да и без прочих неприятных вещей. Стасу всегда нравились умеющие владеть собой люди. Молодец, одно очко — ей.

— Извини, самому неудобно. Торопился с тренировки, не успевал. Ты проходи, я оденусь сейчас. — Пускай выдохнет маленько и успокоится.

Неудачница умела держаться мужественно. Переступив порог, она даже спросила вежливо, с намеком на юмор:

— А что за тренировка, если не секрет, с которой забываешь обо всем?

Стас не стал ничего выдумывать. А зачем? Сказал как есть, и развеселился еще больше, наблюдая, как бледнеет лицо Вероники.

Ладно, поугадали и хватит. А-то совсем уйдет, и в шахматы сыграть не получится. Стас оделся, на лицо надел выражением радушного хозяина, и все пошло как по маслу. Сыграли несколько партий, и Вероника не обманула: она действительно хорошо играла в шахматы. Есть у кого поучиться Стасу.

Но, кроме радости от игры и веселья Стаса по поводу трогательного поведения Вероники (она заметно стеснялась его, постоянно пыталась отодвинуться, а уж когда Стас ей кофе передал, так вообще вспыхнула как маков цвет), в душе Стаса появилось какое-то щемящее чувство тоски. Вот сидит она здесь, такая маленькая и съезжившаяся, почти без косметики на лице, в глухой своей кофте, болтающейся на ней, в скромненьких джинсах. Серый воробышек, принявший правила его игры. А почему бы не накраситься? Почему не побороться за его внимание? Конечно, бесполезно, но женщина всегда должна быть женщиной...

Потом он вспомнил: Алиса. Вероника видела их вдвоем, и высокие моральные качества не позволят ей очаровывать мужчину, который занят. Стасу стало еще тоскливее, как будто он что-то кому-то проиграл. И, как апофеоз его тоски, партию в шахматы прервала та же Алиса со своими пьяными признаниями в любви и просьбой забрать ее из ресторана. Глаза Вероники странно сверкнули, и Стасу как в голову ударило: никого у нее нет. Настроение испортилось полностью, хотя у него-то все было хорошо, в отличие от мадам.

Стасу по доброте душевной бы ее приободрить, но как? Сказать: «Да не переживай, все у тебя будет?» Или как там говорят...

Вероника при ближайшем рассмотрении оказалась очень даже ничего. Сообразительная, понятливая. Знает, когда нужно промолчать. И довольно миленькая, и джемпер не скрыл от Стаса мягких изгибов тела. Он даже чуть возбудился, когда она села напротив него, и так скромно отодвигала стульчик...

Стас ничего ей не сказал. Правильно сделал, наверное.

А Алису пришлось привезти к себе домой и уложить в комнате для гостей. Лежать рядом с дышащей перегаром женщиной Стасу не хотелось.

— Стасик, — пьяно протянула Алиса, протягивая к нему свои руки, но Стас пресек на корню все ее поползновения.

— Спи давай, — рявкнул он, и Алиса покорно закрыла свои сногсшибательные глазки. Стас стянул с нее обувь и закрыл за собой дверь комнаты. Алиска даже растрепанная очень красива, и она уж не совсем пьяна, чтобы лежать бревном, но... не сегодня, наверно.

Стас зашел на кухню, чтобы выпить еще кофе. Ох, завтра будет и трудный подъем, но Стасу было все равно.

Запах ее духов еще витал в воздухе. Неуловимо, неразличимо. А может, это все уже казалось Стасу.

Что она сейчас делает? Дурацкий вопрос, совсем сбрендил. Стас не стал пить кофе, налил стакан воды, сделал пару глотков. Спит уже, наверно. Милая смешная неудачница. Завтра же будничные день, пробежка и работа у нее. Позволить себе напиться, как Алиса, Вероника не может. Алиска точно проспит до обеда, а эта будет ранним утром выгуливать свою собачонку...

Стас погасил свет на кухне, зашел в ванную почистить зубы. Потом бесшумно прошел мимо комнаты для гостей в свою комнату, остановившись ненадолго, чтобы послушать сонное дыхание Алисы.

Он привычно растянулся на узкой жесткой кровати и закрыл глаза. Школьная учительница, с ума сойти. Вот ведь не повезло-то... Стас проворочался около часа, и только потом заснул крепким сном без сновидений.

День учителя. Объяснить, что это такое?

Все детишки и учителя приходят в школу наряженными. Уроки толком в этот счастливый для всех день не ведутся, и у детей двойной праздник. Они взмыленные бегают по кабинетам, разнося цветы и подарки, поздравляют учителей и обещают все то, что на следующий день непременно нарушат на первом же уроке. А мы благосклонно киваем и принимаем поздравления.

После уроков будет обязательный концерт, и выступают на нем талантливые детишки из нашей же школы, да и просто те, кто хочет выступить. А после начинается неофициальная часть за закрытыми дверями школьной столовой.

Идти на сие сомнительное мероприятие я отказалась еще неделю назад, когда собирали с учителей деньги на застолье, хотя Роза Андреевна уговаривала меня остаться. Ну уж нет. Лучше лишний раз побуду дома, отдохну немного, а вечером мы со Стасом вновь играем в шахматы.

Нужно сказать, что моего боевого запала найти себе прекрасного принца хватило ровно на полночи. Тогда, вернувшись от Стаса, я до двух часов просидела в интернете на этих сайтах знакомств. Добавила свои хорошенькие фотографии и даже пообщалась с парочкой загадочных мачо. Но после некоторых смутивших меня до глубины души вопросов о групповом сексе разговаривать и встречаться с одним мне не захотелось вовсе, а второй куда-то пропал сам. Видимо, я не предприняла правильных шагов к сближению.

А потом закрутилась привычная череда будней, и мне уже стало не до сайтов. Работа в школе, репетиторства, стрейчинг и танцы в фитнес-клубе (если не сходишь, то все, больше не выползешь, поэтому я с упорством старалась не пропускать, хотя мне это все дорогого стоило), а еще и Стас в нагрузку. Пробежки я уже прекратила — единственная побрякка себе, но я могла оправдать себя ненастной погодой и... Да чего там, когда оправдываешься, сотни причин найдешь.

Но погода действительно установилась слякотная и противная. А Стас так и продолжает бегать, и будет бегать всю зиму. Он сам мне говорил.

Наши шахматные турниры вовсе не прекратились. Я бы сказала, даже наоборот. Раза два — три в неделю встречаемся мы точно, один день — обязательно в выходные, и играем побольше. В будни — так, недолго, час, и не больше.

Я получила неофициальное разрешение болтать о том, что думаю, и задавать различные вопросы не по существу. Стас же во всей красе показал мне свое чрезвычайно обидное чувство юмора и жесткость суждений. В общем, мы с ним отличненько поладили, исключая те моменты, когда мне становилось обидно до слез. Но, если объективно, Стас не был виноват в моих обидах, так что злиться на него у меня не было причин. А то, что меня иногда задевали его слова... с кем не случается.

Наверно, нужно было прекратить все эти встречи. Стас уже довольно сносно играл в шахматы, а в шашки даже очень прилично, так что мой долг я отдала с лихвой. Прекращать...ага. Попробуй перестать общаться с таким красавцем с острым языком. Если цитировать Лермонтова, а именно — его роман «Герой нашего времени», который юные девятиклассницы прочитывают, увы, очень невнимательно, то там есть одна интереснейшая фразочка: «Зло привлекательно». Вот и уйди от такого стервеца.

Сегодня Стас обещал мне даже угощение. «Давай, Вероника, не задерживайся в своей школе. С меня ужин и...ты что там пьешь? А, да, забыл. Минералку и сок. Короче, мартини подойдет, я думаю. А на крайняк возьму абсент». Паразит.

Я сижу в актовом зале, такая же красиво причесанная и принарядившаяся, как и остальные учителя. Я бы даже сказала, что выгляжу очень неплохо, но до той прекрасной девушки из кафе, которая была рядом со Стасом, мне далеко, как до Китая.

Зато здесь я на своем месте, и скоро увижу звездочки глаз наших одаренных учащихся. И Яну в том числе. И я тоже немного имею отношения к успехам моих учеников. Маленькое, крошечное, но отношение. Ведь я учитель.

Собственно говоря, я здесь все уже видела. Репертуар наших школьных концертов не меняется по несколько лет. Сначала выходит малышня, и под песенку «Сюрприз» исполняет три притопа и два прихлопа. Но родителям, сидящим здесь же в зале, эти нетрудные движения малышей кажутся лучшими на свете. Мне иногда больно смотреть на них. Три минуты внутренней пытки, и я свободна.

Потом обязательное чтение стихотворений учеников Нины Петровны. Она считает себя ведущим учителем и всегда выставляет этих горе-чтецов стихотворений, которые и слова могут исковеркать, и интонацию исказить. Вот и они, и снова Пушкин. Мы с Розой Андреевной переглядываемся. Рядом шумно вздыхает Юлька. Тоже учительница русского и литературы. Она еще молоденькая совсем, не понимает глубины всех подпольных интриг. Привыкнет, если задержится в школе надолго.

Дальше танец восьмиклассников...песня пятиклассника... гимнастический номер шестиклассницы... и выходит Яночка с гитарой. Спокойно, без суеты, регулирует микрофон. Паренек из моего класса, тихонький Максим, выносит стул: Яна всегда сидит, когда поет.

— Уважаемые учителя, поздравляю всех-всех с праздником. Здоровья, радости и много счастья. Я Вас очень люблю. Хотела бы спеть для Вас песню под названием «Дева-Богородица», — Яна говорит неспешно и очень четко, и с таким посылом, что вряд ли кто откажется слушать ее песню, но я все же немного напрягаюсь, оглядывая глазами зрителей. Роза Андреевна тоже настораживается и чуть заметно качает головой. Есть такое понятие — удобные и неудобные песни на школьном концерте. Те, которые исполнять можно, и те, которые лучше не петь. Религиозные тексты не слишком хорошо воспринимаются в праздник, они очень личные, что ли. Заставляют грустить и задуматься о вечном, а сегодня не время для печали, даже светлой. Оглядываюсь осторожно на директора школы и вижу печать недовольствия на ее лице. Ничего, перебежешь.

Но как только Яночка начинает петь, все меняется. Ангельский голос Яны проникает в каждую душу, и зал зачарован ангельским голосом, а мне становится тепло и радостно, что я живу, что нахожусь именно здесь и сейчас, что не променяла своей мечты и устремления ни на что. Значит, все было не зря, и ничего в этой жизни не зря. И мне верится, что все лучшее впереди, что все обязательно исполнится и случится, и хочется плакать от трепета души и счастья, которое появилось спонтанно, неожиданно, и вдруг осветило всю мою маленькую жизнь.

Дева — Богородица,
Где любовь находится?
— Там любовь находится,
Где печаль поет...
Нежность с небом сходится,

Зло с добром расходится,
Там, где Бог находится -
Там печаль поет...

Ветер дует так сильно, что мне кажется, будто я не надела плащ. Но теплая куртка смотрится совсем некрасиво с моим платьем, поэтому приходится потерпеть. Пакеты с подарками оттягивают руки, я еще цветы... Вздыхаю и делаю шаг со школьного крыльца. Впереди одна остановка пронизывающего ветра — расплата за красоту — и одиночества, ибо все пакеты и цветы нести мне некому.

Впору вспомнить слова любимейшего Екклесиаста о том, что все есть суета и томление духа. «Всему есть свое время, и время всякой вещи под небом... Время рождаться и время умирать, Время насаждать, и время вырывать посаженное... Время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить...Время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать...». И время идти с пакетами в одиночестве. Уж чего-чего, а Книгу Екклесиаста я знаю чуть ли не наизусть. Совсем печально, и просвета не видать, и даже его призыв радоваться настоящему звучал для меня когда-то очень трагично. А потом я прочитала Новый завет, и нашла в нем строчки, говорящие о том, что Бог знает о тебе лучше, чем ты можешь себе представить. И ни один волос не упадет без Воли Гос...

— Вероника Васильевна!

Оборачиваюсь. Передо мной высокий мужчина в элегантном пальто. Благородная седина в темных волосах, худощавый, с умным интеллигентным лицом и добрыми карими глазами, смотрящими на меня сейчас немного несмело. В руке подарочный пакет. Я его точно ни разу не видела.

— Извините, — улыбается мне он и подходит ближе, — меня зовут Роберт Евгеньевич, я папа Марка. Того самого, который вам парту сломал.

Ну вот, наконец увидела этого «импозантного сектанта». Мне о нем до сих пор жужжит в уши Роза Андреевна. Да, я ее понимаю. Действительно, импозантный. И другого слова не подберешь.

Он подходит ближе и протягивает мне пакет.

— С праздником, Вероника Васильевна. Только вы пакетами увешаны... Давайте помогу.

— Сделайте одолжение, — говорю я и отдаю ему все пакеты, оставляя только себе цветы. — Я недалеко тут живу. Поможете донести?

Должен же он мне хоть немножко за сломанную парту? Должен.

— Конечно, — какой приятный голос!

— А вы... просто решили меня поздравить? — интересуюсь я.

Добрая улыбка папы Марка способна растопить ледники. Он идет рядом со мной, несет пакеты.

— Решил поздравить, да. Но не просто. Каюсь, Вероника Васильевна. Я помню о вашей парте намного лучше, чем вам кажется. Но, к сожалению, сейчас загружен просто полностью по работе. Я педиатр, сейчас что-то с вызовами случилось непонятное. По двадцать, двадцать пять бывает в день. Все гриппы, простуды, да много всего...Осень, ничего не поделаешь. Поэтому хожу по адресам, и совсем нет времени зайти в школу. Один раз зашел после работы, так меня дальше порога школы не пустили. А сегодня, подумал, вы меня совсем расстреляете, если к вам в школу зайду. Очень извиняюсь перед вами...

— Да ладно, ничего страшного, — мое сердце тает, и я почти счастлива сейчас. Бывают же приятные родители.

— Обязательно приду, деревянную доску давно заказал, мне сделали по размерам. Лежит дома. Вероника Васильевна, я понимаю, что вас задерживаю с партой, подождете еще немного?

— Конечно, — как тут откажешь? — Приходите в любое время. Я дала Марку номер своего телефона, позвоните.

— Да. Он мне передал. Как мой Марк вообще, ничего? Русский я у него не всегда, но проверяю, и по литературе он мне два стиха рассказывал...

— Хороший мальчик, активный, вежливый, — отвечаю я, — стихотворения хорошо отвечает, а вот с русским...ну, на четверку...

— Да, с этим у него раньше лучше было, — вздыхает папа Марка, — с ним занималась моя жена. Но два года как она погибла с младшим сыном, я...я все не успеваю с ним сделать. Их насмерть сбила машина почти два года назад.

— Соболезную, — уже не чувствую холода.

Роберт Евгеньевич не отвечает. Задерживаю дыхание. Как просто и бесхитростно он рассказывает о своем горе! А вы-то, Вероничка, вспомните-ка, как плакались о своей беде, как рыдали ночами в подушку. А здесь — так. Мимоходом, между делом, со всепрощающей и доброй улыбкой...

Вместе с младшим сыном. «Но старший- то у него остался», — твердит вредный внутренний голос. И у него есть то, ради чего стоит жить. И еще он — мужчина. Интересный мужчина, у которого, скорее всего, много поклонниц, и все впереди, и прочее, прочее...

Листья летят на ветру. Такой холодный октябрь. А у меня отняли когда-то сразу так много...

Ну давай, Вероника. Померяйся с этим мормоном величиной своей трагедии. Давай Вперед и с песней. Когда-то Иисус произнес великую фразу: «Маловерные!» О тебе произнес тоже.

— Вы, наверно, думаете сейчас, почему я так легко говорю о своей беде, — мы уже пришли, но я не в силах уйти, вежливо попрощавшись. Как зачарованная, я стою и слушаю этого человека. Может, читает мысли?

— Я же мормон, — он говорит эту фразу чуть иронично, будто посмеиваясь над собой, и я не в силах отвести взгляд от интеллигентного лица, на котором так выделяются темные глаза — в них будто огоньки внутри, — с верой легче переживать все. Да и церковь нас очень поддержала. Старейшины помогли уехать из Питера, чтобы не вспоминать... Мы здесь с весны, все лето прожили. А теперь вот Марк пошел в пятый класс...

— О, у него все будет хорошо, я уверена, — быстро говорю я, — он очень общительный мальчик, и у него много друзей...

— Да. Благодарю вас. Донесу ваши сумки до квартиры?

— Я сама, спасибо, — почему-то пугаюсь.

— Мне это вовсе не трудно...

— Нет, не нужно.

— Хорошо. До свиданья, Вероника Васильевна. Вы уж извините, что так...

— Да ладно, бросьте.

Я вижу, что мормон хочет еще поговорить. Рассказать о своем сыне побольше, поделиться страхами и надеждами. Родители о своих детях могут говорить часами, часами.

Но он слишком воспитан и интеллигентен, чтобы вот так вот, сразу, поделиться всем этим. Прекрасно понимает, что нужно вовремя остановиться.

— До свиданья, — беру у него сумки и пораженно смотрю, как он уходит от меня по тротуару, немного ссутулившись, заложив руки в карманы пальто, и ветер метет за ним опавшие листья...

Ощущение печали пронизывает меня всю. Детский доктор. Каково ему лечить чужих детишек и каждый день ощущать, что твоего ребенка уже нет на земле?

«А тебе?» — ехидничает внутренний голос.

Стоп. Остановим гадкие мысли. Сейчас я забегу домой, положу все подарки, цветы поставлю в воду и погуляю с Жужиком. А потом — такая красивая и воздушная — заявлюсь к Стасу. Вот ему радость устрою. То-то будет смех.

Не поймешь этих баб.

То сидят в балахоне и улыбаются, а то нарядно одетые и накрашенные грустят и пребывают в рассеянности. Стас уж ждал чего-то особенного сегодня: игривого кокетства из серии «Посмотри, какая я красивая», милой застенчивости, железной уверенности в себе — но никак не вот того, что сидит сейчас напротив.

— Вероничка, разгрузи свой самосвал, — елейным голосом рекомендует Стас, но его актерское мастерство вызывает на лице Вероники лишь смутную полуулыбку. И больше ничего.

От угощения тоже отказалась, взяла пирожное одно и успокоилась на этом. В пашки (сегодня для шахмат трудный день, говорит) абсолютно лажает, даже начинающий Стас это видит. Уже проигрывает ему вторую партию. Случилось ли что?

Нет, Стасу никогда не понять этот чертов слабый пол. Ну что ты печалишься, решай свои проблемы...

— Разгрузчик-то, поди, уехал? — надо с ней поговорить. Сегодня двух слов не сказала, а обычно чешет о школе без умолку.

— Да, сейчас я, — точно не в своем уме.

— Не играем, пока в себя не придешь. Точка. — Стас говорит тихо, но жестко, как когда-то в свое время приводил в чувство молодых необстрелянных духов.

Вероника аж на стуле подпрыгнула. Моргает удивленно и чуть испуганно.

— Может, хватит на сегодня? Ты устала, наверное? — Стас быстренько меняет тактику. — Сидишь и ничего не соображаешь...

— Извини. Нет, все нормально. Я задумалась просто.

— Случилось что?

— Нет. И да, наверно, — мечтательная улыбка трогает уголки губ Вероники, но глаза не особо радостные. Бывает же такое. Теперь наступает очередь Стаса удивленно проморгаться. Это что еще за новость?

— Думаю, как интересно жизнь устроена, — неопределенно улыбается Вероника, говоря так, будто Стаса вообще нет здесь, — Вот живешь и думаешь, что все у тебя в жизни не очень хорошо складывается, а потом...

— А потом что?

— Потом встречаешь человека, которому даже в чем-то тяжелее тебя.

Это кого там она встретила? Стас даже подвинулся ближе к Веронике, а та, по привычке, отодвинулась от него.

— А тебе в чем тяжело, дорогая?

— Нет. Мне — нет, — да тебя мешком пыльным стукнули! — Все хорошо, Стас. Давай играть.

Вот и поговорили.

— Давай. В карты на раздевание.

Глаза Вероники распахиваются. Отлично. Спящая Красавица проснулась, и поцелуя не требуется.

— Хорош свои шутки шутить, — говорит обиженно. Стас хохотнул.

— А теперь играть давай.

Вероника зло зыркает на него из-под длинных накрашенных ресниц. Стас, посмеиваясь, расставляет шашки. Ничего, привычная уже, и слабо реагирует. Потому что не верит, что он такое предложит по-настоящему.

Стас уже несколько раз ловил себя на том, что с Вероникой он чувствует себя как со старым, прошедшим с ним огонь и воду, товарищем. Боевая подруга. И подколоть не жалко, и распеваться соловьем не стоит.

А если действительно раздеть Веронику, это как будет, интересно?

Стас оценивающе посмотрел на нежно-голубое платье, обтягивающее фигуру Вероники. Хорошенькое, только совсем без декольте, строгое такое, с узким поясом на талии. Алиска бы такое в жизни не надела, у нее вечно сиськи вываливаются отовсюду. Но эта со школьного концерта, поэтому все просто, элегантно и максимально корректно. И накрашена умело, но в меру.

— Почему всегда так не ходишь? Первый раз тебя красивой такой вижу, — неожиданно для себя выдал Стас. Конечно, мы — о наболевшем.

Вероника не удивляется, лишь пожимает плечами.

— Ты меня по утрам встречал, там костюм спортивный. В школу каждый день сил нет так наряжаться, да и не нужно это. А куда мне еще? И что за дурацкий вопрос? — заканчивает она зло. Ого, нервничает красотка.

Злая Вероника очень нравилась Стасу. Почему-то ему хотелось злить ее постоянно.

— Хороший вопрос. Адекватный ситуации. Ты такая красивая сегодня. Неужели на комплимент обидишься? Нет? А вопрос по существу. Я же не казал ничего обидного... — кружил вокруг да около Стас.

— Тебе-то что за беда? — любит мадам задавать прямые вопросы. Глазами ох как сверкает. Такой беззащитной кажется, надави посильнее — насмерть обидишь. Но Стас не зря несколько лет провел среди чеченов, и командир не зря его выделял среди всех своих новобранцев. Оттуда, с Кавказа, Стас привез помимо всех мешающих иногда заснуть воспоминаний эту восточную игру нагнетать и разряжать обстановку, вести разговор на острие скандала, но не проваливаться в него.

— Ну, люблю я, когда рядом красивая девушка сидит. И ты красивая. Хочется, чтобы еще красивее была. Еще чайку?

Вероника закатывает глаза, не веря ни одному его слову. Но конфликт исчерпан, и развивать тему она вряд ли будет.

— Нет, спасибо.

— И мое предложение в карты на раздевание еще остается в силе. Обещаю: в первый раз я поддамся.

— Мы уже все видели, — не поднимая глаз, тихо говорит Вероника и переставляет

пашку.

— Я могу снять сначала штаны, раз майка тебя не устраивает.

Красная от смущения, да еще злая, Вероника действует на Стаса только одним образом. Он уже в подробностях представил игру, и в штанах стало тесно. Жаль, что снять их — вероятность ноля процентов. А снять для чего-то — так вообще она в минуса уйдет...

— Меня устраиваешь ты одетый. Играй, пожалуйста.

— Серьезно? Что же мне не везет?

— С другими повезет. Твой ход, — отрезает Вероника.

— Молчу-молчу, дорогая, — машет рукам Стас и продолжает посмеиваться. Довел-таки. Вышла из своего коматозно-романтического настроения полностью. Глазами готова испепелить Стаса.

Но она не уйдет, хлопнув дверью. Во-первых, воспитанная. А во-вторых, ей нравится играть со Стасом в шахматы и пить чай на его кухне долгими осенними вечерами. Да и сам он, как понял Стас, ей тоже интересен. И косые взгляды Вероники на бицепсы Стаса и его обтягивающую черную майку, которую он всегда носил дома, сказали ему о многом.

Любую другую после недолгой интимной беседы Стас мог бы быстренько разложить тут же, на кухонном столе, и трахать глубоко и долго. А с этой позволял себе лишь грязные намеки, да и то — в шутку. Чудеса.

Вот так и играют они уже какую неделю. Стас рассматривал Веронику лишь как случайного партнера по шахматам, а мысли уже начали уходить в сторону. А что такого? Неудачница — симпатичная женщина, как оказалось при ближайшем рассмотрении. А может, он просто привык к ее чудаковатости, как когда-то привык к неземной красоте Алиски. Ко всему же привыкаешь.

Вероника симпатичная, образованная, сообразительная... А еще правильная и гордая не в меру. И трогательная такая в своих рассказах о косточках Жужика и проказах школьников. Стаса это лопотание сначала чуть напрягало, но потом он смирился и с этим. Ничего особенного — женщины.

— Может, чего поешь? Вообще не ела, а время — вечер.

— Не хочется, Стас, спасибо большое.

Вернулись к исходным рубежам. Вероника вновь загрустила. Как ее еще растрясти?

— Не могу уже смотреть на тебя. Да что такое?

— Ничего, Стас, просто грустно как-то. Осень...

— Это ты в праздник свой грустишь? А как тогда в обычные дни? Слушай, заканчивай все это. Не перестанешь, я тебя прямо здесь зацелую.

Вероника закидывает голову и смеется легко и весело. Твою мать, ненормальная. Но глаза ее теплеют, и она с улыбкой отвечает:

— Ты так иногда можешь поддержать, Стас. И вредный, конечно, но...ай, да ладно. Играем. Если не подстрахуешься, я сейчас выиграю, видишь?

— Видишь, — Стас посмотрел на доску. Значит, говорить мы не хотим о своих проблемах. Похвально, конечно, только вот задело это Стаса. И не поймешь толком почему. Он искоса посмотрел на Веронику. В деньгах дело? Обидел кто? Или это та тоска, которая иногда охватывает самого Стаса, если ничем не занят? Не разберешь.

Они поиграли еще немного в молчании. Потом Вероника встала из-за стола.

— Пойду я, Стас, устала. лягу пораньше, выплусь.

— Как скажешь, — и Стас последовал за ней по коридору. Вероника легко ступала по

паркету, и Стас с удивлением отметил, что она в последнее время вообще исхудала. Или это все ее кофты да спортивный костюмчик не красили? Сейчас он мог свободно разглядывать Веронику, отмечать красивое колыхание бедер, тонкую талию — а еще напряженную до предела спину. И кроме желания, вспыхнувшего, когда она только переступила порог его квартиры, сняла плащ, и Стас на секунду остолбенел, к этому чувству добавилась еще странная боль, которая шла откуда-то из груди. Словно в непроглядной темноте кувшина кто-то начал пробивать дырочку, и не сегодня-завтра стенки кувшина треснут, и внутренность его заполнится светом и болью. Стас даже губу закусил. Придет же такое в голову.

Он даже плащ ей не помог надеть, молча стоял рядом и погружался в эту внутреннюю боль. И все же опомнился, перехватив взгляд Вероники, устремленный на дверь.

— Слушай, возьми с собой еды домой. Очухаешься и поешь.

— Стас, нет, — замотала головой Вероника, но Стас даже слушать не стал:

— Здесь стой. Это приказ.

Вернулся на кухню, быстро собрал в большой фирменный пакет и роллы, и пирожные, и коробку с пиццей, которую даже не открыли. У Стаса осталась еще коробка с пиццей и конфеты. Подумав, он добавил эту нераспечатанную коробку тоже. Для женщин конфет много не бывает.

Она послушно стояла в прихожей, все такая же напряженная. Увидев пакет, слабо запротестовала:

— Стас, ну зачем...

— А у кого праздник, дорогая? Забирай и кушай на здоровье. Мой маленький подарок тебе. И даже не спорь. Ты меня обидишь...

— Если только подарок, — Вероника натянуто улыбнулась.

Несколько мгновений Стас ощущал под своими пальцами маленькие пальчики Вероники: изловчился так передать пакет, чтобы немного задержать это время, когда может ее касаться. Зачем ему это надо было, Стас даже размышлять побоялся.

Она ничего не заметила.

— Пока, Стас. Как обычно, в субботу вечером?

— Да, только позвони предварительно. Я ж после тренировки, могу и опоздать домой.

— Знаю. Всегда же звоню. Пока. Спасибо за подарок.

— Да было бы за что, — протянул Стас. Вероника всегда спускалась по лестнице, без всяких лифтов. Вот и сейчас она скрылась в лестничном переходе. Маленькая, одинокая...

Стас закрыл дверь и вернулся на кухню. Поглядел на ровные кучки шашек, на шахматную доску. Только они напоминали о том, что Вероника была здесь. Стас убрал и шашки, и доску, потом вытащил пиво из холодильника, снова поставил на место... Взял телефон и набрал знакомый номер.

— Ты сейчас свободна, дорогая? — коротко спросил он Алису, зная, что всегда получит утвердительный ответ.

Ну и ночка. За окном продолжает гудеть ветер, а береза, растущая рядом с моим домом, бьет ветками прямо в стекло.

Жужик спит у меня в ногах, дергая во сне задней лапой. Что уж там ему снится...

А мне ничего не снится, потому что я вообще не засыпала, и вряд ли сегодня засну. Ворочаюсь в кровати довольно давно. Нет, надо выпить валерьяночки.

Шутник чертов. Спит себе и в ус не дуёт. И не один спит, поспорю на что угодно, а с той русалкой с волоокими глазами, или ещё с кем.

Такие бессонницы стали случаться со мной периодически, строго после игр в шахматы. Ага, насмотришься такой красоты, и спать совсем не хочется. И полночи в голову лезут разные мысли: то о бренности всего сущего, а то чисто интимного содержания. Но это и неудивительно. Когда я там с кем-то встречалась после развода, хорошо бы вспомнить...

Карты на раздевание — это новость. Раньше подколы были как-то полегче, что ли. Проверялись границы дозволенного, шло наблюдение за тем, какотреагирую на реплику. Ничего нового, между прочим. Детишки это делают с первого класса, если не раньше. Здесь же общение было лишь изощреннее, на уровне взрослых, только и всего. Обычные игры мужиков в превосходство. Только вот чего уж со мной играть? Да крутой ты, крутой, я сто раз поняла и увидела. Уфф...

Переворачиваюсь на другой бок. Бесполезно. Иногда чувствую мороз по коже, когда он насмешливо смотрит своими пасмурными глазами на меня, когда ерошит короткий ежик волос, задумываясь над ходом. Он всегда чисто выбрит, и пахнет от него мылом и одеколоном, и один раз в неделю, в субботу, Стас после своей тренировки сидит такой расслабленный, счастливый и довольный, почти не язвит. Тогда мне кажется, что вечность бы просидела рядом.

Просто бы сидела и смотрела на него... идиотка.

Конечно, мне хотелось провести этот вечер со Стасом совсем не так. Даже можно было бы выпить этого противного абсента, и тогда, пьяная, я бы точно на всякие карты согласилась. А может, и нет. Но теперь этого не узнаю: отец Марка и его трагедия затмили мне все праздничное настроение. Сидела рядом со Стасом и видела будто наяву, как Роберт Евгеньевич в своем темном пальто идет от дома к дому. Его вызывают к больным детям, наверное, чаще к маленьким. Опять я почувствовала то, что древние называли смутной печалью. Хватит. И ты всему веришь, Вероничка... Может, он и особо не любил свою жену. Может, он вообще наврал о своей потере, и все было совсем не так, сейчас же не проверишь. Развесила уши. Конечно, такому «импозантному» — и не поверить?

Зло кидаю подушку на пол. Жужик поднимает голову, недовольно ворчит и подвигается ближе. Спи, мол. Какой там спать!

А почему все-таки карты на раздевание? Это что, переход к более сложным видам издевок? А если бы я согласилась, что тогда? Посмеялся над моей застенчивостью, похвалился своим тренированным телом? Ну, мы тоже тренированные, допустим. А дальше-то что? Опять бы спокойненько оделись как ни в чем не бывало? Или эти карты были приглашением к чему-то? Или не были?

Все, пора пить успокаивающие и засыпать. Завтра приду к детям с квадратными глазами. Я расплачиваюсь за эти бессонницы ужасной головной болью, разбитостью и мыслями о том, что в жизни мне с мужиками не везет. Последнее ужаснее всего. Потом тянутся мысли о моей общей неблагополучности, несоответствии идеалам, которые приняты в обществе. У меня в мои годы должны быть муж и дети. У меня нет ничего...

Но и у Стаса ничего нет, а уж эту ундину я за будущую жену не посчитаю.

Но вот к таким мужчинам, как Стас, все журналы отнеслись бы иначе. Перспективный жених. Все впереди. А, черт!

Срываюсь с кровати, прямиком на кухню. Нахожу на окне любимый пузырек, залпом запиваю водой четыре таблетки. Завтра встану с трудом. Плевать.

Жужик цокает коготками по полу, идет за мной на кухню. Я ухожу оттуда, и собака — следом. Он так и будет ходить хвостиком, ничего не понимая, но верно и преданно пойдет за мной куда угодно.

Вновь забираюсь в постель, подхватываю с пола подушку, и Жужик прыгает следом. Не буду его прогонять.

Постепенно успокаиваюсь, но продолжаю думать о кознях Стаса. Решил подловить на могу-не могу? Эти слова не просто так были сказаны, Стас вообще просто так редко что говорит. Общались, знаем. Глупее всего повестись на его подстрекательства, а потом краснеть, понимая, что у тебя есть определенные границы в общении, а у Стаса их вроде как нет.

Поставить Стаса на место. На какое? Ума не приложу.

Бросить эти турниры? Сердце тут же заныло. Прикипела душой к его резной кухне с маленькими ящичками и барной стойкой под старину, так там уютно вечерами, и Стас уж не совсем плохой собеседник. Интересно, он хоть что-нибудь кладет в эти ящички? Эх, была бы у меня такая кухня, как бы я развернулась...

Наконец решаю спокойно реагировать на подобные комментарии и стараться не показывать эмоций. В любом случае, слова — это только слова, что бы за ними не стояло. Всегда можешь подумать о хорошем и пропустить сказанное мимо ушей. А в это время помечтать о встрече с достойным мужчиной, который поймет и оценит, и который точно не посмеется над тобой. Ну только где же его найти, где же? А он вообще есть?

— Ну и как проходят обычно эти твои свидания?

Время — поздний субботний вечер. За окном темно и льет дождь. «Да посиди, пока не пройдет. Торопишься куда?» А дождь все не заканчивается. Бежать мне под дождем домой, потому что у Стаса нет зонтика («Блин, дорогая. Одолжил кому-то и с концами»), а свой я, естественно, не захватила, решив, что дождь не начнется. Все как обычно.

Вот и завела беседа нас в те дебри, о которых с мужчинами лучше не разговаривать.

— То есть это как понять? Нормально проходят, — надо было бежать под дождем. И зря я осталась. А все опять началось с веселеньких подколов на нужную тему.

— А как нормально? Ты объясни непонятливому Стасику. Мож я чего не понял в жизни...

— Как у всех.

— А как у всех? У всех — по-разному, — Стас щурит холодные серые глаза и готовится подловить меня на вранье.

— Стас, давай оставим эту тему. Все у меня хорошо, а будет еще лучше, — мантра для тех, кто одинок и вообще пребывает в грусти. Я ее замылила до жути, но по факту со мной действительно все хорошо. Жива, здорова, ноги-руки есть. Работа и жилье имеются, и если сравнить меня с негритяжкой из республики Чад...

— Как скажешь.

Мы уже давно не играем. На столе стоят две чашки кофе: сегодня Стас продемонстрировал мне способности своей новой кофеварки. Кофе очень вкусный, у Стаса даже корица оказалась. Я пью уже третью чашку и не боюсь, что случится бессонница: она мне и так обеспечена. Сегодня на Стасе нет обтягивающей майки, зато имеется незастегнутая рубашка. Периодически я незаметно кошусь на шрамы, рассекающие грудь Стаса, хотя спросить о них не решаюсь. Скажет еще, чего я туда смотрю и прочее. А если Стас решит развить тему, то будет просто песня. И где их такими злобными в армии делают?

Дождь не перестает. Стас вглядывается в темноту за окном.

— А зачем тебе узнавать о моих свиданиях, Стас? — надоел со своими вопросами. Мне кажется иногда, что я ему интересна, что хоть немножко нравлюсь — хотя бы как противник по шахматам...

— Скучно, — просто отвечает Стас.

А иногда я понимаю, что это просто твердолобый вояка, в обществе которого теряю драгоценное время, которое могу потратить на поиски любимого человека. Толку-то мне от брутальности и мужественности Стаса.

— В смысле — скучно? — осторожно уточняю я.

— Да без всяких смыслов. Просто скучно. И все.

— Это тебе-то? Сейчас? Ну я могу уйти...

— Да сиди ты. Вообще.

— Но у тебя и тренировки, и девушка такая красивая, и деньги есть. Живи — не хочу. Эх, мне бы твои проблемы...

— Не знаешь — не говори, — привычно отрезает Стас.

— Извини. Не знаю, это верно, — зря я так. Ведь действительно о Стасе мало что знаю. Располагаю сведениями, что он воевал, что некоторое время участвовал в соревнованиях «по

чему-то там» (Стас не распространялся, а я не выяснила вовремя), что занимается бизнесами (какими — опять белое пятно), и довольно успешно, даже наладил продажу социального хлеба для бабушек. Рассказал он мне также и про свою дачу, и еще немного по мелочи. О прошедших браках и детях Стас вообще не говорит, но сейчас не женат, это точно. Есть Алиса. Чем она занимается по жизни, кроме как является любовницей Стаса, до сих пор не ясно. Во как-то так.

Обо мне Стас тоже мало знает — особо не распространялась о прошлом. Но мое настоящее говорит, увы, само за себя.

— Так может, познакомимся как-то получше, чтобы я не задавала дурацких вопросов, которые тебе не нравятся? — вежливо говорю я и тут же обалдеваю от того, что сказала. Совсем не подумала. Случается же иногда так неудачно построить фразу. Я же хотела как лучше: посочувствовать, внимательно послушать. Мне ведь правда очень интересны рассказы успешного Стаса о его жизни.

Ну, а о том, что я действительно мечтаю познакомиться с ним поближе, никому не надо объяснять.

Вообще-то эту фразу можно было бы понять по-разному. Роберт Евгеньевич, например, правильно бы ее понял, как раз то, что я имела в виду.

А Стас, естественно, услышал то, чего я совсем не вкладывала в свои слова. Или не хотела бы вложить, но получилось. Он хохочет во все горло и бьет большой сильной ладонью по столу.

— Вероничка, ну ты прелесть просто. У меня в комнате кровать, пошли знакомиться.

— Дурак, — бросаю я, отодвигаясь, — я вообще не это...

— Заливай. Что, не нравлюсь ни капельки? — Стас прищуривает очень уж веселые глаза и с насмешкой смотрит на меня. Чувствую под его взглядом, будто по мне ползут муравьи. Сама виновата, Вероника. Этому палец в рот не клади. Выражения надо выбирать.

— Конечно, нравишься, — крайне дипломатично начинаю я. Отрицать глупо, — ты нравишься очень многим. Внешность, рост, очень...э-э...мужественный.

— Знаю. Дальше. — Веселье Стаса не заканчивается.

— Если знаешь, что спрашиваешь?

— Не пойму, в чем дело. Отвечаю: давай познакомимся поближе. Кровать у меня клевая. Ну. Я готов.

— Что ты все об одном? Да, ты внешне очень привлекательный. На улице много ходят привлекательных мужчин, но то не значит, что я готова с ними спать.

— Но сидишь ты на кухне Стаса, — мои руки лежат на столе, и его большой лапиче ничего не стоит накрыть сверху одну из них. Я ошарашенно наблюдаю, как его пальцы осторожно, будто лаская, сжимают мое запястье, перемещаются вверх, а я почему-то не могу отдернуть руку...все, получилось.

— Сижу на этой кухне из-за одной печальной истории, которая благодаря тебе закончилась хорошо. Пересказывать не буду, извини.

— Ага. Но обязательно расскажешь потомкам. — Стас о чем-то задумался. Опять смотрит в окно.

— Значит, вы у нас серьезная учительница, — задумчиво тянет Стас, — на обычной козе не подъедешь. Окей. Как насчет того, чтобы я тебя пригласил...допустим, в ресторан?

«У нас объявили ЕГЭ по русскому языку для бизнесменов?» — тут же издевательски отвечает мой внутренний голос. И все равно бросает в жар, и не верится в сча... Вот именно,

не верится. Внимательно вглядываюсь в лицо Стаса.

— Это ты скуку свою так решил разогнать? — спрашиваю едко. Придурок. Ишь, Печорин недоделанный. Решил развлечься. Только вот я не княжна Мери — извини, брат, годков побольше, да и опыт имеется. Пошла я отсюда.

— Да не кипишуй, Вероник, — лениво цедит Стас, бесстрастно наблюдая мои внутренние терзания, — чего злишься? Дослушай до конца, дорогая. Что за нетерпеливость...

Немного успокаиваюсь. Опять повелась. Уже сколько передумано об этом, сколько уже раз было. И все равно: как только Стас начинает помахивать красной тряпochкой издевок, становлюсь разъяренным быком. Как бы Стас ответил за свои пошлые подколы? Да так, как и намекает.

— Слушаю, — эта издевка, на которую я ведусь — последняя.

— Я тут вот что подумал. Может, ты немножко общаешься не так со своими потенциальными мужчинами, и стоит что-то переменить в жизни, а? Так вот. Поиграем с тобой, скажем... в свидание успешной женщины и красивого мужчины. Как смотришь? Все по-настоящему. Ресторан, свечи... И ты в шикарном платье. Можешь сама программу вечера придумать.

— А в роли прекрасного возлюбленного, конечно, ты? — иронизирую я.

— Конечно. Догадливая какая.

— То есть... А что входит в эту вашу обязательную программу? Подробнее расскажите.

— Как — что? Приглашение в ресторан, прогулка после, допустим, или что сама придумаешь... ну, и заключительную часть. Но это по желанию. И самое главное — если тебе удастся меня очаровать. А если нет, то извини, дорогая, — Стас разводит руками, — не дамся. Даже не проси.

И ничего не скажешь. Нужно бы послать Стаса подальше с его приколами. Но что-то меня останавливает. Пойти на свидание со Стасом, пусть и ненастоящее... Если раньше это был предел моих мечтаний, то теперь, когда я узнала его получше, вряд ли побегу сломя голову.

— А тебе какой интерес в этом? Устроился феей на полставки?

Стас вздыхает, вертит в руках кофейную чашку.

— Ну надо же иногда устраивать праздники для других, верно? Соглашайся, Вероничка. И тебе польза, и мне поможешь... Теряю хватку, видишь? Скучаю.

— А что скажет товарищ Алиса? Мне всегда казалось, что...

— А пусть это тебя не волнует. Тем более ты отказала мне, когда я предложил всяческие очень интересные вещи, чтобы — как ты там сказала? — познакомиться поближе. А ресторан... а что ресторан? Никто никому не изменяет. Ресторан ни к чему не обязывает. В ресторане и познакомимся... м-м... поближе. Все-все о себе расскажу, правда, и тебя с удовольствием послушаю, — глаза Стаса загадочны и непроницаемы.

Сейчас. Нашел дурочку.

— То есть... просто ресторан — и все? — недоверчиво уточняю я.

— Я же сказал — как пойдет. Может, вы воспылаете ко мне неистовой страстью после того, как я поведаю о своих героических поступках, которые совершил на войне и в свое жизни... — Все, занавес. Ну точно — Печорин.

— А если нет?

— А если нет — разойдемся по домам, — Стас бросает фальшивую патетику и говорит

обычным будничным голосом, — и я тебя жду, как обычно, на шахматную партию. Все просто. Соглашайся, дорогая. Немного праздника никогда не помешает, как считаешь? Расскажем друг другу о себе в приятной атмосфере. Клянусь, буду внимательным и очень милым, слова поперек не скажу. А ты почувствуешь себя настоящей успешной женщиной. Представь себе: хорошенький столик, мы с тобой, ты в красивом платье... Кстати, готов подарить тебе это платье и туфельки. Совершенно безвозмездно.

— Ну точно — фея, — усмехаюсь я, — как-нибудь обойдемся своими силами.

— Так ты согласна?

Нет, не согласна, Стас. Хватит уже, надоело! Ну сколько можно меня изводить? Почему бы не сказать прямо: «Я с такими, как ты, рассматриваю только вот такие игрушечные отношения, а никак не серьезные?»

— Только без этой твоей заключительной части. А так...давай попробуем.

— Я же сказал, что по ситуации. Всякое бывает в жизни, не предугадаешь...

Игры успешных людей. Как же мне претит все это. Вероника, сейчас самое время сказать Стасу, что так нормальные люди не делают, и эти развлечения не приведут ни к чему хорошему...

— Хорошо, — говорю после продолжительного молчания, — попробуем.

Вызов принят, и Рубикон пройден. Я в игры самых удачливых женщин, которым повезло встретить мужчину мечты.

Наряжалась и красилась на свидание я часа четыре. В лету канули тетрадки пятиклассников и сочинения о Базарове десятого класса. Прыгну из грязи в князи. Из синицы сделаюсь журавлем. Из Золушки превращусь в принцессу. Только вот Золушка мне всегда больше принцессы нравилась.

Еще пять минут — и готово. Мое лицо роковой женщины совсем не похоже на привычный образ. Так вот ты какая, успешная Вероника. Давай знакомиться, что ли...

Жужика, правда, вся эта краска не обманула. Он поглядел на меня, зевнул и уполз спать под стол. Хорошо, что некоторые сердца не смущает отсутствие или присутствие макияжа на твоём лице, и тебя любят по-прежнему. И пусть это всего лишь сердце собаки, но все же.

Стас ждал меня у подъезда в своем джипе. Неспешно подхожу к его машине, Стас выходит и галантно открывает дверь.

Что-то поторопилась я с такими играми, ну да ладно. Мне непривычно и странно, и бегут мурашки по телу, и ощущаю себя очень состоявшейся. Докажу кому угодно, кто смотрит на меня со стороны: вот джип, вот Стас, и у нас свидание. Но тут же появляются горькие мысли о том, что все это — фальшивка, и становится как-то нерадостно. Забудь, Вероника. Кто знает, как говорит Стас. Может, все получится? Что, если эта встреча изменит наши со Стасом жизни?

Стас оглядел меня с ног до головы.

— А вас, оказывается, Вероника Васильевна, если и приодеть, ничего такая штучка будете.

— Долго будешь отпускать свои остроты? Мы играем в твою чертову игру или нет? — сажусь к нему в машину. Стас обходит джип, открывает дверь и без лишних движений, легко и даже несколько грациозно, насколько позволяют его габариты, оказывается на месте водителя. Захлопывает дверь джипа и смотрит на меня. Мы начинаем КВН.

— Подожди-ка, Вероничка, — хищно улыбается Стас, все еще разглядывая меня, и, кажется, раза два раздев глазами, — что значит «моя игра»? Вы тоже играете. По-крупному.

Напомнить наше соглашение?

— Не надо, спасибо. Не забыла.

— Ну так я напомню еще разок, для профилактики, — он вдруг осторожно коснулся моего лица, провел ладонью по щеке. Мое сердце куда-то провалилось, Стас продолжал чуть охрипшим голосом:

— Играем с тобой в игру «Успешная женщина». Как водится, ресторан, красивый вечер, как следствие — продолжение банкета. Да, Вероника? — тихий голос Стаса завораживает, заставляет закрыть глаза, и слушаться, и делать все, что он хочет. Я ощущаю несколько мгновений, что я счастлива. В горле пересыхает, и тело начинает гореть. Я хочу играть в эту глупую игру, и хочу закончить вечер в той постели, которую случайно увидела, когда была открыта дверь в спальню. И ужасно хочу этого мужчину с жесткими мускулами и жестким лицом. Только бы быть рядом, чувствовать его рядом...

От таких крамольных мыслей вздрагиваю и вдруг понимаю, что Стас уже ничего не говорит, а внимательно глядит на меня, иронично прищурясь. Как обычно.

— Ты в прошлый раз мне все прекрасно описал. Ладно, поехали, а то я начинаю волноваться и могу передумать...

— Ну уж нет, дорогая, — также хриловато отвечает Стас и нажимает кнопку, отчего двери джипа автоматически закрываются, отрезая мне путь к бегству, — если ты сейчас передумаешь, мы пропустим почти все пункты вечера из жизни успешной женщины... за исключением последнего, разумеется. Знаешь, лесок недалеко здесь, там никто не увидит, — его горячая ладонь опускается на мое колено.

— А по-моему, в нашем договоре такого не было, — заявляю язвительно.

— А про неустойку слышала за невыполнение контракта? — и кто там обещал быть белым и пушистым? Ладно, напомним о другом.

— По-моему, лесок — не место для успешной женщины.

— Там многим место, — ладонь Стаса легко скользит вверх по бедру, подвигая плащ, а с ним и платье, все выше. Скоро он нащупает трусики...

— Что-то это плавно переходит в другую игру, — умело ловлю руку Стаса и убираю со своего тела. Прочь, подальше от позора! — Неужели к успешным женщинам относятся как к проституткам?

— Не знаю, — замялся Стас. — Трудно сказать. Ладно, я увлекся. Не все сразу, — и бесшабашная улыбка озаряет его лицо. — Мы оставляем все на потом, правда, дорогая? — легкий поцелуй Стаса. Его губы на секунду прикасаются к моим, и я перехожу в шоковое состояние. На такое я не рассчитывала.

— Извини, больше пока не буду. Это же классно, согласишься?

— Ну... — мне не до споров. Голова идет кругом. Я представляла начало этого «свидания» как-то иначе, что ли...

Стас вырывает на дорогу. Искося смотрю на его руки, уверенно лежащие на руле, перевожу взгляд на лицо и наблюдаю там неизменную ухмылку. Типичный испорченный мальчишка, хулиган и забияка, по которому тайно вздыхают все отличницы. Недалеко же я ушла от своего пятого класса. И все же тянусь к нему, и буду тянуться вопреки уверениям старших. Потому что он дерзкий и запретный. Мое тело продолжает гореть, и становится не по себе, и внизу живота появляется давно забытая тяжесть...

— Куда прикажете, мисс? Есть какое-то любимое место? Ваши предпочтения по кухне? Или предпочитаете отдаться мне... в выборе вечернего досуга? — Стас, как всегда, язвит.

Прекрасно понимает ведь, что мне особо не на что ездить по таким местам.

— Кто-то там про неустойку говорил... А в ней прописано, что Стас должен за языком следить? Сам обещал и не выполняешь, — ага, сейчас наступим на больную мозоль Стаса. Я уж знаю, как он к обещаниям относится серьезно.

— Да, было дело, — недовольно соглашается Стас, а я праздную маленькую победу.

— Едем куда ты выберешь. — Раньше, в прошлой жизни, я бывала в ресторанах с мужем, и довольно часто. Но сейчас — другая жизнь. У меня всегда много работы, тренировки. Жужик. И Библия на столе.

Мне становится неуютно. Не прелюбодействуй, не преступай свою любовь, не отдавай ее на посмешище...

Новый Завет помог мне прийти в себя. Да что я вообще делаю в машине Стаса, на что подписалась? «Просите — и дастся вам... Стучите — и вам отворят». Я столько просила и стучала, но Ты забрал мое счастье с собой. «Зачем счастье мое по степи ковыльной развеял?». Только сейчас, сидя в машине Стаса, я осознала, что такая игра мне не нужна, и мечтаю я совсем не об этом.

Бедной неимущей что-то хочется получить от жизни. Но Ты не удивляешься. Ты знаешь, что неимущая ничего не получит. И все-то у нее отнимется...

— Что задумалась? — заботливо спрашивает Стас, а мне вдруг становится противно от звука его голоса. Зачем я здесь? Потешить свои амбиции? Развеять скуку Стаса? Тоже мне, волонтерка.

Отворачиваюсь к окну.

За окном знаменитая улица. По вечерам здесь столько девушек, что ее название давно стало нарицательным.

— Притормози, Стас, — слышу будто со стороны и не узнаю свой голос. Кажется, говорю не я. Темная курточка, длинный светлый хвостик, огромные очки в пол-лица. Неужели вы думаете, что я не узнаю Лену Севальцеву, которую я учила с пятого класса, лишь потому, что на ней эти уродливые очки?

Начинаю задыхаться. Стас внимательно смотрит на меня. По каким-то неизвестным мне причинам он проезжает еще порядочное расстояние, и только после этого останавливается. Поворачивается ко мне.

— Что такое? — спокойно и тихо спрашивает он.

— Там, среди проституток, девочка моя, десятиклассница. Стас, мне нужно с ней поговорить, понимаешь? Что она там делает?

— А как же успешная женщина? — голос Стаса тихий и ровный.

— Успешная — никак, — огрызаюсь я, — а у неудачницы хлопот полон рот. Стас, открой... — я дергаю ручку двери джипа. Бесполезно, закрыта.

Как я подойду к Лене, о чем буду говорить — это сейчас не важно. Лишь бы выйти из машины и выяснить, что Лена там делает. Их трое, и стоят они все вместе. Может, увидела подружку и остановилась поболтать? Там лучше не стоять, там подъезжают машины, которые увозят ночных бабочек черт знает куда. Неужели у Лены такие знакомые? Она девочка из очень обеспеченной семьи...

Стас не торопится разблокировать двери.

— Ваши действия, Вероника, — ровно говорит он, — оцените обстановку и докладывайте.

— Стас, там ребенок... — начинаю я, но тому мои переживания, кажется, безразличны.

— Она уже не ребенок, допустим. Подозреваю, что вы более ребенок, чем она, товариш учительница. Вероника, ты мне объясни популярно, что сейчас собираешься делать. И я, возможно, дверь разблокирую.

— Я подойду к ней и заберу ее...

— Забрать ты можешь исключительно своего ребенка из сада или школы. Не здесь. Здесь рядышком где-то сутенер, пасет девчонок. В лучшем случае тебя вежливо попросят убраться, в худшем — не хочется говорить. Не вижу пока адекватных действий. Так дела не делают, Вероника.

— Стас,пусти меня, — на глаза наворачиваются слезы, я безрезультатно дергаю ручку двери машины. Поворачиваюсь к Стасу, чувствуя, как слезы текут по лицу. Макияж успешной женщины, скорее всего, испорчен, но мне плевать.

— Стас, я учу эту девочку с пятого класса. Знаю лично родителей. Мы каждый год праздновали с классом ее День рождения. Я водила весь класс, и ее тоже, в походы, мы ездили на экскурсии. Я видела, как она росла. Это почти мой ребенок, я не могу понять, что она там стоит, и не хочу думать о... — Мои мысли сбиваются в кучу. Я столько хочу сказать сейчас, столько было. — Она мне открытку сердечком в пятом классе подарила, сама сделала. В восьмом она влюбилась, и подходила ко мне после уроков, разговаривала...

Наверное, мои глаза совсем сумасшедшие, потому что Стас резко обрывает меня.

— Твою мать. Рот закрой. Сиди смирно. И ремень пристегни. Твою мать...

Он разворачивает машину, и через несколько минут мы останавливаемся на противоположной стороне от девушек. Они так и стоят все втроем. Все трое курят.

— Которая из них?

— Светленькая, с хвостиком. Вон та, в очках. Стас,пусти меня...

— Сиди и не рыпайся, — эти слова были произнесены так сурово, что я примерзла к спинке кресла джипа.

— Я сейчас выйду, — по-деловому продолжает Стас, — и приведу ее. Попробуешь чем-то помочь мне — все будет испорчено. Усекла?

— Усекла, — шепчу я, — никуда не выйду.

— Умница. Жаль, что дура. И я, дурак, тебе помогаю, — с этими словами Стас разблокировал двери и вышел из машины.

Я смотрю на него через окно. Вот он подошел к стайке девушек. Говорит. Вот вскидывает голову и смеется, и девушки смеются вместе с ним. Вот Лена поворачивается вокруг себя и распахивает курточку. После этого Стас незаметно оборачивается к джипу. Я все вижу, Стас. Я все вижу...

А потом моя ученица, десятиклассница Леночка Севальцева, цокая высокими каблучками модных сапог, покорно идет к машине рядом со Стасом...

Судорожно размышляю, о чем же буду говорить с Леной. «Не может быть, не может», — повторяю про себя, но прекрасно понимаю, на что это все похоже.

Я бы поняла и объяснила, если бы девочка была из неблагополучной семьи. Но ее семья более чем благополучная: постоянно наблюдала на ней загар то из Турции, то из Египта и прочих курортов. И семья полная, и живут дружно, насколько мне известно. В чем же дело?

Стас галантно открывает заднюю дверь, девочка запрыгивает на сиденье. Я вспоминаю, что ей всего лишь шестнадцать, и от этой мысли становится дурно. Сжимаюсь на переднем сиденье, но Лену, даже если она и заметила мое присутствие, оно почему-то мало волнует.

Стас садится в машину. Двери блокируются. Поехали.

— К тебе? — осведомляется Лена. Мои призрачные надежды рушатся полностью.

— Ага, — Стас набирает скорость, и скоро улица остается позади. Моя девочка спокойненько сидит на заднем сиденье, а я, как могу, отворачиваю лицо.

— Клевая у тебя тачка, — говорит Лена, и Стас молча кивает.

Скоро мы останавливаемся в каком-то тупичке, с одной стороны — гаражи, с другой — глядят на машину окна пятиэтажки. Лена вертится на заднем сиденье.

— Че, здесь, что ли? — деловито осведомляется она, разглядывая через окошко окрестности. — Ну если действительно хочешь, чтобы смотрели...

Я поспешно вытираю глаза, вытаскиваю из сумочки зеркальце и смотрюсь в него. Сейчас понимаю, что нужно подправить макияж, потому что такой зареванной разговаривать с детьми — последнее дело. Стас изображает, что потерял что-то в бардачке.

— А она правда глядеть будет? — спрашивает Лена. — Слушай, доплатишь за гляделки? Я бесплатно так не работаю, если че...

— Она поговорит с тобой будет, дура, — Стас, увидев, что я закончила разглядывать себя в зеркало, перестает изображать из себя великого искателя сокровищ и закрывает бардачок. Уже пора говорить мне. Только вот что сказать, не знаю до сих пор. Ни в одной книжке по педагогике я не читала о ситуации, что же делать, когда встречаешь проститутку, а она оказывается твоей ученицей. Понимаю прекрасно: все, что сейчас скажу, будет воспринято в штыки. Но я не могу равнодушно пройти мимо.

Отстегиваю ремень и оборачиваюсь.

— Лена, здравствуй, — говорю спокойно и сдержанно. Лицо Лены обьято ужасом. Еще бы... Встретить не просто учителя, а классного руководителя. И за таким делом.

— В-вероника Васильевна, — выдыхает девочка и бледнеет. Она давно сняла свои очки в пол-лица — скорее всего, было неудобно смотреть, куда же ее везут — и я хорошо вижу ее глаза. Но первые секунды шока скоро проходят, и в глазах появляются злость застигнутого за нехорошим делом и непримиримость. Лена не рада мне. Я вовсе не избавляю ее от чего-либо. И слов благодарности за «спасение с улицы» не дожждаться. Если у меня раньше были какие-то сомнения, то сейчас они отпали полностью. Невероятно. А ведь она только вчера была на моем уроке. Конечно, ни о каких ответах и работе на нем речи не шло, но девочка присутствовала на уроке, аккуратно записывала правило в тетраточку, делала вместе с классом упражнения... И принесла мне деньги за спектакль «Вий», на который мы идем на следующей неделе, и молча протянула денежку, пока я записывала ее фамилию в свою тетрадку для денежного и прочего учета. Неужели это моя Лена сейчас сидит передо мной и смотрит как на самого ненавистного врага?

А может, лучше было бы проехать мимо, думаю отстраненно. И не вмешиваться. Потихонечку отозвать Лену на переменке, поговорить по душам? Но как бы я ей все это преподнесла, интересно? «Лена, я видела тебя на такой-то улице, что ты там делала?» Нет, уж пусть так будет.

Делаю выдох и чувствую, будто лечу с высоченного моста.

— Лена, я понимаю, что у тебя были какие-то причины для того, чтобы заниматься... этим. Ответь мне, пожалуйста. Зачем тебе это нужно?

Лена молчит и опускает глаза; я продолжаю чувствовать ее враждебность.

— Тьфу, бабы, — плюет в сердцах Стас, — пойду подышу свежим воздухом. Сейчас от ваших выяснений отношений голова разболится.

Стас с силой захлопывает за собой дверь, девочка вздрагивает, как дикий зверек, но

продолжает молчать. Ведь и сказать-то нечего в свое оправдание: воистину, получается, я поймала ее за руку.

— Я увидела тебя рядом с девочками и попросила своего знакомого привести тебя сюда, чтобы поговорить, — сразу расставляю все акценты, и лицо Лены мрачнеет еще больше. Ее обманули, обманом же привели в машину. Плюс, скорее всего, она начинает осознавать, чем грозит ей встреча со мной в такой ситуации, и решает, как ей поступить. Хорошо, поможем.

— Леночка, — начинаю я задушевно, — ты уже в десятом классе и считаешься взрослой. — Ни черта не считаешься, но я не могу сейчас заявить об этом. Лена чуть приободряется, и я понимаю, кажется, откуда дует ветер.

— Я взрослая, и отвечаю сама за себя, — заносчиво говорит Лена, — и вы не имеете права мне что-то говорить...

— А разве я что-нибудь сказала, Лен? — мягко спрашиваю, не ведясь на заносчивый тон, — Я ведь ни в чем тебя обвинять не собираюсь. В любом случае, твоя жизнь — это твое дело, и я не собираюсь в нее лезть и тем более что-то говорить... Давно ты начала этим заниматься?

Лена немного оттаивает. Ей не нужно будет терпеть упреки и нравоучения, и я немного располагаю ее к диалогу.

— Это — мое дело.

— Хорошо, — пожимаю плечами, демонстрируя безразличие ко всему, что говорит Лена, а также к тому, чем она занимается. — Я тоже сказала, что это — твое дело.

Специально молчу, всем своим видом показывая, что ситуация, в которой мы оказались, очень даже нормальная, и стараюсь смотреть на Лену почти равнодушно.

— Вероника Васильевна, вы маме с папой не скажете? — приглушенно говорит Лена.

— Они не в курсе? — спрашиваю я. Конечно, не в курсе, это всем понятно. Но мне стоит потянуть время. Может, Лена и разговорится.

— Нет, — ожидаемый ответ. — Не говорите, пожалуйста!

— Ну ладно, только... мне бы хотелось узнать, зачем ты решила... вот так... заработать?

— Я с лета начала, — отвечает Лена уже несколько увереннее, — чтобы были деньги. Чтобы не зависеть от родителей, понимаете?

С лета. Если с этого лета — а так оно, скорее всего, и есть — то Лена работает так уже месяца четыре.

— И всегда здесь? Лена! Тебя уже видели, наверное...

— Нет, — мотает длинным светлым хвостом, — Я только в салоне работала. По знакомству. Там только хорошая публика, — словно по бумажке читает, — а здесь я второй раз. С девчонками...

— А ты не боишься, что попадетс какой-нибудь маньяк? Ладно, сегодня я своего знакомого попросила, чтобы он тебя привел, а если бы я тебя не узнала?

— Это ваш парень? Серьезный типчик, — мне ножиком по сердцу такая характеристика, данная моей ученицей Стасу. — Вероника Васильевна, я разбираюсь. А если что, девчонки подскажут...

Все, финиш. Ну о чем мне здесь говорить с Леной, о чем? Становится очень горько.

— Лена, а если какой-нибудь ненормальный? — Лена пожимает плечами. Бесполезно. Ее затянуло. Я вижу, как в глаза девочки возвращается по капле молодецкая лихость. Все ей еще в новинку, все интересно. Как же так? Неужели мимо прошли все произведения

школьной программы о чести и любви? Да, именно. Прошли. И помахали на прощанье ручкой. Такое бывает.

— Да ладно, Вероника Васильевна, не будет такого, их видно. Вы же не скажите никому? Не говорите. Я все равно не сознаюсь. — Да, ты не признаешься. Ты все будешь отрицать, и мои обвинения будут лишь сотрясанием воздуха, не более. Не пойман — не вор. И я могу пойти куда угодно, в детскую комнату милиции даже, но твои родители, если узнают, ни за что не поверят. Слишком хорошо я их знаю. Да и сама бы я не поверила, не приведи тебя Стас в свою машину...

— Я никому не скажу, Лена, при одном условии. Ты перестаешь так подрабатывать. Я понимаю, хочется не зависеть от родителей, но... тебе нужно учиться. Сама знаешь зачем. Мы сто раз говорили в школе, избавь меня от этого еще и здесь, — Лена кивает. Я всему десятому классу уже плешь, наверное, проела этой учебой. — Кроме того, эта подработка не очень хорошая, я бы даже сказала больше. Это опасное занятие. Заболевания, передаваемые...

— Да знаю я, — перебивает меня Лена.

— И уж молчу о том, что эта работа...просто безнравственная, Лен. Не буду распространяться, взрослая девочка, все сама понимаешь, — Лена опять кивает. Слово «взрослая» на нее влияет волшебным образом. Представляю себе, как попала в этот бизнес Леночка Севальцева. Мне еще обиднее. Ну как можно быть такой инфантильной?

— Мы с тобой договорились. Ты бросаешь все это, а я никому не говорю... — Ненадолго. А там придумаю что-нибудь.

И веду тонкую линию шантажа:

— Просто если мама с папой узнают...не от меня, а вот тоже так разглядят. Или знакомый тебя увидит. Представляешь, каково будет? А одноклассники? Они же не подозревают ни о чем, верно?

Страх на лице девочки говорит сам за себя. Значит, не все еще потеряно, если можно напомнить про общественное мнение. Лена хочет быть хорошей и в глазах родителей, и в глазах одноклассников. Попозже у меня будет время разобраться в ситуации, спросить совета у психолога, посоветоваться с Розой Андреевной, наконец. И посмотреть это все дело на предмет наркотиков, и обратиться к инспектору по делам несовершеннолетних. А пока мне нужно просто убрать ее с улицы и из салона хотя бы на ближайшие дни. Да хотя бы на сегодня!

— Сейчас отвезем тебя домой, — заявляю безапелляционно и жестко, пытаюсь копировать Стаса, — и все забудем. И я, и ты. Но теперь без салонов. Договорились?

— Да, — глухо звучит голос Лены. Она прячет глаза.

Понятно. Ни черта не договорились.

А по большому счету, это ведь уголовное дело, ведь Лена — несовершеннолетняя...

— Больше не буду...не буду этим заниматься. Только не говорите маме, Вероника Васильевна!

Я, не отвечая, открываю дверь машины и вылезаю. Стас стоит недалеко, руки в карманах куртки.

— Все, пообщались?

— Отвези мою девочку домой. Пожалуйста, — умоляюще смотрю на Стаса. Он идет к машине; лицо совсем бесстрастно. Молча садится. Молча заводит мотор.

— Куда? — только и спрашивает Стас.

Называю улицу и номер дома. Я знаю, где живет Лена, несколько раз была у них дома. Ее мама мне когда-то очень помогала в разных школьных делах.

— Это недалеко от школы, — поясняю Стасу.

— Понял уже, — он вновь немногословен, и всю дорогу не произносит ни слова.

Молчит и Лена, лишь тихонько всхлипывает. Что это с ней? Неужели стало себя жалко?

Машина Стаса остановилась недалеко от дома Лены, и девочка не скрывает, что хочет побыстрее со мной распрощаться. Мельком взглядывает на Стаса, подольше — на меня.

— До свидания, — бросает на бегу. Я смотрю, как она заходит в свой подъезд. Уже темно, и довольно поздно. Как же она объясняет свои отлучки родителям?

— Подождем немного? — говорю Стасу. Тот не произносит ни слова в ответ.

Минут пять я напряженно гляжу на освещенную одинокой лампочкой подъездную дверь десятиэтажки. Мне все кажется, что Лена лишь зашла в подъезд, и через некоторое время вновь выпорхнет, словно бабочка, оттуда, чтобы вновь отправиться на свое прежнее место. А потом прихожу в себя. Мое нахождение здесь, увы, ничего не изменит, даже если она и вновь выйдет. Только задерживаю Стаса...

— Извини, Стас, пожалуйста, — говорю удрученно. Ему-то какая радость со мной ездить, а тем более решать мои проблемы? Ах, да! Мы же еще в ресторан собирались. Собирались — хорошее слово, очень здесь уместно. Обстановку передает — лучше не надо. Чувствую себя ужасно, будто каменной плитой придавило все мои устремления и светлые начинания. Сейчас приду и разревусь. Дома. Искренне надеюсь, что попрощаюсь со Стасом без слез.

А он даже лицо скривил. Ага, не получилось? Не все коту масленица.

— Иначе никак. Думаешь, я могу проехать мимо ребенка только потому, что у меня сегодня типа «свидание»? Это в каких таких частях учат, что своих нужно оставлять в беде и равнодушно проезжать мимо? Поехали...по домам. Кажется, свидания по поводу успешности — это не мое.

Стас пристально смотрит на меня, потом шумно вздыхает и поднимает лицо к небу. Готовится завуть от моего примерного поведения? Все-таки справляется со своими внутренними терзаниями и изрекает:

— Ты, Вероничка, совсем безнадежна. Поехали.

Боже мой, что творится! Я рыдаю, уткнувшись в плечо Стаса, так громко и некрасиво, что мне бы обязательно стало стыдно за себя, реши я рефлексировать. И вовсе не собиралась я так реветь. Много чего другого делать собиралась. Прямо вечер сборов каких-то.

«Пойдем, бесперспективная, я тебе хоть коньячка налью. Тяпнешь и успокоишься. Мне на твое бледное лицо смотреть противно. Пойдем или потащу, выбирай», — таким образом я оказалась дома у Стаса.

Коньяк оказал на меня совершенно непредвиденное действие. Конечно, столько лет спиртного в рот не брать. Я вдруг почувствовала себя глубоко несчастной. Потому что ребенок, которого я учила добру, продемонстрировал мне обратное. Потому что свидания не вышло, да и вообще это неправильное свидание. Потому что мормон с Божьей помощью пережил свою боль, а я не смогла. Потому что...да много ли надо «потому что», чтобы пожалеть себя?

— Стас, когда ведешь класс, ты начинаешь считать детей почти своими, особенно если знаешь их с пятого класса, когда столько вместе пройдено. Сколько душевных сил, сколько

труда вложено. А уж сколько классных часов с воспитательными целями, — немного прихожу себя и справляюсь с голосом, он теперь звучит почти не сбиваясь на всхлипы. Чувствую, как напрягаются мышцы Стаса: он не доверяет моему спокойному тону, ожидая истерику.

В этой комнате я никогда не была раньше. Точнее, меня сюда не приглашали. Комната очень светлая: обои, потолок белого цвета, и здесь ничего нет, кроме светлого шкафа, двух прикроватных тумбочек и огромной кровати, застеленной белым покрывалом, на которой сейчас сидим мы со Стасом. Сидим совсем близко, мое лицо находится почти на груди Стаса, и одной рукой он крепко обнимает меня. Так, что я ощущаю твердые литые мышцы под рубашкой и тепло его большого тела. В другой бы раз у меня захватило дух. Но что поделаешь? В настоящее время Стас обнимает меня лишь чтобы успокоить. Исключительно ради этого.

— Сколько всего было, — продолжаю я более уверенно, пытаюсь уже отодвинуться от Стаса, хотя сидеть, прижавшись к нему, так приятно. Не тут-то было. Мышцы руки Стаса напрягаются, и я не могу отодвинуться ни на миллиметр. — Музеи, театры. Разговоры на уроках. Не пустые разговоры, Стас. Воспитание примером. В школе не было для Лены такого примера...

— В школе — не было, — голос Стаса сух и четок, — но жизнь не заканчивается школой, Вероника Васильевна, как бы вам этого не хотелось. Есть еще семья, подруги. Да много всего...

— Мама с папой у Лены заняты. Работают, — быстро отвечаю я почти заученную фразу. Сколько раз я ее говорила? Сотни, тысячи?

С губ Стаса срывается смешок.

— Ну и что ты хочешь? Родителям не до нее, а что ты можешь сделать? Чтобы девочка увидела тебя несколько раз в неделю и усвоила все нормы поведения? И обрела еще тонкую душу до кучи...

— Да все понимаю, Стас, не дурочка! — поднимаю залитое слезами лицо и встречаюсь взглядом с холодными серыми глазами, в которых жалость, кажется, уже граничит с презрением. Отстраняюсь уже более успешно: Стас перестает меня удерживать. Он, видно, решил, что я уже не представляю угрозы. А с кухни зачем увел в эту комнату? Побоялся, что там что-нибудь разобью? Я же просто закрыла лицо руками и заплакала...

Не нужно мне ни презрения, ни жалости. Пошел он...

— Извини, что так получилось, — резко встаю, отталкивая его руку, намереваясь как можно быстрее уйти. Но тут лапища Стаса хватает мою руку, Один рывок, и я по инерции падаю на эту большую кровать. Она мягко пружинит, а еще через секунду Стас нависает надо мной, прижимая руками мои плечи к матрасу. Дыхание перехватывает сразу же, я не могу отвести взгляд от лица Стаса. И впервые с начала нашего с ним общения мне становится страшно. Но мертвую хватку я ощущала лишь несколько секунд, не более, а смотрела в ледяные глаза ее меньше. Стас вдруг как опомнился, чуть ослабил силу. Конечно, ты ж не на рукопашке своей, и не на войне.

— Дыши давай. Успокоилась? Так. А теперь без резких слов и движений. Встала и нормально пошла домой. Еще мне тут хлопанья дверьми не хватало. Не устраивал его еще никто и не устроит.

— Х-хорошо... — выдыхаю я. Стас убирает руки, и я медленно сажусь. Стас отходит на шаг от кровати: лицо хмурое, руки скрещены на груди, а рубашка чуть расстегнута. Что за

дурацкая привычка...

— Теперь меня послушай. Я тебе что-нибудь сделал плохое сегодня? Нет. Катал час тебя и твою девчонку. Слова не сказал, — голос Стаса тих и очень четок, но лучше бы кричал, ей-богу. Знаю я таких тихих, в жизни не свяжусь, — а ты здесь дверьми собралась хлопать, да? Можешь мне здесь свой характер не показывать. И плакать брось. Ты ничем ей не поможешь своими истериками. И себе не поможешь.

Стас прав, я согласна с ним целиком и полностью. Только характер дурацкий, никуда его не денешь. Всхлипываю, и Стас недовольно морщится, цокает языком. Делаю несколько вздохов и произношу как можно спокойнее:

— Извини, Стас. Мне очень неудобно, что так все получилось. Извини, пожалуйста.

Стас кивает, ничего мне не отвечая. Я на тряских коленках осторожно поднимаюсь и иду в коридор, одеваю туфли, и Стас подает мне плащ.

— Забыли, — не то спрашивает, не то утверждает он, — больше в успешную женщину не играем. Но на шахматы я тебя жду? Все в силе?

— Да. Созвонимся, — если честно, видеть Стаса после всего случившегося мне особо не хочется, но и расстаться с ним навсегда тоже нет сил. Через недельку поиграем, когда в себя приду. А пока лучше не встречаться...

— Точно пришла в себя? Может, проводить? — Стас вглядывается в мое лицо. С чего бы такая заботливость?

— Нет, все нормально, — силюсь улыбнуться и выхожу за дверь. Спокойно иду до лестницы, чтобы потом как можно быстрее спуститься вниз и бегом бежать домой, где ждет меня верный и голодный пес.

Никогда не бросай своих. Никогда. Это закон. Ты меня понял, Стасон?

Командир смотрел выцветшими голубыми глазами на молоденького Стаса. Это было будто вчера. Теперь этих глаз уже нет на земле, и нет Командира. Чертовы джигиты добрались до него. Пуля оборвала жизнь человека, которого боготворил Стас.

Стаса тогда рядом не было. Он уже батрачил на свой бизнес, периодически созваниваясь с Командиром. Звал к себе домой, в новую квартирку. А тот отшучивался и все тянул с приездом.

Командир так и не понял Стаса, не поспешил приехать. И не простил, наверное. Он навсегда остался в Чечне, на необъявленной войне, не желая ничего менять в своей жизни. И дразнил своего бойца, которого одарил когда-то прозвищем «Счастливчик» за невероятную везучесть, что без него точно погибнет.

«Счастливчик, уезжаешь от нас? Немножко удачи оставь, с собой не забирай все, а то нам будет здесь невесело».

Вот и погиб.

Стас после его смерти пил по-страшному. Оклемався, впрочем, тоже благодаря Командиру: тот не выносил пьяных вдрызг на дух, да и сам пил редко, и никогда не пьянел. И прицел у него не дрожал даже у пьяного...

Стас уже начал было забывать. Нет, не забывать — забивать другими воспоминаниями память о Кавказе. Всяческие дела затянули, это неудивительно. И вдруг в голубых глазах Вероники он как наяву увидел прищур Командира, а в голосе услышал те жесткие нотки, которые заморозили когда-то юного Стаса и навсегда определили его судьбу: задержаться в армии дольше, чем хотел он сам и его родители. И сжалось сердце так, что Стас чуть лицо не

скривил от боли. «Чертова душа, а, Стас?» — память услужливо предоставила одну из любимых фразочек Командира. «Ага, Санчо». С этими словами Стас обычно устраивал поудобнее свой автомат и старался ни о чем не думать. Но Командир был хитрым. «Она и должна у тебя быть, Счастливчик. Слышь, на счастье долго не протянешь. Выключай ее, когда надо, но и включить-то не забудь...»

Вероника, смешная в своей бесполезной помощи этой мелкой девахе. А та уже хорошо прожженная, видно сразу. И как в школе никто не узнал? Или у них у всех розовые очечки на глазах?

И Стас вдруг понял, что Вероника точно бы понравилась Командиру. Было в ней что-то похожее. Хотя, может, все показалось?

Тогда, много назад, он и не подозревал, что останется на Кавказе. Родители чуть свой небольшой бизнес не продали, лишь бы отмазать сыночка. Но Стас был гордым, поехал туда, куда послали, без всяких отговорок, лишь со стиснутыми зубами — от страха и упрямства. И еще желания что-то доказать себе. Но когда впервые Стас увидел невысокую коренастенькую фигурку Командира, услышал его голос с хрипотцой и посмотрел в насмешливый прищур светлых-светлых глаз, он почувствовал что-то невыразимое. Будто понял что-то для себя. Будто сразу повзрослел на десяток лет...

Стас сидел на кухне, за небольшим столом, где они обычно с Вероникой играли в шахматы, и пил горькую. Не сильно. Так, помянуть Командира.

Жалко, что не оставил Веронику у себя, предложив комнату для гостей. А надо было бы. Сейчас Стас остро, как никогда, ощущал свое одиночество. Пусть еще порыдает сколько угодно, или рассказывает о чем-то, или просто молчит — только чтобы была здесь. И Стас бы не сказал ей ничего из того, что он говорил обычно, просто бы сидел и смотрел на нее, и слушал звук ее голоса.

Все, хорош. Стас убрал водку подальше, в один из резных шкафчиков, на которые заглядывается Вероника. Опять она. Будто въелась в эту кухню. И Стас поспешил убраться в свою комнату, растянуться на узкой жесткой постели и перестать думать. Водка немного расслабила его, но мозги продолжали соображать четко, будто он и не пил.

Вероника. Даже поход в ресторан умудрилась испортить. Другая бы мимо проехала и бровью не повела. Но только не учительница Вероника Васильевна. И убивалась из-за девочки так, будто ее дочка. Стас бы в жизни не стал: встречал таких шалав. И ведь не за кусок хлеба пошла на дорогу. Интересно, видно, было. Потом втянулась, может, понравилось. А может, на наркоту подсадили. И всяческие просветительские идеи Веронички о добром и вечном в этом случае разрушились полностью. Понятно, что обидно. Мадам-то душу вкладывала в уроки, а ей в эту самую душу, получается, плюнули. Ничего, бывает. И Стасу, и Командиру много раз плевали. Жизнь вообще такая, и давно пора бы Веронике розовые очки снять.

Стас с нее снял бы не только очки. В те несколько секунд, когда он интуитивно понял, что Вероника сейчас психанет и уйдет, его будто выключило из реальности. И очнулся только, увидев полные страха глаза лежащей на кровати Вероники. Что бы он сделал, если бы не пришел в себя, Стас уже понял. Коньяк ударил в голову плюс злость на Веронику и весь дурацкий вечер дали бы адскую смесь из секса и насилия. Но обошлось.

«Самый умный, да, Стас? Ну вперед, беги к этим джигитам без башки...» Санчо сохранял спокойствие даже в таких ситуациях, где Стас бы уже пошел драться. Может быть, это его выучка. Но и не только это. Обидь Стас Веронику хоть как-то — она больше не

придет ни-ког-да. И даже не посмотрит в его сторону при встрече, и пес ее не посмотрит. Стас понял уже. Мы же из бедных, но гордых.

Бегать ему завтра с дикой головной болью, если он вообще встанет.

Встанет.

Стас перевел будильник на час вперед. Этого хватит, чтобы компенсировать ночные бдения. И скоро водка подействовала в полную силу: Стас, не отягощенный ни сновидениями, ни воспоминаниями, ни сожалениями о прошлом, крепко заснул.

Я стою около доски, зажав в пальцах кусочек мела. Маленькие трогательные пятюкляшки почти готовы слушать. Дожидаюсь, пока Олег повернется от Максима, а Айнур перестанет тыкать ручкой соседку по парте. В полной тишине эти двое вдруг осознают, что они делают что-то неуместное и поднимают глаза на меня. Строго смотрю на них.

— Сядь ровно, — командным голосом говорю я, и Олег выпрямляется. Несколько человек автоматически тоже выпрямляются вместе с ним. И только тогда я окидываю глазами весь класс и начинаю говорить.

— На прошлом уроке мы с вами писали диктант с грамматическим заданием. Вы уже все посмотрели свои оценки, которые получили за него. Подвигаем свои тетрадки для контрольных работ поближе, пропускаем две строчки и пишем, — поворачиваюсь к доске и пишу наверху синим мелом. Обычно пишут белым, но я люблю разноцветные: внимание малышей привлекают яркие мелки, — пишем «Работа над ошибками».

Слышу позади себя шуршание, шелест открываемых тетрадок, щелчки ручек. Оборачиваюсь и проверяю, все ли открыли тетрадки. Все. Отлично.

— Сегодня мы очень подробно остановимся на этом. Скажите, пожалуйста, как я отмечаю ошибки на полях?

— Черточкой! — раздается нестройный хор голосов.

— А запятые и точки я отмечаю...

— Галочкой!

— Мы пока берем только черточки. Саша, ты слышишь? Только черточки. Вы написали слова «Работа над ошибками». Давайте приведем пример. Из диктанта возьмем слово...

— Весна! — выкрикивает Айнур. Это, конечно, простая уже ошибка для пятого класса, но на ней хорошо иллюстрировать сам прием работы над ошибками.

— Хорошо, Айнур. Пусть будет весна. Сейчас мы учимся правильно делать работу над ошибками. Мы все выписываем слово «весна». Выписали? — дети кивают. — Хорошо. Ну, Айнур, скажи, пожалуйста, это все, что нужно сделать? Как ты думаешь?

— Букву «е» подчеркнуть надо зеленой ручкой, — Айнур даже ручку зеленую свою мне показывает.

— Да, правильно. Но на этом — все?

Класс молчит.

— Нужно объяснить, — вклинивается в диалог отличница Катюшка, которая пришла в класс в этом году из другой школы.

— Конечно. А как ты объяснять будешь? Расскажи всем.

— Через тире напишу слове ве-сны. В скобках напишу, что это безударная гласная в корне слова. Или напишу, что нужно проверять ударением. Мы так в другой школе делали.

— Все правильно, — некоторые учителя начальных классов обращают очень пристальное внимание на незначительный, как кажется на первый взгляд, метод работы, оставляют работу над ошибками для старших классов, или делают ее, но поверхностно. Счастье, что Катя уже умеет правильно ее делать, И печально то, что всему остальному классу только предстоит это все освоить, и времени для этого у них немного. Но и первому виноградарю, и пришедшему последним господин дает всегда одну и ту же плату. При условии, что они работают, конечно. Притчи из Нового Завета актуальны и в школе, и всегда

утешительны.

— А зачем нам так делать? Почему нельзя просто слово — и все? — Саша в своем репертуаре. Ленился, как обычно.

— Хороший вопрос, — улыбаюсь я, — ребят, зачем мы делаем именно такую работу над ошибками? Вот Саше не нравится. Много писать, да, Саш?

Саша довольно кивает.

— Нет, надо писать, — упорствует Катя.

— Почему же, Катя?

— Вот Саша выпишет слово, и ничего это ему не даст. Он как не знал правило, так и будет не знать. А если и объяснишь, и правило напишешь, то, значит, ты точно понимаешь. И больше такой ошибки не сделаешь, — не отстаёт упрямая Катя.

— Согласна с Катей. Просто выписать слова — этого мало. Но когда вы поймете для себя, в чем была ошибка: в незнании правила, в невнимательности или еще в чем-то, у вас больше шансов не повторить этой ошибки.

— Ведь если мы не поймем, мы так и будем ошибаться, — уверенно добавляет Катя, — и так и будем получать двойки, — здесь следует многозначительный взгляд на Сашу. Тот громко вздыхает: это для него очень близко и понятно.

— А можно я еще скажу, Вероника Васильевна? — тянет руку отпетая отличница.

— Говори, Катюш.

— Ошибки свои нужно исправлять в пятом классе, потому что в девятом и одиннадцатом у нас будут экзамены, и если мы не сдадим, все будет о-очень плохо...

Золотые слова. Высечь их на стенах школы! Как бы донести то, что прекрасно осознает пятиклассница Катя, до моих оболтусов-десятиклассников — вот вопрос.

Саша вздыхает повторно, содрогается всем своим упитанным тельцем, и начинает грустить. К сожалению, в грусти он пребывает минуты три, не больше. После трех минут мир расцветает яркими красками, и возможность получения очередной двойки перед грядущими в будущем экзаменами перестает страшить. Это же не скоро, не сейчас.

А как бы здорово ко всему готовиться заранее...

Дальше урок течет по обычному плану. Некоторое время тратим на работу над ошибками: разбираем сложные орфограммы, пояснения к ним. Далее — несколько упражнений, разделенных физминуткой. Это шестой урок, и мелочи очень сложно собраться с мыслями: они устали, и с надеждой глядят на меня. Может, я отпущу пораньше?

Звенит звонок, и пятиклашки оживляются. Наскоро записывают домашнее задание, поднимают стулья и уходят. А за дверью моего кабинета уже толпятся десятиклассники. Мальчишки забегают на минутку, чтобы отрапортовать, что на «Вий» завтра они не пойдут, а билеты перепродали девочкам из своего же класса, которые на спектакль идти не планировали. Называю их бессовестными крокодилами и грожу страшными карами в виде отдельных вопросов по грядущему «Преступлению и наказанию», но этим море по колено. С радостным гиканьем они уносятся домой, и девочки, заходящие в мой класс, привычно вертят пальцем у виска. Я вижу светленький хвостик, и на сердце становится беспокойно.

Лена за это время ничем себя не выдала. Прилежно ходит на уроки, сидит молчком, отвечает только тогда, когда спросят, с девочками поливает цветы и собирается на «Вия». Все как обычно. Почему же я чувствую что-то нехорошее, когда Лена смотрит на меня пристально и чуть нервно? Глазами будто следит за мной. И теперь иногда, когда я веду урок, мне становится не по себе.

С другой стороны, а чего здесь удивительного? Девочка не доверяет, боится, что я расскажу кому-то. И правильно делает.

Ни к психологу, ни к нашему инспектору по делам несовершеннолетних я не пошла. Погодим. Может, еще не все потеряно, Лена порвет с этой своей работой, а широкой огласке предавать ситуацию — позора не оберешься. Но с Розой Андреевной я все же поговорила. Плотно закрыв дверь (позже Роза Андреевна закрыла дверь на ключ), я вкратце рассказала о произошедшем.

— Виновата ты будешь в любом случае, — пожевав губами, несколько цинично ответила Роза Андреевна, — если всем расскажешь, значит тем, что рассказала. А если не расскажешь и все узнают, то тем, что не рассказала...

— Что же мне было делать? Мимо проехать?

— Перестань, Вероничка, не нервничай, — отмахнулась Роза Андреевна. Встала из-за стола, налила из бутылки воду в электрический чайник, нажала на кнопку. Лишь потом продолжила чуть грустно:

— Это понятно, что есть мораль, нравственность... И я тебя люблю знаешь за что? Ты никогда не была равнодушной, вот сколько тебя знаю, даже в твои в кавычках «лучшие годы». Когда ты начала работать в нашей школе, в первые годы я все думала: «Ну зачем она здесь, зачем?». Но потом поняла наконец, что школа — это твое место...

— Ой, не начинайте хвалить меня, Роза Андреевна, — усмехаюсь я, — я ж вас как облупленную знаю, как и вы меня. И используем мы с вами похожие приемчики. Вот сейчас похвалите, а потом скажите что-то нелицеприятное...

— И скажу, — голос Розы Андреевны меняется, в нем появляются жесткие нотки, — знаю я твою Ленку. Папа у нее сама знаешь кто, и мамашка при деле. А главное — надыхаться на доченьку не могут. Сама, что ли, не в курсе?

— В курсе, — тихо отвечаю я.

— А если знаешь, не догадываешься ни о чем? Ладно дочура — шалава малолетняя, так у тебя еще и родители неадекватные. Горло перегрызут за доченьку. Смотри еще, чтобы тебя не обвинили. Типа ты не доглядела, золотая моя. Не доглядела за их дочерью, вот она и превратилась в такую сучку. Мало кто из родителей честно признает свои огрехи в воспитании. Легче же что сделать? Свалить на кого угодно. На школу, учителей — да запросто. Слышишь, Вероника, не доглядела ты за чужой доченькой! А если ты виновата, ты и отвечать будешь... — щелкнул чайник, и я вздрагиваю от этого звука.

— Что-то вы мне совсем не радужные перспективы обрисовываете, Роза Андреевна, — стараюсь говорить не очень убитым голосом, хотя прекрасно понимаю, что зерно правды есть в этой жестокой оценке Розы Андреевны. Даже не зерно — зернище.

— Я тебе говорю правду. Как будто сама не понимаешь...

Киваю головой, сглатывая комок в горле.

— Значит, мне нужно было бы просто проехать мимо...

— А тогда еще хуже, — махает рукой Роза Андреевна, протягивая руку за чайником, — этот вариант точно не твой. Ты себя бы изгрызла. Как и я, впрочем. Это даже страшнее. Быть виноватым в собственных глазах — никому не пожелаю такого.

— Лучше бы, — продолжает Роза Андреевна, выставляя две кружки на парту и осторожно наливая в них кипяток, — чтобы ты в эту ситуацию не попала вообще. Но тогда бы ты с молодым человеком на свидание не отправилась. Вот засада, — сокрушенно качает головой Роза Андреевна, и тут же улыбается и даже чуть молодеет от этой улыбки.

— Да не свидание это, Роза Андреевна. Просто.

— Ну поди Роза Андреевна пожила нормально. Что ты рассказываешь старой перечнице? Не умеет он, наверное, толком-то с противоположным полом общаться. Вот и приглашает тебя, как может. Прости его и делай вид, что белая и пушистая. Не вспугни парня...

— Ой, Роза Андреевна, — смеюсь я. То, что она говорит, к Стасу точно не относится.

— А тебе-то самой он нравится? Или просто? — лукаво усмехается Роза Андреевна.

Нравится. Если бы это слово описывало то, что я чувствую к Стасу. Еще до знакомства я восхищалась им и пыталась равняться на него, понимая, что вряд ли такой когда-нибудь посмотрит в мою сторону, и больше ничего не думала. Когда же начались наши шахматные турниры, образ мужественного красавца несколько поблек, и его заменил настоящий Стас, со всеми колкостями и недостатками, но он не потерял своей притягательности. И сейчас я не сплю ночами, воображая, что когда-нибудь...

И обрываю свои мечты, и выкидываю их как ненужные. Хватит мне уже красивых успешных мужиков, даже бывших военных, даже придерживающихся своего кодекса чести. Кто знает, впишут ли меня туда или нет.

И все же, вопреки всем логическим доводам, я вновь и вновь иду в гости к Стасу вечерами на шахматы. Как наркоман за новой дозой. И кажется, мне уже хочется ощущать, как остренькие иглы желания покалывают тело и голова идет кругом, когда напротив тебя, совсем-совсем близко, сидит самый желанный мужчина на свете. От него всегда пахнет хорошим одеколоном, и часто рубашка расстегнута на груди...

— Нравится, — говорю я тихо. Роза Андреевна внимательно смотрит на меня.

— Понятно, — вздыхает она. И больше ничего не спрашивает про Стаса, возвращаясь к насущному.

— Кофе? — не дожидаясь ответа, кладет мне ложечку в стакан, — Так вот, Вероника. Дело твое печальное. Но не бери в голову. Может, очухается Ленка, поймет чего-нибудь. Может быть... Пока затаись и гляди в оба. Обещала ребенку — обещания выполняй. Никуда и никому, и боже упаси к нашей психологичке, которая только называется психологом. Раструбит на всю школу, подключит всех и вся. Нам этого не нужно.

— Да, я тоже так думала, — соглашаюсь я.

— И я сама посмотрю. Незаметненько, конечно. Может, само утрясется...

— Ох, не знаю...

— Вероник, что бы мы ни делали, пойми: чужая жизнь — это всегда чужая жизнь. Это ее судьба и ее выбор, если снова начнет заниматься проституцией. И тут не помогут даже мама с папой. Если честно, то, что ты мне рассказала о вашем разговоре, навевает очень нерадостные мысли о Лене. Есть такие девочки, которым нравится эта жизнь. А своей головы на чужую шею не приставишь...

— Не приставишь... — эхом повторяю я. Роза Андреевна гремит ложечками, добавляет сахар в кофе, открывает коробку с конфетами — стратегические запасы, оставшиеся со Дня учителя. И мы говорим о репетиторстве, об осени, о конце первой четверти — о чем угодно, но больше не возвращается к разговору о Лене. Нельзя больные темы мусолить бесконечно.

...Я вижу, как Лена хочет подойти к моему столу и внутренне подбираюсь для разговора, как ее опережают три смеющиеся девочки. Моя талантливая Яночка, Анечка и Кристина. Анечка, к слову, тоже пишет стихотворения. Они очень грустные и депрессивные,

и вообще девочка как-то заявила, что она готка, и покрасила волосы в черный цвет. Сейчас «готскость» немного сходит со светлых прядей Анечки, но подводить глаза черным она пока не перестала. Недовольно кошусь на покрашенные глаза Ани, и девочка делает извиняющееся лицо:

— Вероника Васильевна, ну не смотрите так, пожалуйста...

— Она больше не будет, — фыркает Кристина. Анино лицо еще более извиняющееся, но расстаться с новым увлечением выше ее сил, она готова даже пострадать за свою веру. Страдальцев мне здесь не нужно, пускай это само рассосется, тем более, я намекнула Ане, что черный цвет ей вообще не идет и ее не красит. Остальное — вопрос времени и жизненных ситуаций. Воистину, уж лучше пусть готка, чем на дорогу...

— Вероника Васильевна, я взяла уже в библиотеке «Преступление и наказание». Фильм уже по нему посмотрела, прочитала полкнижки, — Кристина, как всегда, впереди планеты всей. Не отличаясь особыми талантами, эта пухленькая рыжеволосая девочка отличается недетским упорством и сознательностью. Рыжие кудряшки раньше всех можно увидеть в библиотеке, музеях и театрах, а если Кристине зададут что-то выучить, это будет выучено так, что мало не покажется.

— Не сомневаюсь: ты уже все сделала, — улыбаюсь я, и теперь фыркают Яна с Аней. Но я смотрю не на девочек, а на выходящую из класса Лену. Сегодня она уже не подойдет. Расслабляюсь внутренне, хотя это и несколько недостойно. Лишь время оттягиваю, а поговорить придется все равно. И что же она скажет?

— Мне почему-то не нравится, Вероника Васильевна, — говорит Кристина, — Я так поняла, что Достоевский написал роман, чтобы идею свою изложить. А о жизни девятнадцатого века так, поверхностно. Хотелось еще о жизни того времени почитать, о реальной жизни...

— А Достоевский действительно написал эту книгу, чтобы раскрыть идею наказания за преступление. Но если хочется ее почитать о том времени, можешь взять в библиотеке книгу Всеволода Крестовского. Называется «Петербургские трущобы». Там все заканчивается довольно грустно и очень жизненно, и злодеи не наказаны, — незаметно вздыхаю.

— Петер-бург-ские...тру-що-бы... — Кристина записывает название книжки в дневник. Шум отвлекает всех нас, и мы вчетвером смотрим на дверь.

Сначала, стукнувшись о дверной косяк, в дверь пролезает большая доска. Ее несет Роберт Евгеньевич, а Марк идет за ним следом, волоча по полу ящик с инструментами.

Да неужели? Я уже начала терять надежду. Сколько встречала таких родителей — и наобещают, и подарочков надарят, а все без толку. Девчонки переглядываются. О парте помнят все.

— Ну наконец-то, — тянет нетактичная Анечка, и все с любопытством смотрят на папу Марка. Он отвечает обезоруживающей улыбкой и кладет доску на пол.

— Здравствуйте, Вероника Васильевна, — говорит Роберт Евгеньевич, за ним вторит и Марк, стесняющийся старшеклассниц.

— Здравствуйте, — официально отвечаю я.

— У вас есть время, или вы мне, может, ключи оставите? Я быстренько...

— Да, конечно, — киваю царственно, — сломанная парта — в углу.

Но Роберт Евгеньевич и сам видит, он уже идет к парте. Марк — за ним следом, стараясь не смотреть на ухмыляющихся девчонок. Улыбаются они по-доброму, эти девочки не злые, просто тема парты стала слишком актуальна в последнее время именно у моих

десятиклассников ввиду разных контрольных и тестов. Но улыбки пугают Марка, он старается на девочек не смотреть. Понимаю теперь, что уверенно он чувствует себя лишь в своем классе, да и то — не полностью. Хорошо, примем к сведению.

— Все, хана Андрюхе. Не спишет больше у тебя, — торжествующе говорит Кристине Аня.

— Да, вот ему сюрприз будет завтра, — поддерживает их Яна.

— Вероника Васильевна, а проведите завтра контрольную работу, — просит Кристина, — замучил совсем он списываниями. Хотя вы ему на балл в тот раз оценку снизили, он все равно три получил...

— Ну и пусть порадуется тройке. Тебе жалко, Кристин?

— Не жалко, Ян. Но надоел своими подглядываниями. Как еще не окосел, не знаю...

Минут через пять девочки уходят, а Роберт Евгеньевич продолжает работать. Он уже снял сломанную крышку и прилаживает к парте новую. Марк стоит рядом и смотрит, что делает отец, иногда подавая ему то, что он просит. Такие милые оба.

Я смотрю на потрепанные джинсы и серый джемпер отца Марка, на Марка в школьной форме, и отмечаю пресловутым женским взглядом, что и отец, и сын одеты хоть и чисто, но несколько небрежно, и невооруженным взглядом видно отсутствие женщины в их семье. Неужели никого не нашел за два года? Наверно, очень любил свою жену...

— Я отойду ненадолго, — говорю я, вставая из-за стола, — если закончите без меня, прикройте дверь, хорошо? А я потом подойду.

— Хорошо, Вероника Васильевна. Нам немножечко осталось.

Ухожу — и словно бегу с поля боя. Не совсем комфортно быть рядом с Марком и его отцом. У меня ощущение, будто лезу не в свое дело и не имею права присутствовать при слаженной работе двух мужчин — большого и маленького. Нет, совсем съезжаю с катушек. Это все после нашего прекрасного вечера со Стасом, так неуместно закончившимся в его квартире. Стас несколько раз звонил мне на этой неделе. Трубку я не брала. Первые разы — специально, последний — просто не успела. Теперь если я позвоню, а он трубку не возьмет, то не знаю, во что превратится после этого моя жизнь...

Выхожу из класса — и тут же нарываюсь на Нину Петровну. Что, в засаде сидела? Не иначе.

— Здравствуй, Вероника, — чуть ли не поет она медовым голосом. И придется это слушать, сейчас не сошлешься на скорый звонок на урок или срочное дело к директору.

— Добрый день, Нина Петровна.

— Как ваш десятый? Учится?

— Да как обычно, — не десятый мой тебя интересует, знаю прекрасно.

— Слышала, к вам этот сектант пришел делать парту? — вот это поближе к реальности будет. И как узнала про Роберта Евгеньевича, ведь он только недавно зашел? Чудеса.

— Делает сейчас, — отвечаю небрежно.

— Какой ужас, правда? Люди сами себе придумывают немыслимые веры, чтобы потом что-то доказать миру. Мол, я прав, а вы все неправы... — поднимаю глаза к потолку. Нину Петровну хлебом не корми — дай помиссионерствовать. Да уж, она составит всем сектам конкуренцию, а мормонов и вовсе за пояс заткнет.

— Меня не волнуют его взгляды на жизнь, если честно. Главное, что он парту пришел делать и сына своего любит. Остальное не касается, — предпринимаю марш-бросок мимо Нины Петровны, но оказываюсь в окружении. Так просто она меня не отпустит.

— Но воспитывать ребенка в такой вере! А вроде бы приличный человек, врач, представьте себе. Говорят, даже очень хороший. Моя соседка ребенка у него лечит. Народ, говорит, валом валит к нему, с других участков идут. Не пробьешься на прием. И никого не волнует, какой он религии, понимаете?

— Конечно, — я откровенно улыбаюсь. Ну сколько можно? Успокойся уже. Его сына учу я, и никаким боком он к тебе не относится.

— Ой, такого про него наслушалась, — Нина Петровна аж руки прижимает к сердцу. Все, жди первого акта пьесы. — Жена у него была красавицей. Фотографию видели у него в кабинете. И сынок маленький был, годика три, что ли? И что вы думаете? Машиной сбило. И ребенка, и жену. В Петербурге, говорят. И сбил какой-то крутой. И он ушел бы от ответственности, если бы не...не эта секта. Там тоже, видно, люди серьезные имеются. Посадили все-таки. Ох, какая-никакая польза.

— Да, — отвечаю я. Меня начинает трясти. Пора ретироваться, и это не обсуждается.

— А секта его...говорят, они многоженцы! Представляешь, Вероника? — Все, это последняя капля.

— Вы можете это уточнить, Нина Петровна. Он же у меня парту сейчас делает. А пойдемте к нему и спросим об этом...

Нина Петровна машет на меня руками.

— Чтобы я еще с сектантом разговаривала? Я православная, и этого не потерплю!

— Ладно, как хотите, — ретируюсь очень быстро, еще до того, как Нина Петровна успевает открыть рот и разразиться новым потоком оскорблений. Уходить мне, кроме своего класса, уже некуда, но я скорее предпочту общество мормонов патетике Нины Петровны.

Марка в классе нет, лишь Роберт Евгеньевич сидит за партой и просматривает какие-то бумаги.

— Решил вас дождаться, — улыбка на его лице такая добрая и открытая, — оставлять как-то ваш кабинет без присмотра не хотелось. Куда переставить парту?

— Вот сюда, пожалуйста, — показываю я на первый ряд. Многоженство — интересная тема, а я очень любопытна.

— Благодарю вас.

— Вероника Васильевна, это вам спасибо, что так долго ждали. Работа...

— Да, мне тут много рассказали о вас, — не могу не улыбаться в ответ. Представляю, почему к нему, кроме всего прочего, идут все. Добродушный такой...

— Ну, это бывает, — он не перестает улыбаться.

— Говорят... — замолкаю. Зачем спрашиваю? Мне прямо так важно.

— Что? — улыбка не сходит с его лица. Он ни капельки не смущается ни своей веры, ни всяких слухов, связанных с ней. Чувствую невольное уважение к этому человеку, и хочется поговорить с ним подольше. Сажусь за свой стол, а отец Марка садится рядом за парту.

— Говорят, у вас, мормонов, распространено многоженство.

Роберт Евгеньевич закидывает голову и смеется.

— Ой, какое многоженство сегодня...Сегодня бы одну жену обеспечить, да? Ну, к слову, Вероника Васильевна, такое было и есть. Но не в России. В Америке, в штате Юта, до сих пор живут некоторые последователи, но это другие мормоны. Те, кто остались многоженцами. Но остальные — нет.

Так. А Америка здесь при чем? Я, как истинная патриотка, вмиг настораживаюсь.

— А что, в Америке тоже есть мормоны?

— О! Их по всему миру полно. Но сама религия родилась в Америке. Именно там Джозеф Смит продиктовал перевод Священного Писания...

— То есть вы не христиане?

— Почему же? Мы читаем Библию наряду с Книгой Мормона. Книга Мормона — дополнение к Библии.

— Понятно...

Нет уж. Не верю я религиям, родившимся в Америке. Ну такая вот я противная.

Внимательно разглядываю Роберта Евгеньевича. На дурака или зомбированного вроде не похож. Хотя кто знает?

— Да ладно вам, Вероника Васильевна, — отец Марка спокойно встречает мой недоверчивый взгляд, — Я всегда считал, что неважно, какую религию исповедует человек. Главное, чтобы сам человек был хорошим и делал добро миру.

А вот это правильно. Может, зря придираюсь?

— А чем эта религия лучше православия...католичества, протестантизма? — напоследок задаю вопрос.

— Запретов больше, — отвечает отец Марка, — четче прописаны нормы поведения, что ли... и очень хорошее окружение, что немаловажно, — глаза Роберта Евгеньевича грустнеют.

Да, про поддержку вашей церкви мы уже наслышаны.

Мне приходит в голову, что не так уж и неуместны нападки Нины Петровны на эту религию. Мне самой она тоже как-то не очень нравится. Ладно, хватит разговаривать о вере с адептом. Приду домой, посмотрю в интернете, и найду все, что мне нужно.

Впрочем, правильно говорит отец Марка, какая разница, что за религия, лишь бы человек имел четкие нравственные ориентиры. Пускай себе не пьют чай и кофе. Что им там еще запрещено? Посмотрю где надо.

Роберт Евгеньевич ласково смотрит на меня. Под его взглядом я чувствую, что краснею. И почему он не уходит?

— Вероника Васильевна, я хотел не о своей вере поговорить. Вам она неинтересна, думаю. Я о Марке, — теперь понимаю, почему Марка нет в кабинете. Судорожно перебираю в памяти события, случившиеся на прошедших уроках. Может, чем обидела ребенка? Нет, могла лишь эти пресловутые ограничения задеть, но здесь я не буду смущаться и скажу как на духу: мои правила действуют для всех детей одинаково, вне зависимости от социального или религиозного статуса.

— А что с Марком, Роберт Евгеньевич?

— Да можно просто Роберт, — добрая, но немного печальная улыбка украшает этого человека, — дело в том, что...понимаете... У Марка проблемы с русским языком. Верно?

— Да. Есть некоторые проблем, — соглашаюсь я, — но не смертельные. Немножко подтянется...

— Дело в том, что я не смогу его сам подтянуть. Занят постоянно. Будто я один врач на весь город, — он даже руками разводит, — даже в Питере у меня столько пациентов не было. Очень много.

— То есть вы хотите, чтобы я посоветовала репетитора, — уточняю я.

— Мне бы хотелось, чтобы вы с ним позанимались, Вероника Васильевна. Лично вы, и никто другой. Марк очень хорошо к вам относится. Правда. Только и рассказывает мне о вас. Как Вероника Васильевна задала им то объемные картины, то еще что-нибудь...

— Дети вообще об учителях много чего рассказывают, — отвечаю я, пока ничего не обещая. Еще один ученик. У меня сейчас их немало.

— Вероника Васильевна, я понимаю, вы сейчас очень заняты, но... прошу вас, войдите в мое положение. Мы в городе, где у нас почти никого нет, особенно — у Марка. Я работаю постоянно, в частную клинику устроился на совмещение, чтобы заработать побольше, может быть, скоро совсем туда уйду. Марку...необходимо женское внимание. Он потерял недавно маму. Конечно, у него есть няня, я нашел хорошую заботливую бабушку, но это — не то. Понимаете меня? Я даже не ради русского, хотя и ради этого тоже. Ему нужно...даже сформулировать не могу... — Роберт Евгеньевич, или просто Роберт, очень разволновался, — нужно...как мама. А он очень требовательный в своих привязанностях. Ему нравиться вы — и никто другой. Я уже предлагал — бесполезно.

Молчу и чувствую, как откуда-то из глубины поднимается тупая, ноющая боль. Как мне близки все эти переживания. Мои переживания, конечно же, по другому поводу, но боль души у людей так похожа...

— Я заплачу намного больше, чем за просто репетиторство, — продолжает говорить взволнованным голосом Роберт, — поймите. Это так для меня важно. А вы просто будете задерживаться после этого урока с ним...минут на двадцать. Поговорите с Марком, спросите, как дела, чем будет заниматься на выходных... Он говорит, что хочет с вами пообщаться, но в классе много человек, и он стесняется подходить часто. И на переменах вы всегда заняты.

Скажите, вы можете отказать такой просьбе? Да плевать, что мормон.

— Хорошо, я...выделю время. Пусть приходит ко мне после уроков. Попозже скажу, когда он может приходить. И о плате за уроки...давайте тоже попозже.

— Конечно, — кажется, отец Марка выдохнул с облегчением. Мы говорим еще пару минут, потом вежливое прощание, и Роберт выходит из моего кабинета, без усилий неся ящик с инструментами. Очень целеустремленный человек. Пришел, увидел, победил.

А я начинаю собираться. Засовываю в пакет тетрадки, справочные материалы — все проверю дома. Среда — почти единственный из дней недели, который я разгрузила от репетиторства, чтобы немного отдохнуть.

Закрывать кабинет, отдать ключ на вахту и выйти из школы — дело минуты. Одна остановка на автобусе, которую обычно прохожу пешком, и я дома, и Жужик прыгает от радости, пытаясь лизнуть мое лицо.

Застываю у входа. Недалеко от школы, ровно за оградой, замечаю машину Стаса. Сам Стас стоит около машины. Черная кожаная куртка, короткий ежик светлых волос. Мне не кажется. Стас поворачивает голову и смотрит в мою сторону.

*Горький сахар, огонь воды,
Утро страха и день беды,
Шаг в темноту...
Поцелуи холодных стен,
Крики боли и вой сирен,
Сухие глаза без дна, без дна.
И долгая ночь без сна, без сна.
Ты возьми их, ты возьми
На счастье...*

Настя Полева

Что это с ним? И как узнал время, когда... А, да. Я же все давно рассказала Стасу, и про свое расписание — тоже. Смотри-ка, какой внимательный. Не пропускает, оказывается, мимо ушей все то, что говорю. Прибавим подобную внимательность к достоинствам Стаса. Или он просто по делам приехал, и его присутствие ко мне не имеет никакого отношения?

А тот спокойно ждет, когда я подойду к его машине. Правильно, мне же не кидаться в кусты и притворяться, что в них так и сидела. Хоть поздороваюсь.

Я волнуюсь, и с каждым шагом сердце стучит быстрее. Скажет сейчас, что шахматные турниры закончены...

— Привет, — говорю я, и Стас кивает в ответ:

— И тебе привет.

— Какими судьбами? Работа?

— Ну, не совсем... Скажем так, в гости приехал. К тебе.

— А что такое?

Стас громко вздыхает и делает лицо самого несчастного мужчины на земле. Явно переигрывает.

— Соскучился...

Безумно приятно слушать подобное признание, пусть это и вранье. Если приехал, значит, я нужна, а быть нужным ох как дорого на нашей земле.

— Да неужто? А Алиса...

— Да какая Алиса? Я с ней в шахматы не играю...

Мы и не сомневались.

— Так как трубку ты не берешь, приехал спросить лично: шахматные турниры по плану? Или ты обиделась и не простишь меня никогда-никогда?

— Я на тебя не обижалась, — говорю рассудительно, — а трубку не брала, потому что... потому что. В общем, Стас, все нормально и все по плану. Давай договоримся, когда встречаемся.

— Давай. Ты, наверное, голодная? Я бы тоже чего-нибудь перехватил. Поехали в кафешку какую, поедим.

Наверно, мои глаза округлились от ужаса, потому что Стас, посмотрев на меня, вдруг коротко рассмеялся.

— Не кипишуй, дорогая. Все, с играми женщину-вамп мы завязали. Просто посидим где-нибудь, поедим и поговорим... Сто лет тебя не видел.

— Неделю, — поправляю я.

— Ага. Садись в машину.

Стас даже не смотрит, согласна я или нет. Берет мои сумки из рук, разворачивается ко мне спиной, уверенно идет к машине и садится в нее. Мне ничего не остается, как следовать за ним.

Я уже успела забыть, как хорошо пахнет кожей и хвойным ароматизатором в салоне джипа Стаса, и как легко идти без тяжелых сумок. Сажусь на переднее сиденье и блаженно закрываю глаза.

— Надеюсь, Стасик, ты сегодня угощаешь, — заявляю на свой страх и риск, — моя зарплата еще не скоро, а обеда в кафе в плане расходов на сегодня не было.

— Обижаете, мадам, — цокает языком Стас, — я ж со всей душой к вам сегодня. И раскрытым кошельком в придачу. Готов на все ради вас...

Стас в своем репертуаре.

— Ну-ну, — но Стас более ничего мне не говорит. Прикрываю глаза. Как же я сегодня устала. И что мне делать с Марком, куда бы его втиснуть? Неужели в среду придется поставить репетиторство? А отказать другим детям не могу. И уже не в деньгах дело, а в том, что я чертовски устаю. Если и дальше таким темпами, я скоро ползать буду. Вот дотянуть до конца четверти, а там уж возьму отгулы, завалюсь в кровать, не встану оттуда дня три. Да-да, не встану, прогулки с Жужиком не считаются. Буду лежать, глядеть в потолок и ни о чем не думать. Или запасусь любимыми книжками — Ремарк, Оруэлл, оГенри — и почитаю любимых авторов. Кроме того, Юля мне принесла список книжных новинок, которые тоже бы неплохо хотя бы просмотреть...

Открываю глаза и вижу, что мы свернули в центр города. Его я предпочитаю с некоторых пор обходить стороной. И кажется, я знаю, к какому кафе везет меня Стас. В теплой осенней куртке в теплом салоне машины Стаса мне становится холодно, но это только первое ощущение, а после я успокаиваюсь. Подумаешь, и что с того, что мой муж очень любил в свое время это кафе? Привычки и вкусы меняются. И даже если его и встречу вновь (что маловероятно), разве эта встреча что-то изменит в моей жизни?

Стас сворачивает направо, и я уже вижу неоновую Эйфелеву башню на вывеске. Да, это «Париж», где, как любил говаривать мой бывший, можно заказать «обалденные круассаны как у них в Парижу».

Еще не поздно покапризничать и попроситься в другое кафе, благо их тут в окрестностях еще несколько штук. Но мы не выбираем легких путей.

— Не против этого? — спрашивает Стас. Прямо как чувствует.

— Нет.

Заходим в кафе. Его интерьер не изменился с того времени, когда я в последний раз была здесь. Как давно это было? Лет пять назад, наверное.

Я иду за Стасом, стараясь не вертеть головой по сторонам. Стас сразу замечает местечко, которое нравилось и моему мужу тоже: одна из нескольких ниш в глубине зала. Там столик и два мягких дивана, лампа над столом дает мягкий свет, и кажется, когда сидишь в нише, что совсем изолирован от общего зала. И плата за изоляцию тоже неплохая. Но, похоже, Стас уже не первый раз здесь, и идет очень уверенно именно туда.

Когда я ходила сюда с мужем, мы всегда садились рядышком и ворковали, как голубки.

Сажусь напротив Стаса и спокойно беру меню. Мало ли, что было когда-то. Сейчас этого нет, и мне даже ни капельки не больно находиться здесь. Ну если и больно, то лишь целую капельку.

Меню здесь тоже отличается постоянством. Пролистываю странички с круассанами. А вообще, в «Париже» можно заказать что угодно, даже борщ и квашеную капусту. Доставят и принесут за отдельную плату из другого кафе или еще откуда. Мой бывший муж всегда ценил такую услугу.

— Ну что, выбрала? — спрашивает Стас. Есть мне здесь уже не хочется, а куриный суп и гречка, которые стоят дома в холодильнике, кажутся очень даже притягательными.

— Да мне... что-нибудь, — говорю неопределенно, и Стас хмыкает:

— Понятно. То есть то, что я себе закажу, подойдет?

— Да. Только не в таких количествах.

— Хорошо.

Скоро приносят заказанный Стасом обед. И, конечно, чай с круассанами напоследок — как же без них? Кафе этим и славится. Их можно заказать и с собой, и в любое время дня и ночи...

Мы успеваем со Стасом немного переговорить о наших делах и договориться о следующей встрече, как краем глаза я замечаю какое-то движение в общем зале, автоматически поворачиваю голову... и вижу, как залихватски легко и задорно ступает по кафелю зала кафе мое прошлое.

Нет, о нет!

Я в строгом костюме персикового цвета, в ушах сверкают золотые сережки с фианитами, накрашена предельно корректно и произвожу впечатление независимой женщины, а присутствие Стаса только оттеняет мое благополучие. Но тому человеку, который сейчас идет напрямик к нашему со Стасом столику, все это вовсе не важно.

Он выглядит уже немного обрюзгшим, но по внешнему виду могу судить, что по-прежнему «на коне». Все то же упитанное брюшко и дорогой костюм...

— Вероника, золотко! — он запросто подсаживается ко мне и звонко чмокает в щеку, потом кивает сузившему глаза Стасу. У Стаса пока не найдется слов. Оно и неудивительно: этот человек может ошарашить любого.

Вдох, медленный выдох. Нет, Вероника Васильевна. Вам не то что на свидание со Стасом пойти — в кафе посидеть не удастся.

— Привет, Андрей, — говорю на выдохе.

— Как твои дела? Учительствуешь? Сколько я тебя не видел? Лет пять? — выдает скороговоркой.

Я давно тебя не видела — и еще столько бы не видеть...

— Постарела, мать. А у Кольки жена цветет, ходит по салонам везде... Новость знаешь? Она ему третьего недавно родила. Пацан, Матфеем назвали...

Вдох. Выдох. Стас, не шелохнувшись, внимательно глядит на Андрея. Если ничего не поймет, вот будет счастье. А я слишком хорошо понимаю.

— Здорово, — выдавливаю из себя. Мой бывший муж уже третий раз стал отцом. Он богат, успешен, счастлив в любви, и у него уже третий ребенок. А в том, что его жена — красавица, я и не сомневаюсь.

— Конечно, здорово, золотко. А ты что, все там же в школе? Вот веселуха! Ну ничего, подрастут Колькины детишки и к тебе придут, учить их будешь...

Учить будешь. Твои речи — будто острый нож. Сейчас бы заплакать от жалости к себе, мол, как же мне горько... Года четыре назад меня бы скрутило от обиды за эти жестокие слова, выверенные и взвешенные — ни одного мимо! А сейчас только тупая маленькая боль бьется где-то внутри. Маленькая боль, которая на деле способна разрастись до размеров Вселенной.

— Ну, в моей школе они вряд ли учиться будут, — говорю очень спокойно и даже с намеком на юмор. Я не зря училась властвовать собою. Но куда мне до Андрея, который умеет гениально рубить всю защиту оппонента. Недаром он близкий друг, главный юрист и консультант бывшего мужа. И жалости ко мне его разящий язык не знает. Он и раньше меня не жаловал, к этому скользкому типчику я относилась в свое время мало не с презрением. Андрей все запомнил и отомстил по-своему.

— Да уж, в вашей паршивенькой школе ничему не научат. За границу отправит, там научатся.

Стасу надоедает вся эта дребедень, он вежливо осведомляется:

— А вы надолго к нам? Мы хотели бы пообщаться без свидетелей, — интонации в его голосе такие, что лучше смыться. Что тонко чувствующий Андрей и делает.

— Ухожу. Уже ухожу, — шутя поднимает руки, встает из-за стола. Его взгляд скользит по мне. Замечательный победоносный взгляд настоящего кровопийцы, которым и является.

— Извините, если помешал. Обрадовался, вот и... — Андрей помахивает рукой на прощанье и отходит от нашего столика куда-то вглубь кафе. Я слежу за ним взглядом. Да, ничего не изменилось с тех пор: Андрей садится рядом со стройной женщиной в красном платье, сидящей спиной к нам со Стасом. У женщины длиннющие черные волосы, и могу поспорить, что она азиатских кровей — Андрей всегда любил раскосеньких. И еще могу поспорить, что женщина имеет огромное количество золота на себе. Все любовницы Андрея, сколько я их помню, были вот такими «золотыми».

Стас проследил, куда уселся Андрей, а дальше на меня с интересом уставился. Молча поразглядывал мое лицо минуту...

— Водочки?

Я отрицательно мотаю головой, но графинчик с водкой и закуску через очень короткое время ставит на наш столик невозмутимый официант. Это, видно, собственные запасы кафе, раз непредусмотренный французами напиток приносят так скоро. Вот он, русский Париж.

— Выпей, говорю. Тебя трясет всю. Не замечаешь?

— Нет. Не трясет меня, — но Стас не слушает. Наливает водку в рюмку.

— На, выпей. Тут немного. Не опьянеешь, тем более же не на пустой желудок. От такого количества вообще ни в одном глазу, — это у вас, больших и сильных. А скромную учительницу такое количество вмиг свалит. Неужели со стороны выгляжу столь плачевно? Да, уже чувствую легкое потрясывание. И сердце бьется быстро-быстро.

Подозрительно кошусь на рюмку.

— Других успокоительных случайно нет? То коньяк, то водка... Я с тобой скоро вообще сопьюсь, — юмор пока не изменяет мне. Улыбка Стаса, которая расплывается на его лице, удивительно добрая и человечная. Я такой еще никогда у него не видела.

— В армии у меня не было никаких успокоительных, Вероничка, — мягко говорит Стас, — только это. Знаешь, на первое время помогает. А потом надо разбираться с ситуацией.

— Окей, пускай на первое время, — отвечаю я и храбро беру рюмку. Без раздумий

опрокидываю ее, как заправский пьяница. Водка обжигает горло, я откашливаюсь — а чего хотела? Не умеешь пить — не берись. Стас мне подсовывает соленый огурец. Скорее, скорее...

— У тебя, наверное, другое успокоительное, — резюмирует Стас, — водку пить не умеешь.

Прожевываю уже второй огурец. Жизнь, наверное, скоро наладится.

— Интересная вы женщина, Вероника Васильевна. И знакомых-то у вас как много! То на дороге ученицу встретите, то в кафешке — друга, — начинает было Стас, но я уже почти пьяна, и все по барабану. Расслабленно махаю рукой.

— Ай, оставь свои подковыки, Стасик.

— Рассказать ничего не хочешь? — кажется, Стас просто счастлив послушать. Ну что за мужики. Посплетничать обожают. Прямо как бабы, ей-богу...

— А что рассказать?

— Например, откуда это чудо.

— Да так. Старый знакомый.

— Странный у тебя знакомый какой-то. И слова недобрые у него.

— Гнилое слово — от гнилого сердца, — заявляю деланно равнодушно. Русские народные пословицы — чем вам не повод для того, чтобы сменить тему разговора?

Но Стас не собирается менять тему.

— Так что у тебя с ним за дела?

— Никаких дел у меня нет с ним. Он юрист...адвокат...а, черт его знает! Юрист моего бывшего мужа.

— Так, — говорит Стас и устраивается на диване поудобнее, в серых глазах любопытство и заинтересованность. Ага. Всем всегда интересно лезть туда, где болит.

— Что — так? Все уже слышал. Мой бывший в шоколаде. Богат, любим, обласкан судьбой. Папашей стал в третий раз, — сердце истекает кровью. — А я...вот...

Стас внимательно смотрит на меня. Хорошо. Раз вы хотите откровений — так получите.

— Надо сказать, Стас, что раньше моя жизнь была легка и безоблачна... Нет, не так. Ты понял уже, наверное, что бедный человек не может иметь личного адвоката, — Стас кивнул, — Так вот...короче говоря, в жизни мне крупно везло. Поначалу. Мне повезло познакомиться с замечательным управленцем. Уже тогда он очень хорошо зарабатывал. А уж сейчас деньги гребет так, что мама дорогая... Он в политику, кстати, подался недавно, и фамилию ты его знаешь, скорее всего. Блин, совсем по-дурацки говорю...

— Мне все понятно. Рассказывай.

— О чем я? А, да... Но тогда у нас еще мало что было. По теперешним его меркам, разумеется. Квартира большая, вот как твоя. Дом строили за городом. Катер купили, большой такой, белый... Ну, и машина мужа. Мы прожили вместе четыре года. Не ругались никогда, Колька вообще очень добродушный. Приколист такой... хотя не знаю, какой он сейчас. Изменился, наверное. Деньги-то меняют.

— Такой же приколист, как и твой знакомый?

— А Андрейчик был тогда други-им, — тяну слова и загадочно улыбаюсь, — другим, знаешь... Хотя — нет. Всегда таким. Просто раньше я с ним не общалась особенно и не знала его хорошо. А потом Коля стал приглашать его в наш дом все чаще и чаще, — это прошлое для меня всегда было точкой невозврата. О нем я думать себе запретила, как запретила вздыхать и сожалеть. Но сейчас из памяти встают картины...

Я на нашей шикарной кухне, в летнем сарафанчике, и Андрей с Колей пьют текилу. Мне чуть больше двадцати, я наивна и чуть резковата. Вот говорю Коле, чтобы он не пил много, и Андрей неодобрительно косится на меня. А вот наша первая поездка на яхте, Андрей с моей подругой Катей тоже приглашены... А следом — самодовольная ухмылка Андрея, когда я узнаю при разводе, что меня оставили с носом, и больше — ни с чем, и этого уже не изменить...

— А что случилось?

— Ты имеешь в виду, почему расстались?

— Да.

— А ко мне в гости постоянно приходила одна подружка. Катя. Мы с ней очень дружили. Теперь она — его жена.

Стас морщит лоб.

— Что-то не сходится у меня.

Конечно, не сходится.

— Он, что...

— Меня не любил? Да вроде бы любил. Все было хорошо, Стас, понимаешь? До самого последнего дня...или они хорошо скрывались, наверное. Я сначала училась, потом начинала работать в школе, а Коля меня не понимал. Я работала просто так тогда, для души, а не для того, чтобы заработать деньги. Но потом Коля махнул рукой и сказал, мол, делай что хочешь. Я работала...

— И не заметила, как подружка мужа увела?

— Я ничего не знаю про их отношения, — чистейшая правда. Не хотела никогда знать подробности. Они только бы вбили еще один ножик в и так израненное сердце, — до они стали близки, после...Я даже не знаю, что сподвигло мужа развестись со мной, — и это тоже истинная правда. Хотя вот здесь я привираю. Одну из причин я знаю точно.

— Темнишь ты все, Вероничка. Что-то еще было, — Стас откидывается на спинку дивана и пристально смотрит мне в глаза. Молчу. Слишком уж Стас наблюдательный.

— Когда о третьем ребенке этот придурок сказал, ты побледнела сильно. Значит, дело в детях.

— Ты разведпрактику случайно не в гестапо проходил, а? — говорю зло. Стас не обращает внимания на эту реплику.

— Значит, дело в детях...

— В детях, твою мать, только отстань... — финиш. Надо бы заплакать и закончить допрос раньше времени. Мужчины теряются, когда женщина плачет, или злятся. Это бы спасло меня от дальнейших расспросов. Но не могу плакать. Не могу даже с помощью водки. Слез уже нет, осталась только боль. Она напоминает о себе иногда, будто покалывает остренькой иголочкой. Жизнь идет, а она нет-нет да кольнет неожиданно и неприятно.

Если меня спросят товарищ мормоны (а сектанты любят лезть в душу и копать в твоей жизни, им только подавай), был ли у меня в жизни день, сравнимый с днем распятия Христа, я уверенно отвечу, что был, и даже не посмотрю на их удивленные лица и не услышу испуганных шиканий: «Не богохульствуй!». Я вспомню только один день. Нет, не тот, когда муж бросил мне в лицо, что подготовил все документы для развода. Не тот, когда мои родители, ничего не поняв и не захотев разобраться, почти отреклись от меня из-за этого развода. И не тот, когда я узнала о Коле и Кате. И не тысячи-тысячи других дней. Только один.

Я вспомню день, нет, лишь утро одного дня, когда я шла по длинному больничному коридору, чтобы в конце его у меня навсегда отняли неродившегося ребенка.

Он у мер несколько недель назад, и ему было совсем не больно, когда хирург по частям вынимал его крошечное, в несколько сантиметров, тельце. Зато моя боль затопила темными водами Эверест, и так и осталась стоять неподвижно в глубинах души, не растеряв ни капли. А дальше наступило полное одиночество.

— Мой ребенок умер, — это говорить мне не больно, я столько раз фразу повторила в свое время, что не вдумываюсь в слова, — замершая беременность.

— Понял, — говорит внезапно побледневший Стас. Ничего он не понял.

— Почитаешь в интернете, если интересно, — не буду объяснять. И так все ясно. Смерть — это всегда смерть. А подробности уже вторичны.

Стас молчит и не смотрит на меня. Уставился на стол, соображает что-то. Я наблюдаю смену эмоций на его лице. Водка ли открывает мне глаза, но Стас сейчас совсем другой. Ушло все напускное, и я вижу настоящие эмоции, и жалость вместе с сожалением на его лице мне не нравятся.

— Ладно, не будем...

— А что же не будем, — наливаю себе вторую рюмку, — сегодня же вечер откровений. Спрашивай. Отвечу тебе, как я докатилась до такой жизни... — насмешливо гляжу на Стаса, который все сидит с опущенной головой.

Вдруг он резко поднимает голову.

— А ваш развод с мужем случился после этого случая?

— Ну... считай, что да.

— То есть он не знал, что с тобой случилось, так?

Задумчиво разглядываю рюмку с водкой. У Блока в «Незнакомке» пьяницы кричат, что истина в вине. Интересно, нашел там ее хоть один?

— Стас, сама подумай, как он мог не знать. А-а, — машу рукой, — ты ж ниче не знаешь. Когда делают такие операции, Стасик, вообще-то в больнице лежат. Иногда неделю, иногда дольше или меньше — как повезет. Муж мне фрукты таскал туда, йогурты...

— Ну и...

— Вот тебе «ну и», — беру рюмку в руки и разглядываю прозрачную жидкость в ней, — когда из больницы забрал, тогда и сказал. Что разводимся.

Стас резко выдыхает. Сжимает свои кулачищи. Зачем-то оглядывается по сторонам.

— Ты что делаешь? — спрашиваю подозрительно и тоже начинаю оглядываться. Замечаю, что Андрея и его спутницы уже нет. Убрался, значит, паразит.

— Думал все, надо ли набить морду этому придурку, или погодить. Жалко, что не набил сразу.

— Э-э, Стасик, ради Бога, не надо, — сокрушенно качаю головой, но сей порыв приятен невероятно, — Андрей же здесь ни при чем вообще.

— Расскажи мне. Точно чего-то напел в свое время на ухо твоему мужу. Знаю таких.

— Может, и напел, — рюмка покачивается в моей руке. Еще чуть-чуть, и я разолью содержимое. — Но только Колька дураком никогда не был, чтобы слушать кого-то. Даже лучших друзей. Сам все решил, думаю. Оказалось, что дети ему были дороже, чем я. Вот и все. Видишь, как Катька рожает. Меньше чем за пять лет — троих. Каково, а? Уметь надо... — подношу рюмку к губам, как Стас крепко хватает мою руку и сжимает так крепко, что я чуть рюмку не роняю на пол.

— Бухать хорош. Поставь на место, — и сам пригибает мою руку к столу; я оказываюсь и без графинчика, и без рюмки. Стас отодвигает их поближе к себе и смотрит Цербером: попробуй, возьми. Увы, я не из таких смелых.

— Муж твой бывший — дрянь, — говорит через несколько минут Стас. До этого он сидел неподвижно, и я даже протрезвела от страха — а ну он сейчас что выкинет? Он этих молчунов что угодно ожидать можно. — Последняя дрянь. Значит, взял и оставил тебя одну с таким...

— Не суди его, — пожимаю плечами, — никто не знает, какую ношу поднимет. Видишь, испугался, наверное, что если у меня такое один раз случилось, случится и еще. Гарантий от повтора нет. Так что, в какой-то мере я его понимаю...

— Я не понимаю. Так не бросают.

— А как бросают, Стасик, расскажи, а? — срываюсь с цепи. Не, пить мне противопоказано категорически. — Да, ужасно больно, когда тебя утешают в больнице, мол, еще разик попробуете с мужем через год, а муж уходит от тебя в день твоей выписки. Рушится все. Весь твой мир. Все, что было любимо и дорого. Если бы он развелся со мной через месяц, то было бы в какой-то мере гуманнее, как думаешь? Хотя — не знаю. А как надо было меня бросить?

— Нельзя бросать в такой ситуации.

— Да что ты говоришь? А есть определенный устав, когда можно и когда нельзя? А, черт, — мое агрессивные эмоции заканчиваются, и остается лишь усталость и опустошенность. И кому я это все рассказываю? Успешному Стасу, который сам из таких нуворишей, как и мой муж. Нашла себе публику для жалости.

— Извини, — Стас рукой проводит по своему светлому ежику волос. Он так делает иногда, когда бывает растерян, — я как-то...знаешь, не ожидал такого. Это подло...

— А как я не ожидала в свое время, — мрачно сообщаю я. Не узнаю Стаса. Впервые он не кажется мне высокомерным. Все-таки сердечко имеется, и какие-то понятия о нравственности присутствуют. Радостно, конечно. До этого все казалось, что я влюбилась — давайте на чистоту уже, чего растекаться мыслью по древу — влюбилась в холодного и бездушного человека, отягощенного лишь своими закидонами и армейской моралью. А сейчас передо мной сидит мало не восемнадцатилетний юнец с блуждающим взглядом. И что же у вас там происходит в подкорочке? — Ну да ладно, Стас. Прошло много времени. Все быльем заросло.

— Да брось ты. Ничего не зарастает. Знаю...по себе.

Киваю и подвигаю к себе рюмку, которую отобрал минуту назад Стас. Кто как, а мы грустить не собираемся.

— Говорят, Время смягчает. Никогда не смягчает, нет. Страданье, как сухожилие, крепнет с тяжестью лет. Время — лишь Проба горя, нет снадобья бесполезней, но если оно исцелило — не было, значит, болезни, — декламирую негромко и насмешливо смотрю, как расширяются от изумления глаза Стаса. Понятно, парень никогда не слышал такого. А мы сейчас устроим чтение классики. Хоть русской, хоть зарубежной — не вопрос. Сопроводив сим тостом вторую свою рюмку, выпиваю ее в одну секунду. Смотри-ка, легче пошла. Закусываю огурчиком и фыркаю на Стаса:

— Окстись, генерал, не смотри так. Это всего лишь Эмили Дикинсон, знаменитейшая американская поэтесса. Тоже, кстати, жизнь ее не сложилась счастливо. Так и прожила всю жизнь одна и умерла нестарой. Так что кому-кому, а ей было о-очень известно, что такое

чувство душевной боли. Счастлив тот, кто не испытывал этого, или испытал лишь самую малость. А когда купаешься в этом... Н-да. «Только размер потери делает смертного равным Богу».

— А это кто сказал?

— Бродский. Иосиф Александрович. Уже русский поэт.

— Кажется, пить тебе на сегодня хватит.

— Может быть, — отставляю рюмку прочь, — ваш-то избалованный народ не любит, когда женщины умничают. А, Стас? Легче же с милыми девушками, правда? И чтоб ума поменьше, а красоты — побольше. Или с теми, кто молчать умеет, и молчит в нужное время и в нужном месте. А я вот не умела тогда, да и сейчас с этим не очень. Говорила, что думала. Что не одобряю методов Андрея, что против, когда наживаются на ком-то и воруют. Ты думаешь, почему он меня не любит? Вот поэтому-то. Правда глаза колет. И он мне сейчас тоже глаза-то того... поколол. Что мой муж живет хорошо, я не сомневаюсь и никогда не сомневалась. У него это замечательно получается...

— А потом что было? После развода? — перебивает меня Стас, будто вспомнив что-то важное. Я же не все ему рассказала. Ну ладно, слушай, паренек...

— После развода я оказалась на улице. В прямом смысле, Стасик. Родители два года как уехали на юг, в Лоо, продали здесь квартиру и домик там купили. Не без участия моего мужа, разумеется. Позвонили и отругали, мол, не смогла удержать Коленьку. Они его жуть как любили и сейчас любят безумно. Еще бы. Домик он им не хилый помог приобрести, благодетель... И я — на съемной квартирке, с несколькими сумками и так, по мелочи еще чем... Потом Кольку, видно, совесть заела все-таки. Выделил мне энную сумму. На нее я купила эту однокомнатную квартиру, в которой сейчас живу. Не все так плохо в этом мире, если уж по-честному... Денег у Кольки сначала брать не хотела — подружки и коллеги по школе уговорили. Сказали, гордость гордостью, а свой угол всегда свой. Тем более, по закону я же имела право на имущество, а как уж там Андрей с Колей провернули свои темные делишки — не ведаю. Да и не интересно, — вздыхаю и закругляюсь, — вот и все, Стас. Дальше были годы ужасных переживаний, но со временем... жизнь наладилось. И сейчас я здесь, с тобой, рассуждаю о вечном и цитирую прекрасных классиков. По-моему, все зашибись. А хочешь еще Бродского?

— М-м...

— Перестань. Ты же военный, настоящий мужчина. Да? Значит, можешь потерпеть. Слушай:

От черной печали до твердой судьбы,

От шума вначале до ясной трубы,

От лирики друга до счастья врага

На свете прекрасном всего два шага.

Вот так и стало со мной, Стасик, — прикрываю глаза и понимаю, как же эти все стихотворения любимы и дороги, — вот и со мной. От черной печали до твердой судьбы... — и уже все равно, что там подумает мой собеседник.

Я никогда не прокляну свои страдания, Отче. Ведь, заглянув в их бездну, я вдруг обрела Тебя. Прочитала сердцем между строк в Евангелиях. Почувствовала в шелесте листвы. Ощутила в безграничном ночном небе, полном звезд. Впитала через раздирающую душевную боль в холодной необжитой квартире.

Как объяснить, что боль стала величайшим благословением? «Только размер потери

делает смертного равным Богу», — сказал Бродский. А я бы добавила, что не делает равным, а всего лишь приближает. «Чем глубже скорбь, тем ближе Бог». Маленькое четверостишие Аполлона Майкова, последняя строчка.

Цитатки и отрывочки вмиг согревают мою душу. Я не одна, я не одинока, и творчество поэтов и писателей, которое так ценю, приоткрывают на мгновение Твою занавесочку...

— Красивые стихи. Почитать дашь? — это уже Стас. Чуток обалдеваю. Да ну? Захотел приобщиться к прекрасному или подумывает, а не сдать ли ненормальную училку в психушку на профилактику, приложив томик Бродского для достоверности?

— Дам, конечно, — говорю легко. — Но только бережно и с отдачей. Я же вас знаю, таких счастливчиков. Заиграете и не отдадите, и плевать на то, что другим дорого. Вот воистину «Грубым дается радость, нежным дается печаль»... — цитирую Есенина и гляжу непонимающе на внезапно посеревшее лицо Стаса. — Стас, ты чего? Не пил вроде...

— Это тебе нельзя пить, — Стас делается ужасающе далеким. Даже я, немного пьяная, это ощущаю. Неверно, Есенин не пошел. Лирика вообще для военных опасна. Кто поет, живет недолго.

— Ну ладно, не нравится Есенин, не буду, — я же говорила, что молчать в нужное время не умею. А водка и вовсе мне язык развязала.

— Все, хорош, — качает головой Стас и подзывает официанта, чтобы тот принес счет, — поехали по домам. Лучше дома мне прочитаешь свои стишки.

— Нет-нет, молчу, Стас. — Куда уж там, прямо покорила мужика своим знанием стихотворений. Одно радуется: рефлексия надо всем вышесказанным придет после, а с ним и стыд над содеянным, и понимание того, что лучше не придумаешь действия, чтобы оттолкнуть от себя такого мужчину, как Стас. Что и сделала сейчас, всего лишь почитав «кое-что из Бродского». Но в данный момент мне легко и свободно. Уже веселее, и даже третий ребенок Кольки не испортит теперь моего настроения. Я много кого учу в школе, это немножко и мои дети. И еще есть Марк, смешной добрый Марк, который так мечтает о моем внимании. А уж если мне в ближайшее время совсем не повезет в жизни, возьму ребенка из детдома, и мы с ним уже никогда не будем одиноки. Придумаю, как это сделать. Тем более одна из моих родительниц работает в органах опеки... Он, я — и Жужик. Вдохновляюсь красивыми картинками моего будущего и совсем забываю о Стасе. Автоматически иду за ним, также автоматически сажусь в машину и тут замечаю, что он совсем сдулся. С отсутствующим взглядом сидит и не заводит мотор.

Не разбередила ли ему какие раны? Вот дура. Рассказала о своей маленькой боли, а человек ведь и воевал, и страшного видел уж побольше меня. Впервые я вдруг осознаю, что у благополучного красавца Стаса, удачливого бизнесмена Стаса, мечты всех окрестных женщин, могут быть скрыты глубоко внутри и свои потери, о которых вряд ли кому расскажет. Не все напоказ, ага. Мы же сильные и мужественные, нам не по чину такое. Барышни, как можно?

Или просто рассказать-то некому, решаю я, когда Стас все-таки заводит мотор. Ну не будет эта прелестная ундина с аквамариновыми глазами слушать про то, как Стасу нелегко было. Извините, но не представляю я этого. Конечно, бывают фантастически красивые женщины еще и добрыми, и понимающими, но не в случае этого высокомерного личика.

Еще вариант, что такое вообще рассказывать не нужно. Стасу так легче. Без комментариев.

Или рассказать есть кому. Друзья там с рукопашки, приятели... Опять же, а вдруг еще

есть девушка какая? Кроме Алиски.

Противно так, будто только что ударила сама себя прямым в солнечное сплетение.

А если и правда есть? Ладно, с Алиской мы смирились. Худо-бедно. Но с другими будет сложнее...

Совсем ненормальная. Пить надо меньше. Еще и ревнуешь Стаса. А кто ты ему? Событыльница по шахматам, и все. И никак иначе.

Потихоньку давлю грустный вздох. Ничего, сейчас вспомню еще что-нибудь из Бродского...

— Ладно, не переживай, — Стас трактует мой вздох по-своему, — будет и на твоей улице солнышко. Все наладится, Вероник.

«Как жаль, что тем, чем стало для меня твое существование, не стало мое существование для тебя».

Бродский навсегда. Вероника, заканчивай уже свою лирику! Не доведет до добра.

— А у меня и так все в порядке. Конечно, без Андрейчика было бы еще лучше, и я бы не была пьяной, но и тут есть свои плюсы. Может, иногда позволять себе такое, а?

— Даже не думай. Ненавижу пьяных женщин, — морщится Стас и всем своим видом выражает пренебрежение. Все как обычно: его руки на руле, покрытые мелкими шрамиками, уверенно направляют большую машину... Стас особо не гоняет, он всегда спокоен и уравновешен за рулем. Сильные не торопятся и не суетятся.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ой, испугал! Мне от твоей ненависти толку-то...

Быстрый взгляд Стаса.

— Я тебе больше никогда не налью ничего крепче кефира, Вероник. И тебе не советую пить вообще. Не твое это.

— Сам подпиваешь, а потом жалуешься, — ворчу под нос, хотя и сама такого же мнения.

— Этот раз был последним.

— Заливай.

— Так учителя не говорят, — пытается воззвать к моему разуму Стас. Но, как говорят классики, «Остапа несло».

— А я сейчас и не учитель, — заявляю гордо, стягиваю шапку и снимаю с волос заколку. Ничем не скрепленные волосы падают на плечи. Чуть встряхиваю головой, и прядки уже свободно разметались по плечам, чуть завиваясь на концах. Стас косится.

— Ну как, Стасик, похожа на училку сейчас?

— На непричесанную училку. Шапку надень, забудешь в машине, а день холодный, — Стас останавливает машину недалеко от моего подъезда.

— Фу-у, какой скучный, — надеваю шапку и тянусь на заднее сиденье за сумками. Подавать мне их, естественное дело, никто не собирается, как и открывать дверь машины. Соперники по шахматам все делают сами, мы это давно выучили. В процессе такого фокуса с задним сидением в салоне джипа шапка налезает мне на глаза, прядки лезут туда же. Захватываю сумки и неуклюже сажусь обратно на переднее сиденье. Моя рука тянется к голове, чтобы вернуть шапку на место и заправить под нее мешающие пряди, но Стас опережает меня. Его руки осторожно поправляют шапку, и также осторожно, почти нежно, заправляют мои волосы. Застываю на сидении и похожу, наверно, на кролика, увидевшего удава.

Странно заправляет как-то. Слишком долго его пальцы задерживаются на моих волосах и засовывают их под шапку. Не умеет, что ли? Я заплести косу, закрепить заколкой, одеть на все это шапку и о чем-нибудь поговорить бы за это время успела. Но вместо того, чтобы посмеяться над неловкостью Стаса, покорно жду. Смотрю и не могу оторвать взгляд от глаз, которые никогда на меня не посмотрят с любовью. А сейчас он смотрит на волосы, которые заправляет. Лицо сосредоточенное — контролирует процесс. А глаза...

А глаза Стаса вообще странные. Печальные такие, будто это не ко мне — к нему подошел старый приятель и попытался плюнуть в душу.

Я готова сидеть еще час в джипе Стаса и чувствовать, как его пальцы касаются головы — немного грубовато и в то же время так интимно бережно. Чуть не закрываю глаза от удовольствия. Можно пускать салюты и взрывать петарды: меня коснулся Мужчина Мечты. Андрейчик, если я тебя еще раз встречу, то расцелую обязательно. Вот ей-богу...

— Ну давай, дорогая, не грусти, — говорит Стас, заканчивая с моими волосами, и проводит тыльной стороной ладони по щеке.

— Да, — обалдеваю вконец и даже слов не нахожу для ответа. Не задумываясь, привычно открываю дверь машины и выхожу.

— Позвоню, — говорит на прощанье Стас. Он вновь, как всегда, немногословен и собран.

— Звони.

Жужик встречает меня у дверей приветственным лаем. И сразу же несет мне поводок. Сам научился.

Выхожу на улицу с собакой и вижу, что Стас еще не уехал. Машу ему рукой и отвожу Жужика от мест, где летом растут цветы. Стас машет мне в ответ и уезжает, оставляя наедине со всеми мечтами и переживаниями. Жужик, спущенный с поводка, радостно носится по опавшей листве.

Проходит минут пятнадцать. Пора домой. Пес нагулялся, дела все сделал и кружит недалеко от меня. Ждет, когда позову домой. Да, Жужик. Холодно, холодно...

Прицепляю карабинчик поводка к ошейнику.

— Вероника Васильевна, здравствуйте! — оборачиваюсь на крик. Это кричит мне, высунувшись из окна какой-то иномарки, Марк. А за рулем сидит отец. Вот вам и бедные медики из Питера.

Машина останавливается, Марк чуть не выскакивает из окна машины, но все-таки использует дверь для выхода. Подбегает ко мне, но встает на почтительном расстоянии от Жужика.

— У вас пес!

Жужик лоялен к мальчику. Марк осторожно подходит, протягивает ладошку. Жужик обнюхивает ее и виляет хвостом, а следом — обязательно на меня нужно кинуть взгляд. Посмотри, какой я доброжелательный...

— Да, его зовут Жужик.

— Жужик, — смеется Марк, — а сколько ему лет?

— Два года.

— Папа, смотри! У Вероники Васильевны — собака! — Марк кричит отцу, который выходит из машины и подходит к нам.

Вспоминаю с ужасом, что от меня может пахнуть тем, что мормоны точно не переносят. Близкий разговор это выявит, и даже если буду держать хорошую дистанцию, все

равно мое небольшое опьянение где-нибудь проскочит. В словах, сказанных несколько развязно. Или в выражениях, подобранных не по случаю. Показать себя с такой стороны я не готова: стыдно перед мальчишкой, неудобно перед его отцом. А Роберт подходит все ближе.

Оттягиваю собаку от Марка и говорю громко:

— До свиданья, Роберт Евгеньевич. Извините, тороплюсь, не могу говорить, — он кивает мне, подходит еще ближе:

— Конечно, Вероника Васильевна.

— Пока, Марк! — я чуть ли не бегу в подъезд.

Прихожу в себя только дома. Ну случится же такое. Везет на встречи сегодня — лучше не скажешь.

А вообще, что здесь машина мормона делала? Дом расположен далековато от дороги, даже как объезд эти дорожки использовать проблематично, и сюда заруливают лишь жильцы, только чтобы поставить машины... Очень интересно.

Грубым дается радость,

Нежным дается печаль.

Мне никого не надо,

Мне никого не жаль...

Стас где стоял, там, собственно, и сел. Такое он слышал от Командира впервые.

Тот читал иногда. Даже в горы таскал какую-нибудь книжку. Часто даже не открывал ни разу, но все равно в рюкзаке Санчо, между спальником и сухпайком, всегда торчала эта ерунда. «Чтобы была», — пояснял Командир, не вдаваясь в подробности. Но ничего из книг он парням никогда не зачитывал. И Боже упаси, если Командир что-то прочитал наизусть...

Это был последний день перед отъездом Стаса из части. Контракт закончился, и он свободен, как ветер.

Командир, Пуля и Стас зажигали в Красном уголке. Отмечали, так сказать, отбытие Стаса. Пуля искренне радовался халявной выпивке, шумно обсуждал с Командиром будущее Стаса, а у самого обсуждаемого на душе кошки скребли. Его хваленая интуиция, которая вытолкнула когда-то Стаса из машины за миг до того, как в нее попал снаряд, и сделала еще множество полезных вещей, сегодня опять была неспокойна. А когда уж Стас и стихи до кучи услышал...

— Я остаюсь, — просто сказал Стас.

Пуля рот разинул.

— Стасон, ты че? Рехнулся? Ты ж вроде все...

А Командир усмехнулся одними уголками губ.

— Ты, наверное, Счастливчик, хочешь, чтобы меня твоя мать прибила. И так уже названивает и просит, чтобы я на тебя повоздействовал... — Стас опустил голову. За своих родителей ему было, по меньшей мере, неудобно. Мать спокойно восприняла службу сына по призыву и первый контракт, но последующие уже не были для Стаса такими безоблачными. А в последний контракт мать телефон Командира оборвала. Сколько Стас просил ее, чтобы не звонила, ругался с ней, обижался, использовал лесть и даже подкуп — бесполезно.

— Да не слушай ее, Санчо. Вбила себе в голову... Я остаюсь.

— Твою мать... Ты как баба, Счастливчик, ломаешься. Уеду — не уеду...

— Я не ломался нигде. Остаюсь. Все.

Пуля всю голову вертел: смотрел то на Стаса, то на Командира.

— Домой езжай, — перебил Стаса Командир, — домой. Правильно мать о тебе печется. Денег много в армии не заработаешь, а вот жизни можешь лишиться на счет раз. Даже с твоим хваленым везением. А на гражданке и бизнесом займешься, и всем, чем угодно. Езжай, Стас. Это не твоя война, — добавил он тише, и сердце Стаса сжалось от незаслуженной обиды. Он даже вскинулся было что-то ответить, но Командир поднял руку, призывая к молчанию...

Пуля остался с Командиром. Санчо не гнал его на гражданку — мать Пули ни разу не разговаривала с ним о наблевшем.

Именно Пуля позвонит Стасу однажды вечером и скажет тихим хриплым голосом, что Командира не стало. И добавит в конце: «Стас, почему ты не остался?»

Стихи стали проклятием Стаса. По приезду он нашел автора этих строк. Сергей Есенин. Стас в школе его стишки учил. Почитал биографию — и чуть не засобирался обратно к Командиру. Но понял, что ничего сделать не может. Совсем ничего. Звонил, звал в гости, уговаривал взять отпуск, да все без толку. А потом и звонить стало некому.

Откровения Вероники вместе с гиблыми словами Есенина Стаса повергли в шок. Неизвестно, что шокировало больше: ее кошмарная история или то, как легко она совместила строчки стиха со словом «счастливчик».

Стас в свое время этот чертов стишок наизусть выучил. Не специально, все сидел над ним и думал, что хотел тогда сказать Командир. И от таких раздумий становилось очень невесело.

А еще история Вероники. Стас слушал и ушам своим не верил. Бывают же такие гады на свете...

Попал он, короче. А куда попал — сам не понял. Пуля бы точно его засмеял, сказал бы, что Счастливчик разнюнился, сопли распустил. Но ни соплей, ни чего прочего у Стаса в помине не было. Было другое.

Стас со скрипом признался себе, что Вероника с некоторого времени начала ему нравиться.

Пуля делил всех баб на три категории: вообще не надо, переспать сойдет и чего-то побольше. Последняя категория была как для Пули, так и для Стаса, неизвестным лесом. И Вероника уже не подходила под «не надо», и с трудом вмещалась в «просто переспать». Стас это понял, когда шапку стал поправлять. И далась ему эта шапка? Придурок.

Вероника покорно ждала, даже заскучала в конце, как показалось Стасу. А тот решался — и не решился ее поцеловать. Тянул все время, тянул... и так ничего и не сделал. Не поцеловал, не сказал ничего, кроме парочки утешительных фраз, которые бы произнес любой даже с более сочувствующей интонацией. Струсил.

И Пуля, и Командир его бы давным-давно размазали насмешками. Красавчик Стас струсил перед бабой. Полный пи...

Проехали. Дальше посмотрим по ситуации. Если Вероника будет не против...

И Стас вдруг понял, что стал заложником шахматных партий. Все расписано игроками, и приняты роли. Вероника привыкла быть шахматным противником и приятельницей — и никем больше. Стас сам в свое время навязал ей это, а она спокойно приняла правила игры. Знать бы теперь, как разрушить то, что построил сам и заставил принять — жестко и безапелляционно.

Мы с тобою идем — вечно, вечно.
Мы с тобою идем — вечно рядом.
Эта жизнь не ко всем бессердечна.
Но с тобой мне не встретиться взглядом.
Два пути, две судьбы, две дороги.
Нас оставили жить — и забыли.
Наше счастье стоит на пороге.
Мы с тобой никогда не любили.
Если хочешь — открой ему дверь.
Нет? Тебе ведь неплохо и так?
На одну всех девчонок теперь
Лишь последний меняет дурак.
Никогда не бываешь один:
То придут, то уйдут, вновь придут.
Но зато сам себе господин.
На ошейнике в загс не ведут.
Просыпаешься с новой другой.
От нее ты уйдешь в темноту.
Сколько было дорог, дорогой.
Ты же выбрал не нашу, не ту...
Буду прятать глаза ото всех,
Одинокю стоять на ветру,
Наблюдая за радостью тех...
Ничего, слезы только сотру.
Моя жизнь будет страшной, поверь.
Пусть в ней будут и дети, и муж.
Краски жизни твоей — акварель.
Я макаю кисть в черную тушь.
Так и будем идти — вечно, вечно.
Так и будем идти — вечно рядом.
Эта жизнь не ко всем бессердечна.
За счастливых других буду рада.

— Отчего же все так грустно? — поднимаю я взгляд от листочка и смотрю в ярко подведенные черным глаза. Это — творение Ани. Уже не такое депрессивно трагическое, как предыдущие стихотворения, но печали здесь тоже хоть отбавляй.

Ничего удивительного — возраст. Возраст, возраст... Интересно, а вот почему моя ситуация со Стасом так хорошо здесь описана? Тоже возраст? Сомневаюсь...

— Я не знаю, Вероника Васильевна. Наверное, у меня жизнь такая, что стихотворения грустные получаются.

Сейчас самое время начать говорить Ане, что у нее все в жизни, по большому счету,

прекрасно и все впереди. Я не делаю этого. Это плохо убеждает юных девушек, особенно таких готических, как Аня. Понимающе киваю.

— Я так несчастна, — продолжает Аня. Вот черт...

Быстренько соображаю. Что знаю я об Ане? Семья удовлетворительная. Папашка, конечно, попивает, но в пределах, мать у Ани работает не заводе, имеется младший брат. Учится она не на отлично, но и дурочкой не назовешь, и экзамены на четыре, пожалуй, сдаст, если отлынивать от учебы не будет. Это девочка равнодушна к чужой беде — за это ее и люблю. Впрочем, данное свойство души не есть только хорошее, оно доставляет хозяину массу проблем. Плюс переживания по поводу внешности, отсутствия мальчика, недостатка денег и способностей, непризнанность и незамеченность и еще куча мала всего того, что вычитано из красивых журналов... О, я специалист по несчастьям дев!

— Аня, а что такое счастливый человек?

Мой вопрос застает готическую девушку врасплох.

А мы пока определимся с понятиями, так легче будет поговорить. Что толку сотрясать словами воздух, если у тебя и собеседника разные представления о предмете? Подведем все к общему знаменателю, а там и посмотрим...

— Ну как же... он счастливый!

— Счастье счастьем рознь, — мягко замечаю я и бросаю незаметный взгляд на часы. Скоро должен прийти ко мне Марк — мы занимаемся дополнительно в моем классе два раза в неделю, но я больше разговариваю с мальчиком, чем занимаюсь русским языком.

— Счастливый человек — это...это...ну, у кого много чего есть, что он хочет. У кого все получается. Кто занимается тем, чем нравится. У кого много денег.

— То есть деньги — непременно условие для счастья?

— Нет...и да! Без денег же никак, — пожимает плечами девочка, и я киваю:

— Продолжай.

— Счастье, — подхватывает Аня, — это когда исполняются самые заветные твои желания. Тебя любят и понимают. Когда живы все, кто тебе дороги...

— Ну вот, посмотри, — ласково гляжу на Анечку. За окном сегодня ярко-ярко светит солнце, и небо такого пронзительного, до боли, холодного и чистого оттенка голубого, какой бывает только осенью. Класс освещен лучами солнца, и портреты писателей, которые висят напротив окон, играют под этим светом. У Достоевского не очень уж задумчивый вид, молоденький Лермонтов не так сосредоточен и печален, а Чехов со своим незаменимым пенсне вот-вот улыбнется...

— Ты много говорила о счастье. И чтобы деньги были, и желания исполнялись, и близкие любили. Это что значит? Значит, счастье многогранно и включает в себя множество смыслов. И однозначно ответить на этот вопрос нельзя. И счастье у каждого всегда будет свое...

— Вероника Васильевна, — робко говорит Аня, — это только подтверждает, что я вам сказала раньше. Я несчастна, ведь у меня всего этого нет...

Дудки. Так не играю. Не сильна в казуистике, каюсь. И убеждать детей в философских вопросах не умею, да и считаю бессмысленным — у каждого своя правда, которую жизнь подредактирует как ей нужно. Но сказать какие-то слова, опровергающие суждение Анечки о собственной несчастью (которая у нее исключительно в голове) нужно быстрее. Подростки — они такие. И по венам чиркнут, и в реку бросаются. В самом безобидном случае уйдут в самостоятельный поиск истины. Лучше их туда не посылать — неизвестно, чем дело

закончится. Возьмемся по-другому.

— Аня, а вот сейчас, в эту минуту...ты счастлива или нет?

Девочка задумывается.

— Скорее, нет. Во-первых, я некрасивая... — многозначительно поднимаю брови. А что делать? Подросток, и главное — девочка. В этом мире красота и некрасота играют большую роль — больше, чем во взрослой среде, где симпатичность и ухоженность легко покупаются, да и не стоят на первых местах. Я молчу — и жду следующих до боли знакомых атрибутов девичьего счастья.

— У меня нет парня, — ну вот, дождалась. Сказано застенчиво и грустно.

— Я пока ничего не добила нигде, — это уже произносится более равнодушно, чем два первых высказывания, — и вообще...как-то все не знаю как.

И я не знаю, что ответить. Честно. Цитировать классиков? Что они там говорили о счастье? Как обычно, когда очень нужно, ничего не могу вспомнить.

Чехов — о человеке с молоточком, который должен напоминать счастливым о других людях на земле, здесь вряд ли подойдет. Разрушает эта цитата классика сусальное ощущение счастья.

«На свете счастья нет, но есть покой и воля». Это уже Пушкин. Все остальные цитаты благополучно скрываются на время в древнегреческую Лету. Думай, Вероника, сама. И ответить все же придется.

— Ну ладно, смотри. Почему ты несчастна, по твои словам. Ты некрасивая, как считаешь сама, и мальчика нет.

— Кто-то в мои годы уже встречается, — с обидой говорит Аня, — а кто-то... — и замолкает испуганно, вовремя вспомнив, что я не подружка. Да, я их знала еще маленькими и милыми. Да, некоторым из них я чуть ли не родственница. Но я — не подружка. И всегда останусь учителем.

Сейчас извинится и уйдет, бесшумно прикрыв за собою дверь, и останется несчастной.

— Аня, а вот если убрать красоту, мальчиков и прочее. Вот забыть на минутку, что в этом счастье. Скажи, вот сейчас, в эту минуту, ты счастлива? Именно сейчас? Отвечай не думая.

— Не знаю...

— Вот ты сейчас со мной разговариваешь. Скажи, мальчики и красота сейчас важны для тебя?

— Нет...

— Значит, ты сейчас, в эту секунду, счастлива? Если это все не важно?

Аня задумывается.

Самый противный возраст, на мой взгляд. Важно не то, что представляет настоящую цену. Хотя у некоторых людей этот возраст затягивается на добрую половину их жизни. Или на всю жизнь.

— Вероника Василь-на-а! — в класс забегает Марк. Взъерошенный, красный и счастливый. Видит Аню, и радости в нем убавляется на добрую половину. Спокойно и чуть собственнически занимает парту напротив моего стола. Аня смотрит на Марка. При нем она ничего спрашивать уже не будет.

— Подумай об этом, Аня, — говорю заговорщицки и подмигиваю. Марку интересны любые тайны, и первый вопрос, после ухода Ани из кабинета, конечно, задается про нее.

— Вероника Васильевна, а вы зачем ей подмигнули? У вас секреты?

— Они мальчишкам неинтересные, — отвечаю ему и сразу же раскрываю учебник, — давай сюда свою тетрадочку, Марк, я посмотрю.

— Сейчас найду-у...

Занятия с Марком параллельно с разговорами немного расхолаживают мальчика, и он больше рассказывает о себе и спрашивает про моего Жужика, нежели чем мы с ним занимаемся. Впрочем, это очень дисциплинированный мальчик, и к заданиям относится серьезно. Даю ему очень много заданий — чтобы на разговоры времени не оставалось. А потом разрешаю счастливому Марку балаболить.

Я немного вникла в историю религии мормонов, да и Марк просветил, добрая душа. Нашла и почитала в интернете информацию, и прониклась масштабом разворачиваемых мормонской церковью всяческих кампаний. Впечатлила и огромная церковь в Солт-Лейк — Сити, и мощная организованная сеть отношений, не хуже маркетинговой, и деньги, которые, по официальным данным, получает эта церковь от верующих. Короче, я всегда знала, что американцы — ребята серьезные, и несут свой замечательный свет в невежественные массы.

— Да папа не совсем мормон, — искренне признался как-то Марк в личной нашей беседе, — он нечасто ходит в церковь на молитвы и беседы, ему старейшина Беннет уже говорил, и старейшина МакНил тоже...

Узнав, что некоторые старейшины в церкви очень молоденькие, и многие прямоком из Америки, я предпочла больше не спрашивать ни о чем. Тоже бы ходила к таким о-очень нечасто.

— Я тоже буду миссионером, — с гордостью сказал тогда же мне Марк, — это же здорово! Ты едешь в другую страну на два года, проповедуешь свою религию, учишь язык, крестишь тех, кто раньше не верил. Но это когда ты будешь совершеннолетним. И меня будут звать старейшина Сергеев...

Немая сцена в исполнении Вероники Васильевны.

В общем, беседы с Марком мне дают много материала для размышлений.

В этот раз мы успели поговорить о Жужике, сделать вместе два упражнения и выучить одно правило, как наше занятие прервал деликатный стук в закрытую дверь, и далее — интеллигентное покашливание.

— Вероника Васильевна, можно вас? — в класс заглядывает Андрей Петрович, нап учитель биологии. Тихо говорю Марку: «Посмотри упражнение сто девятое, начинай делать», — а сама торопливо выхожу к ждущем за дверью молодому мужчине.

Несколько лет назад половина коллектива школы прочили мне его в женихи. Высокий и немного пухловатый, это был единственный неженатый мужчина из нашего коллектива, который мужчинами-то и небогат. Необычайно покладистый, очень заботливый и верный — такие характеристики давала мамочка Андрея нашим пожилым учительницам, которые, в свою очередь, активно рекламировали его мне.

Но не сложилось. Видно, обошлось не без нажима как со стороны мамы, так со стороны женского коллектива школы, но Андрей Петрович не пожелал идти на поводу у женщин. Решил сам выбрать свою судьбу. Я тогда была даже за: уже не верилось в светлое чудо новых отношений. Сейчас он второй год женат и очень любим, как понимаю я по уже наметившемуся брюшку. А месяца три назад он попросил у профсоюза материальную помощь, хотя до этого как-то все стеснялся. «К детям», — уже определила Роза Андреевна, но официального подтверждения пока не пришло.

Мы с ним разговариваем в случае крайней нужды. Он — потому, что чувствует ко мне

изрядную долю смущения и вины. Как же: отказал, не составил мое счастье. Еще подозреваю, в его чувствах с некоторых пор появилась жалость. Два года назад мы оба были одиноки и как-то равнялись в своей невезучести, а теперь, получается, он — везунчик, а я так и остаюсь с носом. По этой же причине не общаюсь с ним и я. Ремарк сказал в какой-то из своих книг (я их читаю и перечитываю столько, что фразы перемешиваются в голове), так вот, Ремарк сказал, что жалость — это скрытое злорадство. Думаю, в случае Андрея Петровича некоторая доля злорадства присутствует, а мне оно без надобности.

— Да, Андрей Петрович, что такое? — мы только по отчеству и только на вы. Я уже тревожусь: мои охламоны что-нибудь да сделали гадкое. Просто поздороваться, похвалить кого-то или прийти поговорить по душам — все это исключается в случае с Андреем Петровичем.

— Вероника Васильевна. Пожалуйста. Обратите внимание на Лену Севальцеву.

Мое сердце пропускает один стук.

— Что случилось? — спрашиваю совершенно неофициально. Говоря по-простому, безумно пугаюсь. Началось.

— Дерзит, — не скрываю облегченного выдоха, хотя этого делать не следовало. Глаза Андрея Петровича, спрятанные за стеклышками очков, становятся все более настороженными. Так, понятно...

— Я думала, может, она разбила у вас что, — храбро выкручиваюсь, — или...нанесла какую-то порчу имущества школьного. Вон мне парту еле сделали недавно. Сколько я с ней нервов потеряла! С какой-то партой.

Такой ответ вроде бы зачтен. Отлично.

— Так что говорит? — уточняю я.

В коридорах пусто и по-школьному гулко. Уроки давно закончились, остались только некоторые из учителей решать свои вопросы или же, как я, потихонечку принимать своих учеников. Андрей Петрович ничего не отвечает, отходит от двери моего кабинета, подходит к окну. Мне ничего не остается, как подойти к окну следом.

— Я даже объяснить не могу, понимаете, Вероника Васильевна? — говорит он. Чувствую, что волнуется. Я, конечно же, тоже начинаю волноваться. А зачем ты ко мне-то пришел, интересно, если объяснить не можешь?

Но лучше ко мне, чем к психологу. Или — чем докладная директору.

— Я слушаю, — отвечаю сдержанно.

— Во-первых, это для нее не характерно. Я знаю эту девочку несколько лет. В этом году она пришла — и будто другой человек. Слишком... развязный, что ли. Самоуверенный, развязный, несдержанный...

Твою мать.

— А в чем это выражается? Андрей Петрович, мне нужны факты! Понимаете меня? Наше с вами внутреннее ощущение никуда не подошьешь и не подколешь! Мне вот половина моего класса не нравится в этом году, настаораживают они меня, но что я с этим сделаю? Что она вам сказала? Вы написали докладную? Как вообще эту решили ситуацию?

— Да не было никакой особенной ситуации, Вероника Васильевна, — Андрей Петрович не смотрит на меня. Глядит на облетающие деревья за окном. Чуть-чуть листочков осталось на их ветвях — октябрь близится к концу, и скоро каникулы...

— Ситуации как таковой не было, но некоторые циничные выражения девочки на уроке биологии... нет, даже если я вам их скажу, вы не поймете. Надо было слушать интонацию,

смотреть на Лену в эти минуты. Совершенно другая, взрослая донельзя! Хотя зря я вам все рассказал, — Андрей Петрович поворачивается ко мне спиной и намеревается уйти. Очень здорово. Напугал, толком ничего не рассказал — и уходит.

Проблема в том, что я слишком хорошо понимаю, в чем дело.

— Подождите, Андрей Петрович! — я чуть ли не хватаю его за руку, — это все, что вы мне скажете? Я как-то ожидала большего...

— Вы правы, Вероника Васильевна. Может, мне и кажется. И ощущения никуда не пришьешь и не подколешь. Смотреть буду. Если что, то сразу вам, директору, психологу... Думаю, решим этот вопрос. До свидания.

— Хорошо, — говорю я ему уже в спину, — я поговорю с ней...

— Не стоит пока, — Андрей Петрович даже не поворачивается.

Возвращаюсь к Марку и понимаю, что не могу больше заниматься. Все мысли заняты Леной. Кидаю взгляд на часы — полчаса. Еще полчаса. И поговорить обязательно. Всего час двадцать с разговорами.

— А кто к вам приходил? — вопрошает Марк. В тетрадке написано всего два слова.

— А почему так мало написано? — отвечаю вопросом на вопрос. Марк конфузится.

— Я сейчас...

Он пишет, а я все еще пребываю под впечатлением от услышанного. Нужно было все сказать не так. М-да. Если бы этот разговор не произошел так неожиданно, я бы к нему подготовилась. Может быть.

— Вероника Васильевна, а в каникулы мы как заниматься будем?

— Что?

— Ну, в каникулы. Школа же будет закрыта. Вы к нам придете домой?

— Можно и к вам домой, — отвечаю рассеянно, — а можешь и ты ко мне, если не испугаешься Жужика.

— А давайте и так, и так!

— Давайте, — мне не до Марка сейчас, и я кидаюсь обещаниями, лишь бы он делал задание и не спрашивал ни о чем. Разговаривать с ним сейчас не способна.

Развязная. Звучит как приговор для меня.

Даже Андрей заметил. Правильный Андрей, в очках и серенькой жилетке, с наметившимся брюшком, в доску воспитанный и твердый в суждениях. Или это бессознательная реакция любого мужчины на подобный тип женщин? Говорят, Бог шельму метит, не зря же говорят...

— Вероника Васильевна, папа сказал, что вы красивая, — щебечет Марк.

— А по какому поводу это было сказано? — не теряюсь я.

— Я спросил папу, вы красивая или нет. И папа сказал, что красивая.

— Понятно. Спасибо папе за комплимент.

— Я передам, — радуется Марк, а мои волнения продолжают. Скоро от раздумий становится очень грустно, и я отпускаю Марка чуть раньше, чем обычно, и еще долго сижу в кабинете. Начинаю размышлять о Лене, а заканчиваю думками о моей развеселой жизни.

Если бы ты был рядом, Стас. Если бы ты был другим, не таким, каким знаю тебя я. Если бы ты любил меня. Хоть немножко, хоть капельку...

Стас приехал на эту престраннейшую встречу чуть раньше оговоренного. Раза два поплутал на джипе по всем закоулкам, прежде чем оставить машину на стоянке у

непримечательного кафе. Сначала чеченец предложил ему свое, азиатское. Ага, нашел дурачка. Или эта кафешка, или я не встречаюсь с тобой, ответил ему Стас. Никогда он не шел на поводу у нерусей. На удивление, Рамзан быстро согласился, и Стасу даже стало интересно, отчего же.

Что нужно Рамзану, Стас в догадках терялся. У самого Стаса было незыблемое правило, он ни разу ему не изменил. Не связываться с чеченцами и дагестанцами. Стас никогда с ними не имел дела, даже по просьбе своих приятелей. Не все продается и покупается, как оказалось.

Черт разберет этих чеченов. Неужто с гор спустились воинствующие родственнички и хотят чего припомнить Стасу?

Но тогда бы Рамзан не унижался, чуть ли не умоляя Стаса о встрече. Знаком с ним Стас был шапочно, пару раз встречались у общего знакомого, не больше.

Встреча, сказал Рамзан, будет один на один, приди, очень прошу, и вот как вожжа ему под хвост попала. Или все-таки родственнички?

Тонкий самодельный нож охлаждал кожу, и «ТТ» надежно прикрыт курткой. Стас бы и от гранаты сейчас не отказался — не доверял никому из этой братии.

Рамзан уже сидел в кафешке, больше чеченских лиц Стас там не заметил. Обедают две девушки и парень, еще один мужчина за столиком в углу, лица нормальные, без затаенного испуга. Все-таки один...пока.

— Салям, Стас, — сдержанно сказал товарищ с гор. Он был во всем черном, трехдневная щетина на подбородке. Хитроватые карие глаза сейчас какие-то настороженные. Не к добру это все.

— И тебе здорово, Рамзан, — Стас присел так, чтобы оказаться спиной к стене и лицом к входной двери и окнам, — я слушаю тебя. Заинтриговал прямо.

— Разговор недолгий, Стас. Нэ по бизнесу, — начал чеченец. Точно — странный какой-то. Стас нащупал пальцами рукоятку ножа. Поди разбери этих ненормальных.

— Давай уже ближе к делу.

— Вот, — и на столик легла фотография.

Стаса даже оглушило слегка. На фото была запечатлена Алиска, обнимающая Рамзана.

— Это что такое? — злость уже бурлила где-то внутри, но Стас пока не оправился полностью от эдакой неожиданности. Прийти на встречу с чеченом ради фотки твоей девушки с ним? Охренеть просто.

— Мы с тобой — серьезные люди, Стас, — между тем слышал Стас будто вдалеке рассудительный голос с легким кавказским акцентом, — нам не по двадцать лет, чтобы решать это дело на ножах или еще как-то. Поэтому позвал тебя поговорить. Отпусти Алису... она меня любит.

У Стаса в голове не укладывалось уже ничего. Это что за утренник в детском саду?

— То есть как — любит? — попытался уточнить для себя Стас.

— Любит. Но пока нэ ушла от тебя. Отпусти ее.

Стас уже было хотел сказать Рамзану, что эта голубоглазая никого не любит, кроме себя, но решил опустить сию подробность. Он не баба тут сопли разводить и морализировать перед черным.

— Это она тебя попросила? — короткая заминка чеченца. Ай, не все так чисто.

Если бы подобная ситуация случилось с кем-то другим, не с ним, Стас бы поспорил, что чечену нужно что-то другое, а Алиска — лишь повод для ссоры. Возможно, так оно и было.

Но делить им реально нечего, если только чеченец не захотел еще новенький неизведанный бизнес начать...

Неужели реально понравилась, раз готов так унижаться, просить? Они же в жизни ничего не попросят.

Стас вновь глянул на фото. А эта шлюшка тоже хороша. Крутит со Стасом, и на стороне тоже крутит. И с кем! А может, уже — с кеми? Стас аж скривился.

— И давно у вас любовь? — поинтересовался Стас.

— Три недели, — лицо Рамзана напряженное и злое.

— А от меня что требуется? Я не понял.

— Отпусти Алису. Нэ звони ей, нэ встречайся, — голос чеченца становится глухим и угрожающим, глаза темнеют, и еще явственнее слышится акцент.

— Что-нибудь заказывать будете? — официант, заметив напряженную позу чеченца и резкий жест руки Стаса, быстро ретировался.

Стас вздохнул и помолчал. Командир мог бы гордиться выдержкой своего бойца.

Говорить Рамзану, что отношения Стаса с Алисой закончились с той самой секунды, как Стас увидел ее на фото с чеченцем, он не стал. Много больно чести, пусть помучается.

Или девочка кому-то дорожку перебежала, и ее надо убрать по-быстрому, или... Рамзан действительно влюбился. Узнал, с кем встречается Алиса, и теперь откровенным мужским разговором отсекает любовника. Чтобы была только его.

Или еще какой хитроумный план от этих стукнутых на всю голову?

Но с Алиской надо поговорить. Без свидетелей.

— Рамзан, ты меня совсем расстроил. Не ожидал я такого от нее...

Лицо Рамзана каменное. Реально заинтересован.

— А я вот слышал, что у тебя жена-красавица. Чеченка, — резко поменял тему Стас, внимательно наблюдая за Рамзаном, — молодая, красивая...и ребенок у тебя. Девочка, да? — короткий выдох Рамзана. Наслаждайся, чечен. Стас продолжал мягко и вкрадчиво:

— Жена, дочурка, дом — полная чаша, куча родственников. Нет, понимаю, вот — я. Холостой, свободный, что угодно себе позволю. А ты, Рамзан? Тебе-то что не живется? Зачем тебе эта...русалка? — Стас назвал бы Алиску правильным словом, да этот горец вон уже, на взводе. Сейчас того гляди начнет здесь своим пистолетом размахивать. А это совсем не нужно Стасу.

— Я сэрдем к ней прикипел. — Стас аж глаза закатил. Вот бы на видео снять, ей-богу! Влюбленный в русскую шалаву кавказец. Это ж надо какой кошмар. И влюбленный в уже бывшую девушку Стаса. Вдвойне весело.

— Не понимаю, Рамзан, этого...

— Отпустишь?

— Да идите на все четыре стороны, — в сердцах бросил Стас, — думаешь, мне жалко? Я свои игрушки старые хоть кому отдам. Тебе-то самому как, нормально?

У Рамзана желваки заходили на скулах, и Стас почувствовал себя отомщенным. Не только за себя — даже за Чечню и за Командира. А чего нет, если чеченец сам себе устроил веселуху?

— Отпускаешь, значит, — прошипел кавказец. Горяча же кавказская любовь, как бы Алиска не обожглась...

Стас кивнул.

— Ну если она тебя любит, что я, мешать вам буду? Да живите как хотите. Жену

обманывай, твое дело. Только знаешь что, Рамзанчик... Переговорю я все-таки с Алиской, ты уж не обессуди. Напоследок, дорогой. Черт тебя знает...

Чеченец задышал тяжело и часто, но Стас благополучно это проигнорировал.

— В это же кафе и привезешь. Мы поговорим один на один, уж извини, Рамзан. Кто тебя знает, может, ты ей угрожаешь чем.

— Я нэ угрожаю...

— Мне плевать, что ты сейчас говоришь. Завтра в этом же кафе в час. Я как раз здесь пообедаю, а Алиска пусть приходит и подтверждает твои слова. Но если все это не так, Рамзан, — Стас недобро посмотрел на кавказца, — ты знаешь, мы своих не бросаем. Пусть и шалав.

— Она нэ шалава!

— Ой, твою мать... — Стас встал из-за стола, поняв внезапно, что если развивать тему, то добром это все не закончится, — Завтра в час. На пару слов. Лично Алиска, и больше никого. А не привезешь, считай, не даю вам благословения своего христианского... тьфу, аж противно!

— Привэзу.

Больше Стас не стал задерживаться. Вышел из кафе, ощущая буравящий спину недобрый взгляд.

Каждый шаг отдавался в голове грязным ругательством. В машине Стас вообще покрыл Алиску армейским трехэтажным матом. Чуть полегчало. Стас немного отъехал от кафе, припарковался в каком-то дворике. Прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла. Нужно хоть чуток успокоиться, чтобы домой ехать.

Вот дрянь. Воистину, если бы Алиса нашла себе какого-нибудь толстопузика из русских, Стаса меньше бы задело.

А ведь встречались чуть больше двух лет. Неплохой срок, между прочим. Конечно, Стас кое-что замечал и раньше, но не в таких размерах. Тогда, в начале их отношений, он просто закрывал на это глаза — сам был грешен, тоже встречался не с одной Алиской. Потом как-то все остальные отсеялись, и осталась одна она. И отдыхать вместе летали, и много еще чего, и Стас уже не слышал ни чужих смс, ни звонков — не было их. Или эта тварь стала хорошо шифроваться?

А теперь Алиска отправила его в нокаут — лучше не скажешь.

И ведь дело-то какое. Модельки круга Алисы реденько связываются с нерусями. А если и связываются, только с очень богатыми нерусями. Морщат носики, отворачиваются от прочих. Тоже есть какие-то понятия, с кем водить дружбу, а кого обойти стороной.

Рамзан был из середнячков. Вообще никто, если уж судить по городу. Чем же привлек он Алиску? Лучше трахает? Алиске захотелось новенького? Здесь уж Стас никак не мог нафантазировать, чего уж такого особенного умеет этот чечен. Связывает и бьет, небось, или развлекается ножиками в постели. Этого Стас не практиковал и не собирался. А может, следовало бы?

Стас продолжал сидеть в машине, только глаза открыл. Из окна видел пустую детскую площадку. Качели, несколько лавочек, какие-то стареньки советские устройства типа шведской стенки. Яркий осенний денек — бывают же такие.

Стас теперь свободен. Из его жизни ушла, подленько махнув русым хвостом, голубоглазая сирена. Вряд ли там какие-то разборки. Действительно, Рамзану она понравилась. И Алиска не подозревает, наверно, что этот разговор состоялся. Так и

продолжала бы молчать, и выкручиваться по-всякому, параллельно встречаясь с обоими. Только Рамзан, видно, не из глупеньких. Узнал у кого надо, за кем официально числится Алиска — Стас даже мог назвать имя информатора — а дальше дело техники. Подловить, сфотографировать, предъявить фотографию. Ладно, не видео предъявил. И на том спасибо.

Стас с силой сжал руками руль. Нет, Рамзан никогда дураком не был. Поэтому и хорошо живет. Не скачет по горам и не стреляет в неверных, а построил и купил себе все, что хотел, завел семью, зарабатывает деньги...

Из всего произошедшего следует, что Алиску он посадит под замок. Купит ей квартиру, слово за слово — и вот Алиска уже в повязке на башке и длинном балахоне сидит беременная дома. Никаких тебе клубов и Египтов, алкогольных коктейлей и прочего растлевающего влияния цивилизации. Босая, беременная и на кухне — чем не хеппи энд для русской красотищи?

А может, так даже к лучшему, зло подумал Стас. Судьба часто баловала его, и здесь, видно, печется и волнуется.

Отношения с Алиской никуда бы их не привели, а запирать, как собственник чеченец, он бы ее вряд ли стал. У русалки были и планы, и очень амбициозные мечты, а семья и дети, как знал Стас, туда в ближайшие лет десять не вписывались. Но даже если Алиска захочет от Рамзана уйти, просто так ей от чеченца не отделаться.

Ну вот и пусть идет к черту...

Стас не торопился домой, все сидел в машине и прислушивался к своему внутреннему состоянию. «Отстраняйся и наблюдай», — Командир твердил это юному Стасу в первый год чуть ли не каждый день, а он все фыркал, помнится.

Молодой безбашенный юнец. Сколько гонора тогда было... Отошло, присыпало изморосью лет. Теперь уже не так больно терять.

«Только размер потери делает смертного равным Богу», — отозвалось неожиданно в голове Стаса.

Или эта потеря не такая уж была и большая.

Вероника. Голубые глазки, пухленькие щечки, смешной кафтанчик. Он смеялся над ней когда-то. Все задирает нос и не верил, что когда-нибудь скажет хоть слово, даже повернется в ее сторону. Чертов гонор. Он же успешный малый, и у него многое получается, а с неудачниками зачем общаться? Нужно всегда идти вперед, никуда не оглядываясь, завоевывать новые рубежи, совершенствоваться во всем. Не оглядываться на то, что было.

Кто же знал, что прошлое всегда рядышком, подвывает в одинокие осенние вечера под окнами, стучится в память, что оно все длится в настоящем и имеет свою инерцию, даже сейчас, когда ты не подозреваешь об том, и думаешь, что изменился...

А ты остаешься таким же. Глупый мальчишка с гонором, который так искал ударов судьбы, чтобы доказать, что можно умело их переносить, а она, вредная, все удары отводила, позволяя для тебя лишь щелчки по носу — не более. И колонну-то твою джигиты неудачно для себя обстреляли, и хорошего чеченского снайпера ты по счастливой случайности заметил, и осколки прошли по касательной по твоей груди, не причинив особого вреда. Щелчки для зарвавшегося парня.

И только потом стала бить. Не тебя — других. Издевалась, паскудная.

Ну и что — Алиска? Комарик от судьбы. Привет, Счастливчик, не забывай, я рядышком.

А если на ее месте была бы Вероника?

Не получалось об этом думать. Мозг выталкивал мысли об этом.

Все нерушимо. Мы играем в шахматы, и скоро перейдем к более серьезным играм. У Вероники не может никого появиться за это время. Просто не может, и это не обсуждается. Ей не везло эти годы, неужели сейчас что-то изменится? Она осторожна и замкнута, и слишком погружена в себя — ей не до других мужчин. Кроме Стаса.

*Я забыл, с чем рифмуется «жди».
Но у времени много слов...*

Би-2. «Никто не придет»

Вот она, ясноглазая. В длинном, до пола, голубом сарафанчике словно парит по воздуху, а не идет в легоньких босоножках по полу кафе. А уж какие золотые сережки и браслеты! Прямо как елка праздничная увешана. Стас специально внимание обратил: он не дарил Алиске таких, новенькие. Рамзанчик расщедрился.

И на голове очень веселенькая повязочка, тоже голубая. Вроде бы и не чадра, или как у них тот платок называется, она просто волосы придерживает, вместо ободка, чтобы не разлетелись, но все же. А раньше все носила платья выше коленок, и чтобы тряпку какую на голову — да никогда в жизни. Вот как любовь горячего горца девицу меняет.

— Ну и как ты, Алисочка, докатилась до такой жизни? Рассказывай, дорогая, — обманчиво ласковым голосом начал Стас. Злости на Алиску уже не осталось. Ушла — и ушла. Туда ей и дорога.

— Стасик, — русалка прячет свои удивительные глазки и скромно садится на стул рядышком. Стас незаметно поднял глаза и посмотрел в окно кафе. Дежурят там Рамзан и еще двое его дружков, смотрят за Алисой. Нет, вот ведь просил — привози Алиску и сам приезжай. Про сопровождение не сказал ни слова. Ничего святого.

— Ну что — Стасик? Сразу — Стасик. Попалась ты, мать... А ты думала, что? С обоими спать удастся? Нет, дорогая, такого не будет никогда. — Стас недобро посмотрел на Алису, и из голоса медовые нотки убрал. Но злость в голосе Стаса ее не смутила, робость и скромность тоже куда-то исчезли.

— Может, и думала, — отвечает хладнокровно. О, да. Вот это — настоящая Алиса, — Стас, это так... несерьезно. Я и встречалась с ним недолго, всего несколько встреч...

— А вот это ты Рамзанчику теперь рассказывай, — также равнодушно и холодно ответил Стас.

Алиса прямо впиалась глазами в лицо Стаса. Голубые глазки вмиг стали ненавидящими.

— Значит, все? Мы с тобой... — чуть не прошипела она.

— Все. Иди люби своего чечена. После него мне ты не нужна.

Алиска взметнулась — даже косынка с волос слетела.

— Придурок, козел... — подхватила свою юбку и выбежала на улицу. Стас и не ожидал другого. Эта не станет ничего выпрашивать, и каяться тоже не будет. Алиска из других, высокомерных и независимых. Своей независимостью и зацепила чеченца. Ох уж он ее добивался, наверное...

Стас продолжал смотреть в окно. Алиску усадили в черный Хаммер, двое дружков сели в машину, а Рамзан в кафе направился, и через несколько секунд Стас уже видел его подходящим к своему столику.

— Я нэ обманул. Никаких разборок.

— Никаких, — согласился Стас, — держи свою королевишну от меня подальше. Видеть ее не хочу.

— И ты...

— Я за себя все сказал уже, Рамзан. Она твоя, и я не претендую. И ты — без претензий. Ни сейчас, ни потом, чтобы там Алиса тебе не наговорила. Ясно?

— Да.

Больше Рамзан разговаривать не стал. Поскорее вышел из кафе — увозить свою ненаглядную. Стас смотрел и диву давался: почему же влюбленные мужики всегда смешны и жалки?

— Сегодня что-то опаздываешь.

— Устал ждать? — улыбаюсь я. «Ты когда уже прилично оденешься, сволочь? Опять мне из-за тебя ночь не спать?»

— Нет.

Снимаю обувь, расстегиваю куртку. У меня уже есть отведенное место и для куртки, и для обуви. Аккуратист Стас все определил и выделил. Очень мило. Я здесь прямо как кошка. У кошки же есть свои места в доме — туалет, корзинка для сна, правильно? Вот и у меня, даже стул есть, на котором постоянно сижу, и он всегда стоит задвинутым, когда я прихожу, и Стас насмешливо говорит, что стул лично мой... Да ладно, чего там. Я согласна.

— Сегодня в шахматы, как обычно? — протягиваю Стасу пирог, обернутый в фольгу. Стараюсь с недавнего времени печь что-нибудь, чтобы прикармливать Стаса. Первый пирог я принесла совершенно случайно неделю назад по случаю начавшихся каникул (ну, захотелось мне праздника, и чтобы не только я праздновала) и увидела неприкрытую радость на его лице. Стас его и съел почти весь, кстати. С тех пор я обрекла себя на новые мучения: заниматься выпечкой, вопреки всем репетиторствам и тренировкам. Но радость в глазах Стаса того стоит, хотя он ее и не афиширует. Что там говорят про то, что мужчины любят желудком?

Стас заинтересованно смотрит на пирог.

— С чем? — спрашивает, как ребенок.

— Сегодня с картошкой.

— Клево, — сейчас Стас такой милый и домашний, что хочется его расцеловать. Эх...

Иду следом за ним на кухню. Стас аккуратно кладет пока неразвернутый пирог на тарелку, включает кофеварку. Привычно расставляю шахматы на доске, стоя у стола — сто раз так делала.

Поиграю немножко: часика через два ко мне домой должен прийти Марк, а нужно и Жужика выгулять, и немного прибраться к приходу мальчика. Обычно я сама хожу по квартирам детей, или занимаюсь с ними в школе, но в этот раз Марк упросил позаниматься у меня дома. Он, видите ли, хочет, чтобы пес рядышком сидел. «Папа не разрешает заводить собаку, Вероника Васильевна, — сказано трагически, — он работает много, а я не смогу за ней хорошо ухаживать...» — в глазах настоящее горе. И не отказать никак такому мальчишке.

Внезапно настораживаюсь: что-то не то. Стас подходит ко мне сзади. Он стоит очень близко — меньше чем полшага назад, и я спиной упрусь в его широкую грудь. Из-за моей спины он протягивает руку и ставит на доску последние две фигурки, которые я не успела определить на свои места. Замираю не от испуга — от пьянящего чувства близости. Стас совсем рядом. И можно развернуться к нему лицом, посмотреть в почти всегда холодные серые глаза и...

Держи карман шире, Вероничка. Очнись, принцесса. А очередную порцию насмешек не хотите ли?

Нет, никак он не успокоится. Что нужно сказать или сделать мужику, чтобы он прекратил свои грязные шуточки? Подумать боюсь.

Сейчас вновь что-нибудь сморозит гадкое.

— Стас, не надоело еще? Ну что за приколы? Отойди, — раздраженно дергаю плечами.

— Мешаю? — руки Стаса ложатся мне на плечи и очень медленно скользят вниз.

— Напрягаешь. Отстань, говорю, — мурашки бегут по спине и становится жарко от такого ласкового, странно нежного прикосновения его рук. К сожалению, мне слишком хорошо известно, что ничего за этим прикосновением не стоит, кроме развеселого армейского юмора и желания надо мной поиздеваться, в очередной раз доказывая себе, какой он крутой парень.

— Знаю наизусть все твои штучки. Сейчас начнешь прикалываться надо мной, дай только повод. Извини, как-то не хочется сегодня все это слушать.

— А ты не слушай... — Стас прижимает меня к себе. Снова дергаю плечами — бесполезно, не вырваться, даже толком не шевельнуться. Мышцы рук у Стаса литые. И не пикнешь, если вдруг приобнимет такой где-нибудь в переулке.

Я оказываюсь почти полностью прижатой к Стасу — он держит одну руку на моей груди, другую — на талии, и спиной ощущаю сильное жесткое тело. А еще — что-то твердое ниже пряжки джинсов, отчего краснею как помидор: уж очень хорошо понимаю, что это такое.

И как током ударяет желание, колени сразу же слабеют и подгибаются. Я же тоже не железная. И периодическое лицезрение полураздетого красивого мужика — его обтягивающие майки все равно как полураздетость, там все мышцы просматриваются отлично — не способствует сохранению чести и достоинства.

Стараюсь спокойно выдохнуть, параллельно ругаясь про себя на чем свет стоит. Если он так и дальше меня будет прижимать, долго сохранять безразличный вид я не смогу. Совсем расслаблюсь в его руках, и он сможет делать все, что хочет — слова не скажу. Да что слово — сама с него одежду сорву.

Только не стоит делать ничего подобного. Стас потешит свое самолюбие, а что будет со мной после этого секса на один разочек? Как потом на себя и на него смотреть? Смотреть и понимать, что тебя просто использовали...

— Руки убери! — не узнаю своего ледяного голоса. Ух ты, могу говорить так же, как и Стас, и даже с большей выразительностью. Чувствую, как Стас тоже замирает на мгновение и чуть ослабляет хватку. Не ожидал зубастую Веронику. Я и сама не ожидала, что меня так заденет эта последняя его выдумка.

— А если не уберу? — шепотом интересуется Стас, опалая мое ухо горячим дыханием. Так хочется закрыть глаза, и пусть он делает со мной все, что хочет. Хорошо, допустим. А потом-то — что? У него вон Алиса имеется, да и еще кто-нибудь. Стас — красавчик, видный мужик. Сердце наполняется злостью и обидой. Я-то тебе зачем, любимчик судьбы? Даже с моей к тебе большой влюбленностью?

— Не уберешь — больше меня здесь не увидишь, — чеканю негромко. Свои руки Стас, помедлив несколько секунд, неохотно убирает и отстраняется.

— Не буду хулиганить, Вероничка. Я хороший мальчик. Все-все, — Стас отходит от меня, выдвигает стул и садится напротив. Вздыхает горестно, разглядывая меня.

Представляю, как выгляжу. Раскрасневшаяся и встревоженная. Ладно бы только это.

Тело скручивает от мучительного желания, которое с начала большого шахматного турнира копится неделями, точнее, скоро счет пойдет на месяцы. У меня-то, в отличие от Стаса, никого нет. И давно уже не было... ничего не было.

— Ну что за женщины пошли. И приобнять-то нельзя, — недовольно говорит Стас, но в глазах поблескивает все та же усмешка. А я о чем говорила? Для него это все — игра и развлечение. Не больше.

— У тебя есть, кого обнимать. Вот вперед и с песней, — повторяю не первый раз.

— А что там с твоими личными делами?

Присаживаюсь на стул напротив. Будем играть, что ли? Дышать легче не становится, ноет грудь и в голове шумит, как от выпитого шампанского. Ничего, все пройдет. Сейчас партия в шахматы, я отвлекусь и перестану замечать бесполезное возбуждение.

— А мои дела — это мои дела, — заявляю уверенно. Только о личной своей жизни, которой, увы, пока нет, я Стасу еще не рассказывала. И так уже знает о моей жизни больше, чем некоторые подружки и родственники.

— Мы вредные какие, да, золотко? — подмигивает мне Стас и полностью расстегивает рубашку.

— Это еще что такое? — ошарашенно спрашиваю я, наблюдая за раздеванием. На смугловатой груди несколько шрамов, и ужасно хочется дотронуться до них. Закусываю губу и отвожу взгляд — от греха подальше.

— Жарко стало, — обезоруживающая улыбка. Ну обалдеть просто! Жарко ему.

Простые как две копейки эти военные.

— А водички холодной попить не пробовал? Говорят, помогает. И не только он жары, — мой многозначительный взгляд на джинсы Стаса. На причинное место я посмотреть, конечно, не могу, — мы сидим за столом вновь друг напротив друга, но Стас вытянул свои длинные ноги, и смотрю на его джинсы чуть ниже колен. Меня обзор устраивает: и вроде бы ни на что непристойное не намекнула, но и не проигнорировала случившийся эпизод. А там уж как кто поймет. И Стас понимает, естественно. Он смеется. Хотя, нет. Это даже смехом назвать нельзя. Просто ржет, ударяя ладонями по коленям.

Я здесь еще клоун. Скоро буду деньги брать за веселье.

— Вероничка, ты чудо! Не, серьезно...

— Ты будешь играть сегодня, весельчак? — злостью уже не по-детски, хотя тело продолжает умолять о запрете. Продолжаю до сих пор чувствовать объятия Стаса, словно он обнимает меня даже сейчас, — меньше чем через два часа ко мне домой ребенок прийти на репетиторство должен, поэтому некогда смеяться с тобой. Это вы ворочаете большими деньгами, а я их понемножку зарабатываю и с великим трудом, между прочим... Или мы с тобой играем, или я — домой. И еще с Жужей гулять.

— Играем, Вероничка, играем... — Стас, все еще посмеиваясь, переставляет пешку, — так что у нас там с личным?

Быстрый взгляд на меня из-под выгоревших ресниц.

— Все хорошо, — клянусь очень торжественно, — мои отношения цветут и пахнут. Не хуже твоих.

Съешь, дорогой. Да что за дурацкие вопросы? Как будто тебе, Стас, интересно. В жизни не поверю.

— Поподробнее можно? — лукавый взгляд серых глаз. Я бы растаяла от этого взгляда,

если бы он не сопровождал ненавязчивый допрос.

— Нельзя.

Стас многозначительно поднимает брови, а я продолжаю тихо беситься. И за свою жизнь ужасно обидно.

Ну почему одним дается все, Отче, почему? И почему у других все отнимается? Как определить, по каким законам вращается колесо фортуны? И как попасть в обладатели счастливых билетов?

А нужно ли, думаю отстраненно. Счастье — такая призрачная штука. И у каждого счастье — свое. Я говорила об этом Ане. Но почему же мне иногда кажется, что и это суждение — ошибочное?

Делаю ход конем, и Стас задумывается над следующим своим ходом. Его рука застывает на одной фигурке, взгляд перебегает с белых фигур на черные — он погружается в просчитывание ходов. Рядышком с шахматной доской теперь стоят часы: это я поставила такое условие. Мой ученик делает большие успехи.

— Теперь ты, — Стас переставил слона и откидывается на стуле, заложив руки за голову, — так что ты мне рассказать-то хотела?

Вот пристал.

— А тебе зачем? — одна из любимых фраз Стаса. Я ее тоже взяла на вооружение, — Опять заскучал? Наверно, Алиска на Таити умотала? Или еще куда?

Стас хмурится. Скорее всего, «еще куда».

— Твой ход, — легко переставляю фигурку. Я сознательно сдаюсь, загоняя себя в будущий проигрыш. Пускай Стас порадует, может, перестанет устраивать мне в который раз гестапо.

— Ты специально лажаешь, дорогая? — цокает языком Стас, — это же глупый ход. Ты же у нас гуру в шахматах, но эту глупость увидит даже начинающий...

— Мозги, видимо, не соображают после ваших обнимашек, — бросаю я. Никогда не признаюсь в подстроенном самой себе поражении. Стас довольно улыбается.

— Так, может, я не с того начал нашу игру в шахматы? Надо было что посерьезнее сделать, тогда бы я всегда побеждал, а, Вероник?

— Толку-то. Тогда бы в шахматы играть не научился, — отвечаю максимально равнодушно. Вот так и живем. Мало того, что в школе сию как на вулкане, так еще и здесь не все спокойно, и постоянно надо отбивать мячики подколов. Как же я устала от всего этого! Почему мы со Стасом почти никогда не можем поговорить по-нормальному, без этого вечного сексуального подтекста, такого обидного для меня? Дразнит девочку конфеткой. И знает прекрасно, что конфетку давать такой без надобности, и все равно — дразнит.

А как хочется поговорить с кем-нибудь! О холодной осени, о твоих маленьких радостях, о печалях... да о чем угодно! И не ждать насмешки в ответ. И не думать о том, что говоришь, просто говорить — от души, искренне, не таясь, о том, что волнует и вдохновляет. А потом — познакомиться еще ближе, чтобы ближе некуда, и тоже не бояться, что ты не понравишься, что сделаешь что-то не так...

Неужели я хочу так много?

— А может, ну их, шахматы, — голос Стаса звучит очень многообещающе.

Кручу пальцем у виска. Такое мне не свойственно, но Стас очень старается. Желая треснуть его по голове чем-нибудь тяжеленьким! Или сесть к нему на колени и целовать без памяти.

Но второе невыполнимо в силу моих устойчивых принципов, а первое — потому, что в принципе невыполнимо. Стас все-таки еще и тренер по рукопашке, а я даже не могу представить, как человека можно ударить.

— Играй давай. Хватит уже шуточек. Стас, правда... хватит. Ты прямо сегодня отличаешься. Я не понимаю, чего ты добиваешься, честно. И понимать не хочу. Но если ты в таком же духе будешь...

— Виноват, Вероника Васильевна. Играем молча. Только ты не лажай специально, пожалуйста.

— А ты ко мне не приставай с вопросами. И не только с вопросами...

— Это как получится...

Прикрываю глаза на секунду. Ну не сволочуга?

Волнует меня еще и то, что эти все подначки самым плохим образом влияют на мое тело. Чувствую покалывание в кончиках пальцев, ужасно хочется прикоснуться к обнаженной груди Стаса, просто до боли. Тело продолжает гореть, низ живота предательски ноет, а трусики уже давно стали мокрыми насквозь. И это все от чего? Приобнял, чуток разделся и сделал несколько намеков. А если смешки будут посерьезнее, что тогда?

Плохи мои дела.

Сегодня приду домой и опять на сайт знакомств залезу. Или...или не знаю что. Но и эту ночь я проведу в обнимку с флакончиком валерьянки. Пожалуй, треснуть когда-нибудь за все мои страдания Стаса все же не помешает.

Мой телефон издает привычную мелодию звонка.

— Сейчас, — тихо говорю я и лезу в сумку, которую всегда вешаю на спинку стула. Стас отходит к кофеварке — налить кофе.

— Будешь? — спрашивает негромко. Киваю и смотрю на загоревшийся экранчик телефона. Это Роберт, папа Марка.

Едва ли я могла когда-нибудь подумать, что именно тогда, когда буду играть со Стасом в шахматы, мне позвонит мужчина. Стас — это одно дело, ему кто угодно звонить может, но я...

Всегда говорю детишкам: сегодня мы в грязи, а завтра мы князи. Или наоборот. Неисповедимы Твои пути, Отче.

Ну, Стас, держись!

Миг моего торжества. Фанфары, пожалуйста, включите тоже. Не одному тебе, Стас, звонит противоположный пол! Прямо-таки наполняюсь гордостью. Закроем глаза на то, что это всего лишь отец одного из моих учеников. Стасу это знать не обязательно.

Что-то изменилось? Марк не придет? Постараюсь повернуть разговор так, чтобы он свидетельствовал о моей бурной личной жизни. Если это получится, конечно. А если не получится, все равно — звонок мужчины надолго заткнет рот Стаса. И пусть только теперь попробует повыпендриваться и попривлечь меня на унижительные учебные свидания!

Нажимаю на кнопку и подношу телефон к уху. Стас наливает кофе в чашку. И только в следующую секунду, когда я произнесу «Здравствуйте, Роберт», (на «здравствуй», к сожалению, пока не хватает наглости), он поднимет голову и начнет прислушиваться. Я все вижу: наблюдаю за его реакцией краем глаза.

— Здравствуйте, Вероника Васильевна. Как ваши дела? — возношу благодарственную молитву за то, что Роберт воспитан до мозга костей, и никакой разговор у него не начнется прежде этикетной вежливости.

— Замечательно. Отдыхаю сейчас. Как вы сами? — изображаю улыбку в тридцать два зуба. Смею заметить, что если вы так скалитесь, то и интонация голоса у вас будет соответствующая — доброжелательная и располагающая к себе собеседника, хотите вы этого или нет. Уж не знаю, что сейчас подумает обо мне Роберт. Но — все для победы! Я же ничем не рискую...

— Очень работы много. Устал ужасно, — звучит в трубке приветливый голос. Та-ак. Что-то мы о личном начали. Стас даже про кофе забыл. Стоит у барной стойки, руки скрестил на груди, и с неослабевающим вниманием слушает все то, что я тут несу. А я уж расстараяюсь...

Но расстараться не получается.

— Вероника Васильевна, я вот по какому поводу звоню: у Марка перенесли занятия в бассейне...извиняюсь перед вами...в общем, он сидит около вашего подъезда сейчас и ждет. Мне за ним приехать? А может, вы сейчас сможете с ним позаниматься? Понимаю, что мы договаривались попозже, но бассейн от вас недалеко, вот Марк и пришел к вашему подъезду. Но если вам неудобно, я за ним приеду... — переходит к делу Роберт.

— Я сейчас не дома, — задумчиво говорю я и медленно провожу языком по верхней губе в той же задумчивости. Пускай из меня плохая актриса, но Стас все-таки проникся: продолжает пристально смотреть на меня, голову чуть наклонил и сверлит недоверчивым взглядом.

— Да, понимаю. Я заберу его, и через два часа...

— Ну что вы будете мотаться туда-сюда. Пусть подождет на лавочке минут десять, или в подъезд зайдет, если холодно. Я сейчас подбегу, — не бывать мне фемме фаталью. Вместо того, чтобы подольше подразнить Стаса, сбиваюсь на насущные нужды.

Пускай. Фальшивые улыбки, двузначные реплики — все работа на зрителя. А я не собираюсь играть ни в какие игры.

И меня вознаграждает радостный голос, полный теплоты и признательности:

— Вероника Васильевна, спасибо огромное, вы так много делаете для Марка...

— Да бросьте, — перебиваю я и, на секунду забыв о том, что Стас наблюдает, улыбаюсь совершенно открыто и искренне. Ценю хорошее отношение. Другие — особенно родители некоторых моих десятиклассников — считают, что учителя и классные руководители все должны и обязаны, и иногда доброго слова не скажут, да что там — и спасибо никогда не произнесут. — Пусть подождет. Я приду.

И вырвусь из этой квартиры, в которой, как мне кажется, даже воздух пропитан искушением.

— Хорошо, сейчас Марку перезвоню и скажу.

Кладу телефон обратно в сумку. Стас ставит на столик чашку с кофе.

— Собралась куда?

— Да...Стас, побегу. Ко мне ребенок пришел заниматься.

— А звонил кто?

— Папа его, — беру чашку в руки, делаю глоток. Кофе у Стаса очень вкусный, с молочной пенкой наверху. Такой у себя вряд ли сделаю. Хотя бы потому, что у меня нет кофеварки, и вряд ли будет в ближайшее время, потому что потихонечку коплю на отпуск.

— Папа? А мама почему не интересуется?

— Он вдовец.

Стас подходит к столу и садится. Пытаюсь вежливо попрощаться, даже встаю, но Стас

хватает меня за руку:

— Посиди две минутки, расскажи про вдовца, а потом я тебя провожу даже.

— Не надо мне провожатых.

— Сядь, Вероничка. Я же должен за тебя порадоваться.

«Да чему тут радоваться? Просто заботливый отец, к тому же мормон, к тому же мне здесь ничего не светит, как и с тобой, Стас», — собираюсь ответить, но почему-то в последнюю секунду открываю рот и говорю совершенно другое:

— Мы недавно с Робертом познакомились, пока сказать ничего нельзя. И как только что-то определится, я непременно похвалюсь, — кидаю холодный взгляд на Стаса. Получите-ка по всем своим позициям. Решительно выдергиваю руку — Стас больше ее и не держит. Узнал все, что ему надо. Потираю кисть: хватка у Стаса железная.

— Ты следи за своими захватами, — разглядываю покрасневшую кожу, — а то меня еще спросят, откуда они...

Вот вам. Немножко маслица в огонь. Оказывается, я еще та интриганка.

— Ладно, пошли, провожу, — Стас решительно встает, а я — за ним следом. Шахматная доска сиротливо стоит на столе, фигурки замерли на своих местах. Так и не доиграли мы партию в шахматы.

Зато стремительно и быстро разворачивается новая партия — уже в моей жизни. Очень хочется в это верить.

— Сомневаешься? — едко иронизирую я. Стас набрасывает куртку на плечи.

— Не раскатывай губки. Просто хочу прогуляться.

— Конечно, прогуляться, — хмыкаю я, пока мы спускаемся вниз и выходим из подъезда, — но увидишь только ребенка у подъезда. И попрошу тебя, Стас, не провожай до дома. Я не хочу, чтобы мальчик тебя видел. Понятно?

— Не переживай, не разрушу твое прекрасное счастье.

— А можешь?

— Могу, — несколько секунд я смотрю в непроницаемые серые глаза и не совсем понимаю, зачем мы об этом говорим. Потом пожимаю плечами.

— Я как-то не жду от тебя такой гадости. Все-таки... некоторое количество добра я тебе сделала...

— Вероника, как ты все усложняешь. Я вышел прогуляться, заодно посмотрю на мальчишку. Плюс порадуюсь за то, что у тебя что-то начинает получаться в жизни. Даже готов помочь в твоих лучших начинаниях, совет дать, если попросишь. Так что на меня можешь рассчитывать. В какой-то мере, мы с тобой друзья. Или нет?

Спотыкаюсь от неожиданности.

Ничего себе. Первый раз такое слышу от Стаса. Чтобы успешный и благополучный Стас считал меня своим другом, а не человеком второго сорта? Правильно говорит, друзья «в какой-то мере». Что же это за мера такая?

— Согласна, Стасик. В какой-то мере — друзья. А в какой-то...

— Много думаешь, — качает головой Стас, — все проще, чем тебе кажется. Сейчас общаемся, потом — нет, поэтому сейчас дружим, а что потом — неизвестно. Время разводит людей. Но если надо, помогу тебе и подскажу. Объективный мужской взгляд на проблему никогда не помешает, а, дорогая?

До моего дома остается всего ничего, и я вижу Марка, сиротливо нахохлившегося на лавочке около подъезда. «Что же ты в подъезд не зашел, малыш? Заболеть пытаешься?», —

сочувственно ругаю Марка про себя, и самой становится градусов на десять холоднее.

Надо бежать быстрее, пока ребенок не закоченел, а не трепаться со Стасом. Толку от наших разговоров? Я делаю вид, что моя личная жизнь наладилась, Стас верит — или делает вид, что верит. Глупое времяпровождение.

— Не помешает, советчик. До вторника, что ли?

— Да. Но если новости будут, звони раньше.

— Какие новости, Стас?

— Как — какие? По личному вопросу.

— А-а.

— Пока, — и легкий поцелуй в щечку.

— Ой, иди-ка ты со своими любезностями, — отмахиваюсь от Стаса. Час от часу не легче. Этот поцелуй — подтверждение того, что мы друзья, что ли? Замечательно.

Почти бегу к скамейке, на которой сидит Марк. Мальчик не смотрит по сторонам: разглядывает снег у себя под ногами. Он не видел Стаса, не видит, как я к нему бегу. Полностью погружен в свои детские — или уже не детские — думки. О чем он думает? Вспоминает маму и младшего братишку? Или размышляет о своей жизни? Или решает, что попросит у папы за неплохое окончание четверти, если еще ничего не требовал?

— Марк, не сиди на холодной скамейке, — говорю громко, и мальчик поднимает голову.

— Вероника Васильевна, — лицо его освещается радостной улыбкой, и тут же Марк чуть-чуть краснеет:

— Я немножко раньше...

— Я в курсе. Пойдем.

Но с Жужиком придется решать вопрос, и срочно. Иначе вероломный пес не даст нам заниматься с Марком: будет свистеть и вздыхать, возможно, даже исполнит целую симфонию из собачьих подвываний, охов и вздохов.

— Чай будешь? — спрашиваю я Марка, пока мы поднимаемся на второй этаж. — Голодный, наверно?

— Немножко, — признается Марк, — но мне чай нельзя.

— Ах, да... У меня есть печенье, — говорю мальчику, — чай... ну, печенье дам, а пока будешь есть, погуляю с собакой, хорошо?

— Я могу тоже погулять с вами. И у меня с собой есть пакетики с травяным чаем. Травы можно.

— Тогда вскипячу чайник, а там заваривай, что уж тебе можно, а с Жужиком погуляем в следующий раз. Ты и так надышался свежим воздухом, пока меня ждал на лавочке.

Заходим в мою небольшую квартирку, и Жужик встречает нас возмущенным лаем. Но Марк не боится пса, и тот затихает, подходит к мальчику и обнюхивает его.

— Видишь, гулять хочет.

Показываю Марку, куда нужно повесить одежду и поставить обувь, потом провожаю его на кухню и включаю чайник. Достаю печенье и чашку.

— Хозяйничай, мы сейчас.

Через десять минут мы с Жужиком возвращаемся. Понимаю, что Марк самостоятельно пошуршал по полкам — на столе стоит вторая кружка, а в ней — дымящийся напиток.

— Я вам тоже заварил, Вероника Васильевна. Это очень хороший травяной сбор, мы с папой всегда пьем. Там шиповник, Melissa. Папа заказывает специально. Я вам пакетик

этого чая могу подарить, у меня много...

— Спасибо, — говорю я и сажусь к столу. Марк, не стесняясь, берет печенье и начинает болтать. Подпираю ладонью щеку и смотрю на него. Мой мальчик, который не смог родиться, если бы вырос, мог бы быть точно таким же...

Вот она — совсем другая жизнь. Жизнь скромной учительницы, в которой нет места красавцу Стасу. Может быть, местами скучная и неинтересная, но не теряющая от этого своего маленького света.

А чай действительно очень вкусный. Говорю об этом Марку, и он вдохновляется:

— Вероника Васильевна, вы бы знали, какой чай у нас бывает в церкви! Там и сок, и лимонад дают детям! А пойдете со мной и папой!

— Куда, Марк?

— К нам, в церковь. Ну, не совсем церковь... Собираемся в большой квартире старейшины Беннета. Она о-очень большая. Там старейшина Беннет проповедует. Но если вы хотите, к вам могут прийти и старейшины домой...

— Стоп-стоп, Марк. Мне сюда никого не надо и вообще... я как-то не хочу никуда ходить.

— Но там же говорят о Боге! Вы не верите в Бога, Вероника Васильевна? — восклицает Марк.

— Это очень личный вопрос, Марк, — довольно строго начинаю я, но Марк трясет головой:

— Нет. Без Бога жить нельзя. Совсем нельзя, Вероника Васильевна. Я даже не знаю какой бы была моя жизнь, если бы в ней Бога не было...

— Здорово, — а что тут еще сказать? — Давай-ка, Марк, оставим споры о Боге и пойдём заниматься.

— Вы верите, Вероника Васильевна, только никому не говорите. У вас глаза добрые — и грустные. Я точно знаю, еще в сентябре заметил...

— Наблюдательный какой, — усмехаюсь я, уходя в комнату. Только усмешку не получается сделать веселой.

В комнате первым делом закрываю ширмой ту ее часть, где стоят кровать и шикарный туалетный столик — почти единственная вещь, которая является постоянным напоминанием о моей прошлой жизни. Он очень красив и изящен, и в скромной обстановке квартиры кажется ярким павлином в стае голубей, но расстаться с ним почему-то выше моих сил. Я сама придумывала в свое время его дизайн, кроме того, парочка потайных ящичков (их мне подсказал услужливый создатель этого необычного туалетного столика) только делают его более нужным, ибо больше прятать с трудом заработанные деньги в маленькой квартире мне почти негде.

Стребаю с большого стола у окна ворох тетрадей, убираю ноутбук, подхожу к книжному шкафу за тестами и диктантами. Марк располагается на стуле за столом, и скоро я сажусь рядом с ним.

Мы занимаемся с Марком чуть больше часа, во время которого постепенно перестаю думать о Стасе. Будто сегодняшняя встреча была не со мной, будто ее не было вовсе...

Марк уже начал застегивать куртку, как в моей прихожей раздается звонок, на который Жужик реагирует предсказуемым громким лаем.

— Папа пришел, — говорит мне Марк.

А вот к этому я как-то не была готова. Вся семья мормонов у меня дома. Это, знаете ли...

— Вероника Васильевна, еще раз здравствуйте, — вежливо говорит Роберт. Он стоит за дверью и не пытается войти. Конечно, я же не пригласила. Но желаний приглашать его домой у меня нет. Выхожу за порог, Марк прощмыгивает мимо меня и встает рядом с отцом.

— Беги в машину, — говорит тот и протягивает ключи Марку, — я с Вероникой Васильевной поговорю.

— Хорошо, — Марк громко топает по лестнице вниз.

Деньги за занятия мальчик аккуратно отдает каждую нашу встречу. Достаточно щедрая сумма, больше, чем я прошу с учеников, а об успехах говорить пока рановато. Это я неделю назад озвучила Роберту. О чем еще говорить?

Он так не похож на Стаса. Стас носит кожаные куртки, Роберт — элегантное пальто, и каждый выверенный жест, каждый поворот головы говорит о породе и внутренней интеллигентности. Наверное, такими, как он, были дворяне в девятнадцатом веке, которыми так восхищался Бунин, мир которых оплакивал Шмелев в «Солнце мертвых» и к которым старался приблизить своих героев Чехов.

Воспитанные, тактичные, многосторонне образованные, стремящиеся что-то сделать для мира по своим силам. Элита русской интеллигенции.

И мормон. Нет, не вяжется это сюда.

Но Стас по сравнению с Робертом кажется не просто неотесанным военным, а просто дикарем. Мужественным, сильным, а еще жестоким и безжалостным, привыкший от жизни брать то, что хочет, но обязательно — самое лучшее.

Не повезло тебе, Вероника. Попала ты под дикарское очарование. Спишь и видишь, чтобы Стас прижал тебя в уголке своей кухни, развернул к себе спиной, так же, как сегодня, только откровеннее и циничнее. А потом опрокинул на стол, раздвинул ноги и жестко вошел сзади, пригибая тебя к столу и ни о чем не спрашивая.

— Вероника Васильевна, еще раз спасибо за то, что сегодня пораньше позанимались с Марком.

— Да ладно, — равнодушно отвечаю я. Совсем себе душу растравила, как только вспомнила о Стасе и сравнила мормона с ним.

— Я подумал, у вас же осталось это время, которое сейчас должен был занять Марк, правильно? Хотел пригласить вас куда-нибудь, если вы не заняты. Хотите, в пиццерии посидим, или просто погуляем. Я Марка домой завезу, там с ним няня побудет, а мы с вами немного пообщаемся, — все это сказано с такой доброжелательной улыбкой и какой-то ненавязчивой интонацией, что у меня нет никаких аргументов против. Действительно, почему нет? Хоть развеюсь, да и Роберт, наверное, от работы хочет отдохнуть.

— Давайте, — киваю я и непроизвольно улыбаюсь, — заезжайте. Вы через сколько будете?

— Марка отвезу и сразу за вами. Минут тридцать — сорок. Нормально?

— Конечно.

— Тогда скоро вернусь.

Мормон поворачивается и спускается по лестнице, а я внезапно замечаю, как красива его прямая осанка и какие у него широкие плечи. Нет, с ленивой грацией Стаса и с тренированным телом того же Роберт соперничать не сможет, и легкое, будто игривое, покачивание плеч при ходьбе у Стаса будет всегда привлекательнее, чем эта несколько

нервно напряженная спина, но... мне она вдруг начинает нравиться.

Бегу принимать душ. Даже если будем просто гулять, надену что-нибудь более праздничное. Обязательно подкрашусь еще, конечно! Достаю из одного из ящичков туалетного столика любимую «Шанельку» — и застываю на месте.

А меня же только недавно, очень вежливо и тонко, пригласили на самое настоящее свидание!

*Одиноким — одиноко. Вьюга только да осока.
И дорога — не подруга, однонога, однорука.
Не дорога, а дорожка. От порога до окошка.
Одиноко от печали: не ругали, не прощали...
Мне не надо, ради Бога, ни заката, ни восхода.
Мне бы снова, хоть немного, хоть бы слово от порога...*

Веня Дркин

— Ой, Роберт, ну зачем вы... — в восхищении разглядываю букет нежно-розовых роз.

— Захотелось подарить их вам.

— Я... сейчас, — разворачиваюсь на пороге и задумываюсь на секунду. Пригласить домой, пока я буду отыскивать вазу и ставить цветы в воду, или нет? Но Роберт не дает решить важную дилемму:

— Я подожду около подъезда, — и тут же спускается по лестнице, прежде чем я успеваю даже рот открыть.

Закрываю дверь и мечусь по квартире. Где же ваза?

Жужик садится у стола на кухне и наблюдает, как я бегаю.

— Смотри, Жужа, какая прелесть, — показываю псу букет.

Цветы Жужика не впечатляют. Пес с лукавством смотрит на меня: вот если бы ты мне косточку показала... или Стасовы консервы...

Стас иногда покупает их Жужуку. Молча протягивает пакет, когда от него уйду. Я как-то даже попыталась отказаться, но Стас сказал на это, а спросила ли я собаку, которая их так любит, и пришлось устыдиться и взять.

— Ну, извини. А консервов дорогуших пока не передавали, — говорю я и вытаскиваю трехлитровую банку. Пока здесь постоят. Не хочу заставлять Роберта ждать.

Чуть ли не выпархиваю из квартиры, вся окутанная духами и туманами (читай — вылившая на себя полфлакона дорогого французского парфюма), делаю два шага по лестнице вниз... и останавливаюсь. Что там было, когда мы со Стасом ходили по кафе да ресторанам?

Первый раз я встретила свою ученицу в провокационной компании, второй — старого знакомого. А в третий раз что случится? Бог же троицу любит, верно? Жизнь точно ополчилась против меня, отсекая все общественные места. Совпадения, скажете?

Но если со Стасом мне не страшны никакие встречи, какими бы фатальными они ни были, потому что на него не нужно производить пресловутое впечатление (все уже давно произведено, и пересмотра, увы, не будет), то в случае с Робертом я почувствовала страх. Он меня знает только с хорошей стороны, и я не хочу в самое первое свидание терять его положительное представление обо мне, если случится что-нибудь непредвиденное. Нет, нет, нет.

Смешно. Вероника зависит от того, что думает о ней импозантный сектант. Стас бы обхохотался.

Делаю несколько шагов по лестнице вниз, но все равно останавливаюсь. Надо же что-то

определить для себя.

Пиццерия отпадает, всяческие кафе — тоже. Просто прогуляемся по парку, поговорим. Погода не из теплых, но пальто мормона мне показалось достаточно хорошим. Конечно, еще есть я в короткой, красивой, но совсем не теплой курточке, но так и быть, потерплю ради великой цели.

Мормон ждет около подъезда. Широко улыбается, видя меня, такую принарядившуюся. Да-да, для вас старалась.

— Я подумала, сегодня неплохой денек, может, просто по парку прогуляемся?

Неплохой денек. Небо заволакивает тучами, и скоро начнет моросить мелкий дождик, а ветер становится все сильнее, а ты оделась как-то не очень по погоде, экстравагантная Вероника.

— Конечно, как хотите, Вероника Васильевна, — добрая улыбка. И мы идем в парк.

— Называйте просто Вероника. И на «ты» можно, — легко говорю я. Роберт поправляет воротник своего пальто и спрашивает:

— А тебе, Вероника, так не холодно будет? Может, все-таки пойдем туда, где потеплее? Не настаиваю, конечно, сам не мерзну, но как врач хочу заметить, что одета ты несколько... легко...

Все произносится так деликатно, что даже расценить это как скучное ворчание, или как тиранские замашки, или еще как-то не представляется возможным. Говорит, что думает. И правильно говорит.

Но никуда я сегодня не собираюсь. Вообще.

— Если замерзнем, можно и по домам. Но, я думаю, все будет хорошо.

— Или в машине можно посидеть, погреться, если в кафе не хочешь, — Роберт указывает мне на свою белую иномарку.

— Отлично, — соглашаюсь я, незаметно одергивая короткую курточку. Холодно, блин.

— Так приятно отдыхать, идти, ни о чем не беспокоясь, — говорит Роберт немного смущенно, словно сейчас стесняется своей незанятости.

— Много работы? — говорю сочувственно.

— Да. И еще звонят часто, просят подъехать... У меня разные маленькие пациенты, есть и дети очень богатых родителей, и поездки эти щедро оплачиваются, но иногда хочется посидеть дома, с Марком. А приходится уезжать и оставлять его одного. Ненадолго, но оставлять.

— Да, плохо быть врачом, наверное, в этом случае.

— Нет. Быть нормально. Я очень люблю детишек и свою работу.

Ножик проворачивается в моей груди. Детишек вот любит...

— Своего не спас, зато другим помогу, — в голосе четкое убеждение, которое, видимо, и рассеяло недавнюю боль. Он нужен миру, он знает, что делает, и в этом черпает силы. Видишь, Вероника, как все просто. Жаль, что с вами это чего-то не прокатило.

— Да вы очень счастливый человек.

— Ты.

— Ты очень счастливый.

Мы уже в парке. Задираю голову и смотрю на хмурое низкое небо над головой. Серые тучи мне не прибавляют оптимизма.

— Да, — просто говорит Роберт. И комментировать здесь точно нечего.

— А как тебе, Вероника? В школе — нравится?

Гримаса на моем лице не является тем одухотворенным выражением, которое я видела на лице Роберта.

— Как сказать...иногда я думаю, что завтра надо уволиться. А иногда просто счастлива, что я работаю в школе. По-разному бывает.

— Я восхищаюсь учителями, Вероника. Нет, правда, — засмеялся он, увидев скептическую мину на моем лице, — мне так иногда трудно бывает договориться с Марком. Он очень капризным стал в последнее время, импульсивным. Уже и побаиваюсь, что с ним.

— Ничего необыкновенного. Пятый класс, вот и весь ответ. У многих с этого момента начинается трудный период. Стресс тот же. Раньше был один учитель, теперь много, плюс взросление продолжается, плюс еще тысяча причин.

— Справлюсь с ним, надеюсь. Не будем о детях и школе, да? А я-то начал. Сам бы очень был недоволен, если бы ты меня про поликлинику спросила. Ну ее, эту работу.

— Не будем, — поддерживаю я.

Мы в парке. Деревья стоят совершенно без листьев, черные и мрачные. Людей здесь почти нет, только парочка прохожих нам встретилась по пути. Серое небо, черные деревья, темный асфальт, везде лужи и грязь от недавно прошедшего дождя. Не очень-то красивая декорация для завязывания романтических отношений.

Но мне спокойно и радостно, и вся серость дня кажется, вопреки всему, такой красивой. Правы были древние, когда писали, что счастье не зависит от внешних вещей. «Будьте сами светом для себя», — говорил Будда.

Роберт осветил мой сегодняшний день.

А я шла рядом с ним и думала о том, как же легко чувствовать себя счастливой, когда жизнь мало-мальски начинает хоть немножечко налаживаться.

Мы проговорили еще долго. Роберт говорил о себе, я же предпочла не болтать много. Не всеми событиями из своей жизни можно поделиться, то, что случайно пришлось рассказать Стасу — не в счет.

Роберт оказался очень интересным собеседником: образованным, тактичным, а главное — легким. За эти полчаса я насмеялась на год вперед, и о холоде вообще забыла. Мормон рассказывал разные случаи из своего бурного медицинского студенчества. Вот уж не представляла себе, сколько веселого может быть в жизни медика! Или это он так переворачивал события, что заставлял меня смеяться?

Еще я думала, как же это здорово: не быть всегда начеку и не ожидать, что любая твоя реплика может обернуться сальной насмешкой или холодным блеском серых глаз. Не страдать от того, что человек, к которому что-то испытываешь, практически недостижим. Роберт тут, рядом, такой открытый и светлый, что хочется общаться с ним долго-долго...

Глупая. Придумала себе любовь со Стасом. Посмотри, ну вот же оно, настоящее...

Но пока посмотреть не выходило. Стас слишком прочно засел в моей голове. Дурацкие незастегнутые рубашки — и шрамы, мимо которых сердобольная Вероника просто не смогла бы пройти со спокойным сердцем.

Подарю Стасу на День рождения паранджу. Или как там называют беленькие одеяния принцев пустыни? Самолично сошью. Она просторная такая, как раз подойдет, чтобы скрывать и тренированное поджарое тело, и все шрамы.

Звонок сотового Роберта. Что-то я давно отвлеклась от беседы. Ушла в свои мысли, только киваю и вовремя улыбаюсь.

— Одну минуточку, — рассеянно говорит Роберт, беря трубку, — да, старейшина

Беннет. Я вас слушаю.

Ну вот. Опять мормоны.

Если бы я была его женой, он бы туда дорогу забыл, проносится в голове.

Не зарывайся, дорогая, сказал бы Стас в этом случае.

Роберту, похоже, не очень нравится то, что говорит какой-то Бенетт. Он хмурится и смотрит вниз, на мокрый асфальт под ногами.

— Хорошо, я скоро приеду и посмотрю его, — наконец говорит с сожалением.

Старейшина еще что-то говорит.

— Я постараюсь побыстрее, конечно, — отвечает на это Роберт. И я понимаю, что на сегодня, видимо, аудиенция моя окончена.

— Вот то, о чем я говорил тебе в начале нашего разговора, — с коротким вздохом Роберт кладет телефон в карман пальто, — мальчик одной из наших прихожанок заболел, и меня просят срочно осмотреть его. Бывает иногда. Минусы моей работы, — что-то мой мормон сейчас подозрительно невесел. — Даже поговорить-то толком не могу с тобой, Вероника. Пригласил, а самому нужно уехать. Так некстати...

— Да ладно, — машу рукой. Мне не привыкать к обломам.

— Я бы хотел еще с тобой пообщаться. Ты же мне почти ничего о себе не рассказала.

— В другой раз, надеюсь, получится.

— Если только... может, съездишь со мной к старейшине Беннету? Это ненадолго, минут на двадцать, не больше. А потом продолжим прогулку. Недавно закончилась проповедь старейшины, так что народа в его квартире уже немного.

Мать вашу! Один с непристойными предложениями, другой — на первой встрече предлагает познакомиться со старейшинами и их паствой, а заодно — с новой религией.

Да ты в рубашке родилась, Вероничка. Так, по крайней мере, всегда говорил мне дедушка. Куда она запропастилась в последние годы — непонятно.

— Вероника... Я понимаю, что тебе, как и многим, наша с Марком религия не очень нравится, — осторожно говорит Роберт, видя мое темнеющее от гнева лицо, — но клянусь, что навязывать свои идеалы или чему-то учить тебя никто не будет. А если попробуют — скажи мне. Я не позволю.

Почему-то уверенные нотки в голосе Роберта успокаивают меня. Я им верю.

Роберт — не истовый религиозный фанатик, потому что фанатики не могут так говорить, как он. Абсолютно нормальный мужчина. А что до религии, которую он исповедует... ну что до религии. В наличии — религия. Точка.

— Если меня начнут в чем-то убеждать, то сразу ухожу. Мне плевать, — совершенно недипломатично заявляю я, и Роберт кивает, молча соглашаясь.

Зачем это делаю? Наверное, затем же, зачем хожу уже долгое время в гости к Стасу, а потом не сплю ночами. Мало мне неприятностей, люблю со вкусом пострадать и помучиться.

Или все проще: я очень хочу найти своего любимого человека. Что, если не разгляжу, если за внешними событиями не увижу главного?

Старейшина Беннет оказался счастливым жильцом роскошной квартиры в центре. Таких домов всего несколько по городу. Высоченные потолки, огромнейшие комнаты. Раньше я только слышала об этих квартирах, но никогда в них не бывала.

Роберту здесь были очень рады — в коридор то и дело подходили люди, чтобы

поздороваться с ним. Меня тоже не оставили без внимания. Какая-то женщина в длинном темном платье до пола помогла снять куртку, самолично повесила ее в большой шкаф-купе, где уже висело несколько курток. Я незаметно покачала головой. Организация-то какая...

— Она с Сережей в кабинете, — тихо сказала женщина Роберту.

— Сейчас руки помою и пойду посмотрю.

Из машины Роберт захватил сумку, где, как я подозревала, лежал фонендоскоп и другие нужные ему вещи.

— Пойдем, оставлю тебя в надежном месте, — шепнул мне Роберт и взял за руку, уверенно открывая деревянную дверь слева от шкафа-купе.

Мы оказались в просторной комнате, вся мебель которой состояла из огромного количества кресел и диванов, нескольких столиков — и огромного плоского телевизора на стене. «А здесь у нас мультики показывают», — хмыкаю я про себя.

В комнате находились несколько человек, каждый из которых или радостно кивнул Роберту, или поздоровался с ним, или вовсе подошел и обменялся с Робертом парой фраз. Роберта здесь любили и уважали — это было видно невооруженным глазом, и уважение не было показным. Сам Роберт кивал, здоровался, шутил и улыбался.

Он подвел меня к креслу около большого окна.

— Посиди здесь, Вероника. Минут двадцать, хорошо?

— Ладно.

— Может, лимонада? Я сама его делаю, — вклинилась в разговор женщина, открывшая нам с Робертом дверь.

— Нет, благодарю.

Роберт и женщина ушли, а я с интересом огляделась по сторонам. Чтобы снять подобную квартиру, нужны немаленькие деньги. Откуда они у бедных пастырей?

Рядом со мной небольшой журнальный столик, на котором рассыпано множество ярких буклетиков. И везде нарисован Иисус в белых одеждах, с кудрявыми коричневыми волосами по плечи. Интересненько...

Чтобы скоротать время, беру один из буклетов и разворачиваю. Что там у нас на повестке дня?

Изложена, в принципе, обычная религиозная доктрина. Иисус умер за наши грехи на кресте, и мы все спасены, и все наши грехи прощены.

Улыбаюсь как можно незаметнее. Я же тоже читала Новый Завет, и самым что ни на есть внимательным образом. И такой большущий акцент на то, что Иисус все сделал за тебя, изложенный на десяти страницах буклета, меня чрезвычайно смущает. Это что за потребительство такое? Все, Иисус за тебя пострадал, иди и грехи дальше, что ли? Получается, что так.

Второй буклет. Однажды в Америке Джозеф Смит раскопал золотые пластины, на которых было написано...

Нет, увольте.

Неужели Роберт искренне верит в это?

Кладу буклеты на место и не помышляю заглянуть в другие. Вместо того устраиваюсь поудобнее в кресле и готовлюсь: Роберт, скорее всего, задержится.

В углу комнаты сидят на диване две молоденькие девушки в длинных темных юбках. Они раскладывают какие-то бумажки по кучкам, обмениваясь иногда фразами на английском.

Одна девочка пухленькая и рыжеволосая, так похожая на мою Кристину, только постарше, а вторая — идеал американской красоты. Блондинка с ярко-голубыми глазами, стройная, с большой грудью, которую не очень хорошо скрывает просторный свитер, и с ярко-белыми зубами — эту кипельно белую полоску я вижу, когда она открывает рот. А ты, красавица, чего здесь позабыла?

Блондинка замечает, что я наблюдаю за ней. Улыбается во всю ширь красивого ротика и встает со своего места. Рыжеволосая, немного помедлив, встает следом. Обе девушки подходят и присаживаются напротив меня на диване.

— Ви первый раз здэсь? — говорит блондинка, очаровательно коверкая русскую речь своим английским акцентом.

— Да, — коротко отвечаю я. Игнорировать девчонок невежливо.

— Ми би хотели поговорить с вами о Боге, — продолжает блондинка, — я- сестра Эштон, а это — сестра Маклин...

— Говорите, — кто обещал, что ко мне не пристанут?

— Ви верит в Христа? — это уже рыженькая. Блондинка чуть морщит свой классический носик: она, видно, знает русский лучше рыжей.

— Да.

— Ми би рады били би видеть вас часто, чтобы рассказывать о Книга Мормона, — улыбка рыжей девушки. К сожалению, она не красит ее так, как красит улыбка блондинку, хотя, кажется, этот прием рыженькая переняла у нее.

— Я пришла с Робертом. Только и всего, — отвечаю как можно более равнодушно. Кажется, девочки из моих двух фраз поняли не все, поэтому начинают задавать вопросы и что-то мне рассказывать на плохом русском.

Я смотрю на них недоверчиво и раздраженно, но мормонки словно не видят этого. Продолжают повествовать об Иисусе, причем очень медленно и с остановками, чтобы подобрать нужные слова на русском. Блондинка говорит быстрее, но рыженькая вообще теряется.

Лучше бы рассказали, думаю я внезапно, как можно с достоинством перенести все испытания, полученные от Господа, и как перенести все счастье, отпущенное от него же. Не возгордиться и сделаться равнодушным к чужой боли, так что даже чеховский человек с молоточком не пробьется через бетонные стены счастья. Не озлобиться и не сломаться, не опустить руки, а идти дальше и дальше, по твоему пути, который другой никогда не сможет повторить? И хочется открыть рот и задать этим двум наивным американским девочкам жестокий Стасовский вопрос: «Ты зачем мне это все рассказываешь? Какова твоя цель?»

Накатывает усталость. Как обычно.

Я не произношу ни звука. Они не просто не поймут — не услышат мой вопрос. Потому что этому не научить, а можно только самому испытать на себе, и методом проб и ошибок выбраться из глубокой затягивающей воронки. Этому учит жизнь; дают советы умные книги, проверенные временем, а еще — сильные духом люди, но никак не юные девочки и мальчики из Америки, у которых и молоко на губах не обсохло. Мне — то что они могут сказать нового о Боге, кроме того, что написано в Библии — и что я могу прочитать сама? А анализировать я умею и намного лучше.

— Вы из Америки? — перебиваю их скудное повествование нелогичным вопросом.

— Да-а, — отвечает блондинка, — из штата Юта...

Что и требовалось доказать. Дали детям основные положения религии, вот они

стараятся со всем своим юношеским задором.

С одной стороны, хорошо. Занимаются общественно полезным делом, русскую тетку наставляют на путь истинный. Уж лучше, чем моя Лена...

Настроение портится безвозвратно.

— Девочки, можно, я посижу в тишине? Голова болит, — говорю резко. Американки переглядываются.

— Таблетку дать? — спрашивает рыженькая. Знакома с головной болью, видимо, не понаслышке.

— Мне нужна тишина. Тихо, — и прикладываю палец к губам.

Если они еще что-то мне сейчас скажут, я заору на всю комнату. И к черту вся вежливость и хорошее впечатление в любых глазах.

Но девочки отходят. Безразлично, что они обо мне думают. Минут пятнадцать сижу в полнейшем одиночестве. Наконец я вижу Роберта: он уверенными широкими шагами идет ко мне.

Вытаскиваю сотовый и смотрю, сколько времени. Тридцать пять минут выброшены из моей жизни. Сомневаюсь, что так долго можно осматривать ребенка.

— Вероника, извини, — Роберт второй раз берет меня за руку. Ладонь у него крепкая и теплая. Ладно, я готова простить все. Узнала же много нового? Узнала.

Какое-то движение в дверях.

В комнату входит худая темноволосая женщина в длинной болотно-зеленой юбке и светлой кофточке. Она оглядывается по сторонам, ее взгляд задерживается на Роберте.

— Роберт! — восклицает тут же. И лицо ее, усталое и чуть осунувшееся, вдруг ужасающе хорошеет.

А потом она видит меня рядом, видит, что Роберт держит меня за руку... Такую кристально чистую ненависть, не разбавленную никакими другими эмоциями, в свой адрес я встретила впервые в жизни в мормонской церкви, так пекущейся о добропорядочности своих прихожан. Кто бы мог предположить?

Сразу становится как-то неловко и неудобно, и стены комнаты начинают давить.

— Лена, здравствуй! — улыбка Роберта, как всегда, светлая и искренняя.

— Давно тебя не видела, — она больше не смотрит на меня. Все ее лицо, ее лучистые счастливые глаза обращены только к Роберту — и никуда больше.

Да что ж это такое...

Друзья! Почему все нормальные мужики либо заняты, либо... заняты?

— Мы же встречались на прошлой неделе? — совершенно наивно спрашивает ее Роберт.

Ну, тупо-ой. Даже я понимаю, в чем дело, хотя вижу эту женщину первый раз и меньше минуты.

— Да? А казалось, так много времени прошло.

— Бывает, — Роберт равнодушно смотрит на нее.

Как бы поточнее описать мое состояние?

Я же в шоколаде сейчас, так? Выбрали меня, а не ее, так? Я автоматически, назло Стасу и всей жизни, перехожу в разряд очень успешных и котирующихся женщин, так? Почему же мое впечатление от происходящего можно выразить лишь непечатным словом «хреновое»?

— Я бы хотела тебе кое-что сказать. Это две минутки, не при свидетелях. Хорошо? — она продолжает меня игнорировать.

Роберт, я понимаю, не в восторге, но вида не подает.

— Ты подождешь еще, Вероника? Прямо секундочку, хорошо?

А я могу сказать «нет»? И что тогда будет?

— Да, подожду, — еле размыкаю челюсти.

Они отходят в угол комнаты, я стою у порога. Даже смотреть на них не буду.

Одно дело, когда у тебя появляется принц всякий на белом коне. Но когда в наличии принц и другая принцесса, влюбленная в него очень страстно и безответно, то это уже, извините, совсем другая история.

Дура, решаю я. Наблюдаю за ними краем глаза, каюсь. В таком случае нужно поступать по-другому. Вероника, как нужно-то поступать, расскажи? Ты же у нас самый лучший специалист в этом деле.

Не специалист я вовсе. Но — по-другому. Не знаю как.

Лена так и не добилаь от Роберта того, чего хотела. Вижу это по ее разочарованному и злому лицу. Она чуть не плачет.

Накрасилась бы, думаю я жестоко. Юбку дурацкую сняла. И вести стала бы себя иначе. Но и это не гарантировало бы сто процентного результата, давайте уж честно, потому что не только в этом дело. Не нравится она Роберту. И этого она пока не может изменить.

Их отношения чем-то похожи на наши со Стасом. Ох, Леночка, как же я тебя понимаю...

— А это кто? — спрашиваю я Роберта уже на улице. Пропустим чуть ли не слезное прощание прихожан с Робертом. Пропустим противного скользкого старикашку с искусственной белозубой улыбкой и благообразным выражением на лице, коим оказался мистер Беннет. И особенно не остановим внимания на буравящем мою спину взгляде Лены, который я чувствовала еще долго после того, как закрылась дверь квартиры мормонов.

— Ты о ком? — Роберт сама учтивость.

Этот вопрос слишком в лоб. Я ведь сейчас о Лене хочу узнать. Если процитировать Стаса, то «так дела не делаются».

Прямо философ, блин.

— Беннет, — говорю я. Все выясним потихонечку, иначе Роберт сразу поймет, что им интересуются, и будет ко мне так же снисходителен, как и к Лене.

Чело Роберта проясняется. Я серьезно.

— О, это замечательный человек, — говорит он.

Понимаю, что попала. Если не в точку, то в долгий монолог об исключительности данной личности.

— Он для вас с Марком сделал что-то важное, — я скорее утверждаю, чем спрашиваю.

— Да. Он один их тех, кто помог наказать одного человека за смерть моей семьи.

Вместо тысячи слов.

А ведь Роберт, получается, зависит от мормонов. Нет! Повязан узами долга и благодарности за то, что они для него сделали.

Элементарно, Ватсон. И пусть тебя не смущают, Вероника, эти буклетики и юные девушки. Все сложнее, чем тебе кажется, и религией здесь дело не ограничивается.

Этим можно объяснить и то, что Роберт бежит сломя голову по первому его зову со свидания, и то, как уважительно прощался Роберт со старейшиной. И меня ему показывал, ага. Не обошлось без смотрин.

Старейшина Беннет лучезарно мне улыбнулся и пожелал видеть вновь у него в гостях.

Подразумевалось, что в церкви, конечно.

Гаденько мне, гаденько. Тут уже и Стас не кажется таким плохим. Пусть и злой у него язык, и всякие приколы надоели, зато ни перед кем не отчитывается. И любовница у него красивая, а здесь — просто ведьма какая-то. Заявляет права на Роберта, никем для него не являясь, по-моему.

— Тебе, Вероника, не понравились наши старейшины и сестры? — Роберт посмеивается.

О, уже приближаемся к главному вопросу.

— А ты думаешь, что эти дети могут мне что-то новое сказать о Боге? Они меня могут научить переносить сильную душевную боль? Они, которые и жизни-то не видели? А тебя как, Роберт, научили?

Мы неимоверно долго глядим друг другу в глаза, и кажется, что время застывает. На лице Роберта я вижу гримасу боли — и узнавания.

Его скорбное выражение лица, у меня — такое же. Понимаем друг друга без слов.

— Ты замечательная, Вероника.

— Спасибо. И вам того же.

— Это не комплимент. Просто ты... удивительная.

— Обычная.

— Нет...

Криво усмехаюсь. Если бы это сказал Стас, я бы была на седьмом небе от счастья. Слова Роберта, такие добрые и ласковые, согревают и радуют, но почему я не могу поверить им? Вечно чувствую подвох. Стас виноват.

Но вот в случае со Стасом подвоха не боюсь. Да, его язык иногда режет по живому, а насмешки на каждом шагу, но если он что-то говорит серьезно, значит — это серьезно. А здесь мягкая, как патока, улыбка и доброжелательность, но что за ними?

— А ведь ты с мормонами только из-за того, что они тебе помогли, так?

Роберт совершенно спокойно реагирует на мой провокационный вопрос, который не предназначен для первого свидания. И для десятого, впрочем, тоже.

— И наблюдательная еще... Ты права. В некоторой мере, и из-за этого. Но я и полностью согласен с тем, что говорит религия мормонов о Боге. Вероника, моя вера не так уж и плоха, как тебе кажется.

— Не горю желанием узнавать о твоей вере. Может, и не плоха. Но наличие большого количества учителей настораживает.

— Они же не учат тебя жить, они рассказывают тебе о Боге...

— Зачем? Я читала Библию.

— Ты — читала. А другие, к сожалению, не открывали даже. А так сестры и старейшины хоть как-то расскажут неучам о Нем.

Вероника, рот закрой! Иначе потеряешь своего кавалера.

Он мне нравится, вопреки всем этим заявлениям. Я не чувствую никакого давления, никакого навязывания своей точки зрения. Роберт верит, и все. И еще делает свое дело, помогая людям.

— А вы все верите в одно и то же? Нет разных убеждений? А Лена что думает с Боге? — знаю-знаю, что грубо. Но как мне подвести разговор к ней? Уже изнываю от нетерпения.

— Лена? — переспрашивает Роберт, — а при чем тут она?

Это вам ни при чем. А нам вот очень даже...

— Она же твоя знакомая? — ой-ей-ей, как некрасиво. Нины Петровны мне здесь очень не хватает. Она бы в секунду раскусила мормона, обезвредила старейшину Беннета и полностью взяла власть в клане мормонов в свои руки. Увы, я лишь ее жалкая тень, и этим вопросом, наверное, себя выдала.

— Я знаю Лену с приезда в ваш город, — равнодушно говорит Роберт. Больше ничего к этому не прибавляет.

И понимайте как хотите.

Становится несколько неприятно, чувствую, будто в груди леденит сердце чужеродный осколок. Что бы там ко мне эта Лена не чувствовала, какие бы эмоции не читались на ее лице, но я слишком хорошо знаю, как это — быть отвергнутой.

Вероника, может, хватит уже думать о других? Пора бы задуматься о себе, о собственном благополучии.

— Но она же о чем-то тебя спрашивала? — ну, если позориться, то до конца.

— Да. Помочь ей с театральным представлением. Оно будет на следующей неделе, и Марк тоже участвует. Изображает ребенка. Помнишь, когда Иисус сказал, чтобы к нему пустили детей?

— Да, помню.

И ради этого нужно было отзывать в сторонку? Не смешите меня.

— Просто...мне показалось, что вы с Леной...

— Нет. Вероника, кажется, я тебя понял, — пронзительный взгляд красивых карих глаз, острый и пронизательный. — Между нами никогда ничего не было. Мы просто знакомы, вот и все. Религия одна, и не больше. Я знаю, что нравлюсь Лене, но мое отношение к ней такое, какое я уже озвучил. Просто знакомые.

Ах вот вы какие, мормоны...

Значит, он все знает. Прямо как Стас обо мне, скорее всего. Уж хорошо разглядел мои голодные взгляды, брошенные на его смуглую грудь, которую он так умело демонстрирует.

Вдвойне обидно. И за себя, и за Лену.

— Уже поздновато, — говорю я, — отвезешь домой? Что-то я устала ходить по церквям... Наверно, на сегодня хватит впечатлений.

— Да, отвезу, конечно, — мормон начинает волноваться.

Дорога домой занимает чуть ли не вдвое больше времени. Роберт пытается поговорить со мной, а я вежливо пресекаю эти попытки.

Значит, тоже играми балуетесь? Да ты не лучше Стаса, дружок! Он хотя бы это делает честно, не таясь, а ты — исподтишка, с убийственной вежливостью и холодным расчетом.

Предпочитаю честных.

Считаю секунды до того, как выйти из машины Роберта. На прощанье он грустно смотрит на меня. Так и не понял, в чем дело.

— Вероника, я еще позвоню?

— Звони, — говорю предельно доброжелательно, — и Марку привет передавай.

— Конечно, хорошо, спасибо...

Как можно быстрее отхожу от машины и открываю дверь в подъезд.

С кем поделиться? Так хочется обсудить события последних двух часов!

Не с Маринкой. Она если не засмеет, то застрашает мормонской пропагандой. И не с другими моими девочками. И точно не с Розой Андреевной.

Мне хочется поговорить только с одним человеком.

Останавливаюсь на лестнице, достаю сотовый и нахожу знакомый номер.

— Понимаю, что ты по мне не соскучился. Сегодня только виделись. Но, может, у тебя есть свободная минутка?

— У меня сегодня тренировка, через сорок минут, — говорит спокойный голос.

— Ну тогда...

— Приходи, дорогая. Ладно тебе. Для старого друга готов ее отменить. Сейчас будешь?

— Да.

— Кофе почти готов. Жду.

— Рассказывай.

Стас стоит, прислонившись к дверному косяку, босой, в джинсах и незабываемой черной майке в обтяжечку. Мышцы бугрятся и перекатываются под ней при движении. И где такие волшебные майки шьют?

Я сижу за барной стойкой, передо мной чашка кофе и фаршированные перцы: Стас решил меня подкормить. К нему приходит готовить и убираться пожилая женщина, что-то вроде домработницы. Плов у нее получается отменный, пробовала недавно. Кошусь на аппетитные перцы: я бы поела при любом другом раскладе. В конце концов отодвигаю тарелку и делаю глоток кофе со сливками.

— Даже не знаю, Стас, о чем рассказать...

— Нет, нормально. Я тут ради нее на тренировку не пошел, а она не знает. Красава!

Может, зря я сегодня к Стасу? Пересидела бы дома в одиночестве, успокоилась и подумала.

— Что-то случилось?

— Случилось.

Я обрадовалась, что нашла хорошего человека, а он оказался не очень. Вот что случилось.

Вероника, обязательно поделись этим со Стасом. Будешь выглядеть предельно жалко, и Стас сразу тебе с удовольствием укажет на это.

Из огня да в полымя. И кто там возлюбил честных?

— Сходила сегодня, в общем, на свидание, — выдыхаю и гляжу на Стаса. Тот напрягается: я замечаю неумолимое движение.

— И как? — глаза холодные и внимательные. Будто я сходила на разведку, и он спрашивает о всех ее деталях.

— Хорошо, — отвечаю быстро. Стас смотрит на меня еще пристальнее.

— Если бы было хорошо, ты не сидела такая убитая. Это раз. И ко мне не пришла, а кувыркалась еще в постели, и не одна. Это два.

— Это у вас сразу же постель, — говорю возмущенно, но Стас меня не слушает. Начинает разглядывать еще, взгляд скользит вверх и вниз по моему телу. У меня мурашки по коже.

— Одежда не порвана, ты не в шоке и не бьешься в истерике, значит, не изнасилование, — продолжает вести свои наблюдения Стас, а я смущаюсь.

— Нет, конечно.

— И вряд ли приставания даже, — с удовлетворением отмечает Стас.

— А это-то как узнал? — выдаю себя с головой. Но мне действительно интересно. Может, Стас служил совершенно не там, где говорит? Слишком уж легко видит то, что очень хочется скрыть. Или по мне это так заметно?

Я же хорошо все продумала. Вытерла помаду с губ. Немножко растрепала прическу — слегка так, чтобы это не сильно бросалось в глаза. Напустила тумана во взгляд. И вообразила себя настоящей шпионкой...

— На дурака поймал. Просто предположил, — улыбается Стас, и серые глаза блестят, как у маленького мальчишки.

— Дурак, — выпаливаю я.

— Здесь есть один. Ток женского рода... Ну что ты тянешь кота за хвост, — Стас садится рядом со мной и у меня уже привычно начинает чуть отключаться сознание. Запах дорогого одеколона Стаса, как и близость его самого, не способствует моему душевному покою.

— Ты куда так брызгаешься одеколоном? — пытаюсь отодвинуться я, найдя подходящий предлог, но Стас хватается спинку стула, и отодвинуться не получается.

— Сиди, ты не аллергик. Близко сижу, вот и все. На тренировку собирался. Еще я душ принимаю перед ней, знаешь? Если бы поспешила, смогла бы туда попасть по желанию. Что я, к парням вонючий пойду?

Пропустим сию реплику мимо ушей. На миг я представила, как это могло бы быть в душе, и соски сразу затвердели. Спокойно, Вероника.

Чувствую, что немного краснею. Вот незадача...

— Я не знаю, может, как-то поменьше стоит брызгаться...

— Хватит уже увиливать. Говори, в чем дело. А то я уже нервничать начинаю.

— Ты и нервничать, — качаю головой я.

— Рискни, проверь. Я ж от нервов и доделать могу, что там твой не сделал.

— Верю-верю, — отступаю на свои прежние позиции. Не нравится что-то мне в Стасе сегодня. Такое выражение лица, что и правда доделает. Дыхание сбивается, и я краснею еще больше.

Хоть бы разок уже сделал, что обещаешь. Все болтаешь и болтаешь, а может, с вами и не очень супер на самом-то деле, и орудие у вас скромное, проносятся в голове слова ответной реплики.

Не, мне еще жизнь дорога, чтобы сказать такое.

— Короче, сегодня я...встретилась с хорошим человеком. Он врач, достаточно обеспеченный... Он замечательный, и меня считает такой же, — я ведь цитирую местами, правда? Таким образом пытаюсь отвлечь Стаса от разглядывания моего покрасневшего лица. И незаметно отодвигаю стульчик.

— Отлично. Дальше, — а в глазах лед.

— Есть только одно ма-аленькая проблемка. Но я ее решу, думаю.

— И какая же? — Стас даже подается вперед.

— Роберт — мормон.

— Кто-о?

— Мормон. Религия такая.

У Стаса глаза уже не серые, а какие-то прозрачные от удивления. И очень большие.

— Твою ж мать туды- растуды... — дальше следует непечатная лексика. Стас вскакивает со стула, делает пару шагов и резко оборачивается.

— Ну, мать...умеешь удивить.

— Я не шучу.

— Да я не об этом. Я-то думал, что у тебя реально ухажер появился...

— Он у меня и правда появился. Не пойму: мормоны — не люди, что ли?

— М-да...Вероника, девочка, ну когда ты повзрослеешь? Зачем тебе эти зомбированные сектанты? И небось уже лапши-то на уши навешал, что женится, если веру его примешь? Было это или нет?

— Ты что, Стас! Нет, конечно! — я тоже встаю.

— Ну, значит скоро предложение поступит. Вероника, брось это!

— Он нормальный совершенно, Стас! Только ты можешь услышать впервые о человеке и легко повесить на него ярлык! Может, этот мормон будет лучше некоторых...

Не успев закончить пламенную обвинительную речь, оказываюсь в крепком кольце рук Стаса. Каменею на несколько секунд от неожиданности, а после начинаю яростно вырываться, отчего руки сжимают меня еще сильнее, а около уха я слышу успокаивающий шепот: «Тише, тише, моя девочка, спокойно».

— Я тебе сейчас так успокоюсь, придурок! Отпусти, — шиплю через сжатые от злости зубы. Извините, задолбал уже. Как выразились бы мои десятиклассники.

— Да ты моя хорошая, — шепчет Стас, и в его шепоте явственно слышу насмешливые нотки. Несколько моих попыток вырваться обречены на провал: Стас даже особо не парится со мной. Быстрая смена рук, и он прижимает мертвой хваткой меня к себе уже одной правой, а левая успокаивающе гладит меня по бедру, поднимается выше, и я осознаю, что дрожу мелкой дрожью. Это все испуг, так и знайте.

Ничего нового он пока не придумал. Все те же одинаковые захваты. Скучно, товарищи. И предсказуемо. Ладно, потерпим. Проходили все это. Подержит и отпустит, ничего страшного. Немного расслабляюсь от этой мысли, хотя в то же время становится грустно. Совсем не нравлюсь?

Своей щекой он прижимается к моей голове, почти незаметно целует меня в макушку, но я ощущаю эти поцелуи очень явственно — это и пугает. Стас наклоняет голову. Легкое прикосновение у виска. Рука Стаса плотно прижимает меня к его телу, и спиной чувствую крепкие, словно камень, мышцы.

А еще я вдыхаю его запах, и голова подкруживается почему-то...

— Расскажу тебе историю из моего боевого прошлого, дорогая, очень поучительную историю, — тихий ласковый голос Стаса с чуть заметной сейчас хрипотцой погружает в транс, в то время как его рука медленно гладит мое тело и забирается без всякого стеснения под кофточку, — был молоденький Стас в Чечне, служил он там... неважно, где. И был у Стаса начальник, так скажем. И однажды начальник звонит своему другу из местных. Не совсем другу, так, человечку по надобности. А тот уверяет, что с ним все замечательно и прекрасно, — горячая ладонь Стаса ложится на мой живот, и я вздрагиваю. Стас прерывается, вздыхает всей широкой грудью. Рука плавно поднимается вверх, а та, что держит меня, чуть ослабляет хватку. Но я не вырвусь и не разорусь. На меня как гипноз действует тихий хриловатый голос, и я покорно стою там, где поставили. Ага, как овечка. И жду продолжения истории.

— Так вот, представь себе удивление юного Стаса. Санчо... Александр Иванович очень мило поговорил со своим другом. Хорошо так, обстоятельно, кладет трубку. И дальше начинаются совсем интересные вещи...

— К-какие?

Стас уже меня не прижимает. Вторая рука его тоже ныряет под кофточку. Тело все горит от прикосновений, Стас продолжает гладить руками мой живот, побирается вверх, сжимая обеими руками грудь, пока прикрытую бюстгальтером. Пока.

— Он берет несколько автоматов Калашникова, зовет парней. Один автомат дает обалдевшему Стасу. И все вместе мы несемся на уазике, — я закрываю глаза и еле сдерживаю себя, чтобы не застонать. Все. Стас, ты добился своего, и я почти не воспринимаю, что он говорит, слушая только переливы хриловатого голоса. Стас

продолжает также тихо и завораживающе, — А там...не. Опустим подробности. А там парочка джигитов у знакомого в гостях. Сам знакомый к стулу привязан, и внешний вид у него не очень. Но мы его отбили, конечно. Уничтожили боевиков, как говорят в новостях, — заканчивает Стас совершенно будничным голосом.

Для меня это будто ушат холодной воды. Чуть ли не отпрыгиваю от Стаса, который больше не пытается покуситься на мою честь. Он отходит к барной стойке, берет стакан и начинает вертеть в руках, внимательно рассматривая его грани.

— Ну ты сказочник просто, — поправляю кофточку, пытаюсь скрыть, как сильно краска заливает все лицо, и уши тоже. Не желаю замечать, что предательски дрожит голос и все тело горит от его прикосновений.

— Только сказки у тебя...злые.

— Какие уж есть, Вероничка.

— А мораль сей басни какова?

— А мораль, дорогая, всего одна. Не очень-то верь тому, что тебе говорят.

Вот уж действительно. А ты повелась, идиотка.

— Ты так защищаешь своего мормона. Какой он милый, да какой хороший... Хорошо его знаешь, чтобы так говорить?

Ноги меня больше не держат. Подбрёдаю к стулу и неуклюже сажусь на него. А Стас продолжает стоять там же. Поставил стакан на место, руки скрестил на груди и меня разглядывает.

Хоть я и обижена сейчас на Стаса больше некуда, одна очень вредная часть моего сознания согласна с ним целиком и полностью. Ничего не поделаешь: жизнь научила все проверять.

— Представь себе. Знаю Роберта, может, и недолго, но... Но получше знакома с его сыном. Я же его учу. И к твоей притче я никаким боком не прислоняюсь.

— Очень даже прислоняешься, я бы сказал. Религиозные сектанты любят порассказывать, горы золотые посулить — и рай в придачу. Очаровательные они, ай-яй! Только не ведись, зайка. Это все вранье. Ну, скажи мне, зачем нормальному образованному мужику, врачу к тому же, подобная штука?

— Там длинная история. У него горе: погибла жена и маленький ребенок, понимаешь?

— Да... Так многие теряют родных и близких. Почему-то они все остаются православными или мусульманами, как и были. Атеистами, если не верят. Секта, что, панацея от бед?

— Мормоны помогли ему наказать убийцу. Связи, скорее всего...

— Привязали человечка к себе, понятно. На фига тебе такой хамелеон? Он же, получается, обманщик. Не по своей воле, может быть, но тем не менее. Выслуживается перед ними...

— Он не обманщик. Он верующий, — поправляю я Стаса.

— Верующий и обманщик — вещи несовместимые. Это что за покупка верующих?

— Да что ты пристал? — хочу вновь немного поругаться, но вовремя вспоминаю, что мне за это может быть, да и, собственно, у кого в гостях я нахожусь, и пытаюсь контролировать тон голоса.

Не сказать, что мне не нравится, что делает Стас с моим телом. Но его манипуляции аукнутся очень скоро, а именно — ночью. Кажется, я сегодня в который раз вряд ли засну без успокоительных. А еще свербит между лопатками ненавидящий взгляд Лены и чуть

подташнивает, как только вспоминаю слащавую улыбку старейшины Беннета. Полный набор воспоминаний на ночь, одно интереснее другого.

— Время покажет, — пытаюсь говорить очень мягко и дипломатично, — спасибо, Стасик, что выслушал... Что бы я без тебя делала.

— Ну-ну. Сматываться собралась? Сиди, пока сидится. Давай еще кофе налью. Заодно еще кое-что расскажешь.

— Спрашивай, — мы для всего открыты, ага.

— Ты собираешься с ним еще встречаться? Поясни, я не понял.

— Собираюсь. И еще собираюсь ходить с ним на нормальные свидания, а не на показательные, как с некоторыми.

— И возразить-то нечего, блин, — Стас ерошит свой короткий ежик светлых волос.

— Вот именно, — ликую я. Неужели это действительно так? Я же так мечтала в свое время, что называется, «заткнуть рот» насмешливому Стасу. Получилось вроде бы.

— У вас даже показательные не получаются, — наконец находится Стас, но я так горда собой, что лишь показываю, счастливая, ему язык и смеюсь:

— Это с вами! А с другими все прекрасно, как оказалось. Правильно говорят в психологических книжках, надо раздвигать горизонты...

У меня такое ощущение, будто сейчас иду по тонкому канату, не замечая, что внизу пропасть. Странное чувство. Что-то неуловимо меняется. Слишком уж напряженно сейчас лицо Стаса, губы сжаты, и прищур серых глаз не предвещает ничего хорошего.

Я сказала что-то обидное для него?

Стас молча наливает еще кофе в мою чашку, а я осознаю, что прибауток «а-ля Стас» сегодня слышала минимальное количество. И первый раз вижу Стаса вот таким. Оптимизма это наблюдение не прибавляет, и холодок прокатывается по спине.

Может, ему тоже несколько неудобно после таких объятий, как и мне? Это здоровый мужчина, и даже если я ему и нисколечко не нравлюсь, все равно же должен быть основной инстинкт, срабатывающий на женщину, если ты начинаешь ее трогать, гладить? Стас не холодный айсберг, а обычный мужик, у которого совершенно обычные желания.

Решаю пошутить над этим, но шутка застревает в горле. Кидаю взгляд на хмурое лицо Стаса. Себе дороже.

Звонок моего телефона взрывает тишину кухни. Телефон лежит рядом со мной. Протягиваю руку, чтобы его взять, и замираю, когда вижу имя звонящего. Роберт.

— Че не берешь? У нас нет запрета на звонки.

— А ты поговорить дашь?

Стас смотрит на меня так, будто я сморозила величайшую глупость.

— Привет, Роберт, — говорю вежливо и осторожно, в любую секунду ожидая диверсию от Стаса.

Но тот лишь вновь присел рядом и внимательно слушает. А разговаривать долго и свободно под жестким немигающим взглядом я не могу.

— Вероника, все в порядке? Я подумал, что, может быть...

— Перестань. Все прекрасно. Спасибо за прогулку.

— А когда...

— Я перезвоню, сейчас не могу говорить. Пока.

— Пока, — слышу в трубке немного погрустневший голос. И с облегчением нажимаю на кнопку отбоя.

— Чего это он? Беспокоится?

— Да, есть немного, — ощущение близкой опасности меня не покидает.

— Ясно. Принц хоть при деньгах? — Стас подвигает чашку мне, следом наливая и себе кофе.

— Какой ты меркантильный. Мне неважно, если честно. Лишь бы человек был хороший. Машина вроде есть, иномарка белая, больше ничего не знаю...

— Угу, — Стас пьет кофе.

Молчим. Я смотрю в свою чашку, Стас — в свою. Как это не него не похоже!

— Почему ты такой вредный, Стас? Так всегда обидно подкалываешь и вечно смеешься? — очень тихо задаю долго мучивший меня вопрос, особо не рассчитывая на внятный ответ.

— Как бы тебе объяснить? Тяжелая юность, недооцененность и брошенность... — обычный циничный стиль Стаса.

— Угу, заливай.

— Вот видишь. Ты не веришь мне. И никто не верит. Ни одна девушка. Потому-то такой вредный, что девушками обижен. И скитаюсь я, горемычный, без роду и племени...

— О-о-о, — тяну восхищенно. Оскар за актерскую игру здесь был бы явно нелишним.

— А все проще, дорогая, — подмигивает мне Стас, — не нашел я ее. Ту единственную. И иногда подозреваю, что стал слишком большой сволочью, чтобы найти. Так что шансов у меня, как оказалось, даже меньше, чем у тебя. У тебя-то хоть надежда есть. Глупенькая, но есть. И сама ты вся — такая верящая всему, такая теплая от этого. А я — все. Чувствую иногда, что — все. Жаль, раньше не понял.

— В смысле — все? — настораживаюсь я.

— Этого не объяснить. Не забивай голову.

Мы сидим молча, у окна, на шахматном столе тикают часы. Каждый тихонький удар часиков отзывается у меня ударом в висках. Не советуй мне, Стас, чтобы я не забивала голову. Ты стал для меня дорог — слишком дорог, чтобы не думать о тебе. И не покрываться холодным потом при мысли, что могу потерять тебя — вопреки всяким мормонам.

— Это...из-за Чечни? После твоих контрактов?

Стас не отвечает.

— Стас, ответь, пожалуйста.

— Может, и из-за них. Мне иногда снится...а, ладно, чего я тебе говорю. Пошел я на тренировку, — Стас смотрит на часы и резко поднимается, — может, еще успею с парнями хоть физухой заняться.

— Разве ты не отменил тренировку сегодня?

— Нет. Просто парни без меня занимаются.

— Можно, я кофе допью? И ты...

— Пей, пожалуйста. Я собирать сумку пошел. Две минуты.

Он не собирается оставаться здесь, сразу же уходит куда-то из кухни, и все мои надежды на продолжение разговора разбиваются вдребезги. Мы затронули что-то очень важное, это я поняла сразу же. Не все спокойно в датском королевстве, как показали несколько фраз, брошенных случайно. Почти случайно.

Вмиг забываю о Роберте. Какой там мормон, если я впервые услышала, что творится внутри у Стаса! И эти слова не были шуткой, отнюдь. С таким выражением на лице не шутят.

Червоточина. Как же я раньше не догадалась? Тонкая Вероника, считающая себя

знаюком людских сердец, разглядела только тогда, когда сказали об этом почти открытым текстом.

Все эти насмешки. Постоянные шутки и злобные огрызания. Они уже часть характера Стаса. Но и они, как и все в этом мире, для чего-то. Чтобы многое скрыть...

Тогда что же там на самом деле?

Стас возвращается на кухню с большой спортивной сумкой наперевес и в камуфляже. Открываю рот от восхищения. Форма очень идет Стасу. Сразу же видны и военная выправка, и широкие плечи. Настоящий военный!

— Какой ты... — красивый, хотела сказать я, но вовремя прикусила язык.

— Чтобы не переодеваться десять раз, — пожимает плечам Стас. А лицо непроницаемо.

Понятно, хотим забыть о разговоре. Сделаем вид, что забыли.

— Идем, — первой выхожу в коридор, дабы не дожидаться официального выпроваживания, которое вот-вот поступит.

— Стас, а у тебя какое звание было в армии? — спрашиваю в коридоре.

— Иди давай, — понятно, время откровений прошло. Но хотя бы не смеется и не высокомерничает.

Но я же не зря столько лет работала с детьми. Научилась кое-чему. Будь уверен, Стас, мне ты расскажешь все свои тайны. Я не буду давить на тебя и спрашивать в открытую, лишь создам нужные условия, и раз за разом буду пытаться пробиться к тому, что ты скрываешь. Ты не скажешь все и сразу, но я настойчива и терпелива.

Вероника, а как же Роберт?

Как говорит Роза Андреевна, будем решать вопросы по мере их поступления.

— Стасон, ей-ей, полегче! Ты мне руку сейчас сломаешь и шею свернешь, — прохрипел Михаил, лежа на полу. Прохрипел потому, что коленом Стас сильно сдавил его шею.

Сзади плечи Стаса уже сжал Димыч профессиональной спецназовской хваткой. Стас очнулся и тут же выпустил руку Михаила из хорошего залома, убрал колено с шеи. Михаил сел, начал потирать и то, и другое.

— Ты сегодня че-то разошелся, Стас, — тихо проговорил Димыч, освобождая плечи Стаса. Стас мотнул головой.

— С кем не бывает.

— С тобой — редко, — ответил Михаил, все еще потирая шею, — я реально подумал, что ты меня сейчас здесь на месте порешишь.

— Прости, друг.

— Бывает, — Михаил поморщился, немного потряс рукой.

— Пошли, Стас, со мной повозимся, — Димыч, почти двухметровый бывший спецназовец, потянул Стаса за рукав камуфляжа.

— Окей.

Они отошли в сторону. Стас огляделся. Некоторые парни уже закончили тренироваться и ушли переодеваться, оставшиеся же качали пресс на лавочках, разбившись по двое. Один сидел на ногах у второго, в то время как последний ритмично садился и ложился, держа в положении лежа тело на весу, а руки за головой. Потом они менялись. Тот, кто качал пресс, садился на лавочку и вытягивал ноги, второй давил на них своим весом. И все начиналось заново.

Михаил отправился к лавочке.

— Поговорить с тобой хочу, Стас. Без драки. Я Дианке сегодня живой нужен, она ночью с Темычем замучилась, — почти прошептал Димыч.

— Говори.

— Стасон, случилось что? Чего бешеный? Помощь нужна?

— Нет. Это так. Личное.

— А-а...

— Подружка в секту собралась, — вырвалось у Стаса поневоле. Он уже не мог держать это в себе. Всю тренировку его словно кислота изнутри разъедала. Произнес — и отлегло на секунду. Димычу он доверял: проверенный парень, болтать не будет.

— Е...ть, Стасон. Закрой ее на пару дней в ванной и трахай постоянно, чтобы вся дурь из башки вылетела. А сектантов припугни, что если еще раз подойдут, костей не соберут. На крайняк Вадима попросим, пускай он со своими связями в полиции да в ФСБ разбирается с этими.

— Интересное предложение, — хохотнул Стас, — только вряд ли она согласится, чтобы я ее запер.

— Да ладно. Вон мы с Дианкой поругались как-то вдрызг. Денек в своей комнате со мной закрытая полежала, и ничего, даже понравилось. А потом у нас через девять месяцев второй малой родился. Скорее всего, после этого денечка, Дианка говорит. А с сектантами ты так дело не оставляй.

— Да понял уже.

— Странный ты, Стас, в последнее время. Влюбился, что ли? То задумываешься, то молотишь всех без разбору. И с бабой своей все тянешь, правда ведь? Вообще на тебя не похоже. Стас, я с тобой в Дагестане пересекался не раз. Сейчас будто не ты.

— Старею, — криво ухмыльнулся Стас.

— Фигня. Всех нас собрал, вон сколько лет уже тусим все вместе. Ни хрена. Давай решай с сектантами. Только не разойдись с ними, как сегодня с Мишкой. Иначе Вадиму придется тебя отмазывать, а это, сам знаешь, не всегда...

— Не, Димыч, все норм, — Стас похлопал друга по плечу, — спасибо за совет с ванной.

— А то ты до такого не додумался бы? Нет? Точно — влюбился. Ну, тогда тащи ей цветы, подарки там, если она все думает.

— Хм-м...

— Не кипишуй. Я сам за Дианкой знаешь сколько бегал? Она у меня с норовом, хоть и дочка военного, вроде должна понимать. Какое там! На коленях стоял, когда предложение делал. Она сама сказала, чтобы я встал. Прикинь, Стас, я — и на коленях. Бл...дь, пришлось.

— Ты мне такого не рассказывал.

— Х... я бы все рассказал, если бы не сегодня. Это я еще не все тебе свои унижения в браке перечислил. Но ниче, жив-здоров. И жена любимая рядом, и малые... Придешь на годик Темыча? Дианка приглашает.

— Приду, конечно.

— Лады. Давай завязывай с драками на сегодня. Пошли пресс покачаем, поотжимаемся — и по домам.

После пресса и отжиманий Стас не стал торопиться переодеваться и убегать, как другие парни. У многих из них была семья, у некоторых, как у Димыча, дети. А Стас мог позволить себе как угодно долго оставаться в зале. Он часто так делал. Самостоятельно отрабатывал кувырки и падения, работал с палками и саблей для разработки суставов, много чего

интересного придумывал. Алиска и другие девочки готовы встречаться с ним были в любое время дня или ночи, поэтому он никуда не торопился. Не бесплатно, конечно, за щедрые подарки и спонсорство...

А этой ничего не надо. Улыбается счастливо и пеняет Стасу, что тот, видите ли, меркантильный.

Стас попрощался с Димычем. Тот последним вышел из раздевалки, отсалютовав Стасу и крикнув: «Позвоню!». Стас остался один в пустом спортивном зале. Сел на крашеный голубой краской деревянный пол.

Слова Димыча Стаса напрягли. Значит, это так со стороны он смотрится? Фигово.

Слабак. И другого слова не подберешь. Просто сла-бак! И плевать, что Вероника завела там себе сектанта. Не очень-то ее и хотелось, пусть валит себе на все четыре стороны. И шахматные партии можно завершить.

У Стаса даже пульс участился. Он немного подышал размеренно, чтобы восстановить его, но тот шарашил по-прежнему.

Слабак. Хоть себе признайся, что ты ее хочешь. И когда ты обхватил ее и прижал к себе, был момент, когда подумал, что все, сейчас не выдержишь. Пришлось глубоко вздохнуть и задержать дыхание, и справиться с собой. Но в следующий раз сможешь ли остановиться?

Сначала Стас на Веронику особо не реагировал. Так, может, чуть больше, чем на хорошенькую бабу. Но с некоторого момента — когда, Стас сам не определил — сидеть рядом с ней стало сложнее. А еще она, в полностью закрытых, но облегających кофточках и водолазках, со своими скромными быстрыми взглядами на его голый торс в незастегнутой рубашке. Стас дома привык ходить вообще без рубашки и не собирался особо ничего менять ради Вероники. Ну, иногда специально ее расстегивал, чтобы Вероника посмущалась лишний раз и позлилась. Стасу нравился этот мимолетный взгляд, в котором откровенно читалось желание, нравилась злая раскрасневшаяся Вероника.

Но скоро веселье обернулось против самого Стаса. Желание захлестывало его от этих быстрых взглядов, приходилось держать себя в руках и скрывать возбуждение, и раз от раза делать это становилось все сложнее. Так хотелось коснуться ее, провести ладонями по всему ее телу, или просунуть свою руку вниз, в ее трусики, раздвинуть чувствительные складочки и...

Стас помотал головой, вновь ощутив прилив возбуждения. Он предельно нагрузил тело, насколько это было возможно без привлечения особого внимания к своей персоне на тренировке. Гляди-ка, и все равно кое-кто заметил.

А совету с ванной Стас бы с удовольствием последовал. Только потом Веронику вряд ли бы увидел. Если бы она его не посадила, то точно в другой район переехала, если не город. Нет, этих правильных запереть нельзя, если они не невесты и не жены.

И все-таки удалось пару раз ее притиснуть к себе. Стас ощутил ее напряженное тело, которое вместе с тем было таким мягким и податливым. А последний раз он позволили себе даже больше, и она не сказала ни слова. Хороший знак. Если бы не появился мормон.

Стас сначала не понял размаха катастрофы. До сегодняшнего звонка мормона Веронике.

Роберт (Стас сразу запомнил это паршивенькое имя) взялся за Веронику всерьез. И мальчишка там еще в сговоре, как понял Стас. А что, молодец! Сынку — мамашку, себе — симпатичную и заботливую жену, которая и в Бога верит, и не предаст, и рядом будет в горе и в радости... Чуть-чуть подправит Вероникину веру, будет такой же, как и Роберт,

мормонкой. Лепота!

Хрен тебе, Роберт, а не Вероника, подытожил Стас. Не отдаст он ее мормону ни при каких условиях. Пусть он у себя бабу находит, в своей секте! Там, поди, все страшные ходят, вот и выбирай среди них, а не замахивайся на нормальных женщин!

Главное — не прекращать шахматные партии. Ни в коем случае. Повод появится обязательно, и непременно следует им воспользоваться.

Стас пожалел, что объявил для Вероники сухой закон. Немного коньяка, расслабляющая атмосфера — он бы наплел ей про Чечню, какую-нибудь душещипательную хрень, которая редко, но случалась, да можно было что-нибудь придумать — и эта добрая душа, естественно, развесила бы уши и поверила. Дальше еще коньячку, разговоры все откровеннее, следом — предложить что-то посерьезнее разговоров, или даже не предлагать... Увы. Вероника теперь трезва, как стеклышко, и только смеется над Стасом. Вон до чего дошло — уже язык ему показывает! Он тогда понял для себя, как бы был счастлив, если бы в этот момент мог завалить ее на пол и закрыть смеющийся рот поцелуем. Чтобы минут десять выдохнуть не могла и отдышаться.

Наврать, что у тебя День рождения? А это мысль. Главное — его ненавязчиво анонсировать предварительно, чтобы обязательно пришла. В этот день прекратить отпускать шутки, нацепить печальную мину. Вероника любит посочувствовать. И коньяк здесь как раз кстати, поможет развести ее на секс. Чуть-чуть надавить, чуть-чуть подтолкнуть, быть немного более напористым, чем обычно...

Стас поднялся с пола. Что бы он ни придумал, действовать следовало быстро. Мормон, скорее всего, пока не знает о Стасе и объявленной ему и всей его секте войне. Фактор неожиданности всегда дает хорошие результаты.

Секс между Стасом и Вероникой просто обяжет последнюю бросить мормона. Как же! Не сохранила себя для сектанта. А если даже Вероника не откажется от мыслей с подвенечном мормонском платье, то память о грехопадении отложит надолго развитие ее отношений с мормоном. А там Стас закрепит свой успех.

Что будет дальше, Стас старался не думать. Вероника будет его. Дальше разберемся.

*Потихоньку замолкает боль,
Только душу истерзали мысли:
Глупа вечно ждущая Ассоль,
Глуп тот ананас, в шампанском скисший.
Глупо обезличиванье Я,
Глупо — слово, бьющее как палка,
Глупо состояние вранья,
И когда себя безумно жалко!
К дьяволу жалость до слез,
Ведь бывают же светлые дни или сны!
И, несмотря на мороз, неизбежно
Нашествие столь долгожданной весны!
Время удачи придет, и ты будешь ловить
Капли счастья смеющимся ртом!..
Чтоб не спугнуть это время,
Не думай, что будет потом:
Снова непредвиденный удар.
Снова...*

Ольга Тишина

— Вероника Васильевна! — Аня опасливо закрывает дверь в мой кабинет. Постояла несколько секунд около нее, к чему-то прислушиваясь. Она держит листок в руках.

Я вернулась в школу ненадолго — до этого мы минут сорок гуляли с Робертом, сходили в чайный клуб (Роберт пил травяные сборы, ну и я, соответственно, тоже). Он проводил меня до школы и пошел по вызовам. «Так хорошо отдохнул», — сказал лукаво на прощанье. А в свой кабинет я заскочила лишь за сумкой с тетрадками.

Не похоже это на Аню, чтобы в четыре часа она сюда заходила. Испуганное лицо, подведенные глаза, в которых плещется паника, листик чуть дрожит. Какое событие приключилось?

Мой класс никогда нельзя было назвать образцово-показательным, но чтобы с начала года на него сыпалось столько бед? Видно, все дети возомнили внезапно себя взрослыми. Вот и расхлебывай их «взрослые» дела.

— Садись, Аня, что такое?

Девочка бежит к моему столу, а я холодею от плохого предчувствия.

Аня останавливается около стола. Потом будто вспоминает что-то, подходит к окну. И не просто так, а за шторку, и внимательно смотрит на улицу. Кабинет на втором этаже, хорошо видно все окрестности. Разглядывание улицы Аню несколько успокаивает, а у меня волосы на голове начинают шевелиться. Неужели за ней кто-то наблюдает, и девочка его боится?

Аня не склонна к показным эмоциям, да и волнуется она слишком сильно. Что-то с девочками не поделила, мальчика?

— Вероника Васильевна, будьте осторожны, — шепчет Аня сбивающимся голосом, подходя к моему столу. Приходится чуть наклониться к ней, чтобы услышать. Не буду описывать свое внутреннее состояние в тот момент.

— Лена Севальцева... знаете, она совсем нехорошая стала. Она хочет вам что-то сделать плохое... я сидела в нише под лестницей, а она говорила на лестнице по телефону, — Аня испуганно смотрит на меня. Мне тоже становится страшно: паника заразительна. Собираю всю свою силу воли и отвечаю на испуганный взгляд девочки спокойным взглядом. Она приободряется, что я не боюсь, ее голос становится более отчетливым.

— У нее в друзьях какие-то подозрительные личности, Кристина говорит. Она же с ней в одном дворе живет. То ли парень ее, то ли друзья: очень часто Аньку увозят на черном порше татуированные парни, накачанные... ее родители ничего не знают, но Кристина видела... — конечно, Кристина видела. Мне известно о том, что она гуляет редко, предпочитая всем прогулкам делать уроки или читать книги у окна. Тут и в курсе всех событий будешь, и узнаешь много нового.

— Анечка, давай по порядку, — холод расплзается по телу, но я контролирую себя, и неплохо. Мало ли что там услышала Аня, может, и не поняла половины. Хотя и так все ясно...

— Значит, первое. Новые подозрительные знакомые?

— Да, — переводит дух Аня.

— Второе. Еще что знаешь о Лене? Пока без того разговора.

— Она с Максимом встречается, — выпаливает Аня, и тут же смущается, — две недели как начала.

— Какой Максим? Наш?

— Да, Артемьев.

Лена обратила внимание на тихонького Максима? Удивительно...

— Это все из нового?

— Угу, — кивает Аня, успокаиваясь, — ну, кроме того, что она списывает у Янки математику, а у Артемьева — все остальные предметы.

Вопрос об общении Лены с Максимом мне понятен и снят с повестки дня.

— Так. Теперь к разговору. Анечка, моя золотая девочка, вспомни, пожалуйста, что тебя насторожило в этом разговоре.

— Вероника Васильевна...я сидела, короче, внизу под лестницей, — представляю. Сидела и переживала о своей жизни. Это любимое место Ани с восьмого класса, ее даже мальчишки в восьмом высмеивали за это.

— Продолжай, Ань. И что дальше?

— Ленка остановилась чуть наверху, прямо надо мной где-то... Это было после шестого урока, все уже ушли, а она — нет.

— Та-ак...

— Вот. Она точно говорила о вас, Вероника Васильевна. Она сказала: «Эта сука классная все видела. Я не знаю, что делать теперь...», ей там что-то ответили, а она: «Да, все понимаю. Но с ней нужно решить вопрос». И Лена начала подниматься вверх по лестнице, и больше я ничего не услышала...

— Да... это не очень хороший диалог, — попытаюсь успокоить я девочку, но Аня кулаки сжимает и шепчет быстро:

— Вероника Васильевна, вы не знаете! Пожалуйста, будьте осторожны. Пожалуйста! У

Кристинки есть знакомый, он сказал о тех парнях, что это — уголовники. Ленка дружит с уголовниками! Понимаете? И звонила она им, больше некому! Она с этого года вообще со всеми общаться перестала, ну вот, только с Яной и Максимом. И все! Я сама сейчас боюсь, вдруг она узнает о том, что я вам все рассказала! Но я не могу не предупредить вас...

И тут я испугалась по-настоящему. Ну что — я? Уже взрослая тетка, скоро тридцать, у меня определенный статус, и я прекрасно общаюсь с родителями Лены, так что свои делишки по мою душу ей придется, как минимум, планировать. Еще могу проконсультироваться с кем-то, обратиться в полицию, Жужик есть, в конце концов, пусть от него толка мало. А Аня? Шестнадцатилетняя девчонка. Она, скорее всего, где находится полиция, не знает. Кто ее защитит? Пьющий папашка, работающая сутками мать? Это то же самое, что и мой Жужик, только еще хуже.

— Она тебя видела? — пристально смотрю в глаза девочки.

— Нет, наверно, — говорит Аня, — я быстро убежала, она меня видеть не могла, ушла зачем-то наверх.

— Хорошо.

— Не выдавайте меня, Вероника Васильевна! Пожалуйста! — в глазах Ани ужас.

— Конечно, нет...

— Не разговаривайте с ней ни о чем! Я же знаю, как все учителя делают! Подзывают, разговаривают, ты, типа, неправильно себя ведешь, зачем и все такое. Она сразу поймет, понимаете, кто вам сказал? Просто будьте осторожны, я не хочу, чтобы с вами что-то случилось...

— Ты смелая девочка и настоящий друг, — собираю все остатки силы воли и ласково улыбаюсь Ане, — не будем пока сильно волноваться, хорошо? Мало ли что кому сказал при разговоре. Я буду осторожна, конечно, раз ты говоришь, что у нее такие друзья...

— Спросите Кристину. Она вам много чего расскажет.

Отлично. Мне еще не всю информацию выдали. Неужто в целях исключительно гуманных?

Уже половина класса знает, что Лена — проститутка?

— Аня, я тебя тогда тоже хочу предупредить. Сама веди себя так, будто ты не слышала этого разговора, и его не было. Хорошо?

— Да.

— Не подходи к ней. Не разговаривай с ней ни о чем. Все так, как раньше. Ведь ты особо с Леной не общалась, верно?

— Никогда не болтала.

— Все как раньше. А я тебе обещаю, что твои слова останутся между тобой и мной — и никем больше.

— Х-хорошо...

Аня кладет мне на стол листок, и я смотрю на него. Совершенно чистый.

— Это чтобы никто не подумал, — следит за моим взглядом Аня, — типа я стих написала и несу, как Яна. Я в туалете два часа просидела, Вероника Васильевна. Сначала ждала, когда все уйдут. Потом за вами пришел мужчина в пальто, и вы ушли, но я видела, что без сумки, а без сумки вы домой никогда не ходите, значит, вернетесь...

— Да ты моя хорошая, — встаю я и обнимаю Аню. Между нами разница в возрасте не так уж велика, и она могла бы быть моей младшей сестренкой, поэтому мои объятия Ане привычны. Я и раньше их обнимала, когда они были пузатенькой мелочью, только-только

пришедшей ко мне из начальной школы...

Аня всхлипывает.

— Вероника Васильевна, мне не нравится, что сейчас творится в нашем классе. Ленка мутит воду, Максим смотрит ей в рот... Она же издевается над Максом! Она и спит с ним уже. Несколько раз точно спала, он теперь ходит пришибленный и готов все для нее сделать. Мы все уже поняли: я, Кристина...

Ох уж эти десятиклассницы!

— Все будет нормально, — успокаиваю Аню, хотя сама еле сдерживаю дрожь в коленях.

— Скорее бы, — Аня отстраняется и подходит к окну так же осторожно, как и прежде.

— Я пойду, Вероника Васильевна. Хорошо, что вы все понимаете. И не послали меня куда подальше...

— А разве я любого из вашего класса куда-нибудь посылала? — улыбаюсь я.

— Нет. Но иногда надо бы.

— У Розы Андреевны сейчас займется Дима Петров из одиннадцатого «А». Может, он тебя проводит до подъезда? Я скажу ему.

— Я сама. Вроде бы она ушла и меня не видела. Лучше Яну подожду, у нее через пятнадцать минут заканчивается сольфеджио.

— Хорошо, иди.

— Никому не говорите!!!

— Конечно, не скажу.

Аня уходит из моего кабинета, и только тогда я выдыхаю, и на глаза наворачиваются слезы.

Все было понятно с самого начала, Вероника. Если человек встал на дорогу лжи и разврата, труден ли оттуда шаг до причинения боли ближнему? Если свое тело уже не жаль, будешь ли ты жалеть чужое?

Будь Лена постарше, я бы и не подошла тогда. Проехала мимо, как всегда проезжала мимо сотни других. Но здесь...

Здесь мимо пройти не получилось. Хотя бы потому, что я учила ее, я — эта «сука классная», то есть ее классный руководитель.

И косвенно оказываюсь виноватой, что Лена так решила поступить со своей жизнью.

Начинает знобить. В школе недавно включили отопление, может, заболела незаметно, когда было холодно, или подстыла на прогулке с Робертом? Издаю невеселый смешок. Да вы нервничаете, Вероника Васильевна, и нервничаете неслабо.

Нужно задержаться в школе, выпить чая и успокоиться немного.

Этот вечный комплекс виноватости. Вероника виновата во всем. В том, что дети не хотят учиться, в плохих отношениях между детьми и родителями, в том, что школьники не усваивают материал, что слишком выросли школьные поборы...

За годы работы меня в чем только не упрекали, да и я себя тоже. Пока не поняла: все это бесполезно и только ухудшает и так некрепкое здоровье.

Стас прав. Что я могу сделать для мира? Даже Христа слушали не все, а он-то был покомпетентней меня и более уважаемым в свое время, чем скромная учительница. Иисус рассказывал притчу о сеятеле и зерне. Прикрыв глаза, вспоминаю строчки из Евангелия. Все правильно: «Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его, иное упало на добрую землю и принесло плод...»

Вот и я в свое время бросала свои слова, как семена. О любви, нравственности, даже иногда о Боге. Они упали. Просто упали, рассеялись в воздухе, остались лежать на неплодородной земле, были унесены ветром. Тысяча метафор, а смысл один: в случае с Леной все было в пустоту. Слишком благодатна была почва, подпитанная благополучной семьей, большим количеством квартир и модных машин, постоянными поездками по курортам и лучшими репетиторами, а еще — тотальной занятостью родителей. Слишком ухожена и увлажнена хорошей одеждой, дорогими игрушками и телефонами, большой пачкой карманных денег, о которой мне с большими глазами рассказывали тогдашние пятиклашки, еще не привыкшие к Лене. Позже привыкли и не удивлялись, стреляли иногда, как я знала. Лена не жадничала, но я проводила долгие беседы, и деньги всегда отдавались.

У нее была жизнь сытая и беспроблемная, и на фоне эдакого благополучия началось «ожирение» души. Могло все быть по-другому, да не вышло. Душа стала неблагоприятной землей для семян, наполненных состраданием и любовью.

Поступка Лены следовало ожидать.

Мои раздумья, конечно, замечательны (как же мне нравится это слово мормона!), но что сейчас делать мне? Увы, всяческие понимания ситуации не спасут от накаченных татуированных знакомых Лены, если таковые встретятся на пути.

Наверное, пора просить Роберта о том, чтобы провожал до дома...

Я чуть не прыснула, вопреки всей неоднозначности ситуации. Не представляю Роберта в роли защитника, честно. Да, он, может, и немного умеет драться, и я буду не одна, но с уголовниками ему вряд ли справиться. И у него сын. Если с его отцом что-то случится, он останется один.

Как наяву увидела жесткий прищур серых глаз. О Стасе я подумала в первые секунды сбивчивого Аниного повествования. Только к этому человеку я могу обратиться за помощью. У него, сто процентов, есть и оружие дома, и масса полезных вещей, которые могут помочь. Электрошокер? Газовый баллончик? Пневматика? Ничего не знаю обо всем этом.

И тут я поняла, что в жизни не попрошу у Стаса помощи.

Я же кто ему? Да никто, так, девочка для смеха. Он еще обхохочется надо мной, скажет, что сама виновата, раз такая дура! Или скажет, переспшишь со мной, вот тогда-а...

Как бы сказали мои дети, «не качает». В смысле, не согласна. То есть на отношения согласна, но просто так заниматься сексом, раз-два и разошлись — нет. Каким бы привлекательным Стас мне не казался.

Сама справлюсь, безо всякой помощи. Что я, газовый баллончик в магазине не куплю? Или не найду с кем проконсультироваться или даже нанять своей охраной? Плакали мои сбережения на отпуск, но жизнь и здоровье дороже.

Чай давно вскипел, беру чашку и смотрю на свои руки. Они дрожат.

Как же больно, Отче. Я всегда хотела сеять доброе и вечное. Искренне верила, что родилась на свет для того, чтобы мир сделать лучше...

Оказалось, это как бой. Ты каждый день встаешь на битву.

Но могла ли я подумать, что однажды битва за доброе и вечное может стать последней?

Уже не хочется предпринимать ничего. Устала. Устала от равнодушия, неустроенности своей жизни, бесполезности всяческих попыток что-либо наладить. Кажется, только двадцать минут назад, рядом с Робертом в чайном клубе, я была абсолютно счастлива...

Может, уволиться?

Маловерная. Что, Вероника, думала, все в мире так легко? Мечтала сделать его лучше —

получите и испытания в нагрузку. А кто говорил, что все будет, как ты хочешь? Никто.

Вот и ноги в руки. Думай, как защитить Аню.

Анька. Боже мой, что придумать?

У Маринки я уже не была такой категоричной в отношении Стаса.

— Ты, Вероника, точно дура, и Стас твой прав. Думаешь, если это все действительно так плохо, как говорит твоя девочка, эти люди будут шуточки шутить с тобой? Тут в полицию надо идти. Не знаю, куда при таких случаях обращаются, но можно спросить...

— Марин, у меня нет доказательств. Какие доказательства? Слова школьницы, которая сама трясется, как осиновый листок? Наблюдение из окна ее подружки? Что я предъявлю, что?

— Не обязательно предъявлять что-то.

— Кому ты это говоришь...

— Пора давно вскрыть этот нарыв! Объяви в школе, что тебе угрожают! Расскажи всем о Лене!

— И подставь под удар Аню? Лена вычислит ее в два счета, у нас под лестницей больше так никто не любит сидеть. А еще — представь, что я скажу такое! Это должны быть не голословные обвинения! Чем я подтвержу? Только нарвусь на скандал...

— Стас подтвердит.

— Нет, — качаю головой, — здесь даже не в этом дело. Ее нужно за руку поймать, и прилюдно, при свидетелях... Иначе мне родители не поверят. Скажут, что я оговорила их дочь, и дело на меня заведут, с легкостью в суд вызовут. Они же работают в этой сфере, пойми!

— Да плевать! Иди и выиграй этот спор. Пусть там дочь свою осматривают, я не знаю...

— Марин, зато я знаю, о чем говорю. Если бы родители не были очарованы своей любимой доченькой, я бы, наверное, что-то и предприняла. Но здесь бессильна. Все на словах, а слова можно легко опровергнуть. Будто не знаешь.

— Но так оставлять дело... — Марина осуждающе смотрит на меня.

Я не видела ее еще с лета, с нашего похода. Вот так и встречаемся, вечно в делах и работе.

Колька подросток и сейчас играет под столом в машинки, издавая звуки «р-р-р», а Маринка в цветастом халатике, но с шикарными наращенными ногтями, варит борщ и готовит тушеную картошку с мясом.

У меня тоже так могло быть, думаю внезапно, и к черту школу и пресловутое служение детям. Были уже тут одни народники, походили в девятнадцатом веке в люди. Что, много им счастья досталось?

Совсем упаднические мысли. Думала, давно избавилась от таких.

— Как у тебя здесь хорошо, спокойно, — вздыхаю я.

— Так иди в декрет, — улыбается Маринка и помешивает борщ.

— Думаешь, все так просто?

— Нет, но без своей школы ты точно стала бы счастливее. Семья...

— Вот именно. Семья. Ее пока не наблюдается, — промолчим про Марка и Роберта.

— А Стас?

— В смысле — Стас? — несколько теряюсь я.

— У вас с ним ничего, что ли?

— Да. Играем в шахматы потихоньку.

— Ну что, стал он гроссмейстером? — Марина откровенно издевается.

— Пока нет, но талант есть...

— Вероника, я тебя о другом спрашиваю!

— И о чем же? — да все понимаю, если начистоту.

— Я думала, что при долгом общении с мужчиной наедине обычно должно...

— У меня необычно все, забыла?

Марина отходит от плиты, смотрит на ползающего под столом Кольку. Тот увлеченно катает машинку и не желает нас замечать.

— Помочь? Что придумать? — сочувственно спрашивает Марина.

— Марин, я тебя умоляю. Там любовница одна потянет на миллион.

Марина прячет глаза. Она не несет мне всякую чушь про большую любовь очередной золушки, за что я ей очень обязана. Вновь отходит к плите, помешивает борщ и картошку, хотя все это делала минуту назад. Оборачивается и изрекает с надеждой:

— Ну, может, эта любовница и не очень...

И все-таки мы верим в сказки.

— Ей чуть больше двадцати. Модель с совершенным телом, смуглая. Длинные русые волосы и глаза обалденного голубого оттенка.

— Может, линзы? — Марина не теряет надежды.

— Да какая разница, линзы или нет, — как же она этим разговором душу травит, не описать. Жить без надежд иногда легче, чем мучить себя блуждающими огоньками. Куда они заведут?

— Вероника, ты в корне не права. Мужчинам не всегда нужны красивые женщины...

— Этот из тех, кому всегда нужны. Марин, давай не будем о Стасе, иначе я расплачусь.

— Все так грустно?

— Нет. Все по Божьей воле.

— О-о, с этой волей далеко пойдешь, — на губах Марины снисходительная улыбка. Сколько я таких повидала!

Ни капельки не обижаюсь на Маринку: не хлебнувшим горечи не понятен вкус чужого страдания. Насколько помню, у нее все всегда было прекрасно. Пусть не так феерично поначалу, как у меня, с яхтами и дорогими бутиками, зато ровно и предсказуемо, с красивой свадьбой и ребенком. И живут они не в шикарной квартире, и машина не самая дорогая, но в этом доме мужа встречает любящая жена и Колька...

— Все равно не верю, что Стас к тебе ничего не чувствует. Ни разу не обнимал?

— Целует в щечку, — стараюсь не покраснеть от явной лжи, и это мне удается, — сейчас о Стасе давай не говорить. Ломаю голову, как Аню уберечь. И себя тоже.

— Как-как? Стаса проси. Он же военный!

— А чем это мне поможет?

— Чем? Он же высокий, сильный? Настоящий боец! Испугает тех, кто захочет напасть...

— Должен же быть другой выход, — смотрю на Марину умоляющими глазами, но та непреклонна.

— А кого еще попросить? Твоего бывшего мужа? Вперед, позвони ему. Кого?

— Не знаю, — шепчу почти беззвучно.

Непонятная гордость не дает обратиться за помощью к Стасу. Ни при каких условиях. И

откуда только она появилась?

— У Стаса скоро День рождения, вчера узнала, — зачем-то говорю я, и Марина вдохновляется:

— Чудненько! Приготовь подарок хороший. И между делом попроси об услуге. Чтобы встречал тебя из школы и сопровождал, когда ты с Жужей гуляешь.

— Он, вообще-то, занятой человек.

— Да? Ну хотя бы вечерами пускай гуляет с тобой! Подышать свежим воздухом вечером очень полезно!

— Подумаю об этом.

— Не подумай, а говори сразу же! Когда к нему на шахматы?

— Завтра, — безнадежно отзываюсь я.

— А сегодня как? — округляет глаза Маринка.

— Даст Бог, дойду до дома и погуляю с Жужей без эксцессов...

— А если...

— Ну, значит, заботься ты о Жужике, если со мной...

— Ты идиотка, Вероника! — восклицает Марина, и Колька высовывается вместе с машинкой из-под стола. Шевелит губами, пытается повторить.

— Чему ребенка учишь, — показываю пальцем на Кольку.

— Ненормальная, — мотает головой Марина, — и мужик есть, который может защитить, а ты...

— От судьбы не убежишь. Но я попробую подстраховаться.

— Вероника, почему? Ну хотя бы сказать ему можно?

— Уговорила, — обещаю недовольно, — скажу. А потом пойду нанимать телохранителя, потому что от Стаса ничего не добьюсь.

Вру я все. Стас согласится. Если он пса моего столько времени терпел, меня потерпеть ему ничего не стоит. Это я не хочу зависеть от Стаса. Вообще никак. Кроме большого количества личных причин, еще потому, что Роберт может увидеть его рядом со мной, а увидев, больше не позвонит. Слишком уж Стас фактурный, слишком дерзкое лицо и прямой взгляд. Медик за версту почувствует в Стасе соперника без особых моральных устоев, хотя таковые и имеются. С этими самцами женщины никогда не ходят просто так, и попробуй докажи, что вы с мачо только в шахматы играете, ничего больше. Но Марине я не расскажу пока о Роберте. Не хватало сегодня лекций о страшных сектантах. К религии Марина относится очень бережно.

— Фу-ух, ура, — облегченно вздыхает Марина, — может, все будет хорошо. Подарок какой приготовишь?

— Я уже органайзер купила. Объемный такой. Он деловой человек, пригодится.

— Вероника! Скучная!

— Предлагаешь ему подарить набор из секс-шопа? — спрашиваю небрежно.

— Ну хотя бы. Наручнички...э-э-э... презервативчики веселенькие...

Мой долгий-долгий вздох. Маринка посмеивается.

— Может, вообще к нему переедешь? Тогда и подарочек подобный пригодится?

— Ерунду говоришь.

— Вероника! Но тогда все упрощается до предела! И ты не одна...

— Одна, не одна. Кому очень надо, доберутся.

— Перестань. Пусть и уголовники, но кому охота брать на себя такое дело? Ведь ты же

просто учитель, и тайна твоей Лены не такая уж глобальная!

— Настаиваешь, что меня могут просто побить? Успокоила.

— Очень надеюсь, что все обойдется, и разговоры останутся разговорами, — Марина вновь отходит к плите.

— Я тоже. Но, как говорится, искру туши до пожара, беду отводи до удара.

— Вероника — мисс поговорка!

— Пословица, — поправляю я, и мы обе улыбаемся. Меня чуть отпускает. Действительно, что уж такого в этой тайне криминального? Ну, несовершеннолетняя девочка занимается проституцией. Сколько их таких на свете?

Полностью беспокойство, конечно, меня не покидает, и вряд ли покинет, пока я не предприму что-нибудь.

— Сегодня перекантуйся, соседа позови с тобой и Жужей погулять, или пораньше выйди, когда у вас людей полно около дома. А завтра — к Стасу. И без всяких отговорок, — планирует Маринка, — я еще сама поспрашиваю про крутых мужиков. За деньги тебя будут охранять не хуже президента.

— А Аню мою кто охранять будет?

— Если она правильно себя поведет, охрана не понадобится. Ее же никто не видел, правильно? Твое внимание ей вредно сейчас. Главное, сама будь осторожна...

— Знаю, знаю, — перебиваю Марину.

Время близится к вечеру, и мне становится неуютно в ухоженной Марининой квартирке. Пора домой. Мало ли что.

Наспех прощаюсь с подружкой, которая предлагает чуть задержаться и у нее поужинать, но для меня привычнее родная холостяцкая квартира, где только Жужик рядом, и больше никого. Все эти семейные ужины — только ненужные эмоции, которые не могут не возникать у одинокой брошенки.

На улице полно людей, но я теперь понимаю, как это — ожидать опасность и вздрагивать от каждого подозрительного прохожего.

Погода совершенно обычная для ноября. Снег еще не выпал; листья давно облетели, они лежат грязным желто-черным ковром под ногами. Ветер дует с нещадной силой. Почему-то так ветрено в этом году...

Как пелось в фильме о Мери Поппинс? Ветер перемен? А мы все несемся короткими перебежками от радости до потери. И у меня ничего не меняется. Даже ветер.

Прошел день, другой. Неожиданно встреча со Стасом перенеслась на два дня позже, я ходила с кухонным ножиком в сумочке и наспех купленным газовым баллончиком, вздрагивая из-за каждого подозрительного звука. Но ничего не происходило, и меня все сильнее начала посещать надежда, что те, кому звонила Лена, скорее всего, отказали ей. А может, одумалась сама Лена? Сердчишко ли екнуло сделать зло человеку, который тебя, наряду с родителями, вырастил?

Очень хотелось верить в это.

Я максимально ограничила свои передвижения по улице. Подвозить меня на тренировки попросила знакомую из другого подъезда, она ходила в тот же фитнес — клуб, что и я. Пришлось подстраиваться под ее занятия (одни аэробики и стрип-денс, который не очень люблю), но, по большому счету, теперь мне стало все равно, куда ходить. Из школы я возвращалась с Розой Андреевной. Она узнала откуда-то о разговоре Лены — по своим

секретным каналам, разумеется — и настояла на том, что теперь она сопровождает меня до дома. Раньше иногда так ходили, когда заканчивали работать в одно и то же время. Мы долго препирались за закрытыми дверями ее кабинета, где я объясняла Розе Андреевне, как это опасно и так далее. Но закаленная долгими школьными годами учительница настояла на своем.

Оставались прогулки с Жужиком и магазины, и я приняла соломоново решение: гулять по-минимуму. С магазинами пока это удавалось, а с псом мы ходили по кустам недалеко от дома, не заглядывая в парк. Все репетиторства свелись к кабинету в школе.

Вечера и ночи были полны позвякиваний и шорохов. Жужик мирно спал со мной на кровати, в то время когда я вслушивалась в звуки ночного многоэтажного дома. Поговорила с соседкой: у нас общая прихожая с железной дверью. Вернее, не столько поговорила, сколько непредвиденно получилось напугать тетю Аллу и ее мужа. Леонид Игнатьевич, кряхтя и поругиваясь, вмонтировал щеколду в дверь, и открыть снаружи ее теперь, если она была закрыта на этот затвор, не представлялось никакой возможности. Мы договорились закрывать общую дверь самодельным засовом только на ночь.

И все равно мне было неспокойно. Я несколько раз бегала вечером, проверяя, заперта ли дверь, кроме обычных замков, еще и на щеколду, а потом садилась и обнимала свое мохнатое чудо, которое смотрело на меня преданнейшими глазами и не догадывалось о грозящей хозяйке опасности.

А Стас уехал куда-то по делам и не торопился возвращаться.

Маринка нашла парочку телохранителей. Узнав их расценки, я тихонько присвистнула. Мой бывший муж мог бы позволить себе такое. А мне, наверное, нужно обратиться к ребятам попроще.

Наконец дождалась звонка от Стаса. Я была в школе, сидела в своем кабинете и заполняла классный журнал, когда он позвонил.

— Привет, дорогая, — сердце сжалось от привычно-ленивого и уверенного тона его голоса, — ну что, сегодня как насчет шахмат и прочего? Свободна? Надеюсь, ты еще не замужем за чудным мормоном?

— А если скажу, что да?

— Тогда придется что-то с ним делать.

— А прочее — это что?

— Какая любопытная. Придешь — узнаешь. Жду сегодня во сколько?

— Когда сам-то свободен? — лихорадочно соображаю, как бы мне распределить свой день так, чтобы сразу из школы отправиться к Стасу.

— Да я только приехал недавно. Дел нет. В любое время.

Надо все-таки домой сгонять. Попросить или не попросить Стаса проводить — сначала до дома, потом до него?

— Через час устроит?

— Окей. Тогда жду, — Стас кладет трубку. Не попросить.

Итак, прошло время вежливых приветствий. Вышло время обязательной программы из подколов Стаса, которая сегодня была предельно урезана и смягчена: видимо, он действительно рад меня видеть. И даже сыграно несколько партий. А я все собираюсь хоть что-то сказать Стасу о моей проблеме.

Решение появилось из ниоткуда. Все гениальное просто! Только бы рот открыть и

произнести несколько предложений...

— И чего мы сегодня так глубоко задумчивы? — Стас переставляет коня и смотрит на меня, прищурился пронзительные серые глаза. Все как обычно: налицо распахнутая рубашка, дерзкий вид и непринужденная поза. В тысячный раз думаю, какой он чудесный...был бы. Кабы не противный характерец.

— Стас...а ведь ты занятия по рукопашному бою ведешь, да? — наконец еле выговариваю я. Но выговариваю.

Мой план прост и ясен: пора научиться защищать себя самой. Телохранители, они, конечно, хорошо. Но вдруг недруг застанет именно тогда, когда я буду одна? Нужно и самой быть хоть немного подготовленной.

Мой вопрос производит определенный эффект. Стас даже застывает на мгновение, и лицо становится крайне заинтересованным.

— Ты же знаешь, дорогая, что да. Ближе к делу.

— А можно на твоей тренировке позаниматься? — спрашиваю вежливо.

— Кому? — недоумевает Стас.

— Мне.

— Тебе? — Стас так шокирован, что придвигается ко мне поближе и выражение его лица меняется на удивленно-веселое, — нет, дорогая. Тебе — нет.

А ты сомневалась, Вероника? Ничем он тебе не поможет, никогда! Просто высокомерный дебил! А ты с ним возишься, вон, играть учишь...

— Объясню почему, — продолжает Стас, игнорируя мое враз изменившееся настроение. Говорит он спокойно и рассудительно, без доли насмешки в голосе, как может говорить человек, консультирующий новичка в том, в чем хорошо разбирается:

— Пойми одну вещь. Ко мне не ходят случайные люди. Там все с очень хорошими знаниями. Профи, если можно так назвать. Несколько парней не дотянут до этого звания, но основной контингент именно такой. Там не начинают с нуля. Если проще: у меня тусят крутые ребята.

Понимающе киваю. С этого бы и начинал.

— Я так подозреваю, что ты знаешь о самообороне предельно мало?

— Э-э...Я никогда...

— Понял, короче. Так вот, Вероник, в чем дело: я без проблем могу взять тебя к себе на тренировку, не зыркай на меня обиженно, не надо. Но! Тебе нужно объяснять все с самых азов, как любому новичку. Никто из парней этого делать не будет: у них свое. Я тебе тоже не смогу уделить много внимания. Плюс парни в жизни не встанут с тобой в спарринг, ни один. Ненароком что вывернут и сломают тебе, а я их потом за это сам покалечу, — мое сердце радостно подскакивает в груди: так приятно! Пусть оборот речи, но все же...

— Так что даже если ты и попадешь на мою тренировку, результата не получишь никакого. Может, лишь повосхищаешься мужиками. А, забыл сказать еще важную детальку! Женщин среди нас нет.

— Да-а, — тяну смущенно. Замахнулась, синичка, на журавля...

— А теперь скажи, зайка, зачем тебе нужны основы самообороны? — Стас скрещивает руки на груди и откидывается на стуле, буравя меня подозрительным прищуром. Моя спина сразу холодеет, и руки тоже.

— Просто...занимательно...

— Ого, занимательно! Даже так? Слово-то какое! Стас его не знает.

— Хорошо придуриваться. Я...я увидела недавно тебя в военной форме, вот... заинтересовалась. Тоже хочу, хоть немножко.

Глаза Стаса искрятся от смеха:

— Я че-то не понял — хочешь меня немножко в военной форме?

— Отстань, Стас, ты знаешь, о чем я, — вроде бы привыкла к подобному, но все же кровь приливает к щекам, — как жаль...

Мне действительно жаль. Понятное дело, что я не остановлюсь на Стасе: в городе полно различных направлений по самообороне, обязательно найду среди них и начинающую группу, возможно, даже женскую. Но я так рассчитывала, что с просьбой к Стасу все получится по-другому и мой бесстрашный план сможет реализоваться! А сейчас немного неприятно, что вообще спрашивала.

— Прямо сильно хочется заниматься? — Стас не верит в искренность моих намерений. Сидит и нагло улыбается.

— Очень.

— А вообще-то во время тренировок может быть больно, шишки, ушибы всякие — это не обсуждается даже, это точно будет. Рукопашка, Вероничка, дело малоприятное, и непривычному человеку...

— Да все понимаю, — дальше слушать страшные истории не имеет смысла. Я и так собрала в кулачок всю смелость, которая у меня была, чтобы сюда прийти.

Если бы ты знал, Стас, о накаченных татуированных парнях, которые, возможно, меня уже ждут около подъезда... Мурашки ползут по телу миллионами муравьев.

— Так Вероничка готова к боли, ушибам и другим гадостям? Можно даже что-то сломать или травмировать.

— Я повторять не буду, — отвечаю я, размышляя про себя, как попросить Стаса проводить до квартиры, не объясняя причины. Вымышленные враги меня очень занимают в данный момент.

Стас встает и чуть поводит плечами. Это ленивое движение так чувственно, что я, как обычно, опускаю очи долу. В смысле, не плююсь на него. Берегу психику.

— Запомни ход и пойдём.

— Куда? — пугаюсь я.

— Елы-палы...Ну хоть в гостиную. Там ковер, в первый раз помягче будет.

— Какой первый раз?

Стас без предупреждения хватается меня и поднимает над полом. Ставит на ноги и глядит в мое ошарашенное лицо:

— А ты чего хотела? Привыкай. По-всякому бывает. Иногда и на полу с противником валяешься, иногда к стенке прижимает, а иной раз и в бараний рог скручивает.

— Э-э..

— Непонятливая Вероника. Хотела основ самообороны, чего тормозишь? Идем заниматься в гостиную. Будет тебе урок. Радуйся.

— Ничего себе, радуйся, — бубню я, идя следом за Стасом, — я не могу сегодня заниматься. У меня формы нет.

— Нормально, — Стас даже не поворачивает головы, — будут реальные условия. По-хорошему, в чем ты ходишь обычно, в том и надо учиться. На каблуках женщин тоже учат драться.

— И что, получается у них?

— Все получается у тех, кто тренируется, — Стас открывает дверь в просторную комнату. Какие комнаты в его квартире большие! Я то, считай, заседаю на кухне, в той, белой и с большой кроватью, была разок, да в шикарной ванной — пару раз. На этом мое знакомство с квартирой Стаса заканчивается.

Комната обставлена а-ля плетеная мебель, легкость и невесомость. Как сюда гармонично вписался большой плоский телевизор, никак не пойму. Но здесь действительно полно свободного места.

— Стас, а может, сегодня не на-адо, — скромно канючу я. Прямо как мои детишки перед двойкой в журнал, если я оценки выставляю на перемене, — я же не ожидала. Тогда бы морально подготовилась, форму там и прочее...

— А нападение вообще происходит неожиданно.

— Да? Ну ладно, — без боя сдаюсь я. Кому это надо, в конце концов, мне или Стасу?

На полу комнаты и правда ковер. Но он не похож на перинку или на татами — эти маты я видела, когда смотрела соревнования по карате по телевизору.

— Я что, падать буду прямо на пол?

Стас угорает надо мной:

— Прикинь, Вероничка, прямо сюда. Эх, что же я тебя в свою спальню не повел? Там у меня линолеум, вообще никаких ковров.

— Я уже согласна, — говорю быстро, а Стасу опять радость:

— А ты думаешь, там, на улице, тебе матрасик подстелют, когда падать будешь? Я в свое время и по снегу пузиком ерзал, и по асфальту тоже. Незабываемое ощущение!

— Представляю... — мой голос звучит не очень оптимистично, — я просто видела, что каратисты падают на маты, только и всего.

— Татами. Я тоже на татами падал когда-то. Поприятнее будет, чем на пол, это да. Но не смешивай спорт и жизнь, дорогая. В жизни все проще и больнее. Сейчас, минутку, — откуда ни возьмись появляется чистая бумага и ручка — их Стас достает из ящика стола, который отодвигает чуть позже в угол комнаты. Стулья тоже отставляются в сторонку. В комнате становится еще больше пустого пространства.

Недоуменно гляжу на сей презент.

— Мне записывать, правильно?

— Я бы посоветовал. Но — как хочешь.

— Хорошо, — пожимаю плечами я. Что-что, а конспектировать мы умеем.

— Присаживайся, — Стас кивком головы указывает на ковер под ногами. Доля секунды — и он совершает какое-то хитроумное движение и уже сидит на ковре, скрестив ноги по-турецки. Я же ковыряюсь довольно долго, чтобы присесть на тот же ковер. Поджимаю ноги под себя, усаживаясь на приличной дистанции от Стаса. Себе дороже садиться к нему

близко.

А Стас пребывает в задумчивости, потому ерошит свои волосы. Ерошит долго и обстоятельно. Рубашка распахивается на груди, обнажая развитые мышцы и шрамы. Все как обычно, только уж слишком близко. Волос на груди у Стаса нет — прямо как у мужчин, фотографиями которых усыпаны рекламы в дамских журналах. Сидеть рядом с таким очень увлекательно. Если, конечно, занимаешься с ним чем-то другим, а не уроками рукопашного боя для чайников. А так приходится поволноваться, сколько же синяков останется на моем теле после занятия. Бугрящиеся мышцы Стаса внушают уважение.

— Тут одним урочком сыт не будешь, — изрекает Стас через минуту, — здесь бы, конечно, систематически. Слишком много информации, плюс отработать все надо...

Мне бы этот урок выдержать достойно, когда он меня лапоть будет своими ручищами. Не потерять голову, когда со Стасом будем «валиться», как сам же сказал. А он — систематически! Скоро мои нервы взорвутся, ей-богу.

А валиться точно будем. Что я, Стаса не знаю?

— А можно без того, что я бы на полу лежала? Как-нибудь... теоретически?

Стас смотрит укоризненно.

— Вероника, все в жизни взаправду. Ты готова меня для начала хоть послушать-то, мисс учительница?

— Готова.

— Тогда не зажимайся и не гляди так испуганно.

Он железный, этот Стас. Сажу с ним рядом, и все плывет перед глазами, и давно пересохло в горле. Сидеть рядом на полу — это, знаете ли, не одно и то же, что сидеть за одним столом. Ближе, интимнее, откровеннее. Но Стас, видимо, не замечает, как я прячу глаза, только бы не смотреть на его незастегнутую рубашку.

Интересно, если я сейчас нападую на него и попытаюсь изнасиловать, он отобьется? Ой, Вероника, оставь свои дурацкие шутки.

— Значит, смотри, Вероничка... Что должна запомнить для любого случая при нападении. Во-первых, дыши. Не задерживай дыхание. Его может перехватить и прочее. Старайся дышать...

— «Дыхание — всегда», — старательно вывожу на листочке.

— Удары делаются на выдохе. То есть, когда наносишь удар, ты выдыхаешь. На выдохе же исполняются выходы из захватов. Но это все надо практиковать и прочее, ты пиши давай, потом покажу.

— Угу, — киваю я, уткнувшись в листочек.

— Во-вторых, для тебя, как для женщины, хорошее правило: не работай силой на силу, — гляжу на Стаса и недоуменно моргаю, а тот машет рукой, — сейчас объясню. Сама понимаешь, что у тебя сил меньше, чем у любого мужчины, и броски через бедро там, через плечо отпадают. Ты работаешь строго по болевым точкам. Покажу сам, и нужно выучить их. Болевых точек у человека много, но есть те, которые надо специально находить на теле, в смысле, именно знать, где они находятся точно, а есть те, которые найти легко. Вот их и покажу.

Записываю с умным видом: «работа по болевым точкам». Ставлю двоеточие и смотрю на Стаса, ожидая продолжения лекции. А тот меня разглядывает пристально, будто съесть хочет. Краска приливает к лицу. Терпи, Вероника. Тяжело в ученье, как говорится.

— Дальше... — тянет Стас, продолжая меня разглядывать. Как недобро смотрит,

мамочки! Глаза отстраненные — задумался о чем-то. Но скоро вполне добродушная, даже смущенная улыбка появляется на его лице, и Стас опять ерошит свои волосы, даже ладонью проводит по лицу.

— Черт, столько всего, не знаю, как тебе систематизировать и рассказать.

— Как получится, — кашлянув, отвечаю я.

— Если бы я знал, что женщине буду объяснять все, я бы... Короче, слушай дальше. Дыхание, болевые... Да. Значит, по большому счету, как к тебе могут приставать. Разберем основные виды ситуаций. Могу просто подойти, начать говорить и никак не воздействовать, но это всегда перерастает во что-то, если ты не решишь дело миром и не избежишь нападения. Тогда могут за что-то схватить — я пока не говорю, за что. Могут нанести удар — опять не говорю, рукой ли, или ножиком, или еще чем, — я поеживаюсь, а Стасово повествование все страшнее, — бывает, используют электрошокер, пистолет...

— Ста-ас!

— И это еще не все, что я перечислил. Все за один урок пройдем, мадам, как считаете? Но ближе к теме. Затронем самое главное. Остановимся на захватах и ударах.

— Остановимся.

— Удары, — говорит Стас и делает паузу. Я склоняюсь над листочком.

— Неважно, рукой ли, ножом ли, палкой ли или чем еще. Сюда же можно включить и пистолет. У пули, как у кулака, и ножа, есть своя траектория. Траектория удара, — кулак Стаса медленно прочерчивает путь до моего живота. Полностью его рука до меня не дотягивается, конечно. С осторожностью смотрю на внушительный кулак Стаса.

— Что такое траектория удара, понятно?

— Да, — нервно сглатываю комок в горле.

— Траектории бывают разными, — Стас подвигается ко мне и садится напротив, в опасной от меня близости. Хочу благополучно отползти в сторонку, но вовремя спохватываюсь: как же это будет смотреться со стороны? Предельно глупо, ага. Потому не двигаюсь с места. В это время Стас показывает мне другой удар: ребром раскрытой и напряженной ладони он прочерчивает в воздухе что-то вроде полукруга, и медленно-медленно подводит ладонь к моему горлу. Гипотетический удар приходится ребром ладони прямо по горлу. Стас его не наносит — лишь отмечает точку, но я все равно дергаюсь.

— Допустим, сюда, в сонную артерию. Для отключки или еще хуже. Еще можно, кстати, массаж делать сонной артерии, несколько успокаивает при нужном раскладе. Что-то ты напряженная очень, сделать, что ли? — у Стаса опять свои штучки.

— Обойдемся без массажа, — сухо отрезаю я. Стас хмыкает.

— Я так и думал. Кстати, ножиком можно нанести те же удары, — откуда ни возьмись, у Стаса в руке появляется небольшой тонкий нож.

— Э-э. а... А нож откуда? — я шокирована таким фокусом.

— Дед Мороз подарил, — хищно улыбается Стас, — то же самое, смотри!

Прошлые удары повторяются, на этот раз с ножом.

— Они одинаковые по траектории, эти удары, видишь? И без разницы, что у меня сейчас в руке. Принцип один и тот же, просто у меня или есть нож, или его нет...

Или есть нож, или его нет — гениальная идиома, так подходит Стасу. Откуда достал, черт его знает, но достал же!

— Вижу, — послушно повторяю я. И все, что я вижу, настораживает. Вдруг мне встретится еще один, кто может так же лихо фокусничать с ножами?

А еще меня беспокоит нехватка воздуха и опасная близость Стаса: от нее-то и перехватывает дыхание. Я все еще продолжаю чувствовать то место на горле, которого коснулся Стас. Будто огнем жжет.

Да и общее самочувствие оставляет желать лучшего.

— Самое главное здесь — уйти с линии атаки. Линия. Атака. Видишь? — еще парочка движений, которые, отточенные до автоматизма и специально замедленные, смотрятся потрясающе красивыми. И очень возбуждающими.

— Линия атаки — и есть траектория удара. Тебе надо с нее уйти и отвести удар в сторону. Это будет твоя защита. Дальше обязательно атаковать — это твое нападение. Программа минимум — хотя бы уйти с линии атаки, ясно? Тогда избежишь удара. Он получится в никуда, в пустоту: тебя-то там уже нет. Но если одного удара избежишь, это не значит, что второго не будет, поэтому атаковать нужно сто процентов. Ударить чем придется по болевой точке. Выиграешь несколько секунд, если ударишь как надо — побольше. Потом быстро убегаешь и орешь при этом «Пожар!». Запомнила? Не «Убивают!» и прочее, а «Пожар!». На пожар люди точно высунутся из домов. На «Помогите!» и «Убивают!» — не факт. Привлекаешь внимание и ретируешься.

Еле успеваю записывать за Стасом. На словах-то все ясно, но вот на деле как это все организовать — и защиту, и нападение? Кроме того, «литтера скрипта манет» — написанное слово остается, как говорили древние. Еще конспектирование очень отвлекает от нескромных мыслей и успокаивает мое бешено бьющееся сердце.

Смотрю искоса на Стаса, как можно незаметнее. Этот в своей стихии. Глазенки горят, готов поделиться знаниями. Подавляю тоскливый вздох. Вот счастливый человек! А мне сейчас ох как нерадостно.

— Болевые точки, значит. Что по ним, дорогая. В пах не бей, если не уверена. Это, конечно, эффективнейшая болевая точка и все такое, но если промахнешься — только разозлишь мужика. Вообще запомни — в любом случае нужно бить очень уверенно. Очень. Иначе удар будет слабеньким или смажется. Если ты стоишь впритирку, и коленом можешь достать пах, и ноги у мужика раздвинуты, то отлично. Если на расстоянии — вообще не советую, поняла?

— Да, — продолжаю краснеть я.

— Болевые... самые простые точки. Глаза. Надавливание на них может привести к остановке сердца, да и сами глаза можно выдавить, — Стас наслаждается производимым эффектом: меня чуть не передергивает, — как говорится, самый лучший способ защиты — это пальцем в глаз. Проходят специальные тренировки, и спецназ...

— Ста-а-ас! Поняла я все, дальше!

— Это делается вот так. Закрой глаза, — большие пальцы Стаса уверенно ложатся на мои веки, в то время как все остальные пальцы придерживают мою голову в районе висков, — сюда — и сильно нажимаешь. Не жалей. Ясно?

— Ясно, ясно, — Стас не торопится убирать свои пальцы, которые неспешно перемещаются по моим волосам за ухо. Еще миг — и я вскрикиваю от боли: Стас нажимает на какое-то ему одному известное место.

— Это запоминать не будем, сложно найти, тренироваться надо, — загадочно и чувственно тянет Стас, а у меня мороз по коже, и тут же становится жарко. Чуть закусываю губу, чтобы сохранить ясное сознание, и аккуратно убираю голову из рук Стаса.

— Запишу сейчас, — неумело оправдываюсь, но Стас уже прекрасно разглядел мое

смущение.

— Можешь оглушить сначала противника, а потом еще посерьезней удар нанести. Это мы все сидим на болевых точках головы, пометь там себе. Оглушить, например, можно так: ударяешь человека по кончику носа. Там полно нервных окончаний. Сразу шок, слез море, но главное — потеря координации. За это время можешь сориентироваться, звездануть в солнечное сплетение еще, для профилактики, и драпать во все лопатки.

— Очень понятно объясняешь, доступным языком, — я все еще пытаюсь шутить.

— Какой доступно, тебя еще надо научить, как кулак складывать и бить правильно, чтобы себе ничего не повредить. Записала? Еще из шокирующих ударов. Складываешь пальцы лодочкой, смотри, чтобы все были прижаты, будто водичку черпаешь, и со всего размаху трескаешь по уху. Противник оглушен, звон в ушах, в это время бей в солнечное или еще куда и смывайся.

— У тебя, наверно, хорошие учителя были, да, Стас? В красках все описываешь, — и Стас на секунду мрачнеет.

— Много у меня чего было. Пиши давай. Выучишь, потом мне экзамен сдашь.

— Только тебе я еще ничего не сдавала...

— Все бывает в первый раз, а, дорогая?

— Не все, как оказывается.

Стас нагло посмеивается:

— Но это будет точно, я тебе обещаю.

— Если приду в короткой юбке и в декольте, поставишь свой экзамен автоматом, препод?

— Если сама разденешься при этом — поставлю. И тебя поставлю...

— Объясняй дальше, учитель, не отвлекайся! — я уже красная, как рак, или еще нет? Сама виновата — зачем такими провокационными вопросами щекочешь нервы? Не залезай, Вероника, на чужую территорию, сколько раз повторять. Там кое-то ориентируется свободно, а ты застрянешь на первых шагах. А все потому, что этому ничего не стоит снять с себя одежду и улечься с любой красоткой, а вот ты, милая, не из таких. И ничего не поделаешь. Так что привыкай.

Стас заинтересованно на меня поглядывает. Небось, вдохновился уже близким экзаменом. Кто же тебя, Вероника, за язык тянул, скажи?

— Ты больше рассказывать как? Будешь? — я переворачиваю листок, беру ручку, которая выпала из моих рук, когда Стас водил руками по моей голове, и делаю вид самой прилежной ученицы.

— Давай дальше, — соглашается Стас, но прищур его глаз волнует меня все сильнее. Чувствую, как сердце глухими толчками бьется в груди часто-часто. Поднимаю руку и провожу по лицу. Глаза Стаса засекают каждое мое движение.

— Другие болевые точки, — легко говорит Стас, не отрывая взгляда от моего лица, — висок. Тонкая кость, вплоть до смерти, но там сподручнее, чтобы у тебя что-то было в руке острое, а лучше тяжелое — ключи ли, или еще что-то. Пока остановимся на этих болевых на лице. Повторяю, что их вообще много, но информацию для начала дозировать надо. Иначе ничего не запомнишь.

Энергично киваю в знак согласия. Мне и этого хватит на первое время.

— А теперь вставай, остальные болевые на теле покажу. Пока можешь не записывать, допишешь потом.

Неохотно откладывая листок с ручкой, но подниматься с пола не тороплюсь. Если встану — значит, точно будет кидать меня на пол. Не маленькая уже, понимаю, что к чему. И пытаюсь оттянуть как можно дальше момент собственных падений. А для этого у меня имеется сложный вопрос, который уже давно не дает мне покоя.

— Стас...я вот спросить хотела...подожди!

— Ну? Спроси, раз хотела, — спокойно отвечает Стас, только глаза весело поблескивают.

— Это все очень хорошо: линии атаки, удары там всякие. А вот что мне делать, если я все это забуду? Забуду — и все!

— В смысле?

— Если потеряюсь и не смогу...

— Ты о шоковом состоянии? — уточняет Стас, — Да, есть такая тема. Несколько видов шока. Это или суетишься, или тормозишь. Есть стадии шока. Встрянешь в ступор — вообще хреново. Но, по большому счету, все туфта на самом деле.

— Как — туфта? Это физиологический процесс, между прочим, — обижаюсь я. Стас-то, наверное, привык к опасности, насколько к ней может привыкнуть человек. А я — нет. Впервые мне приходит в голову мысль: все, что сейчас мне показывает Стас, может оказаться бесполезным, если я растеряюсь. Замру и перестану двигаться, или наоборот — почувствую настоящую панику, и тут уже не до приемов будет.

— Как с этим, Стас? Может, мне не нужно тренироваться? Зачем? Я же все равно не смогу защититься от таких, как ты...

— Кто сказал? Это ты сама сказала, — Стас улыбается одними уголками губ, а в глазах — сожаление, — сама себе границы ставишь, разве не видишь, Вероничка? Живешь в границах. Не смогу, забуду... конечно, не сможешь. Ты же веришь в победу. Кто там говорил, что человек — это то, во что он верит? Я забыл. Плюс Вероника просто верующая правда? — подмигивает мне Стас.

Я старалась не разговаривать на подобные темы, но он каким-то шестым чувством догадался, что к чему. Хотя чего уж тут догадываться? Сидит баба на кухне, исключительно с ним в шахматы играет, на него, соблазнительного, не смотрит. По идеологическим соображениям, возникает первая мысль. А какие могут быть идеологические соображения? Например, религиозной масти.

Или все еще проще, чем мои рассуждения?

Стараюсь на Стаса не смотреть. Он прав, и мне стыдно. А тот продолжает издеваться:

— Что там верующие говорят, а? Все так, как Бог захочет? Тогда бояться глупо, — но вдруг интонации голоса Стаса меняются, превращаясь в немного грустные и понимающие, и я даже вздрагиваю от непривычки, и странное ощущение появляется в груди. Оно растет и ширится, перекрывая мое возбуждение, кажется, еще немного, и я пойму что-то очень важное. То, что упустила, когда внутренне, чисто интуитивно, решала для себя, как относиться к Стасу.

— Да все понятно, дорогая. Боятся все. Я тоже боюсь. Но...блин, не знаю, как объяснить словами. Понял твой вопрос, дай подумать...

Некоторое время Стас молчит, прикрыв глаза. Я даже двигаться боюсь, затаив дыхание, жду, что скажет Стас.

— Когда я был совсем зеленым, мой Командир однажды рассказал историю из своей жизни. Это, кстати, к твоему вопросу о границах и верю-не верю в себя. Один танк. В нем —

он и еще несколько человек. Отбились от своих. А дело в Чечне, в Первую кампанию. Как получилось так, Санчо не объяснял. Въезжают в какой-то аул по ошибке, ищут дорогу к своим. В ауле — засада. Окружили со всех сторон. Плюс там и серьезная техника, не вот тебе, сто чеченцев с калашами окружили.

— И что дальше?

— Дальше? Дальше они прорвались. Мне Санчо сто лет назад рассказывал, как они прорывались, я не помню, и подробностей не помню. Только у них был минимальный шанс, понимаешь? Мягко говоря, вообще никакого. Но они ушли оттуда, и джигитов побили. Они не захотели становиться жертвами. Потому что сначала битву ты проигрываешь в голове, а потом уже — в жизни.

— Да, но...

— А в Великую Отечественную сколько было таких побед? А Атака Мертвецов в Первую Мировую, когда на наших газовую атаку немцы испытывали, да еще куча всего было? Нужно с собой все решить сначала, чтобы в бой идти. Вы не проходите ничего по литературе с детишками из этого? Ты же там в школе делаешь, Вероника? Песни поешь?

— Да, у нас есть...

— А если есть, так в чем дело? Сама еще не поняла ничего?

Отповедь Стаса откровенна и жестока, как и многие его слова. И самое обидное: говорит ведь правду. Одно дело — рассказывать обо всех превратностях войны, стоя у школьной доски, и другое — почувствовать на своей шкуре.

— Ты прав, Стас, — говорю я, не поднимая глаз. Он меня только что по стенке размазал и ковром завесил.

— О-о, твою мать, она сейчас заплачет, — в голосе Стаса ни капельки сочувствия, только жесткая уверенность человека, прошедшего через многое и кое-что вынесшего для себя.

Вот почему у него все получается. Правильно рассуждает: границы. Их у него нет. А у меня их слишком много. Границы и страхи...

— Даже если тебя загнали в угол, у тебя всегда остается выбор: стать жертвой или не стать. И драться до последнего, даже без надежды на успех. Просто отстоять...честь, достоинство. Должна быть великая идея. Например, нужности твоей жизни в этом мире. Или нужности жизни тебе лично. За Веру, Царя и Отечество, как говорится. Сечешь, о чем я?

— Д-да...

— Дорогая, не реви только. Будем считать, что психологический аспект рукопашного боя я тебе вкратце изложил. Держи это в голове всегда. Действует правило и по жизни отличненько.

Реветь я не реву, но нелюбезные вещи о себе выслушивать тоскливо. И уже сама поднимаюсь с ковра, без всякого приглашения. Пора заниматься.

— Смотри-ка, какая быстрая стала, — вновь подкол Стаса. Он тоже встает.

В глубины кухни тихонечко тренькает телефон.

— Постой пока, — бросает Стас и бегом бросается туда, а я с облегчением вздыхаю. Ничего себе уроки!

Стас быстро возвращается, но к этому времени успеваю проглотить свою обиду, отдышаться и принять прилично-безразличный вид. Я готова к новым свершениям, и даже падения на ковер уже не пугают.

— Через полчаса приедет мой знакомый, так что сегодня покажу немного, а все

остальное — на потом. Лады? — просвещает меня Стас. А потом снимает рубашку. Вообще снимает.

— Ну, вставай в правильную стойку...

— Оденься быстро, — сиплю я. Мускулистые руки и торс, кубики мышц на животе. Смотреть на такое я уже не в силах.

— Вероника, рубашка мешается, под ней ничего не увидишь. Я тебе именно на теле болевые хотел показать, — Стас сама невозмутимость. И только по глазам его вижу — все делается с умыслом. Издевательства продолжаются.

Возможно, что так просматриваться все будет лучше. Может быть, ему удобнее. Закусываю губу и силюсь сохранить остатки самообладания, вопреки сильно бьющемуся сердцу, пересохшим губам и неожиданной слабости во всем теле.

Оказывается, я весьма везучая. У подъезда ждут накачанные ребята, здесь — полуголый красавчик Стас. Да, еще не забыть интеллигентного весельчака Роберта! Одни мужики везде окружают. Вероника, у вас все шансы на успех! Хотя бы в одном месте, да получится. Главное — обойти татуированных, а здесь я давно разобрался.

— Может, все-таки оденешься? — прошу уже без надежды на понимание. Стас бросает ножик на ковер и продолжает глумиться:

— Наша Вероничка что, стесняется? Ой, перестань, моя прелесть! Все ради знаний. Исключительно, — и Стас встает от меня на расстоянии вытянутой руки: он сам ее и протягивает, и чуть касается пальцами моего плеча.

— Вот, смотри. Правило раз: держи дистанцию. Если ближе, сама соображай, удары и захваты замечательно пройдут, так что не подходи ни к кому особо близко. Если дальше, то, естественно, я до тебя дотянусь только ногой, но руки в бою, на мой взгляд, более мобильны. Когда ногу поднимаешь, опоры меньше, и можно легко подсесть вторую. Равновесие теряется, легко падаешь, а это ничего хорошего. Старайся не доводить все до партера, Вероник, слышала? Нет, ногами бить каратешные или тейквондошные удары на улице не вариант, даже их не рассматривай...

— Я их и не знаю...

— А, черт! Забываю, что ты новичок, пардон. Привык со своими спорить. Короче, стойка, — Стас чуть сугулится и отставляет одну ногу назад. Он не застывает в этом положении, немного двигается, поигрывает мускулами. Поднимает руки к голове, — защищай голову, поняла? Если в живот двинут, ничего приятного, конечно, но может повезти, и ты останешься в сознании. А по кумполу — вообще дело дрянь, отключка и прочее. Затылочная часть, виски... Помнишь?

— Д-да, — старательно отвечаю я, пытаюсь сфокусировать свое внимание на объяснениях Стаса, а не на его мощной груди. Надо тоже раздеться, мелькает в голове. Ну, хотя бы снять свою скромную трикотажную кофточку с таким же скромным вырезом. Посмотрим, как тогда товарищ учитель будет складно рассказывать свой материал.

А что ему, думаю тут же. Мое тело вряд ли впечатлит такого избалованного. У кого в любовницах прекрасные русалки, вряд ли голову повернут в сторону мелких рыбешек.

— Зайка, ты меня слушаешь? Следующая болевая — шея, а там, кроме сонной артерии, кадык, или адамово яблоко — запоминай, как хочешь.

— Шея, — повторяю рассеянно, — сонная артерия и адамово яблоко. Мне бы записать, Стас...

— Да хоть зарисовать. Только позже. Дальше... Ну, подключичные ямки ладно, не

запоминай. Вот в эту впадинку очень удобно засовывать ножик, — Стас берет мою руку и поднимает ее к своей шее. Место находится чуть ниже адамова яблока. Стас крепко держит мою кисть и сам подводит ее к этому месту. Указательный и средний пальцы упираются в ямку у него на шее, и я чувствую под пальцами горячую кожу Стаса.

— Здесь, — Стас пристально смотрит мне в глаза.

— Поняла, — почти беззвучно отвечаю я. Хочу добавить по привычке «Стас, пусти!», но почему-то не могу этого сказать.

— Дальше по болевым, — Стас не отпускает мою руку. Напротив, прижимая мою ладонь к своей груди, ведет мои пальцы по своему телу вниз, останавливая в районе сердца. Кожа у Стаса горячая и гладкая, и я чувствую наложенной на грудь ладонью, как бьется его сердце. Бьется быстро, быстрее, чем положено в спокойном состоянии. Пытаюсь сжать руку у кулак, и подушечки моих пальцев задевают твердый сосок. Ошарашенно смотрю на Стаса, в непроницаемые глаза и на жестко поджатые губы. Видно, тоже не совсем равнодушным оставляет его этот беззастенчивый урок с раздеванием. Дыхание перехватывает, я сильнее прикусываю губу и давлю судорожные вздохи.

— Печень. Здесь, ближе к ребрам, а не там, где живот, — слова сейчас даются Стасу с трудом. Он медленно перемещает мою ладонь по своему телу, останавливая ее справа под ребрами.

— Здесь — солнечное сплетение. Идеальный вариант для удара. Тут — поджелудочная и селезенка. Они здесь, в противоположной от печени стороне, — моя ладонь с помощью его руки продолжает путешествие по телу Стаса. Потом он уверенно уводит ее вниз, останавливая там, где находится ремень джинсов.

— А вот сюда не бей. Только кишечник, ничего серьезного. Неприятно, больно, но как болевую точку, которая дает мгновенный результат, я бы ее не стал рассматривать.

У него еще мозги соображают? Мои-то вмиг расклеились. Хочется закрыть глаза и осесть на пол, чувствуя, что тебя прижимает к полу это сильное тренированное тело. В низу живота подобные желания тут же отдаются болезненным спазмом.

Уберу-ка я руку подобру-поздорову. И вообще, надо уже того...домой.

Но Стас будто читает мои мысли: на долю секунды раньше освобождает мою ладонь, и я, облегченно вздохнув, отдергиваю ее.

— С точками на теле, вижу, мы разобрались, — самодовольная усмешка на лице Стаса меня раздражает до дрожи. Вы посмотрите на этого...этого! Даже слова не подберу. Значит, так веселятся brave военные? Козел. И лучше не скажешь.

— Что-то я увлекся, — Стас покашливает и делает шаг назад, но лицо непроницаемое, и что он думает, я до сих пор не могу понять, — давай по приемам уже пройдемся.

— Угу, — сказать что-то большее у меня нет сил. Значит, вот ты какое, состояние шока. Стас советовал великую идею приобрести. Убить Стаса за все мои унижения — лучше этой идеи сейчас придумать сложно.

Делаю несколько глубоких вдохов. Держись, Вероника. Стасу, наверное, тоже несладко, заигрался он в Казанову.

— Дышать будешь после, — тут же комментирует мои действия Стас, — покажу для начала один прием с пробиванием солнечного сплетения, — сформируй кулак. М-м... сожми, короче.

Я привычным движением исполняю его просьбу и показываю, что получилось.

— Не так. Сжимаешь неправильно, как все женщины. Ты свой палец выбьешь в два

счета, когда будешь наносить удар. Смотри и запоминай, — и пальцы Стаса аккуратно перемещают мой большой палец на фаланги указательного и среднего и крепко сжимают мой кулак. — Вот такой рукой будешь меня сейчас бить сюда, — Стас показывает на нужную область на своем теле.

С удовольствием исполняю Стасову просьбу. Я не церемонюсь и не жалею его, бью максимально резко и без предупреждения. Пусть хоть случайно получит от меня. Больше возможность вряд ли представится.

Я бы вписалась прямо лицом в пол, не придержи Стас меня за руку. А так опускаюсь на ковер очень плавно и почти безболезненно. Немного задела плечом об пол, но это, как подозреваю, пустячок.

— При падении я подстраховал, чтобы не упала, — Стас резко тянет мою руку вверх, и я оказываюсь на ногах. Потираю ушибленное плечо и дико озираюсь по сторонам. Такого мы не ждали...

— Выдаешь себя с головой. Не смотри на то место, куда хочешь бить. И кулак заранее готовишь, отводишь в сторону. Все по тебе видно: когда бьешь, куда бьешь... Но это типичная ошибка новичков, над ней работать долго. Я тебе на будущее говорю, вдруг захочешь стать Умой Турман, — объясняет Стас, чуть прищуриваясь и разглядывая меня с головы до ног.

— Н-не захочу.

— Брось. Это затягивает.

— Ты же мне все равно не разрешишь у тебя на тренировке постоянно заниматься.

— Нет, зайка. Пока только здесь, со мной. А дальше — посмотрим, — говорит Стас подозрительно ласково. И тут же меняет тон на деловой и рассудительный, — сейчас разберем уход с линии атаки. Я бью тебя в солнечное сплетение. Куда ты должна уйти?

— Куда? — я уже не соображаю. Полеты над полом и обнаженное тело Стаса, на которое я продолжаю бессовестно пялиться, мешают нормальному функционированию мозга.

— Ты должна развернуть свое тело таким образом, чтобы мой удар пришелся в воздух, — мягко подсказывает Стас, — во-от так...

Его руки запросто обхватывают мои плечи и разворачивают в нужную сторону. Пусть делает, что хочет, нет сил с ним пререкаться. Тем более, это все для дела...

— Понятно, — говорю чуть слышно.

— Еще раз и потихоньку, — Стас неспешно вытягивает кулак, а я в это время разворачиваюсь так, как он показал. Кулак Стаса бьет в пустоту.

— Защита первой степени. Но еще контролируют и отводят подобный удар рукой. Как бы провожают его до места. А потом рукой же удобно нанести контратаку. Отводишь руку... атакуешь, — губы Стаса нечаянно скользнули по моей щеке, и я недоуменно останавливаюсь. Теперь Стас стоит за моей спиной. Это еще что за шутки?

— Заходишь за спину, и — удар по почкам, — Стас прикладывает руки к моей пояснице, — сюда примерно.

— А рукой как делать? Еще раз покажи.

— Не вопрос, — и Стас неспешно дублирует движение. Несколько раз я повторяю медленно, чтобы запомнить, как его делать. Трудно.

— Я же предупреждал: нужно систематически заниматься. Довести до автоматизма, тогда все окей будет, — жалеет меня Стас, лукаво посматривая из-под светлых ресниц.

— Я д-дома позанимаюсь.

— Это с Жужиком, что ли?

— Найду с кем, — нагло смотрю на него. Пусть не выпендривается, что такой неотразимый.

— Смотри ошибок не наделай, при тренировке дома. Мало ли что произойдет, — реплика Стаса звучит несколько двусмысленно.

— Постараюсь, — обещаю я, — давай еще приемчик показывай...

Стас неожиданно производит какие-то непонятные манипуляции; я опять больно бьюсь тем же плечом об пол. Он вновь «страхует» меня, как это у него называется, придерживает мою руку, но я все равно укладываюсь на пол. Тихонько постанывая, сажусь и растираю плечо.

— Предупреждать надо, спецназовец! Это нечестно...

— Ты же не уточнила — как показать, — Стас купается в позитивных эмоциях. Нравится валять меня на полу. Придурок...

Он присаживается на одно колено рядом со мной и улыбается.

— Озорничаешь, да? — кривлюсь я. Плечо болит ужасно. Хорошо же я его ушибла, наверно.

— Что там у тебя? — без обиняков интересуется Стас. Резким движением натягивает кофту и оголяет мое плечо. Внимательно рассматривает его, а потом неторопливо проводит пальцами по коже.

Я долго терпела его шуточки на тему ниже пояса, все незастегнутые рубашки и тонкие намеки на неприличные обстоятельства. А после них были бессонные ночи и слезы в подушку. Сначала — от того, что такой, как Стас, на меня не посмотрит. Потом — от того, что смотрит совсем не так, как хотелось бы. Но осторожное поглаживание моих ссадин стало последней каплей. Только умеет, что издеваться, показывая свое превосходство.

И я не выдерживаю.

— Ты, ненормальный придурок, не трогай! — ору так, как никогда еще не кричала раньше. Сжимаю кулаки и изо всей силы молочу по груди Стаса, начисто забыв обо всех болевых точках. Бью куда придется, с непонятным наслаждением, накопившемся за долгие часы поддразниваний и насмешек. — Сволочь последняя, коз...

И тут же оказываюсь распластанной на ковре, с заведенными за голову руками, и в бессильной попытке вырваться открываю рот, чтобы глотнуть воздуха и высказать все, что я о Стасе думаю, но все мои крики тут же обрываются, заглушаемые жадным, безжалостным поцелуем.

— А можно на твоей тренировке позаниматься?

— Кому?

— Мне.

— Тебе?

Что за фигня? Стас сразу же насторожился. В висках молоточками застучало: «Опасность!». Бабы просто так не просят поучить их самообороне. Алиска, правда, тоже пыталась в свое время, но тренировка закончилось через пять минут суперским сексом, и тогда, собственно, она и затевалась исключительно ради интима. Он задумчивым взглядом окинул подозрительно притихшую Веронику: вряд ли в данную минуту она о сексе думает. В голубых глазах, обычно мечтательных и грустных, а сейчас каких-то потерянных, в

напряженном лице и зажатом теле он безошибочно распознал страх. Кого боится Вероничка? Стас бы желал порвать этих людей на куски.

Он давно не замечал за собой такой злости. К Алискиным проблемам всегда относился хладнокровно: решал, как только появлялись. Подобную злость он чувствовал иногда в армии, на контактах. Или специально разжигал в себе на боях без правил, устраиваемых подпольно местными олигархами. Стас поучаствовал лишь на парочке боев, но до сих пор в его ушах иногда звенели крики и вой толпы, собравшейся, чтобы сделать ставку на одного из дерущихся. Он тогда несколько недель как пришел из армии, был зол на весь мир из-за слов Командира, и искал если не смерти, то хорошего вправления мозгов. После второго боя у него даже появился фанат из богатеев, который потом помог наладить бизнес, дал множество хороших советов, и что там говорить — если бы не он, не получилось бы у Стаса взлететь под небеса так быстро. Даже здесь судьба посмеялась над ним, превратив кажущуюся непростой ситуацию в необычайно полезную.

— Нет, дорогая. Тебе — нет.

Злость увеличивалась, и Стас подумал, что ванная для Вероники — не самое удачное место, чтобы ее закрыть на замок. Спальня для гостей подошла бы больше.

Он ни сном ни духом не выдал своих эмоций. Спрашивать напрямую у такой трудной нельзя: придумает отмазку и переведет тему разговора. Или убежит, как всегда. Вместо этого подробно объяснил, почему не может взять ее к себе на тренировку. Очень искренне, между прочим, хотя не все причины предъявил расстроившейся Вероничке.

Нечего парням пялиться. Все они хорошие, но есть среди них и неженатые, мало ли, что предложат. Только ребят с тренировки ему в и так неоднозначных отношениях с Вероникой не доставало.

Пока рассказывал о своей группе, подумал: почему нет? Коньяк, День рождения и хорошо организованное спаивание можно легко заменить. Снять рубашку, чего еще не позволял себе при Веронике после самой первой встречи. А дальше — по ситуации.

И выяснить попутно, что там за страхи.

Но этого не получилось.

До определенного момента все шло предсказуемо. Фишка с болевыми особенно удалась поначалу, а потом вышла боком. Приложив ладонь Вероники к своей обнаженной груди, Стас ощутил, как желание прокатывается по позвоночнику и отдается во всем теле. Штаны сразу стали тесными, и он чуть ухмыльнулся, представив, как себя поведет Вероника, заметив неприлично натянувшиеся на интересном месте джинсы. Но та внимания не обратила. Увы, наивняк еще поискать какой. А может, ее уж очень заняла рукопашка, или то, что тревожило, было предельно серьезным.

Стас оставил вопросы на потом, сосредоточился на объяснениях. И понял, что обманывает самого себя. Игра в обучение дико возбуждала, и становилось чертовски сложно себя контролировать. Тем более он видел реакцию Вероники на него: широко распахнутые глаза, враз покрасневшие щеки, неровное дыхание. Такое же, какое могло быть у Стаса, если бы он не имел большого запаса самообладания, позволяющего как ни в чем не бывало описывать Веронике правила боя.

Рука Вероники скользила по голому торсу, вернее, он сам ее вел, показывая расположение внутренних органов на теле. Ну да, показывал он, конечно. Пользовался моментом и наслаждался скольжением женской ладони по своей коже.

Хотелось большего. Сознание заволокло белой пеленой, и Стас выпустил руку

Вероники. Она быстро отдернула ее, раскрасневшись. Глаза у нее были темными-темными из-за расширившихся зрачков: обычная вазомоторная реакция на возбуждение. Стас не ошибся в определении эмоций противника.

Скулы сводило от желания поцеловать эту наивную нахалку, уложить ее на диван и затрахать до потери сознания. Нельзя так сразу, подожди. Все, что он мог сделать следующим шагом — показать прием с отходом за спину, чтобы в это время мимолетно прикоснуться губами к покрасневшей щечке. Хоть так. Верника замерла на несколько секунд, а дальше, не осознав и не разобравшись, чуть повела плечиком. Уже привыкла к ни к чему не обязывающим прикосновениям? Или для нее все это — мелочи?

Нашел, Стас, кого очаровывать. И зачем она тебе сдалась?

Стас положил ладони немного выше поясницы Вероники, поясняя, где находятся почки. Но тут же убрал руки: касаться ее было нестерпимо возбуждающе. Еще немножко — и Стас бы не смог за себя отвечать, и плевать на его хваленую силу воли. Развернул бы к себе и прижался губами к чуть приоткрытому от усердного запоминания приемов роту.

У него уже порядочно не было женщины. Алиска свалила, знакомиться ни с кем пока не тянуло, а проститутки он особо не жаловал. Пусть лучше любовница, одна-две, не больше, чем ночные бабочки.

Стас немного накосячил с последним приемом: не рассчитал силу броска, слишком много внимания ушло на контроль своих эмоций, делания безразличного лица. Вероника негромко вскрикнула — ее крик ударил по напряженным нервам Стаса — села на ковре и стала растирать правое плечо. Стас опустил на одно колено.

— Что там у тебя? — спросил он Веронику, как спросил бы любого парня с тренировки. И не стал дожидаться ответа, сам оттянул кофту: оценить ущерб. Он осмотрел бы травму любого человечка на рукопашке так же хладнокровно, как и Вероникину, тем более, что сам виноват.

Но Вероника не была мужиком. Вид белой кожи с красными ссадинами, оставленными ударом об пол, чуть не ввел Стаса в кому. Она была так близко. Беззащитная и нежная, ошарашенно смотрящая на него снизу вверх. Стас не удержался: провел пальцами по ее коже. И тут же голубые глазки вспыхнули гневом.

— Ты, ненормальный придурок, не трогай! Сволочь последняя, коз...

Рухнули все границы. Возбуждение было внезапным и острым, будто через Стаса пропустили ток в тысячу вольт. Стас перестал думать о приличиях. В одно мгновение завалил Веронику обратно на пол, завел за голову руки, наносящие бестолковые удары куда попало, и накрыл ее губы жестким, требовательным поцелуем.

Она лишь слабо и протестующе застонала поначалу, попробовала отвернуть лицо, но Стас впился в ее губы еще сильнее, чуть прикусив нижнюю, заставил их разомкнуть и смириться с тем, что его язык проник в рот и начал вести неспешную игру с ее языком.

А потом Вероника прильнула к нему и ответила на поцелуй.

Стас почувствовал, как она выгибается, прижатая к полу его телом, и сам не смог сдержать стон. Не прекращая поцелуя, перехватил оба запястья Вероники одной рукой, привычно скользнул освободившейся под кофточку.

Снять эту тряпку. И все, что есть на ней. И как можно скорее.

Рука Стаса под кофточкой переместилась на застежку бюстгалтера и растянула ее. Стас подсунул руку под бюстгалтер и положил на грудь, почувствовав под ладонью затвердевший, набухший сосок. Теперь он покрывал быстрыми поцелуями шею Вероники,

надолго задержавшись на бешено бьющейся жилке. Вероника тяжело дышала, и Стас чувствовал, как вновь выгибается все ее тело и как проходят волны дрожи по нему.

Она его хотела. Новостью для Стаса это не стало, он знал и раньше. Смешные правильные женщины. Секса у нее, поди, давно не было, намного дольше, чем у него. Бедняжка, и все твои проблемы — от дурной головы. Вбила себе в нее мечту о великой любви, которая обязательно перейдет в брак и союз до гроба. Ничего, лапочка, Стас твои мечты лично скорректирует...

Он перестал удерживать руки Вероники на свой страх и риск, но расчет оказался верным, и Стас хмыкнул про себя: она вовсе не начала вырываться и вновь бить Стаса. Еще бы.

— Стас, что ты де... — прошептала, кусая губы, Вероника.

— Тс-с! Болтаешь много, — Стас подавил улыбку, наклонился, снова поцеловал ее губы. Поддразнивая, почти не касаясь, провел языком по ее распухшему рту.

И в несколько резких движений стянул с Вероники дурацкую кофту и бюстгальтер. Та издала лишь тихий стон, но Стас не стал дожидаться, когда она очнется и начнет обвинять его во всем на свете. Коротко вздохнув при виде упругих полушарий, накрыл губами сосок. Его язык прошелся по ореолу. После Стас снова сжал сосок губами, неторопливо посасывая его. Следом принялся за вторую грудь, кинув быстрый взгляд на лицо Вероники. Она закрыла глаза, сконцентрировавшись на своих ощущениях, выгибаясь под его ласками, прикусывая губы и давясь собственными криками. Стас бы предпочел, чтобы Вероника кричала. Ладно, не все сразу. Она совсем расслабилась, забылась — для первого раза с этой особой вообще шикарно. Закричи она раз, другой, и Стас не сдержался — слупил бы с нее джинсы и без всяких предварительных ласк вогнал бы свой член в ее тело, и все закончилось бы далеко не так нежно и возвышенно, как любят миленькие учительницы. Оправдывайся потом.

Стас переместил одну руку за пояс Вероникиных джинсов, и она замерла на треугольнике, прикрытом маленькими трусиками. Вероника инстинктивно прижала ее обеими руками к своему телу, напуганная резвостью Стаса. Тот вновь поцеловал ее в губы, максимально сладко и успокаивающе. Это отвлекло Веронику, и он смог свободно продолжать исследования.

Она была готова: Стас нащупал сильно увлажненную ткань трусиков. Он потянулся к молнии своих джинсов, глядя другой рукой складочки Вероники через тонкую ткань трусиков и немного надавливая на них пальцами.

Несмотря на плотный туман желания, захватившего Стаса неожиданно сильно, он все же услышал звонок домофона. Сергей Михайлович, обеспокоенный проблемами с сыном, прибыл в рекордно короткие сроки.

Я так никогда не позорилась. За двадцать девять лет своей жизни. Это не много, и, возможно, в будущем меня ждут еще более масштабные позоры, но на сегодня мне точно хватило.

— Поедешь с нами, — безапелляционно приказал Стас. Будто ничего не случилось. И сейчас я пребываю на заднем сидении джипа Стаса, а пожилой мужчина сидит рядом с ним. Они тихо переговариваются, вернее, говорит очень взволнованно только Сергей Михайлович. Стас молчит и изредка кивает.

Именно Сергею Михайловичу я обязана сохранением своего лица и не таким тотальным падением в э-э...как там? Да, вспомнила. В глубины греха. Увлекалась Вероника в свое время протестантскими проповедями улыбчивых пастырей в строгих костюмах, благо на купленной квартире остались некоторые вещи прежних обитателей, и в том числе — диски с проповедями. Каких только выражений там не почерпнула, прежде чем догадалась Библию открыть самолично. После встречи с оригиналом вся западная пропаганда была выброшена за ненадобностью...

Я не вслушиваюсь в сбивчивый рассказ седоватого невысокого мужчины. Щеки пламенеют до сих пор, все тело раздирает возбуждение, не прошедшее через полчаса — именно столько пролетело времени с прерванной звонком тренировки.

А тому, у кого руки в мелких шрамиках лежат на руле, параллельно, по-моему. Спокойненько ушел, как только позвонил приятель.

— Как не вовремя, — с сожалением произнес Стас, когда звонок домофона повторился. Встал, захватил рубашку, небрежно брошенную на кресло и, даже не посмотрев на меня, исчез в коридоре.

Я успела одеться, пригладить волосы. Увидела зеркало на комод, подошла — и отошла от него, не задерживаясь. Рассматривать в нем свои глаза и опухшие от поцелуев губы, которые до этого потрогала пальцем, чтобы уж точно удостовериться, не хотелось.

При знакомстве Сергей Михайлович мне почти не уделил внимания. Сказал только: «Очень приятно, Вероника», и спросил у Стаса: «Я вам не помешал?», вогнав меня в краску в сотый раз за день. «Нет», — равнодушно ответил Стас. На сем знакомство было признано состоявшимся, и на меня больше не глядели.

Я бы незаметненько ушла с удовольствием. Зачем Стас меня тащит куда-то в гости? Но говорить об этом сочла неудобным, потому и еду в неизвестном направлении.

Погруженная в жесточайшее смущение по поводу закончившейся слишком вольно тренировки, краем уха все равно слышу отрывки фраз: «Плечо я ему уже вправил...Лицо опухло...Валя голосит, Стас... поговори с ним, чтобы больше туда и носа...». Стас соглашается со всем сказанным ему Сергеем Михайловичем. И что за семейные неурядицы такие, когда нужно приглашать посторонних?

Серая хрущевка на окраине города. Именно сюда мы держали путь.

Сергей Михайлович и Стас отстегивают ремни безопасности.

— Пойдем, Вероник. Посидишь с Валентиной Ивановной, чайку попьешь. А мы кое-что сделаем, — нейтральный тон Стаса. Рядом в салоне находится Сергей Михайлович, и я не могу сказать ни слова поперек: того чуть не трясет, он волнуется, хочет быстрее выйти из машины. Что бы там ни было, видимо, дело серьезное, и здесь имеется своя Леночка.

Подумав о Лене, высказываю из джипа моментально. Не стоит осложнять другим людям жизнь. А со Стасом мы разберемся позже.

Естественно, Сергей Михайлович, по закону подлости, живет на пятом этаже. Но мужчины бежали по лестнице как на пожар, и я еле за ними поспевала. На пятом дверь открыла полноватенькая женщина лет пятидесяти, с короткими завитыми кудряшками и в стареньком халате. Глаза ее были заплаканы.

— Валь, ты чайку Веронике приготовь, пожалуйста, — попросил Сергей Михайлович вместо приветствия.

Женщина встряхнула головой, соглашаясь, и обратила взгляд на Стаса.

— Стас, пожалуйста, скажи ему... — в голосе женщины явственно слышались плаксивые нотки.

— Конечно, — мы уже находились в квартире. Вкусно пахло пирожками. Самодельный ремонт, похожий на мой, не слишком богатая, но ухоженная и чистенькая квартирка. Какая беда здесь разразилась?

Стас молча отдал свою куртку Валентине Ивановне и, не спрашивая, куда идти, первым распахнул плотно закрытую дверь напротив кухни, зашел в комнату и прикрыл ее за собой.

— Сережа, может, капелек? — Мужчина тяжело осел на табуретку в коридоре. Я продолжала стоять, понимая, что просто лишняя. Женщина засуетилась. Начала оглядываться по сторонам.

— Перестань, Валь, — Сергей Михайлович расшнуровал ботинки и снял свое пальто.

— Пап, Стас приехал? — из соседней комнаты вышел молодой человек лет двадцати пяти в трениках и тельняжке. Увидев меня, смутился.

— Здравствуйте...

— Это девушка Стаса, Вероника. Валя! Повесь ее куртку, — Сергей Михайлович опять заволновался.

— Я возьму, — вызвался паренек и галантно принял куртку из моих рук, вешая на пустой крючок в коридоре.

— Вероника, пойдете, — женщина вытерла глаза и кинула взгляд, полный надежды, на закрытую дверь, в которую недавно зашел Стас, — пойдете со мной...

Мне ничего не оставалось, как пройти за плачущей Валентиной Ивановной на кухню. Там она опять вытерла глаза и поставила чайник на конфорку.

— Дела такие, — сказала тоскливо, — младший сын в драки подался. Вот эти, где Стас участвовал когда-то... А там набирают только дураков, чтобы из них дух выбивать, — слезы потекли из глаз женщины, — придумали же. И все шито-крыто, разумеется. Избили его — ладно не насмерть. Муж сам все швы накладывал, он у меня хирург, — женщина поставила на стол глубокую тарелку с пирожками, — тут с картошкой и яйцом и луком. Вот с вареньем. Вы кушайте, сейчас чайку налью, — Валентина Ивановна засуетилась у плиты, — вот так. Рожаешь-рожаешь, а они, как вырастут, такое тебе сотворят...

— Это... в первый раз? — осторожно осведомилась я, садясь за стол. Ждать разговора со Стасом один на один, который обязательно произойдет, когда отсюда уедем, мне не хочется, но уйти никакой возможности. С участием смотрю на Валентину Ивановну.

— Да. Он же у меня чемпион. По тейквондо. Черный пояс. Но оказалось, кому тейквондо, а кому... — слезы полились из ее глаз. Женщина вытерла их рукавом халата, — натерпелась я с ним. А он — мама, мама! Денег заработаю. Дурак. Вот уже не знаем, что делать. Стаса позвали. Лешка немного тренировался у него. Муж мой у Стаса до сих пор

прыгает, рукопашным на старости лет занимается, мало в юности было самбо, так решил вспомнить молодость. Несколько лет уже ходит к Стасу. И мальчишек растили мужчинами, чтобы с малолетства драться умели. Во как теперь для нас разворачиваются драчки!

Я сочувственно киваю и поддакиваю. Женщина тем временем немного успокаивается.

— Хорошо, Стас приехал. Промоет мозги мальчишке. Мы сколько говорили Лешке, поругались даже — без толку. Упертый. Хочу денег, твердит. А на жизнь и институт плевать... Повезло тебе со Стасом, — со знанием дела заявляет внезапно Валентина Ивановна, — надежный он. Не бросит никогда, всегда поможет и выручит. Но у него не забалуешь, это тоже верно. Хоть бы Лешку уговорил... — женщина вернулась к насущному, а я даже рот открывать не стала, чтобы сказать о том, что никакая я не Стасова девушка. Бесполезно и не нужно.

— Давно познакомилась с ним? — женщине плевать на всякие вмешательства в чужие дела, из чего я решила, что эта семья знает Стаса давно и он им очень близок. И позавидовала Стасу: как же здорово! Ведешь тренировку, и люди постепенно тебя воспринимают как друга, родного человека, приглашают в гости... Не один у него такой друг имеется, скорее всего. А я? Столько лет проработав в школе, не обрела много знакомых. Дети приходят и уходят, благодарят на прощанье, иногда навещают в школу, рассказывают о своих успехах, но на деле — одна. Совсем, совсем одна, только Роза Андреевна, да Юлька в приятельницах. Впрочем, что я жалуясь? В школе — совершенно другое. Отдаешь море энергии, и все равно этого мало...

— Не так чтобы давно, — даю ответ ни о чем. Распространяться более не намерена.

— У него и семья хорошая, — ни к месту говорит Валентина Ивановна, и тут же промокает глаза. Я понимаю, что, отвлекаясь на разговоры о Стасе, она пытается забыть о своей проблеме, да это плохо выходит. Ничего, сейчас помогу, и переведу тему разговора.

— А парень в тельняшке — ваш старший? — произношу аккуратно.

— Егор- то? Да. Тоже боец. Только с мозгами у него все в порядке. А Лешка...

Ну вот, опять к своей боли. Видимо, лучше говорить все-таки о Стасе — других безопасных тем не намечается. Или о кулинарии — пирожки, наверное, очень вкусные.

А мне пришла в голову новая идея. Потому что, если Валентине Ивановне не давал покоя ее насущный вопрос, то и мне не давал мой. Где взять защитника, черт побери? К Стасу я ни-ни.

Как долго я не встречалась ни с кем, погрузившись в работу, подработки, танцы и прочее? После развода и смерти ребенка год была в депрессии. Потом попыталась ходить на свидание, виделась с мужчиной, который был старше меня на десять лет — давнишним знакомым. Его я знала со времен институтских походов и считала своим другом. После полугода отношений любви не получилось, а дружба распалась. Дальше — несколько встреч с неплохим кандидатом, но после первого секса я поняла, что это — не мое. И — белое пятно. На этом мой послужной список заканчивается, если иметь в виду, что замуж я выходила девочкой.

А теперь со Стасом — не знаю, что происходит у нас с ним.

Стараюсь о произошедшем не думать. Как очень мудро написала Маргарет Митчелл, вложив великие слова в уста своей героини Скарлет: «Я подумаю об этом завтра».

Вот и будем завтра размышлять. Остынем немножко, повздыхаем в подушку — плакать по этому поводу смешно, честно. Что, прекрасная полумойка? Обратил на тебя принц внимание? Суровый викинг не пропустил и вашу юбку?

Скарлет, конечно, сказала убедительно, но я все равно возвращаюсь мыслями к тому, что произошло в гостиной. Хотя, положив руку на сердце, чего уж случилось необычного?

И не было ничего такого, о чем бы ты, Вероника, не мечтала долгими осенними вечерами, думая о Стасе. А еще летними, зимними и весенними. Помнишь, когда два года назад он кивал тебе и чуть улыбался, а ты поначалу так надеялась на серьезное знакомство?

Вечно все не так, как хочется.

Но ведь кое-что получилось!

А теперь стоит позаботиться о спасительной идее, ибо если я не найду выхода, говорить о развитиях отношений со Стасом не придется, и о благоприятном прогнозе по поводу жизни и здоровья — тоже. Я помню о Лениных друзьях.

— А Егор кем у вас работает? — интересуюсь я, чувствуя, что нащупала золотую жилу.

— Охранником. После армии устроился. Также ничего хорошего, конечно, но хоть ни на какие бои не рвется. А Лешку мы в медицинский отдали, по стопам отца и деда пойдет, думали, а он артачится...

— Что охраняет? — говорю небрежно.

— Сейчас отдыхает он. Месяц, мне с ремонтом поможет...

Джекпот!

— А он...подроботать немного не хочет? — продолжаю невзначай, — мне бы надо кого-нибудь, кто...ну, смог помочь...

— Так а Стас что? — округляет глаза Валентина Ивановна, — Стасу своему скажи! Он сильно занят?

Блин. А я и забыла, что Стас стал моим.

Ну почему, когда нужно просить тонко и незаметно, я почти всегда лажаю? Пора у Нины Петровны мастер-класс брать на тему: «Как заставить людей дать нужную тебе информацию и не вызвать никаких подозрений?». Или: «Как сделать так, чтобы люди делали то, что хочешь ты, и лишних вопросов не задавали?» Здесь нужна рука великого сенсея, коим она и является.

— Занят, — утвердительно киваю я.

— Ясно, — ответ устраивает Валентину Ивановну. Хвала всем Богам, которых знаю, — а что нужно делать? Егор без денег сделает все, что надо. Даже не переживай.

— Нет, без денег — нельзя. Вы мне телефон его дайте, а я на днях созвонюсь с ним, скажу. Нужно будет просто составить мне компанию иногда. Чтобы я не была одна. Ничего криминального...

Женщина мгновение смотрит на меня недоверчивым пронизывающим взглядом, но потом, вспомнив, что я все-таки являюсь девушкой Стаса, соглашается:

— Ручку пойду возьму. А может, мне Егора сейчас позвать? И объяснила ему бы все...

— Нет, — активно мотаю головой я, — не к спеху. Может, Стас освободится, и мне сопровождение не понадобится, — излучаю дежурную улыбку. Упоминание о Стасе полностью снимает все сомнения Валентины Ивановны.

— Пойду запишу телефон. Бумагу найду...

Договариваться с Егором на кухне, вот-вот ожидая появления Стаса. По голове мне Стас сегодня ударов не наносил, соображаю, что этого делать нельзя.

Однако, пора депортироваться. Может, под шумок вызвать такси?

Валентина Ивановна возвращается, держа в руке огрызок газетки.

— Написал Егор, берите.

— Валентина Ивановна, я понимаю вас, но... долго Стас будет с Лешей разговаривать? Я учителем в школе работаю, тетрадки проверить бы, к урокам подготовиться... — лгу очень искренне. А дальше наношу удар, достойный Нины Петровны:

— Не хочу Стаса отвлекать. Пускай разговаривает с вашим сыном сколько нужно, я все понимаю... Такси вызову? Пусть даже Стас хоть на всю ночь остается у вас, — добавляю щедро. Я же девушка Стаса, мне можно употреблять подобные выражения.

Женщина сначала нахмурилась: я могла помешать последней надежде обеспокоенной семьи, но мой широкий жест оценила с лихвой. Улыбнулась, закивала.

— Да вы учительница! Как хорошо Стасу! Наконец достойную женщину нашел. Мать его приезжала, все жаловалась мне, что сыночек неженатый. Мы с ней на даче Стаса были, там у него коттедж, бассейн даже есть, он вас возил туда?

— Я наслышана о даче.

— Летом мы там шашлыки жарили, мой, еще мужики. И мать Стаса приезжала, жила несколько дней...

— Я вызываю?

— Да! Егор бы вас отвез, но у него машина сломалась, а Лешка... Ай, Лешка! — гримасу страдания на лице Валентины Ивановны.

— Тогда звоню.

— Чай-то пить...

— Как раз пока ждать такси буду — выпью. Спасибо, — и после звонка я мужественно беру в руки пирожок.

Описывать, как я сидела на иголках, переживая, что в любую минуту дверь комнаты, в которой Стас разговаривает с непокорным сыном, откроется, и Стас выйдет оттуда, не буду. И как вздохнула с облегчением, когда выскочила из подъезда пятиэтажки и села в серебристую хендай, тоже.

Все замечательно. Правда. Все просто замечательно! Любая плохая ситуация имеет свои плюсы. Любая! Да, со Стасом получилось не очень, но если бы Стас меня не привез сюда, я бы не узнала номер Егора...

Вероника, ты и-ди-от-ка! Почему не предупредила Валентину Ивановну, чтобы она ничего не говорила Стасу о твоей просьбе?

Кажется, на тебя этот закон о нахождении хорошего в плохом не действует.

Невозмутимо слушая Валентину Ивановну и попивая чай с пирожками, Стас ржал про себя. Смотри, какая изворотливая! Разведчица недоделанная. Обратила заблуждение Валентины Ивановны в свою пользу и благополучно смоталась. Красава!

Сейчас, смоталась она. Никуда не денется. Стас знал, что точно доведет то, что сорвалось сегодня, до логического конца, сколько бы усилий ни потребовалось.

Потому что дело того стоило.

Причины собственной упертости были прозрачны и ясны для него самого не полностью. Что-то беспокоило, и это что-то было явно чуждым Стасу.

Отношения с Вероникой отличались от всех предыдущих. Так долго он еще ни одну бабу не уламывал на секс. Или — нет. Так долго никакая ему не отказывала. Конечно, он в лоб не предлагал и вроде бы не собирался ничего делать, а Вероничка, по наивности, мало о чем догадывалась. И эта горе-разведчица не знала, что с некоторого времени каждую встречу с ней он ждал слишком уж радостно...

Может, сказать прямым текстом?

Да чего уж прямее, кажется, чем замечательно закончившаяся тренировка. Нет, убежала, а можно было и продолжить, кстати...

Вероника откажет ему — Стас был уверен. А дальше последует красивая история про любовь, замужество и семью. Мы же маленькие, но гордые и правильные улитки...

Поменьше бы со своей правильностью носилась, тогда...

Э-э, нет. Пускай носится на здоровье. Только его пусть исключит из запрещенного списка, а со всеми остальными — пожалуйста, сколько угодно!

Ну, Стас немножко подождет, чтобы Вероника привыкла к мысли, что со Стасом она будет спать, и никак иначе. Не очень долго подождет. Кроме того, остается бутылочка коньяка на а-ля День рождения, которая поможет Веронике расслабиться и сто процентов поможет в первый раз.

На ковре получился даже без алкоголя фейерверк. Стас тогда еле-еле оторвался от нее, услышав звонок Сергея Михайловича. Проклял мысленно все на свете, из последних сил сдержался, чтобы не выругаться. Но Сергею Михайловичу он был обязан многим, и не открыть ему в такой ситуации...

А с Вероникой они еще встретятся. Вот коза...

Совсем офонарел ты, Стас. Просто — тихая печаль. Зачем тебе она сперлась?

Пойди к Тузу на тусовку, когда он много баб привозит в свой шикарный коттедж с бассейном прямо на первом этаже. К нему на выходные собираются модельки и празднующие бабы, чуть лучше-хуже характером, чем Алиска. Есть и похожие чем-то на Веронику. Эти не такие красивые обычно, но душевные.

А от этой толку никакого, пусть мотает к мормону...

Боль растеклась где-то внутри, будто Стас попытался вырвать себе какой-нибудь внутренний орган. Только она.

Твою мать! Привязался, б...ть. И не хило привязался. Без вариантов. Все эти шашки-шахматы, всякие ее дурацкие знакомые, что почище врагов, вкусные пироги, которые она таскает в последнее время... Счастливые и радостные взгляды, когда она рассказывает о Жужике и школьниках, трогательные розовые выражения о жизни, от которых кое-что повидавшего в жизни Стаса иногда передергивало. И правда о своих потерях, рассказанная странно — беззлобно и без надрыва. Потеряла-то немало.

Стас уважал сильных людей.

Командир бы от такой был без ума. Пуля поворчал для вида, что не очень хороша и сексуальна, но потом бы зауважал. А сам Стас пока не решил, как к такой относиться.

Надо рвать сейчас. Сегодня. Но Стас прекрасно отдавал себе отчет в том, что этого не сделает.

Хотя бы потому, что у училки опять проблемы. Такая маленькая и незаметная, а сколько шуму вокруг!

Валентина Ивановна его подробненько расспросила, что там за дела будут у Вероники с Егором, а Стас уверил ее, что никаких дел не планируется. Он, Стас, свободен, и все возьмет на себя.

Валентина Ивановна дальше произнесла торжественную речь, мол, какой Стас настоящий мужчина, тем более что переговоры с Лехой, затянувшиеся на час с лишним, у него удались на славу.

А Стас посмеивался про себя.

Вероничка, Стасик для тебя свободен. Целиком и полностью. И скоро ты узнаешь, детка, все грани этой свободы.

Завтра с утра Стас незаметно понаблюдает за тобой, когда ты гуляешь с Жужиком, и проводит до школы. В обед — случайно будет ждать у школы.

А дальше ты получишь от Стаса по первое число, дорогая...

— Вероника Васильевна, я принесла сочинение по «Преступлению и наказанию», — Лена Савальцева замерла у моего стола. Светлая блузка, темные жилетка и брюки. Кроме туши и немного румян, косметики на лице Лены нет. В школе она красится скромнее, чем некоторые активистки-отличницы. Задаю себе вопрос снова и снова: мне все привидилось там, на дороге?

Выдает Лену только лицо, тревожное и замкнутое. Вероника, ты не ошиблась, и ничего не закончилось. Увы!

— Давай его сюда, — и двойной листок переключивается в мои руки. Бросаю мимолетный взгляд на написанное. «Основной идеей психологического романа „Преступление и наказание“ является...». Хоть бы немножко переделала, а не бездумно списывала с интернета.

— Завтра проверю, — моя доброжелательная улыбка в комплекте.

Лена не уходит.

— Вероника Васильевна, вы... никому не сказали?

В классе не осталось никого: лишь у входа стоит Максим, ожидающий Лену. Но девочка говорит почти шепотом, так что он не услышит.

Смотрю совершенно бесстрастно в нервное Анино лицо. А не решается ли в этот момент моя жизнь?

— Мы же договорились с тобой, правда? — мой ответ столь же доброжелателен, что и прошлая улыбка. А дальше я использую заимствованный у Нины Петровны прием, а именно: говорю с нужной долей пафоса:

— Я знаю: если ты мне обещала, значит, сделала. Не может быть такого, чтобы ты обещала — и не исполнила свое слово. Так что можешь не волноваться. Я очень рада, что проблема решена!

Если сказать просто так — никто тебе не поверит. Нужна волшебная интонация Нины Петровны и предельная искренность — как внутри, так и снаружи. Вредная бабка всегда верит в то, что она говорит. Верит именно в эту минуту.

Я хорошо выучила в свое время подобную интонацию, и убедить Лену мне удастся.

— Да... Я — все.

— Не сомневалась.

— Точно все.

Вранье, вранье... И еще — это чужая жизнь. Проглотим все, проглотим...

Я улыбаюсь снова и смотрю на Лену спокойный открытым взглядом.

Главное, чтобы чужая жизнь не прервала и не искорежила твою.

— И поэтому, Вероника, советую тебе не доверять артистизму Лены.

Роза Андреевна и я неспешно идем к моему дому.

Ноябрь заканчивается, и вчера выпала мелкая-мелкая крупка снега, но о первом его явлении говорить пока рановато: белизна сразу же растаяла, смешавшись с грязью.

Я иду, низко опустив голову, и мне сейчас не до Лены и мудрых слов Розы Андреевны. Как я поняла, у нас наступило хрупкое перемирие с Леной, а загадывать на будущее не имеет смысла.

Теперь я могу думать только об одном человеке. На переменах между уроками, да и на самих уроках, когда я давала время для самостоятельной работы пятиклассникам, я всякий раз вспоминала вчерашний вечер и урок в плетеной гостиной Стаса, но особенно — забываемые несколько минут на полу.

Именно забываемые. Наверное, я ждала этого слишком долго, и уже давно утратила надежду на что-либо подобное, и вдруг получила желаемое по воле и вовсе непредвиденного случая, но разве я когда-нибудь пожалуюсь?

Все понимаю, Отче. Стас — не тот человек, который нужен мне. Я мечтаю о дружной семье, о человеке, который примет меня такой, какая я есть, и не позволит себе грубого обидного слова.

Стас был всегда лишь далекой мечтой, прекрасной оттого, что она далека. При приближении к ней колдовство рассеивается, и...

Как говорится, никогда не подходите близко к своей недостижимой мечте во избежание разочарования!

Но он мне все равно продолжает нравиться. Странно, правда?

Разочек. Всего лишь разочек. Чтобы через много-много лет могла подумать: у меня это было, и я могу вспомнить...

Я сейчас похожа на маленького ребенка, который ходит вокруг чужого торта. Ему категорически запретили его есть взрослые: он вреден для малыша. Мало того, торт предназначается не ребенку, а отойдет кому-то дорогим призом. И малыш все же умудрился откусить от него в незаметном местечке крошечный кусочек...

Но может быть и другой исход. Можно полностью погрузиться в торт лицом, облизывая пальцы и свое довольное личико. Или отламывать от торта большие кусищи, и с наслаждением засовывать их в рот, или отломить совсем чуть-чуть, самую малость. Но финал будет в любом случае предсказуем и трагичен.

Посему воздержимся.

— Вероника, ты слушаешь меня? — я поднимаю глаза от земли:

— Да, Роза Андреевна.

— А это не знакомый твой молодой человек идет нам навстречу? Ну тот, который...

И это тоже было предсказуемо. Я глубоко вздыхаю от неожиданности и непонятной радости: к нам, поднявшись со скамейки около моего дома, направляется Стас. Сегодня довольно холодно, но он, как всегда, без шапки и в расстегнутой куртке. Видный высокий мужчина с холодным волевым лицом, запрещенный торт всех идиоток вроде меня.

Человек, способный убить все твои надежды коротким равнодушным словом. И подаривший мне самые замечательные мгновения в жизни.

Успокойтесь, Золушка. Не впадайте в экстаз. Вы для Стаса то же, что и все его остальные женщины, если не меньше, и относится он к вам соответствующе — свободно и непринужденно. И если для тебя, Вероника, секс — слияние душ и максимально возможная открытость, то для него — всего лишь шанс хорошо потрахаться. А вы тут фантазируете себе... вот незадача.

— Нам нужно к этому молодому человеку подходить? — поправляя очки, спрашивает Роза Андреевна. Дружелюбнейшее выражение лица Стаса и приветственный взмах руки

динозавра школьных интриг обмануть не сумели. «Нужно обойти», — готовлюсь сказать я, но выпаливаю другое:

— А почему нам не нужно подходить?

И на что я надеюсь, объясните мне кто-нибудь.

Еще разочек. От одного раза плохо никому не будет, правильно? И один раз ни к чему не обязывает, да? Я не смогу влюбиться настолько, что будет очень больно, когда увижу Стаса и Алису вновь где-нибудь в кафе. И ревность не смутит моей души, как не смутят ее и лучики надежды.

А пока мы подходим все ближе, и Стас идет к нам с Розой Андреевной навстречу.

— Здравствуйте, — он собран и очень корректен.

— И вам здравствуйте, — говорит Роза Андреевна тоном, в котором легко слышится недоверие. «Не пытайся мне запудрить мозги, мальчик. Вижу тебя насквозь».

— Мы пойдем, Роза Андреевна, — говорю примирительно. Не хватало мне только здесь баталии Розы Андреевны.

— Ну-ну, — отвечает моя зоркая компаньонка, — завтра к восьми, Вероника, не забудь. Твой класс дежурит.

— Это в субботу к восьми? — спрашивает Стас, и Роза Андреевна смеривает его пронзительным взглядом:

— А мы, молодой человек, бюджетники. Во сколько скажут, во столько приходим.

Счастливо, Вероника.

— Счастливо. До завтра!

— Серьезно все у вас, — это Стас говорит, смотря вслед удаляющейся Розе Андреевне. Я осталась со Стасом один на один.

— Ничего сказать мне не хочешь, дорогая? — Стас берет меня за руку и сжимает мою ладонь мертвой хваткой. Да не убегу я никуда, Стас. Не набегаясь от вас.

— Например? — осведомляюсь вежливо. Не собираюсь ни за что краснеть, и Стасу меня не смутить.

— Например, сказать можно было так: «Стас, мы с тобой не закончили урок, нас прервали, а мне так понравилось, спасибо. Давай повторим...»

Мне становится жарко.

— Э-э...я бы не стала такого говорить.

— Конечно, не стала. Поэтому приходится все озвучивать мне. Но об этом попозже. Пока интересно другое.

— И что?

Теплая сильная ладонь Стаса крепко держит мою замерзшую ладошку.

— Пойдем, здесь холодно, ты совсем ледяная. Сегодня сама приглашаешь в гости. Зачем морозить задницы?

— А если не приглашаю? — пишу я.

— Такой ответ даже не рассматривается, товарищ курсант, — Стас забирает из моей руки сумки и смотрит весело мне в глаза:

— Ты все еще желаешь увидеть грубого Стаса в действии? Брось. Решим все миром — и разойдемся.

— Не знаю, о чем нам говорить, но если надо, то приглашу, — пожимаю плечами я. Так ему и поверила, но вряд ли у меня есть иной выход.

Заходим в мой обшарпанный подъезд — да, картин маслом здесь не держим — и

поднимаемся на второй этаж. Вставляю негнушимися пальцами ключ в замок, и из-за двери начинает радостно погавкивать Жужик.

— Мне с собакой еще погулять...

— Позже. Успеешь.

Обреченно открываю вторую дверь — в квартиру. Но Стас не проходит туда: он останавливается у первой общей двери и с интересом рассматривает самодельную щеколду.

— Забавное приспособление, — бросает Стас. Открывает и закрывает щеколду, а после окидывает общую прихожую прищуренным взглядом.

— Ладно, понятно, пошли, — изрекает чуть позже и уверенно переступает порог моей квартиры.

Стас прекомфортно расположился у меня на кухне, будто сто лет здесь ошивался. Жужик сидит на почтительном расстоянии от Стаса, прямым под стулом. Гавкать при его появлении не стал, вольностей себе не позволил, подошел, аккуратно обнюхал и лег под стул, стоящий около двери. Не все покупается консервами, видно.

А я, совершенно смущенная, завариваю чай. Смущаюсь еще потому, что у меня на кухне не очень убрано: и пыль кое-где не вытерта, и тарелки в раковине имеются. Когда живешь одна, не ждешь никого в гости, автоматически расслабляешься. А если еще много работаешь и часто засыпаешь над тетрадками, или, прибежав с аэробики, вдруг вспоминаешь, что неделю как лежат непроверенными небольшие самостоятельные, думаю, непротертые полы — не самое страшное в жизни.

А еще я пытаюсь оттянуть неприятный для меня разговор.

— Могу угостить супом и гуляшом...

— Да сядь уже! — рывкает Стас, и я послушно приседаю на подвернувшуюся табуретку. Под стулом крошечное движение: это шелохнулся Жужик. Но ни звонкого лая на обидчика хозяйки, ни даже тихого предупреждающего рычания от него не слышно. Трусишка-Жужа побаивается Стаса.

— Не надо так кричать, — комментирую этот грозный рык.

— Ты у меня уже в глазах примелькалась. Хватит бегать, что как маленькая? Говори, задолбала пробежками от плиты до стола и обратно.

— Что тебе сказать?

— Ответил бы я...

— Обойдусь.

— Вероника, что за договоры с Егором? Зачем он тебе? Ясно, четко, коротко, — пристальный взгляд Стаса, и мурашки бегут по коже. Но уж лучше пусть про Егора, чем разговоры о том, что произошло в его гостиной.

— А-а, это... Я все уладила, мне уже не нужно...

— Вероника, твою маму! Не надо со мной в партизана играть. Тебе кто-то угрожает?

— Ну... угрожал, — чего молчать? Тем более, что пока вопрос решился. Тоненький волосок удерживает ситуацию от падения в пропасть, но мне пока и этого довольно, — но сейчас уже нет.

— Ты детям тоже в школе так объясняешь, да? Я ни фиги не понял. Нормально скажи: кто, когда...

— Лена. Вернее... Стас, ничего особенно страшного. Мне одна девочка в школе сказала о разговоре Лены с какими-то накачанными парнями. Она вроде как просила со мной что-то сделать, потому пришлось некоторые меры безопасности...э-э...придумать. Но сегодня мы с ней поговорили, и я поняла, что пока, скорее всего, ничего не намечается...

— Твою... Тебя точно надо в ванной закрыть.

— Какой еще ванной?

— Никакой. Собирай манатки, поживешь пока у меня. Не впечатляют твои слова вообще никак.

— Стас, все хорошо! — восклицаю я, сама в это мало веря.

Не хочу просить у него помощи. Чем ближе к человеку, тем больше расставание после.

Ненужные мечты, призрачные иллюзии. Он всего лишь в который раз хочет помочь, но чем для меня обернется такая помощь? Пора уже быть большой девочкой и самой справляться с проблемами. Да, страшно. Да, опасно. Но я справлюсь...

— Ты точно с прибабахом. Лечиться от этого не пробовала? Ей говорят: собирайся, поехали, а она раздумывает. Сейчас вырублю и просто вынесу тебя отсюда, и пикнуть не сможешь...

Прячу смущенную улыбку, но на душе как-то беспокойно. Этот вырубит — бровью не поведет. У него и ножик имеется при себе сейчас — теперь точно знаю. Только где? По одежде не видно, а может, это я не умею смотреть правильно. Но переезжать к Стасу и иметь с ним хоть какие-то отношения, кроме чисто приятельских, не входит в мои планы. Мы все для себя уже поняли еще пять лет назад, и на одни и те же грабли я не наступаю дважды.

— Стас, переезд — не выход для меня, иначе я давно уже переехала. Но тогда они поймут, что я знаю. И подставлю девочку, которая мне это сказала, как ты понять не можешь? Ей всего пятнадцать, этой девочке. Пятнадцать! Конечно, может, Аня раздула из мухи слона, но подстраховаться никогда не помешает, но так сильно страховаться — в смысле, переезжать — я не готова.

— Е...ть... Ох, ушибленная на всю головушку... Почему сразу не пришла и не сказала? Приемы показать просила, ну-ну. Спасут тебя приемы, как же, поглядела и забыла. А девочку свою защищать тоже ты будешь, а? Ладно, девчонку ты не выдала, мож, до нее и не доберутся. А сама че? Задвижечка на двери хреновенькая, я тебе так скажу.

— Ну я же... вот Егора нашла, чтобы, если что...

— То есть ты думаешь, что Егор дерется лучше, чем я, учивший его несколько лет? — взглядом Стаса только гвозди забивать.

— Нет, Стас, нет, — испуганно бормочу я. Кажется, сам воздух в моей кухне начинает давить, становится плотным и тягучим. Обманчиво свободная и расслабленная поза Стаса на стуле ввела бы в заблуждение кого угодно. Сейчас время для того, чтобы убежать и спрятаться. Одно его движение, и я свалюсь, бездыханная, на пол. Я даже не замечу удара, а если и замечу, не смогу отреагировать. Остается держать приличную дистанцию и демонстрировать спокойствие и невозмутимость.

— Понимаешь, я... такой человек, который не привык ни у кого просить помощи. Не хочу навязываться и навязывать свои проблемы другим.

— У тебя серьезная проблема, которую надо срочно решить. Сечешь разницу?

— Не такая уж и серьезная.

— Лапочка, да ты оптимистка хренова, как я смотрю... — Стас тоже невозмутим и спокоен. Как бы.

— Я отсюда никуда не уеду, — говорю тихо, но с нажимом. Расставим все на свои места, пусть не лезет не в свое дело. Стас мне даже не друг. А кто он мне? Не знаю кто.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга, но я не отвожу взгляд и не сдаюсь, хотя от серых глаз веет могильным холодом. Но я знаю, за что стою, и помню, как выла здесь, в четырех стенах, скорчившись на холодном полу, в окружении огромных сумок с вещами и как попало расставленной мебели. Нельзя сильно привязываться ни к чему, ведь как легко все можно потерять...

— А что за парни? — внезапно спрашивает Стас. Первый тайм за мной, наверно.

— Какие-то накачаные. На пежо, что ли. Татуированные. Больше мне ничего про них

неизвестно.

— Знакомые твоей шалавы?

— Да. Знакомые, — морщусь от бранного слова, но не спорю.

— Та-ак... Это когда случилось все?

— До твоего отъезда еще, — теперь я дышу осознанно. Вдох-выдох, не нервничай, Вероника.

— Ты дура ненормальная! — вздрагиваю от резких слов, сказанных тихо-тихо. Давно мне так страшно не было.

Хотя что он мне может сделать? Почему мне страшно?

— Спасибо. Всегда знала, как ты ко мне относишься.

— Нормально к тебе отношусь, вон, бегаю тут с тобой, как с торбой писаной.

— Не надо бегать, я не просила!

— Ой, молчи уже, — Стас проводит ладонями по лицу, потом замирает на несколько мгновений. Начинает оглядываться, встает из-за стола и подходит к окну. Тихонько насвистывая, что-то рассматривает, приближает лицо к стеклу...

— Зачем? — испуганно спрашиваю я.

— За надом, — отрезает Стас. Осмотр, видно, его в основном радует, только на березу он смотрит недовольно.

— Не, не выйдет, — это Стас уже говорит сам себе через минуту, и вновь садится на стул:

— А за это время ничего не происходило?

— Нет, — мотаю головой я, — совсем нет, Стас.

— Значит, из школы тебя провожает эта бабулька в очках. Очень достойная охрана, Вероник. С Жужиком ты с кем гуляешь?

— Одна. Но я не уйду далеко и всегда слежу за подъездом.

— Так. Дальше.

— На аэробiku езжу с подругой на машине, а больше я никуда не хожу особо.

— А ты не думала о том, что можешь подвергнуть опасности других людей?

— Думаю, — опускаю голову и говорю еле слышно, — всегда думала. Поэтому и хотела... за деньги нанять человека. Не хочу никого подставлять под удар. И тебя тоже.

— Но их ты подставляешь, — Стас ко мне безжалостен.

— Только Розу Андреевну. Я честно, Стас, пыталась отговорить ее. Оказалось — невозможно. Она мне такой скандал устроила, — смотрю на Стаса глаза, блестящими от слез. Стас приподнимает брови: мои готовые заплакать очи красоты мне не прибавили, а ему — новая проблема. Теперь еще я реветь буду. Поспешно вытираю глаза. Стас продолжает разглядывать мое лицо.

— Я тоже предлагаю тебе свою помощь. Переезжай ко мне, буду забирать из школы, провожать куда надо. Надеюсь, борзеть не будешь, с утра до ночи бегать за тобой не успею, своих дел много, но если куда нужно — отвезу, привезу там...

— Нет, Стас, спасибо тебе большое, ты столько для меня сделал... Но — нет.

— Опять я недогадливый. Почему бабке можно, а мне — нельзя?

— Розу Андреевну я знаю очень давно, она мне как родственница, что ли. И я не смогла ее отговорить. А ты... У тебя свои дела, девушки, своя жизнь. Мы с тобой приятели, не больше, мое присутствие изменит твой привычный образ жизни и налаженный быт...

— Переехала — могла бы познакомиться со мной поближе, — подмигивает мне Стас,

даже не слушая мои тонкие психологические отговорки, — говоришь, что мы приятели? Могли бы не только...

— Стас, у нас с тобой нет и не может быть никаких отношений! А то, что было, это мелочь и недоразумение.

— Недоразумение, — усмехается недобро Стас, — блин, а я так долго слово подбирал! Точно, недоразумение. До ума нужно было все довести тогда.

— Хватит свои шутки отпускать.

— Все не шутки, дорогая. Это ты у нас большая шутница, а я больше по делу. Переезжай ко мне, и часть твоих проблем решена. Собаку, так и быть, бери с собой. Я не в восторге, но место ей найду.

— И что же я буду делать у тебя, кроме того, что в знак благодарности мыть полы и посуду? — интересуюсь тут же. Стас прищуривается и хитро улыбается:

— Допустим, можно без полов обойтись, и для посуды у меня есть посудомоечная машина, сама же видела. Найдем занятие получше, не сомневайся.

— Баб твоих гонять не собираюсь, да и мое присутствие вам помешает, — заявляю как можно равнодушнее, но энтузиазм Стаса не покидает:

— Вот за них вообще не беспокойся. Иди ко мне. Доведем прошлое недоразумение до конца. Потом соберешь вещи и переедешь, а дальше за твою девочку возьмусь я.

А ведь можно было бы согласиться. Задержав дыхание, шагнуть к протянутым рукам Стаса, и невозможное стало бы возможным. Пресловутый один разочек мог бы превратиться во много раз. Как же, должно быть, здорово чувствовать рядом его сильное тело, засыпать вместе с ним. Может быть, я сумею немного изменить его мнение по отношению к себе, и стану на некоторое время очень близким ему человеком...

Даже закусываю губу от желания сделать шаг к стулу, на котором сидит Стас.

Прекрасно, Вероника. Ты переедешь к нему домой, он тебя поселит в той светлой комнате с огромной кроватью, где точно спал со всеми своими бабами и где даже, скорее всего, витает еще аромат Алисиных духов. Класс! Ну, поживешь ты рядом с ним. А дальше-то что?

— Это очень щедрый жест, — медленно говорю я, — но я от него, пожалуй, откажусь. Стас, ты — другой, — невозможно подобрать сейчас правильные слова, да я их и не ищу, — трудно объяснить. Просто нам с тобой не по пути. У тебя шикарные бабы, красивая жизнь... не смотри насмешливо, я отдаю себе отчет в том, что говорю. Сама так жила. Для тебя важно не то, что для меня теперь. Серьезные отношения, дети, семья — для тебя сейчас это пустой звук. Поддержка, понимание, взаимопомощь и, не побоюсь этого слова, любовь... Нет, не умею подбирать слова, когда говорю важные вещи.

— Ничего. Я понимающий. Короче: сначала женись, а потом спать со мной ложись. Это сказать хотела?

— Ну тебя, массовик-затейник, — фыркаю я. Он не услышал самого главного, пропустил все мимо ушей. А могло быть как-то по-другому? Не готовилась я с речью, и если подготовилась бы — все без толку. Это не мой человек, это чужой приз.

— А Вероничка не думала, что серьезные отношения не возникают на пустом месте? Или мормон заочно уже замуж звал?

— Нет. Пока не звал, — пора заваривать чай и говорить о чем-то постороннем. Я свой выбор уже сделала: никаких переездов и близких знакомств со Стасом.

— Правильная Вероника, что же мне с тобой делать? — цокает языком Стас,

поднимаясь со стула, — Может, бросишь свою правильность, детка? Что тут такого — немножко пожить у меня?

— Я же не просто у тебя жить буду.

— Конечно. Спать со мной будешь. По-моему, ты была в тот раз очень даже за.

— Сядь, Стас, — зло бросаю я, — надоели твои насмешки, знаешь?

— Сижусь-сижусь, дорогая, — Стас опускается на стул, — так в чем суть-то? Я вроде и нестрашный, и знаешь ты меня прилично, и столько вместе пережили. Да и вроде бы я нравлюсь тебе, дорогая. Что мешает еще более близким отношениям?

— Все мне позволительно, но не все полезно.

— Это кто сказал? Вроде у Бродского такого не читывал, — Стас в недоумении.

— А ты книжку раздобыл, что ли? Это не Бродский. Это из Нового Завета...

— Ой, бл...дь. Говорю с бабой о сексе, а она Библию цитирует. А я еще ее слушаю. Капец. Дожил, — сокрушенно качает головой Стас и глубоко вздыхает, — в общем, понятно. Значит, вообще никак с этим, да? Ну хоть просто поживи. Обещаю: приставать не буду. Вероника, дело серьезное, дорогая, пойми. Это не школа твоя, это большие дядьки, которые могут быть с тобой ох как непочтительны. Я не смогу помочь, если буду не рядом. Конечно, могу у тебя ночевать, но здесь места маловато как-то. И ты такая вредная, что, скорее всего, постелешь мне рядом с Тузиком.

— Жужик со мною на кровати спит.

— Ни хрена себе. Хорошо устроилась, псина! — Стас нагибается и смотрит на Жужика, замершего напротив под стулом. Пес издает слабое рычание.

— Ага, я тоже так считаю. Слышь, махнемся местами не глядя?

Снова слабое рычание.

— Прекрати дразнить собаку, Стас! — незаметно для себя превращаюсь в строгую учительницу. Стас хмыкает:

— Жужик твой согласен.

— Его хозяйка не согласна. Больше не говорим о Лене, хорошо? Все будет нормально.

— Давно я тебе страшных историй не рассказывал. Знаю их немало. Что, опять начнем?

— Не стоит. Прекрасно помню.

— Налей тогда чаю, что ли. Вас, баб, не переспоришь, — Стас в печали ерошит волосы, — ну хоть завтра ко мне на День рождения придешь, Вероничка? Часиков в семь?

— А кто будет там у тебя? — спрашиваю осторожно. Конечно, я еще давно обещала Стасу, что приду, но уточнить стоит.

— Ты да я. Да мы с тобой. Шахматные партии — обязательно. Никаких шашек, мадам. Не хотите секса, как хотите. Мое дело предложить. Но о моей квартире еще подумай. И звони в любое время, как станет страшно. Я серьезно. И никаких Егоров, слышала меня? Если еще уроки нужны по рукопашке или помощь, только свистни.

— Э-э, нет. Все, благодарствую. Потренировались — и хватит.

— Как знаешь, — и мы достаточно спокойно общаемся дальше. Стас все-таки припугивает меня парочкой историй из своего прошлого, но больше ничего не говорит о сексе. Вообще ничего. Постепенно я расслабляюсь и радуюсь про себя, что эта грань наших отношений теперь прояснена и регламентирована.

Больше никаких лишних мечтаний. Малыш отдал торт взрослым целым и невредимым.

Такие, как Стас, не приемлют отказа. Обычно они просят или предлагают только один раз. Если нет — ищут более стоворчивую женщину. Сколько я повидала подобных...

Я же смирюсь, что упустила мечту, которая прямо сейчас могла бы сбыться. Это была неправильная мечта. «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною».

Время — час ночи. Полседьмого — на пробежку. С ноября Стас позволял себе более долгий сон. А Вероника, кстати, вообще переставала бегать.

Стас колдовал в своей комнате над бокалом с мартини. Плеснул себе немного в бокал, бросил льда, и уже час как сидит в кресле, смотрит в окно и потягивает заморскую дрянь.

Кресла отродясь не стояли в комнате Стаса. Большой шкаф, узкая кровать, куча гантелей в углу, штанга, шведская стенка по его собственному чертежу да прикроватная тумбочка с будильником на ней — Стас привык к небольшому количеству вещей, к армейскому аскетизму. «На х. на тебе куча вещей, Счастливчик? На тот свет все не утащишь...». У Командира было свое мнение на любой вопрос.

Стас уставился на бокал. Кресло он притащил из другой комнаты: захотелось посидеть с комфортом. Теперь не мог себя из этого кресла вытащить. И ведь не пил почти, так, несколько глотков...

В тусклом свете декоративных диодных лампочек Стас мог видеть только смутные очертания на небольшой фотографии в рамочке под стеклом, висящей на стене. Но Стасу не нужен был свет. В любую секунду он мог закрыть глаза и представить ее до мельчайших подробностей. Он специально убрал эту карточку под стекло, боясь замусолить или порвать. Слишком мало их было, этих фотографий. Предпочитали не фоткаться.

Командир, Стас, Тоша и Пуля. Тогда молодые, дружные, застыли навсегда на небольшом фото. Оно чуть выцвело и помялось, но на нем все равно видны синие-синие смеющиеся глаза Пули. Безбашенный Пуля, главный герой-любовник всего Кавказа, один из лучших снайперов, которых встречал Стас. Худощавый, синеглазый. Злой на язык и скорый в суждениях.

Стас не мог его бросить, когда он влюбился — а влюблялся он часто — в дагестанку. О-о, это было что-то. На свой страх и риск караулил Стас эти свидания. «Счастливчик, ты придурок, зачем идешь с ним? Вот настучу Командиру на вас с этим членом ходячим, понял?»

Тоша. у Тошки все сложилось хорошо: работает где-то в Москве, растет сын у них с женой, и растолстел пухлячок еще больше. Ну и слава Богу.

А дагестанка недолго любила Пулю: сделала ручкой и ему, и всей своей дагестанской семье, смотавшись то ли в Москву, то ли в Питер, то ли вообще в Европу.

Последний раз Стас видел Пулю на похоронах Санчо. Совсем истощавший и какой-то весь желтый, только синие глаза сверкают на уставшем донельзя лице.

— Свалил, Счастливчик, да? — сквозь зубы процедил ему лучший друг и товарищ, — свалил...

А потом Пуля исчез. Не отвечал на звонки, телефон просто выключил, а позже Стасу передали, что он со скандалом ушел с контракта. Стас дальше слышал о нем разные слухи и домыслы, одни страшнее других. Но — не верил.

Для него самого Пуля навсегда растворился в синеве гор Кавказа. И это была еще одна страшная потеря.

Стас продолжал пялиться на бокал.

Все позволительно, но не все полезно. Прямо как про выпивку. Хорошие слова знает

Вероника. Стас аж дернулся от злости: блин, да лучше бы поменьше всего знала. Бесят такие бабы.

Ладно, прийти согласилась завтра. Что вообще с ней делать, Стас голову ломал, но так и не придумал.

Один час пятнадцать минут ночи. Стас все-таки заставил себя отставить бокал с мартини и лечь в кровать. Один, как всегда, один...

Но за Веронику можно больше не беспокоиться: Вадим сразу же сказал, что за парни. Мелкие пакостники, в мокрухе не замечены, но хорошее внушение им сделает кто надо. Чтобы даже близко к ней не подходили.

А для сто процентного результата Стас завтра попытается уговорить ненормальную, чтобы все-таки переселилась к нему. Хороший коньяк, располагающая обстановка, а не такая нервозная, как сегодня. Стас уж постарается запудрить мозги Веронике. Скажет, что скоро уезжает, например, и его здесь не будет, поэтому можно свободно жить в его квартире. Или еще что-нибудь...

Ночь длинная. Он обязательно придумает нужные слова для убеждения.

Сегодня меня провожает до дома Роберт, и я очень рада его видеть, пусть и смутили меня не вовремя нахлынувшие воспоминания о Стасе, с которыми, впрочем, я быстро справилась. Пора браться за голову и начинать строить нормальные личные отношения. С Робертом, а не мечтать о Стасе.

Нужно же думать о будущем, правильно? А здесь невооруженным глазом видно, что во мне заинтересованы.

Сегодня Роберт подарил мне красивый букет белых роз. Всегда дарит розы. Неизбалованной теперь Веронике хватило бы одного цветочка...от Стаса.

Тьфу, блин. Опять я за свое любимое. Да что же это за комплекс такой — мечтать о брутальных героях?

— Хочу предложить тебе кое-что, Вероника, — говорит Роберт.

Что же вы предложить-то хотите? Неужто кольцо на пальчик безымянный?

Не знаю, откуда у меня столько сарказма в запасе.

— Что? — улыбаюсь я. Поход в ресторан, наверное. Хорошо, что два раза грабли не стреляют, и я смогу насладиться романтическим свиданием в красивой обстановке...

— Да меня вчера вечером ошарашили в клинике предложением, от которого сложно отказаться, — начинает несмело Роберт, — этой клинике частной десять лет, и они снимают небольшую гостиницу за городом, час езды на машине, на выходные. С восьми часов вечера гулянка, конкурсы, много интересного. Там зимний сад есть, бассейн, тренажерный зал — куча всего. Мне выделили три места. Едем я и Марк. Третьего человечка не хватает. Понимаю, что мое предложение может показаться наглым, но...мне бы так хотелось, если бы ты поехала.

— Я даже...

— Мне там предоставляют два номера — одноместный и двухместный. В одноместном мы поселим тебя, а я с Марком займу другой, так что мы тебя не стесним, Вероника... — Роберт реагирует сразу.

И что ты, Вероника, недовольна еще?

— А сколько стоит? — спрашиваю. Роберт смотрит недоуменно:

— Нисколько. Это же от моей работы приглашают. От тебя нужен купальник, если ты в

бассейне будешь плавать, ну, немного вещей. Мы там на сутки всего. Завтрак и обед на следующий день тоже будут, и развлекательная программа. Вероника, это прекрасный шанс отдохнуть. Народ будет, но очень дружный, все едут семьями...

— Но я же там никого не знаю!

— Как это — никого? Будем я и Марк. Если не захочешь, можем уйти с вечеринки. Там бильярдная, бассейн... Найдем, чем заняться.

— Подумаю, — конечно, это неожиданно. Но после мормонской церкви мне уже ничего не страшно. И Лены там не будет, так что можно рассмотреть предложение Роберта и ответить утвердительно:

— Хорошо, а когда едем в эту гостиницу? Какого числа?

— Сегодня вечером.

— Сег...

— У тебя какие-то планы? Можем выехать попозже, часиков в восемь. Добираться на машине час, или немного больше. В десять — одиннадцать, думаю, там будет все веселье. Так что успеем. Извини, что вот так, без предупреждения, но я сам только вчера узнал. Побоялся позвонить, все-таки вечер...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Соображаю очень быстро. Нельзя упускать такую возможность более близкого знакомства с Робертом, тем более, в гостинице не будет никого из мормонов. И к церкви это не относится.

— А вернемся в воскресенье вечером.

— Так-то я могу... — отвечаю автоматически, а сама нахожусь, мягко говоря, в недоумении. А как же Стас?

Да-а... За двумя-то зайцами ох как трудно гнаться, нужно выбирать.

Чего выбирать? Пока нечего. Приглашает меня Роберт с собой, а дальше?

Стасу я давно обещала прийти и подарок купила. Он для меня столько сделал...

Но и о себе подумать надо. Скажу сейчас «нет», позовет ли еще куда меня Роберт? И будет у него время в его загруженном графике, чтобы позвать?

— Если бы ты предупредил чуть раньше...

— Вероника, ты не можешь? Говорю: я бы предупредил, но меня самого огорошили лишь вчера. Но если нет, то и мы с Марком не поедем. Что там нам одним делать?

— Подожди... у меня планы, конечно, были. Но они заканчиваются...э-э... часов в девять. Да, в девять.

— Хорошо. Просто попозже приедем. Мы же все равно на машине. И появиться можно в любое время, — Роберт счастливо улыбается и касается моей ладони своими теплыми пальцами.

Сколько я посижу у Стаса? Думаю, два часа или чуть меньше прекрасно хватит и на поздравление, и на шахматы. Наверное, Стас меня выпроводит до девяти, а потом поедет развлекаться в ресторан с Алисой — надо же нормально отметить День рождения?

Бесконечно больно думать об этом.

А я отправлюсь с Робертом на его праздник. Чудесно, Вероника.

Никогда не желала быть Пенелопой, которая, рыдая и заламывая руки, ждет своего Одиссея. Мой-то и приплыть ко мне забудет.

— Роберт, я с удовольствием поеду с тобой и Марком. Заедите за мной в девять вечера, я буду к тому времени готова.

*А друзья любили и бросали первые камни,
И собаки ласкались и кусались за ноги.
Я смотрел в окно — смерть захлопывала ставни.
И дороги в Клондайк приводили в остроги.
Я из лука стрелял, чтобы невесту,
Я лягушек ласкал, думал — царевны,
Я драконов искал, чтоб спасти принцессу,
Удилими закусывал нервы...
Не о такой я мечтал — не тебе чета,
Ладонь в ладонях держал — не перечила,
В ее глазах прочитал в поле кречета,
Дикий мед и зверобой.
А разум запахом трав задурманило,
Бросало в пламень костра — не поранило,
Хватало сил до утра и, как правило,
Костры над рекой...*

Веня Дркин

— Жужа, Жужа, что же ты наделала? — стоною я.

Хорошенькие новенькие колготки порваны, и штопке не подлежат. Длинные полосы идут от коленок к щиколоткам: пес чуть промахнулся с изъятием любви ко мне. Время без двадцати семь. У Стаса побыть мне придется всего лишь часок, а потом — бежать сломя голову домой, чтобы встречать Роберта и Марка. Сумку в гостиницу я уже собрала. Да и много ли надо, если мы вернемся в воскресенье вечером? Щетка, зубная паста, сорочка да еще кое-что.

Взять красивую сорочку? Вдруг Роберт захочет зайти в мой одноместный номер после того, как Марк уснет, а я не при параде?

Вероника, ну ты и ханжа! Со Стасом, значит, нельзя ничего, а с Робертом — все можно?

Да. Потому что он — другой человек, ответственный и серьезный. И у него есть сын, и я прекрасно понимаю, почему Роберт зовет именно меня, а не какую-нибудь другую женщину, на закрытую медицинскую вечеринку. Мы оба понимаем, к чему может прийти дело. И конечная цель мне очень нравится.

Снимаю колготки, превратившиеся в лоскутки, со своих ног. Хорошо хоть платье не надела — мое чудо вмиг порвало бы и его.

Может, это знак небес, и мне вообще никуда идти не стоит, а? Ни к Стасу, ни к Роберту. Больше колготок у меня нет. Сбережения на отпуск в целости и сохранности лежат в потайном ящичке туалетного столика, их становится день ото дня все больше, но лишние новые колготки, подходящие к моему выходному платью, в этой смете не предусмотрены. Сбегать в магазин и купить я не успею. Что я, полчаса посижу у Стаса? Даже партии не сыграю.

Открываю шкаф и задумчиво разглядываю его содержимое. Подождите-подождите...

Белозубая подружка Катя, побывав в Амстердаме, привезла мне оттуда красивые чулки. «Мужиков соблазнять, Вероник», — со смехом сказала, вручая их мне. Ага, смешно ей было. До сих пор они лежат в коробочке ненадеванными.

Вытаскиваю чулки из коробки и с бесконечными предосторожностями примеряю их, после надеваю платье.

По цвету они подходят, и всякие бантики-шмантики начинаются аккурат под надежно скрывающей их нижней частью платья. Точно, все надежно скрыто. Пускай будут они.

Прохожусь по комнате. Чуть-чуть начинающиеся бантики видно, и, если садишься, этот буржуйский разврат тоже заметен. Но Стас не увидит: буду внимательно следить за провокационными чулками, чтобы избежать неуместных шуточек, которые начнутся обязательно, если Стас узрит сие амстердамское великолепие. Грустно вздыхаю. Иногда даже скучаю по его колкостям. Скучаю по нему...

А ведь виделись только вчера. И сегодня увидимся ненадолго.

Положа руку на сердце, признаюсь себе со всей возможной честностью: не так уж я мечтаю выпить с медиками субботним вечерком. Сердце кровью обливается, как представляю, что моя Жужа будет скулить один дома. Конечно, ключи и немного денег я оставила соседу, он погуляет с собакой утром, но все-таки...волнуюсь как-то. Жаль, что нельзя Жужика взять с собой. О нем даже не шла речь с Робертом, а спросить я засмушалась. Все равно скажет, что нельзя. Кто же в гостиницы таких собак, как мой Жужик, берет? Это же не комнатная, не диванная собачонка, а дворняжка среднего размера, наглая и местами невоспитанная. Быть Жужуку дома.

Ладно, два часа у Стаса я посижу в подобных чулках, их удастся спрятать, но как быть с Робертом? Как он-то отнесется к ним, нравственный мормон?

Вероника, Роберт не мужик, что ли? Да брось ты. В первую очередь он мужчина. Хорошо отнесется, даже не переживай...

Подумает еще, кстати, что ты соблазнять его будешь. Ой, хлебну я много веселого с подобными чулками, тем более надела на себя их не с хитрой задумкой, а от того, что надеть больше нечего. Какая из меня сейчас соблазнительница — смех, да и только! Если примерила павлиний хвост, то это еще не значит, что ты павлин.

Иду к тому, которого мечтала бы соблазнить, и буду прятать их до последнего вздоха, но второму, сближение с которым я вовсе не планировала, обязательно покажу. Где логика?

Ой, лучше об этом вообще не думать.

Все, сумка на видном месте, в плосках у Жужика свеженькая водичка и большая, с горкой, кучка корма, которую он сейчас с радостью разоряет. Желудок у собак бездонный, я его кормила недавно, ан нет, глядите — опять налегает на еду! Ничего, вернусь и подсыплю. Не оголодает сильно за один день.

Надеваю длинную куртку, хотя планировала пофорсить в короткой. Угу, намодничаешься, когда на тебе дурацкие тоненькие чулки с бантами и ажурными, которые впору надевать — и снимать — только при слабом свете ночника в спальне. Здесь бы задницу не заморозить, на холоде...

В последний момент прихватываю подарок Стаса. Чуть его не забыла! И смотрюсь на себя в зеркало.

Пятиклашки говорят, что я очень красивая. Я не знаю, какими глазам они смотрят на меня, потому что я великой красоты за собой не вижу. Грустные голубые глаза, мышинные волосы, обычные черты лица. Да, я, может быть, симпатичная, если накрашусь, вот как

сейчас, но — не больше.

И с Алисой тебе никогда не потягаться, Вероника. Так что оставь свои переживания о чулках и смело иди поздравлять Стаса. А когда часы пробьют девять, ты из Золушки превратишься в прекрасную принцессу... и покинешь своего принца.

Отче, это ты такие сказки веселые пишешь?

— Тепло ли тебе, девица? — Стас издевательски оглядывает мою длинную куртку.

«Знал бы ты, дружок, что у нас там под ней. Тогда бы злых шуточек у тебя быстренько поубавилось», — злорадствую про себя. Немножко позлорадствовать — почти единственное, что могу позволить в отношении Стаса.

— Нормально, — отвечаю я. Осторожно снимая куртку, кошусь на подол платья — оно чуть не доходит до коленок. Нет, ничего не видно, банты надежно скрыты, но расслабляться не стоит.

— Блин, какой-то подвох готовишь. Не понял еще, какой, но если бабы так загадочно улыбаются, то все, туши свет, бросай гранату.

— А я разве улыбаюсь? — ой-ой. Поаккуратнее с лицом надо, что ли. И не глядеть так открыто на подол платья.

— Улыбаешься. В чем дело?

— Рада, что у тебя День рождения. Если будешь хорошо себя вести, даже подарок вручу.

— Какой еще подарок? — недоумевает Стас, даже глаза широко распахнул.

Он выглядит сегодня...ну, как всегда. Исключая то, что Стас подстригся и надел новенькую черную майку в обтяжку. Мужчины особо не заморачиваются, чтобы шикарно выглядеть в свой праздник. Но Стасу повезло: он сам по себе здорово смотрится, и ему никакие уловки не нужны, чтобы, поглядев на него разок, женщины еще не раз бы обернулись. Настоящий герой.

— У тебя же праздник? Не хотела сразу, с порога вручать, но если...

— Не ждал вообще. Да ладно, чего заморачивалась? — рука Стаса проходит по короткому ежику волос, — Пойдем на кухню, что ли? Или, может, в гостиную?

— На кухню, конечно, — говорю сразу же.

Опасаясь я ходить в разные гостиные. За собой не уследишь там, куда уж за Стасом. А кухня — это кухня. Родная, привычная. На ней как-то не думается о постороннем, в том числе — о сексе. Или думается меньше, чем в гостиной с диваном, или в той светлой комнате с большой кроватью. Все-таки на кухне мало мебели. э-э... горизонтального положения, а столы всегда чем-то заняты.

Стас хочет, по привычке, меня пропустить вперед, но я специально мешкаю около полки с обувью.

— Я подойду, — говорю небрежно, и Стас один уходит на кухню. Натягиваю, как могу, платье на колени, и скорой трусцой пробегаю весь длинный коридор. На кухне Стас как раз отвернулся к барной стойке, и я ныряю за спасительную поверхность стола, присаживаясь на стул.

Подарок кладу на стол, рядышком с шахматной доской. Амбициозный Стас недавно поменял и доску, и шахматы: по искусной работы деревянной доске теперь вышагивают фигурки из камня. Я долго смеялась над такой рокировкой и позорила Стаса за пижонство. По мне, так нет особой разницы в доске и фигурках, а за последние — эксклюзивные — я даже теперь побаиваюсь (вдруг уроню нечаянно), но Стас старую доску и шахматы так и не вернул, а на насмешки отвечал такими же насмешками.

— Вероничка, сможешь поставить на стол еду? Шахматную доску убери пока, — предлагает Стас, но вставать из-за стола мне смерти подобно.

— Стас, а... можно, я посижу? Устала, набегалась за день. Пожалуйста! — мой голос звучит настолько жалобно, что Стас даже покачивает головой:

— Сиди, конечно. Я поставлю все. Тогда просто отложи доску в сторонку.

— Сейчас, — это мы можем. Убираю доску и оглядываю бутылки и блюда, которые Стас ставит на стол.

Его домработница очень постаралась, чего здесь только нет! Хочу спросить, почему он не пригласил еще людей — еды здесь хватит на целую компанию — но вовремя понимаю, что, скорее всего, Стас не хочет знакомить меня ни с кем из своих друзей и родственников. Это совершенно естественно, так как я ему никем не являюсь, но все равно становится очень грустно.

— Как насчет коньяка в мой День рождения? Нарушим сухой закон, а, дорогая?

— Немножко выпью ради такого случая, — Вероника, совсем немного! Как ты будешь дышать перегаром на Роберта и Марка? Вот дела: уже второй раз повторяется то, что Стас меня спаивает перед встречей с мормоном. Значит, с Робертом мы встретимся, и все будет замечательно, раз это стало традицией.

Ничего страшного: за два часа весь коньяк выветрится. Пару глотков, максимум — еще столько же.

— Стас, садись уже. Давай хоть речь скажу и подарок вручу.

— Речь говорят вообще-то стоя.

— Я посижу.

— Сиди, — Стас не понимает моих маневров, но не спорит.

— Стас...с праздником, — официально произношу я. Готовила речь, но все благополучно забылось, как оказалась на его кухне. А если бы и не забылось, то оказалось не к месту: высокопарные слова как-то не вяжутся со Стасом. Что же, обойдемся простым поздравлением, — счастья тебе, здоровья... денег побольше. Но это даже не главное... большой красивой любви...

— Ты меня прямо как девушку молоденькую поздравляешь, — хмыкает Стас, садясь напротив меня. — Большой красивой любви...слова-то какие! Вероникины, сто процентов. Я тебя обожаю, дорогая. Со всей большой красивой любовью.

— Любовь должна присутствовать у каждого человека. Тем более, у тебя остальное, кажется, уже есть.

— А че, любви нет?

— Не знаю. Ты мне не докладываешь. Подозреваю, что есть, но... Короче, Стас, держи, — протягиваю органайзер Стасу, — как очень деловому человеку — деловой подарок.

— Ну, спасибо...дай, что ли, тебя поцелую, — Стас даже расчувствовался, кажется.

— Позже как-нибудь. Наливай, надо же выпить, — я не алкоголик, вы же знаете. Просто бантики на чулках не дают мне покоя. Одно неверное движение — и неприятная ситуация мне обеспечена. Чертовы чулки, весь вечер портят. Думаю только о них и о будущем конфузе, если Стас их увидит. Блин, Катя, а обычные нельзя было привезти из Амстердама?

— Ты сегодня очень странная, Вероничка. У тебя опять проблемы? — Стас внимательно глядит на меня. Я давно уже не видела в этих серых, как осеннее небо или — еще лучше сравнение! — как холодная сталь ножа — глазах презрения. Стас стал меньше

выпендриваться, да и высокомерия у него поубавилось.

Перестань, Вероника. Все ищешь в поведении Стаса какие-то доказательства тщательно скрываемой любви к тебе? В детство не впадай. Такое поведение характерно для пятнадцатилетней девочки. Да и то — не для всякой.

— Нет. Только о тех, в пежо, думаю и волнуюсь.

— Не думай о них. Они к тебе не подойдут.

— В смысле?

— В прямом. Поговорил с кем надо о чем надо. Не имей сто рублей, как говорится.

Вопрос закрыли, — Стас подвигает мне салат и наливает в рюмку коньяк, — за праздник, что ли?

— Стас, я...

— Все, я сказал, — жесткая интонация Стаса. Он один умеет так, — Вопрос закрыли не открывая. У меня День рождения. Говорим только об этом. Ну, или о тебе, если хочешь.

Сижу в совершеннейшей прострации. Стас в который раз помогает мне. Значит, не так уж я ему безразлична.

А вредный внутренний голос, прожженный потерями и обиженный на всех на свете, твердит, что я ошибаюсь.

— Ты настоящий друг. Спасибо за такую помощь.

— Ага, дружбан я у тебя что надо. А благодарить не хочешь. Нехорошая, — посмотрите на него! Опять дурацкие приколы. Как обычно, испортил всю романтическую дымку.

— Я тебе безмерно благодарна.

— Тю! Толку мне от вашей благодарности. Ой, бери уже рюмку. За здоровье, счастье... — звон наших со Стасом рюмок. Я осторожно пригубливаю коньяк, но Стас зорко смотрит за мной:

— Первую — до дна. Ничего не знаю, пей!

Приходится выпить. Я бы сказала Стасу пару ласковых и отказалась от коньяка, но новость о том, что Стас за меня кого-то просил, повергает в двусмысленное положение. Неудобно сейчас ему отказать в такой маленькой просьбе.

Сегодня Стасу слова поперек не скажу.

Но вторую рюмку пить не буду.

— Какой классный у тебя коньяк, — говорю я, закусывая лимоном.

— Кушай побольше, а то пьяной станешь, — советует Стас, — коньяк привезли мне то ли из Франции, то ли еще откуда.

— Да-а, — ковыряюсь в салате. Моему бывшему мужу тоже много чего привозили. Друзья, знакомые, да и просто те, кто хотел «подлизаться». «Боже, как давно это было, помнит только мутной реки вода — время, когда радость меня любила, больше не вернуть ни за что никогда». Вспомнилась сейчас строчка из песни, такой любимой когда-то.

Мы столько пели ее студентами у золотых всполохов костра под гитару. Молодые и счастливые, не вдумывающиеся в смысл песни, захваченные ее щемящей тоской и надеждой. Моя подружка, красotka Аня, всегда сидела рядом с Лешкой, который брэнчал на гитаре, и у нас впереди была целая жизнь. И никто не предупредил нас тогда, как хрупок юный мирок, как легко разрушится после того, как мы закончим университет. Нет, он начал разрушаться даже раньше, где-то на курсе четвертом, когда все мы поняли, что хотим зарабатывать деньги, и многие начали прогуливать пары, устраиваясь на подработки. Появлялись новые знакомства, книги, которые анализировали, перестали быть самыми важными на свете,

друзья-сокурсники уходили на второй план, заслоняемые открывающимися горизонтами взрослой жизни. Я начала встречаться с будущим мужем, и количество походов резко сократилось, потом одно, второе, третье...

— Вероника, очнись! Я тут весь изнервничался. Опять задумалась. Говори уже, — Стас начинает злиться.

— Это...личное, — я что, рассказывать ему буду, как увидела дорогой коньяк, и меня пробрала ностальгия и озарило понимание того, что и за подобную выпивку, в том числе, я отдала что-то такое необходимое и утерянное без возврата?

Самое время оправдать свою задумчивость и намекнуть, что к девяти я уйду.

— Очень люблю личные вещи, — Стас — весь внимание.

— Мне надо где-то в девять уйти, Стасик. Дело появилось сегодня днем.

— Какие еще дела у Веронички в субботу, в девять вечера?

— Нужно помочь одному человеку, — про Роберта — молчок, иначе меня ждут два часа промывания мозгов. А может, того хуже. — Ничего криминального. Стас. Посижу с ребенком моей подружки, пока они сходят в кино на вечерний сеанс, — ложь льется ручейком. Когда надо, я очень умело могу приврать. Даже Нина Петровна оценила бы такую находчивость.

— Меня попросили об этом только днем, и то я перенесла время и согласилась понянчить попозже, чтобы к тебе успеть, — а здесь — ни слова обмана.

— Польщен, — Стас, кажется, мне поверил, — я провожу или доведу, куда скажешь.

Согласимся — зачем лишние споры? Может, через полчаса Стас умчится по звонку Алисы — красавица не захочет долго ждать ресторан и обещанные развлечения. Незаметно кошусь на сильные руки Стаса. Не плачь, Вероник! Пусть Роберт не такой уж мужественный, зато — утонченный и интеллигентный. И человек хороший, и ты ему нравишься.

— А есть, что ли, не хочешь? — Стас в который раз демонстрирует свою идеальную наблюдательность. Мне действительно кусок не лезет в горло.

Не умею я так — притворяться, обманывать. Не мое.

Но нужно же думать о будущем. Это советовало непутевой Веронике огромное количество людей! Вот и думаю.

— Может, торт? Очень вкусный, и красивый такой, — рекламирует Стас, — возьми еще ребенку, к которому пойдешь. Я его один не съем.

А Алиса не ест сладкое? Этот вопрос уже готов сорваться с языка, но я отвечаю на него самостоятельно — нет. Она на диете.

— Да, беру! — угощу по дороге Марка. Этот пухленький сладкоежка очень обрадуется!

— Тогда принесу его и чай поставлю, — Стас встает из-за стала, и с громким звоном на пол падают несколько ложек. Они лежали на полотенце на самом краешке стола, и Стас их задел случайно. Он не останавливается, идет к барной стойке заваривать чай, а я вскакиваю с намерением эти ложки поднять. Пока Стас с чайником будет возиться, пока торт распакует, успею очень быстро все сделать. Иначе Стас подумает, что я совсем заболела, раз из-за стола не двигаюсь. Подобная лень мне несвойственна, и чем дольше веду себя подозрительно, тем сильнее уверенность Стаса, что что-то не так. А если есть уверенность, будут и гестаповские пытки в неподражаемом Стасовском стиле. Портить себе настроение перед многообещающей поездкой с Робертом и Марком я не хочу.

Присаживаюсь и собираю ложки с пола. Юбка немного задирается, несколько бантиков появляются из-под подола во всей красе, но оправлять его некогда. Очень быстро хватаю все

рассыпанные ложки, поднимаюсь и возвращаю подол моего обтягивающего шерстяного платья на место. А потом замечаю внезапно, что Стас стоит, прислонившись к барной стойке, и наблюдает за мной, а вовсе не занимается завариванием чая.

Руки скрещены на груди, глаза прищурены, и выражение его лица...ну, все. Попала я.

— Это какого ребенка ты нянчить собралась в таких чулках? — мягко и вкрадчиво спрашивает Стас.

Сжимаюсь, как нашкодивший котенок. Поймали-таки меня на вранье. Я этого боялась, и это случилось. Все как обычно происходит у тебя, Вероника.

Подождите-ка. А чего я краснею? Если я никто Стасу, так и Стас мне никто! Не брат, не сват. Еще оправдывайся перед ним! Нет уж.

Возвращаюсь обратно на стульчик. Чем дальше от Стаса, тем лучше. Помним-помним про замечательные захваты. Спасибо, обойдемся.

— Нормальные чулки, Стас. Почему тебе не нравятся? — буду молчать до последнего о Роберте.

— Мне очень понравятся, если их покажешь. Клянусь.

— А если не покажу? Не обязана, извини.

— Тогда скажи, кому показывать собралась.

— Никому. Просто так надела.

— Ненавижу женщин, которые лгут. А ты еще этого делать не умеешь — вдвойне противно. К мормону собралась? С ним еще не завязала?

— Нет, — раз он все понял, зачем отнекиваться?

— Та-ак, — тянет Стас и поводит мощными плечами, а мне становится не по себе.

— Почему ты злишься, Стас? Порадовался бы, что у меня все начинает получаться, — говорю нерешительно, — вот, на свидание собралась... Тебя поздравлю — и пойду.

Стас прикрывает глаза.

— Слышала бы ты себя со стороны.

— А что здесь такого? — зря я это сказала. Всего одна секунда, и меня поднимают сильные руки Стаса. Стас хватает своими лапищами мои плечи и легонько встряхивает. Смотрит в глаза и говорит тихо и отчетливо, но глаза у него бешеные:

— Бл. дь, я вообще уже ничего не понимаю. Что такого сделал мормон тебе, чего не делал я? Это он решал твои проблемы? Это он выслушивал всю твою лабуду о школе? Просто скажи мне, что?

Мурашки бегут по телу, и в то же время я чувствую, как оно начинает гореть. В голове туман от выпитого коньяка и желания. Боже, как же это трудно — удерживать себя снова и снова. Когда-нибудь я не выдержу...

— Только мне ты всегда отказываешь. Всегда. А к нему идешь на свидание и надеваешь это, — Стас без зазрения совести задирает мое платье чуть ли не до талии. Я ахаю от неожиданности и пытаюсь его опустить, но руки почему-то не слушаются. А Стас даже присвистывает:

— Ну да. Я так и думал, чулки. Клевые, мне нравятся.

— Стас...

— Нет уж, дорогая, дай мне сказать. Ты все время отталкиваешь меня, хотя знаешь лучше своего мормона. Дольше — это уж точно. И меня хочешь, как и я тебя, Вероника, не отрицай. Я тебе уже давно предлагаю секс. Ты постоянно смотришь на меня, смотришь... а потом идешь к мормону. Чего ты боишься?

— Стас... Пусти меня, пожалуйста, я не могу так... — пытаюсь вырваться из цепких рук Стаса, пока то притяжение, которое я чувствую к Стасу постоянно, не сделалось неконтролируемым.

— Тогда я ничего не понимаю. Просто. Он лучше тр. хается? Так ты со мной не пробовала...

— Я и с ним не пробовала, и ни с кем не собираюсь пока, Стас, пусти!

— Класс. Значит, не все потеряно. У нас с тобой.

— Ста-ас, — глубоко вздыхаю я, собирая остатки благоразумия, здравомыслия, осторожности...чего там еще... Нужно объяснить ему, как вижу нормальные отношения. Это почти невозможно сейчас, но я постараюсь, хотя ощущаю, как мелкая дрожь пробегает по телу и становится трудно дышать. И еще — наверно, от реальной возможности секса со Стасом — я наконец почувствовала этих пресловутых бабочек в животе, о которых столько сказано в современной мировой литературе. Мда... уже не верю, что смогу сказать «нет».

— Стас, послушай... — выдавливаю слова из последних сил, но Стас вдруг убирает руки, стягивает с себя с потрясающей быстротой майку, бросает ее на пол и перебивает меня:

— Я слишком долго тебя слушал, дорогая. Хватит. И в шахматы мы, кажется, тоже слишком заигрались.

Он целует меня в губы требовательно и так жадно, словно ждал этого годы, не меньше. Ни сомнения, ни неуверенности, ни боязни, что я оттолкну его. Первые время я пытаюсь вырваться, но успеха в своих попытках не добиваюсь, да и не могу добиться — слишком неравны силы. Вырываюсь всего, правда, несколько секунд, пока полностью не сдаюсь под натиском Стаса. Вежливые приглашения закончились, все ритуалы — тоже.

А что такого, Вероника?

Разочек. Один разочек, но побыть с ним...

Я целую его так же страстно, как и он меня. Мы действительно заигрались в шахматы.

— Ты специально издевалась надо мной, да? — Стас прерывает поцелуй.

Его руки ползут вниз и сжимают мои ягодицы. Платье остается задраным до талии, но он решает эту проблему, как обычно, быстро и безапелляционно: просто сдергивает его с меня и бросает на пол. Остаюсь в лифчике, трусиках и в тех знаменитейших чулках, что сегодня изменили всю мою жизнь.

Пока я соображаю, что стою, собственно, на кухне полуголой, Стас оперативно снимает с меня лифчик.

Губы Стаса скользят по моей шее, его ладони гладят меня везде, везде. Дрожу и давлу громкие всхлипы. Ну что он медлит? Между ног горячо и влажно. Мне сейчас не надо долгих прелюдий, заберите обратно. Моя прелюдия длилась все вечера, когда мы со Стасом были вместе, и я косилась на обнаженный- или не очень обнаженный — мускулистый торс, разглядывала бугрящиеся мышцы на руках.

А он ласкает мою грудь, захватывает сосок губами. Не успеваю среагировать и издаю громкий стон, и моя спина выгибается.

Вцепляюсь в Стаса, сильно сжимаю пальцы. Кожа его горячая и чуть влажная. Издаю еще один стон и закусываю, по привычке, нижнюю губу.

Стас издает смешок, распрямляется и вновь начинает целовать мои губы — жестче и безжалостней, а его рука уже приникла в трусики. Один палец Стаса оказывается внутри меня, второй. О, он хорошо знает, как найти нужные места, на которые следует надавить или

погладить, чтобы я почти теряла сознание и с трудом удерживалась на ногах.

Стоны я уже не контролирую.

— Кричи, — шепчет мне Стас, — ты же хочешь? Вероничка, кричи...

Хочу ли я орать и чувствовать его в себе сию же секунду? У меня не было секса года четыре. Очень хочу. Без вариантов.

— Бл. дь, все. Не могу больше, — Стас резким движением подхватывает меня и усаживает на барную стойку — ту, что пониже. В его кухонном гарнитуре их две: одна, более высокая, обрывается, и начинается небольшой столик умеренной высоты, который сейчас пуст. Он резко раздвигает мои колени и встает между ними. Мои трусики оказываются напротив ширинки джинсов Стаса. Ничего себе! Очень удобно. Это он специально так мебель подбирал, чтобы баб на кухне соблазнять, ехидничаю я.

Но это последнее мое ехидство: тонкие стринги (ну не надену же я унылые трусы-шорты или что-то еще. Как говорится, положение обязывает, а именно — обязывали развратные чулки) с меня содраны, и Стас спускает со своих бедер джинсы. Непонятным образом, вопреки тому, что меня просто трясет от желания, замечаю, что на Стасе нет и подобия трусов. Хорош ковбой!

Стас еще шире разводит мои колени и резким толчком проникает в меня. Вскрикиваю и дышу тяжело и часто, и от одного ощущения твердого горячего члена внутри выгибаюсь сильнее, запрокидывая назад голову. Толчок. Еще толчок.

Сжимаю внутренние мышцы, чтобы ощутить Стаса еще больше. Теперь очередь Стаса стонать и закрывать глаза.

Внезапно он замирает во мне, обхватывает так, чтобы я не смогла сделать ни движения. Возбуждение разрывает изнутри, болью и жжением отдается во всем теле. Если он надолго остановится, не знаю, что со мной будет.

— Обещай мне, что после позвонишь мормону. Ты сегодня никуда не пойдешь. И никогда не пойдешь, — хрипло, с натугой, шепчет Стас. Ему нелегко дается эта заминка.

— Обещай, Вероника.

— Да! Да! — я готова сейчас обещать что угодно, лишь бы вновь чувствовать, как движется во мне его член. Новый толчок, жесткий и грубый, вырывает из моего рта очередной крик. Стас не церемонится со мной и не жалеет, но мне сейчас именно это и нужно. Грубо и технично он двигается с разрушительной силой, заставляя меня вздрагивать и стремиться к нему все больше и больше при каждом ударе.

Я так и знала, что он будет именно таким.

Пытаюсь сделать так, чтобы его член проник в меня максимально глубоко: развожу колени в сторону еще больше, опираясь сзади руками в поверхность барной стойки. Стас придерживает меня за ягодицы, убыстряя и так немедленный темп.

Мои крики давно переполошили бы всех соседей, будь я в своей квартире. Как здесь — не знаю.

Задыхаясь, чувствую приближение оргазма. Мне нужно совсем немного, чтобы его получить. Стас — обязательное условие.

Растущее напряжение в теле достигает высшей точки, а потом мир взрывается тысячами огней.

Даже с бывшим мужем такого не было. А может, я просто забыла...

Еще несколько сокрушительных толчков, и Стас кончает, ловя ртом воздух. Все случилось очень быстро, но для нашего случая, думаю, это неудивительно.

Закрываю глаза. По телу продолжает расходиться волнами тепло, а по бедрам течет липкая влага. Я не проконтролировала этот вопрос — да его никто и не стал контролировать. Не до этого.

Ладно, все равно.

Стас стоит близко — близко, одной рукой медленно поглаживая меня по спине, а второй чуть обнимая за талию, и мой лоб упирается в его плечо. Мы почти не шевелимся, лишь оба медленно и глубоко дышим, пытаюсь унять сердцебиение.

Вот и все закончилось. Твой «один разочек» закончился, слышишь, Вероника?

— С этого надо было начинать, — говорит Стас и целует меня в макушку.

— Прямо с этого? Так не начинают, — голос охрип.

— Да, с этого. И мормона твоего — в расход.

Молчу в ответ. Страстная горячка постепенно проходит, и мы вновь оказываемся теми, кто мы есть — успешный бизнесмен, красавчик и счастливчик, и ничего не добившаяся в жизни скромная учительница. Но мормон не забыт, и ничто не забыто:

— Звони ему. Как обещала, — командует Стас.

— Я...смс напишу.

— Хочешь, я поговорю?

Холод пробирает меня до костей. Все, что я так аккуратно строила и на что надеюсь, разрушится до основания всего за одну минуту, даже меньше...

— Лучше смс. И телефон выключу. Идет? — кашлянув, робко предлагаю я.

— Ладно, — Стас не очень доволен. Он бы, конечно, предпочел сам с Робертом пообщаться, но понимает, что такой возможности я ему не предоставляю. Нет, нет, ни за что, — но тогда ты остаешься на всю ночь. Мало ли, что ты там в телефоне мормону наваяешь. Сегодня не доверяю тебе вообще никак, лапуля.

— Я могу показать, — еще раз кашлянув, говорю совершенно искренне.

— Остаешься, — Стас нежно целует меня в висок и шепчет, легко покусывая мое ухо, — мы же только начали, Вероничка. Неужели ты уйдешь после одного разочка? Сегодня суббота, и вся ночь впереди. Я был немножко грубоват, но обещаю: в следующий раз быть нежным и ласковым. Вот как на духу.

— Что-то не совсем немножко, — шепчу я и глажу его сильную спину.

— Если бы у нас все еще в тот вечер сложилось, было бы в первый разок чуток понежнее. Наверное, — Стас целует меня напоследок в губы и отстраняется. Хмыкает, глядя на чулки — они и сейчас на мне. Только чулки, и все:

— Класс, короче. Вот это я понимаю...Телефон твой где?

— В сумке, — Стас подхватывает меня и снимает с барной стойки. Поддерживает и руки убирает, только убедившись, что я крепко стою на ногах. Боже мой, могла ли я подумать хотя бы неделю назад, что однажды...

— Что-то ты не торопишься писать смс, — Стас застегивает джинсы. Хорошо ему, джинсы натянул — и порядок.

— Дай хоть оденусь... — даже не могу наклониться за одеждой или присесть, а он уже — звони.

— Зачем? Все равно раздеваться. Не мучайся, дорогая. Пойду принесу твою сумочку.

— Мужчины, кто бы чего не говорил, разные, — авторитетно заявляет Роза Андреевна, — вернее, у них разные намерения.

Данное партсобрание созвано не случайно, а с целью на меня повлиять, пока не все потеряно. Роза Андреевна не подозревает, что уже потеряно все, что можно, и рада поучить молодежь.

В виде молодежи и сурового порицания общественности вместе с нами сидит Юля. Если бы здесь была Нина Петровна, я бы, возможно, и прониклась чем-нибудь (хоть и знаю о ее эпичности и нешуточном размахе накалённых страстей, но не устаю вновь и вновь восхищаться эзоповской тонкостью слов и действий), но Роза Андреевна с ней давно не ладит (все из-за того же Эзопа и шекспировской бездны страсти), поэтому, как говорится, пригласили вот такую, лояльную и местами экзальтированную по молодости, общественность. Ей положено молчать и внимательно слушать, что она сейчас и старательно делает. Набирается мудрости, так сказать.

— Возьмем, к примеру, несколько типажей мужчин... — Роза Андреевна готовит полномасштабное наступление на мою совесть и честь. Она не со зла и не с корыстной личной целью, поверьте. Просто ей небезразлична Вероникина бедовая жизнь, и у нее слишком большой жизненный опыт.

Сегодня понедельник, а я все еще под впечатлением от того самого вечера со Стасом. Самочувствие мое совершенно неясное, настроение приподнятое, и все будто в тумане.

Конечно, на всю ночь я тогда не осталась. Остаться на ночь — это очень близко и до боли интимно, а я еще не нашла такой большой корзины, чтобы собрать в нее все осколки от обязательно разобьющегося сердца. Пусть пока так — все-таки немножко, но на расстоянии.

Я послушно написала Роберту, что у меня возникли проблемы и что очень извиняюсь, но не могу поехать с ним, и отключила телефон. Стасу ничего зачитывать не стала, да и не до этого нам было. Я успела полежать — и не только полежать — на той самой большой кровати в светлой комнате, и Стас действительно был нежен и ласков. Поначалу.

Юлька слушает и мотает себе на ус размышления Розы Андреевны о нелегкой женской доле и месте мужчины в ней, а я продолжаю вспоминать недавние события.

А потом нежность сменилась сами понимаете чем. Такое ощущение, что — прямо сказать боюсь — что Стас тоже давно э-э...не того самого. Ну не верю я, что он вот прямо от меня в таком угаре.

Может, он расстался с Алисой? Я давно о ней ничего не слышала, и звонки прекратились...

Вероника начинает тешить себя иллюзиями. Советую всем пристегнуться.

Виноват во всем Роберт. Как я не догадалась сразу? Стас в который раз доказывает себе свою же исключительность и неповторимость. Вероника ведь предпочесть могла другого! Если бы я не сказала, что иду к Роберту, интересно, все бы сложилось или нет?

Воскресенье я просидела дома. Стас позвонил один раз, поздно вечером — он уезжал по своим делам. Спросил, все ли нормально, и обещал позвонить в понедельник.

Зато его звонок сегодня на шестом уроке переполошил весь десятый класс. Мне обычно никто не звонит посреди урока, потому и не включаю сотовый на беззвучный режим, но на этот звонок не ответить я не могла.

— Стас, я на уроке, попозже, — быстро проговорила я, кажется, еще глупо улыбаясь при этом. Мой десятый класс — все, как один — глазенки повытаращивали. У классной хахаль появился! Вот, собственно, такие разговоры будут в школьных коридорах. До того никакого мужчины на горизонте не появлялось, мои дети и родители привыкли к мысли, что я одинока и очень свободна, и что можно с легкостью звонить мне в девять часов вечера.

Еле дождалась окончания шестого урока. Было громадное желание отпустить всех моих пораньше, но я прекрасно знала, чем это может аукнуться. Потому десятый класс даже пересидел после шестого урока. Чтобы не таращились впредь.

Я подождала, пока из класса выйдет последний ребенок, Аня кивнула мне (кивок головы на нашем птичьем — значит, все спокойно), закрыла дверь в свой кабинет и набрала номер Стаса.

— Привет.

— Ты придешь сегодня? — слышу в трубке чуть хриловатый голос. Стас, наверное, где-то простудился. Ни «здравствуй», ни «привет, как твои дела». Все четко и по делу, как обычно. Но меня это уже не задевает и не удивляет.

«Стас, я, вообще-то, занята. У меня сегодня два репетиторства и танцы в фитнесе. И нам пора перестать встречаться, потому что ничего хорошего из этого не выйдет...»

— Да. Вечером увидимся? В семь?

— Можно и пораньше.

— В пять.

— Из школы тебя забрать?

— У меня здесь дела есть, Стас. Давай в пять точно. Сама приду.

— Хорошо, дорогая. Созвонимся.

— Да.

А потом нагрязнула Роза Андреевна, позвала Юльку и меня пить чай...остальное вы знаете.

— А есть мужики-хулиганы, которые используют женщин, а потом... Да, Вероника? Один экземпляр я недавно встретила рядом с тобой.

Юлька от восхищения даже рот приоткрывает. Роза Андреевна, ну кому вы это говорите? Молоденькой девушке, у которой, как по секрету поведала мне Юлька, даже мальчика не было. Вот ее-то и должны прельщать именно такие хулиганы...

— А может, он не такой плохой, — подает голосок общественность. Тонкий-тонкий голосок, — может, он просто не нашел своей единственной?

И тут же коршуном падает с небес Роза Андреевна на бедного ребенка:

— Юля, это только в книжках ваши хулиганы самые хулиганистые! А жизнь, девочка, жестокая штука.

— А может, где-то в глубине у хулигана прячется большая и красивая душа? А ее никто не разглядел?

— Ну, душа-то, конечно, у каждого, — задумчиво тянет Роза Андреевна, а молодую общественность несет. Глазенки горят реабилитировать неподходящего, с точки зрения Розы Андреевны, претендента. Вот она, юная вера во всегда возможное изменение человека в лучшую сторону! Есть в этом что-то. Что-то близкое тебе, Отче.

— Я считаю, Роза Андреевна, что особенно такие вот «хулиганы», как вы говорите, могут очень сильно любить. Только надо разбудить их душу, понимаете! Всколыхнуть то хорошее, что есть в них. Помните про катарсис в литературе? Очищение через страдание.

Какая-то встряска, не знаю... чтобы жизнь повернулась в другую сторону... Кстати, многие русские классики писали о такой любви. Помнишь, Вероника, как у Есенина? — и декламирует вдохновенно:

Ты такая же простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.
По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.
Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен...

Роза Андреевна гневно поправляет очки и готовится отчихвостить общественность по полной, но я успеваю открыть рот раньше:

— Юлечка, мой дорогой дружок... Дело в том, что я тоже знаю это стихотворение. И знаю, чем оно заканчивается.

С легкостью подхватываю эстафету, не так вдохновенно, конечно, но без запиночки:

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?
Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.
Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.
Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

Роза Андреевна согласно кивает и растягивает губы в улыбке. В чем-чем, а уж в Есенинской лирике мы с ней солидарны, и я найду, как утихомирить горячий порыв Юли.

— Объясню, — продолжаю я с молчаливого благословения Розы Андреевны, —

ключевых здесь строчек для понимания стихотворения несколько. «Ты такая простая, как все, как сто тысяч других в России». Образ возлюбленной лирического героя здесь отличается типичностью, похожестью на большое количество русских женщин, у них одинаковые судьбы. Лирическая героиня видела в жизни одиночество и грусть, и много, а «холод осени синей» — это о возрасте героини, возможно. «Иконный и строгий лик по часовням висел в рязанях». Ну, здесь скажем о высокой нравственности героини, как считаешь? Герой-то, конечно, влюбляется, и эта любовь будит все хорошее в его душе, что он имеет, но вся красота теряется от строчки «Не хочу я лететь в зенит, слишком многое телу надо». Лирический герой избалован, и подобная любовь для него трудна и является чем-то чуждым ему, ради нее он не хочет жертвовать ни своими привычками, ни разрывом со старой жизнью... ничем. Он — поэт, и видит то, что не замечает другие, потому обращает внимание на эту скромную незаметную красоту, которая на самом деле — настоящая. Но его душа другая, развращенная и разменянная на удовольствия, и, увы, никакого счастливого финала...

Мой экспромт не отличается полнотой анализа стихотворения, но я и не готовилась к этому, и литературу соответствующую не смотрела. Можно было, конечно, сказать еще больше, но много говорить о стихотворении Есенина я не хочу. Оно к делу не относится.

А еще я лукавлю, кстати. Но обмануть общественность мне не удастся.

— Не договариваете вы, Вероника Васильевна, — хитро щурит умные глаза Юля, — а идея-то стихотворения не в этом. «Потому и грущу, осев...». Эта грусть — и есть его любовь! Он понимает, что несовершенен, циничен, развращен любовью многих женщин, и, может, им не суждено быть вместе, но он действительно любит ее, и это чувство большое и настоящее! Да, они разные, но в последнем четверостишии мы видим, как эти два героя становятся равными, как эта любовь преображает его!

— Так, прекратили обе! Устроили литературный вечер, — призывает к порядку Роза Андреевна, — с детьми устраивайте!

Мы с Юлей, не сговариваясь, прыскаем и понимающе переглядываемся. Филолог филолога всегда поймет.

— Мой хулиган, кстати, не любит Есенина, — сообщаю с усмешкой я Юле.

— Ты ему Есенина читала? — брови девушки взлетают вверх, и рейтинг Стаса повышается, подозреваю, на много пунктов. Хотя бы за то, что стихи просто послушал.

— Было дело. Хулигану Есенин не понравился, — хмуро сообщаю я, не вдаваясь в подробности.

Роза Андреевна морщит лоб и возводит глаза к потолку. Пламенная речь Юли спугала ей все карты, а вот мне эта речь пытается помочь поднять голову надежде. Надежде на большую и красивую любовь...

— Обожаю Есенина. Был, конечно, великим бабником, но такой он...ух! — говорит мне Юля. Посмеиваюсь и кошусь на Розу Андреевну, которая очень недовольна:

— Я тоже.

Ни по каким делам, как он складно наврал Веронике, Стас не поехал.

Просто решил побыть один, отдохнуть и подумать.

А думать было о чем.

Ну наконец-то! Стас в субботу до семи вечера прокрутил в голове тысячи вариантов сценариев удачного соблазнения. А не понадобился ни один. Как только Вероника

согласилась, что собралась к мормону, не называя заветное слово «Роберт», Стас уже знал, что сегодня ее никуда не отпустит. И даже в ванной бы запер, по хозяйственному совету Димыча, если дело бы повернулось иначе. Поплескал бы ей в лицо холодной водички, чтобы очухалась от мормонского гипноза, а дальше — по ситуации. Плевать, что делать, лишь бы не ушла!

Это вообще что за хр. нь? Скромненькая наша девочка, напаялила чулочки — и на свиданьце! А уж как платице постоянно поправляла, только бы он, Стас, не увидел!

Стаса до сих пор колотило, когда он вспоминал о мормоне. Вот урод. Небось, наобещал Веронике, что женится, раз она без оглядки бежит на свидание и уже пытается наряжаться для него. Другого объяснения у Стаса не было.

Он поотжимался еще немножко, сделал упражнение на растяжку мышц — и утренний комплекс закончен. Стас посмотрел в окно: грязно, пасмурно. Снег так и не выпал пока.

Пробежку на сегодня Стас решил отменить. Отдыхать так отдыхать! Он еще в себя не пришел после той бурной ночи.

Легкость в теле кружила почему-то голову, и Стас бы смог бы много-много пробежать сегодня. Не стал. Слишком уж легко, слишком хорошо. Эта легкость Стаса сильно настораживала.

Десять часов дня! Десять! Ну и проспал он, привыкший вставать максимум в восемь утра, даже когда у него в гостях была Алиска или какая-то другая веселая девчонка. Стас вставал, заваривал чай, иногда даже готовил завтрак — он не гнушался это делать, ведь в полях на учениях приходилось и сухпайками питаться, а иногда и самим кашеварить. Да и что тут особого готовить на завтрак? Ну, кашу там сварить или омлет сделать. А Зоя Алексеевна, его приходящая домработница, хлопотливая болтушка лет пятидесяти пяти, года два назад научила Стаса печь блины. Чем он иногда тоже пользовался, чтобы не потерять навык.

Стас ни от кого никогда не хотел зависеть. Поэтому учился всему, что ему было полезно.

Алиске, встававшей намного позже Стаса, доставался обычно готовый завтрак. Эта красота могла есть все подряд, никогда не сидела на особых диетах. А фигурка оставалась обалденной. Бывает же такое.

После утренней зарядки Стас прошел по коридору в ванную. Вот где он оторвался, покупая квартиру. Поставил и душевую кабину, и джакузи с гидромассажем — сказывались его контракты, когда и душа-то могло не быть толкового, а о ванной все только мечтали.

Быстро принять душ и нормально поесть. А потом... нет, не звонить ей. Ни в коем случае не звонить, хотя так и подмывало.

Эта вредина не осталась на ночь. Может, и к лучшему — пробуждение утром было бы для нее нелегким. Засмуцалась бы, не знала, куда глаза деть...

Стас часов в десять проводил ее, молчаливую, до двери. Напоследок прижал в подъезде к давно крашенной синей краской стене, поцеловал и немного потискал. Кажется, ей это понравилось. Стас уж стал было надеяться, что она позовет его к себе на ночь...

Но она не позвала. Ладно, пригласим сами, мы не гордые.

Горячие струи воды били мускулистую спину Стаса. Он намыливал голову шампунем.

А ведь это не коньяк — выпили-то всего ничего, да и Стас втихаря отставил рюмочку: не понравилось ему, что все время она платье одергивает. Не прячет ли там что? Может, не помогли никакие Стасовы договоренности, и ее избил — так, несильно, чисто чтобы

припугнуть, и Вероника изо всех сил скрывает синяки? Только чтобы Стас не помогал, ага. Она же сама со всеми разберется, ну-ну. Что нам стоит коня на скаку остановить али избу подпаленную спасти? Да фигня.

Пришлось воспользоваться старым, как мир, способом со столовыми приборами. Пусть только встанет из-за стола...

Но то, что увидел Стас под платьем Вероники — а вернее, то, что из-под платья выглянуло — переплюнуло все самые немислимые Стасовы фантазии и переживания.

Бантики, мать их!

Вот этого он никак не ожидал. На мгновение мелькнула шальная мысль — а может, для него сюрприз хочет сделать? — но потом Стас отмел эту глупую надежду. Так не делают. И что-то там про уйти и про ребенка — вообще отмазка ни о чем.

Ну а дальше все случилось как случилось.

А ведь это не коньяк... Стас не ждал такой раскованности от Вероники, а от себя — подобной реакции. А ты попробуй, потяни процесс, если твоя женщина кричит и извивается на столе, и кончает поразительно быстро, а ее внутренние мышцы сжимают тебя так, что тянуть с разрядкой становится нереально?

Конечно, первый раз все закончилось за несколько минут. Второй уже Стас постарался исправиться, быть понежнее и потянуть все подольше, но опять плохо вышло. Да что ж такое? Он всегда гордился своей выдержкой. Не зря Алиска разводила кипиш, когда Стас ее отшил. Закончилось блаженство-то. Рамзанчик вряд ли будет думать об удовольствии Алисочки. Накупит ей, конечно, золота, одежды дорогой, но уныло правильной, спа-салоны да развлечения, скучные для вольнолюбивой русалки.

Но того, что у них было со Стасом, Алиска точно не получит. Кусай теперь локти, красавица!

Воскресенье, утро (половина одиннадцатого, по некоторым часам, еще утро). Вечеринка у Туза, бушевавшая всю ночь субботы, еле-еле начинает раскачиваться. Сейчас Туз один и не очень занят. Можно навестить его, спросить о здоровье... Стас уже месяц не был у него.

У Туза в субботу и воскресенье табунами ходят красивые девушки. Его огромный дом может разместить всех. А если кому приходится спать вдвоем-втроем в комнате, так ни одна не пожалуется. Быть приглашенной к Тузу — великая честь. Здесь можно найти богатого любовника, в редчайших случаях — мужа. Вот почему всеми правдами и неправдами стремятся туда прошаренные модельки и просто охотницы за деньгами.

Посмотрит на них, отвлечется. К тому же, периодические поездки к Тузу благотворно влияют на бизнес — в этом высказывании Стас убеждался, и не раз.

А если честно, он просто давно хотел увидеть старика.

Стас быстро оделся — джинсы, свитер. Никакого дресс-кода в дом Туза не было, а для него — тем более.

Перед поездкой Стас заехал в элитный табачный магазинчик и купил дорогие сигары — те самые, которые курит Туз. Тот в этом не нуждался, конечно, просто Стас часто так делал. Ему хотелось дарить старику подарки.

Дом находился за городом, но для определенного круга этот дом был центром мира.

Огромный парк вокруг с высоченными соснами — Туз очень любил запах хвои. Белокаменный дом с колоннами всегда вызывал у Стаса смутную улыбку. Вот так посмотришь и сразу не скажешь, что этот монументальный дом в классическом стиле на самом деле — место разврата. И что внутри отделан он сверхсовременно. На первом этаже

есть одна комната, где и бар с услужливым барменом, и настоящий камин, возле которого лежит медвежья шкура, и восточный уголок с непременно подушками, и бассейн, и уголок с цветником. На что хватило воображения Туза — все впихнули в необъятную комнату.

Дом был так похож на Туза. С виду — сухонький старичок в неприменном костюме. А копнешь глубже...

Через час Стас подруливал к массивным воротам, преграждающим посторонним вход на частную территорию. Парк был обнесен со всех сторон высоким кирпичным забором, перелезть который было проблематично, да еще пущенный по незаметным проводам ток... Стас не позавидовал бы умнику, рискующему пробраться в частное владение Туза.

А еще у мнительного старика были неплохие ребята — охранники. Некоторых надежных парней Стас сам устроил к нему. Платил Туз хорошо.

Вот и сейчас ворота открылись, и Стас беспрепятственно проехал вперед. К машине подбежал один из охранников, и Стас опустил стекло.

— Стасон, здорово! Сто лет не видел...

— Здорово, Гром. Че там отец, зажигает?

— Да все, как обычно. На вечеринку?

— Не, отца проведать решил. Посижу чуть и обратно. Сам нормально?

— Да че мы, мы нормально. Отец то учения у нас проводит, то подарки дарит за успешные маневры. Развлекается, короче.

— Подарки — эт хорошо. Ладно, бывай, потороплюсь, а то веселье начнется, а мне оно пока без надобности.

— Давай, Стасон... — паренек в бронежилете отошел от машины Стаса.

Несколько поворотов по идеальной дороге в лесу — и Стас увидел перед собой белый трехэтажный особняк с греческими колоннами. Как обычно, цыкнул и мотнул головой. Вот не вязалась красота неписанная с тем, что в доме может твориться. Сколько лет этот особняк уже видит, и каждый раз — как в первый.

Стас поставил машину на стоянку возле дома, где его джип затерялся среди модных навороченных иномарок, захватил упаковку сигар и прошел к двери. Непременный обыск перед дверью, дотошный и обстоятельный (здесь ни для кого различия не делали, ибо старик не доверял никому), и Стас вошел в дом и шагнул в скандально известную комнату.

Туз всегда сидел недалеко от бассейна, на специальном возвышении, никогда не принимая участия в творившемся вокруг него «веселье». Наблюдал издали, иногда одобрительно улыбался или кивал головой, иногда насмешливо или презрительно морщился. А еще он так умел курить сигары, что только одно созерцание неторопливого, немного ленивого, действия превращало Стаса в кролика, который замороженно наблюдает за удавом. Стас мог смотреть на элегантно курящего сигары Туза часами. Это были жесты истинного властителя, каким и был Туз.

Тузу уже перевалило за шестьдесят. Точный его возраст Стас не знал. Когда они познакомились, Туз уже был далеко не молод. Эдакий самый обычный старичок в очень дорогом, правда, костюме. И порой даже при галстукке.

«Мне ты очень понравился, мой мальчик, — сказал много лет назад после боя на ринге побитому, окровавленному, но непобежденному Стасу сухощавый старикан в сером костюме, — ты же пока не знаешь, кто я? А я тебя хочу пригласить к себе в гости...».

Стас равнодушно пожал плечами, бесстрашно встретив предостерегающий взгляд двух

громил, неотступно следующих за стариком, но покорно пошел туда, куда указал ему старик. И пока неизвестно откуда появившаяся медсестричка перевязывала Стаса, старик говорил...

Стас стал частым гостем в доме Туза, или отца, как называли его охранники и некоторые — за глаза. Голову кружило обилие легкодоступных баб только вернувшемуся с последнего контракта Стасу. На контрактах к доступным женщинам он относился с опаской, к недоступным не лез, тем более, срывать лавры любвеобильного и ветреного Пули ему не хотелось, поэтому подобное знакомство было для Стаса как манна небесная. Набарагозил он тут в давнишние годы, да так, что иногда вспоминалось — и самому не верилось, и становилось местами стыдно за себя прежнего.

А потом все приелось, и Стас, вместо того, чтобы выпивать и тусоваться с модельками в бассейне, начал просиживать подолгу рядом с Тузом, несколько отстраненно, как и он, наблюдая за происходящим.

Сегодня Туз сидел не на возвышении недалеко от бассейна, а в цветнике, и вдыхал аромат роз, растущих у него круглый год. Его настоящее местоположение было неудивительным: в комнате почти никого не было. Несколько девушек заканчивали наводить красоту у бассейна, а из гостей еще, видимо, никто не встал.

— Давно не был, мой мальчик, — Туз, как всегда, был в строгом костюме. Аккуратно подстриженные височки — Туз мог похвастаться седовласой шевелюрой, не тронутой лысиной — острый, принизывающий насквозь взгляд. Но Стаса взгляд не смутил. Он широко улыбнулся и положил на столик коробку сигар.

— Привет, Алексей Георгиевич. Рад видеть. Сто лет не был.

— Балуеть старика, — ухмыльнулся совершенно не нуждающийся в подобных подарках Туз, — ну здравствуй, тоже рад тебя видеть. Что нового? — вновь пронизывающий, как рентген, взгляд.

— Да все по-старому... Дела идут понемножку...

Туз наклонил стебель одной из роз, вдохнул аромат цветка. Блаженно закрыл глаза.

— Слыхал я, терки у тебя с Рамзаном?

Скрыть что-то от Туза было невозможно.

— Да какие терки, — махнул рукой Стас, — Алиска ушла от меня к нему. Отпустил ее, вот и все...

Туз знал Алису лично. Именно у него познакомилась она со Стасом.

— Верно. Туда их, негодных шалав. Слыхал я, ей невесело с Рамзанчиком живется. Хулиганит он, надо полагать. Значит, за другой девушкой приехал, — понимающе улыбнулся Туз, — изволь. Сам же знаешь: сводничать — мое излюбленное занятие... пойдём, — Туз встал с резной скамейки. Стас молча пошел следом.

На возвышении, неприкосновенном месте Туза, они сели за небольшой столик.

— Вот, посмотри, — начал Туз деловито, — в синем купальнике — Жанна. Ох и девка, как говорят! Сиськи, правда, силикон, ну да ладно. Тебе-то, поди, экзотика. А вон — блондинка Машенька. Сла-адкая девочка! Сам я немного того... дышу к ней часто-часто.

— Так в чем проблема, Алексей Георгиевич?

— Ан, Стасик, дружок... скучны мне эти бабы. Держу вот, для декору, спонсирую. Сам знаешь. Они у меня как сыр в масле. Ты приглядишься. Найдем мы тебе девку почище Алиски... — у Туза уже глаза блестели, дай только посводничать.

Стас внимательно посмотрел туда, куда указывал ему старик... и понял, что ни до Жанны, ни до Маши ему нет никакого дела.

— Я...я тут сам женщину встретил, — потупившись, тихо сказал Стас. Иначе хлопотам старика по поиску любовницы для Стаса не будет предела.

— Да? — Туз не спеша начал раскуривать сигару, — Говори, мой мальчик, говори. Я с удовольствием послушаю. Кто она?

Стас замялся. Как рассказать-то?

Старик прищурился.

— Кем работает?

— Она учительница.

Туз многозначительно поднял брови.

— Преподает русский в школе, — Стас потупился еще больше.

Туз издал незабываемый звук «п-п», который так царственно получался только у него, и дым от сигары устремился в разные стороны.

Некоторое время он не говорил ни слова, лишь задумчиво курил.

— Ясно, — наконец сказал Туз, и Стас понял, что тема закрыта. И что ему не добиться от Туза жестокого порицания за Веронику, на которое он так надеялся.

Надеялся хоть немного остыть от неизвестного жара во всем теле и избавиться от навязчивых мыслей.

В огромный зал тем временем зашли несколько гостей в плавках, включили музыку. Они радостно приветствовали девушек в бикини, гладили их, громко предлагая массаж и водные процедуры. Стас поморщился.

— А ведь когда-то ты был именно таким, мой мальчик, — ласково заметил Туз.

— Это после армейки. Сейчас — нет. И даже не хочется. И вроде и бабы красивые, а что-то...не то...

— Умнеешь, Стас. Сказал бы — стареешь, да не скажу. Ты ж видел, много у меня моего возраста в бассейне перекупалось, и не только... Набираешься мудрости. Хвалю. Беседовать с тобой я обожаю. А теперь развлечения меня рассказом о своей учительнице. Я давно о таких ничего не слышал.

Итак, я собираюсь на настоящее. э-э... свидание со Стасом. Даже странно для меня соединить эти слова — Стас и настоящее свидание.

Жужик скачет вокруг, намереваясь опять испортить очередные колготки, но мы, наученные не скажу каким опытом, сегодня к Стасу пойдем в джинсах. Чтобы диалог наш все-таки получился.

— Вот так вот, спасай бездомных псов, — ворчливо говорю я попрыгушке Жужу, — а они тебе потом всю жизнь переменяют и карму индийскую перетрясут.

Кто, скажите мне, испортил приличные колготки? Жужик.

Размышляю над афоризмом Льва Николаевича о том, что нужно просто стараться не делать зла, а не стремиться к добру, и решаю, что великий писатель в данном случае все-таки был неправ. Не забирай я тогда с улицы Жужу, разве я познакомилась бы со Стасом? И уж точно не догадалась пойти к нему в таких чулках...

Жужик радостно виляет хвостом, преданно заглядывает мне в глаза коричневыми глазками-бусинками. И ни о чем не жалеет.

А я закончу уже, пожалуй, играть в журналиста, задающего непродуманные вопросы, и остановлюсь на самом главном, ибо вопросов, на которые я хотела бы получить ответ от Стаса, всего три.

Первый: Стас, зачем тебе нужен секс со мной?

Боюсь, ответ меня не очень устроит, и вопрос глупый, но — оправданный и вполне обоснованный.

Второй: а ничего, что у тебя уже есть девушка?

И третий: эти наши с тобой отношения-надолго? И получают ли они развитие? Вторую часть вопроса я вряд ли задам, но первую — постараюсь обязательно.

Потому что срочно нужно определиться, сближаются ли наши дороги с Робертом — или я говорю ему «гудбай» в лучшем виде улыбочивых американок. Встретаться сразу с двумя — это, знаете ли, подло. По отношению ко всем.

Хотя, возможно, после такого случая Роберт больше мне не позвонит никогда. Ведь, получается, я ему отказала!

Но что-то мне говорит, что мы еще с ним не раз увидимся. Если ему можно на свидания вести меня в свою секту, почему мне нельзя по уважительной причине отменить свидание?

По уважительной. Ха-ха.

Натягиваю свитер. Мы же разговаривать идем, да, Вероника? Исключительно поговорить. Может, Стас попристаёт для начала (а он так и сделает), потом перестанет, и я задам свои насущные вопросы. Это делать в начале отношений категорически нельзя, мне это делать самой не хочется, но...

Я не могу иначе. Меня так не учили.

Я бы поняла другие отношения, с цветами и взаимной приязнью. Можно и без цветов. Там эти вопросы вообще не актуальны, как вопрос о другой девушке (ее попросту не предполагается), а стальные решаются по ходу развития. Совершенно нормальные, стандартные отношения.

А здесь что?

Это — не отношения. Просто — желание, страсть... называйте, как хотите. Досиделись

холодными осенними вечерками за шахматами, насмотрелись друг на дружку, и из «друзей» в кавычках превратились в любовников, или как там назвать нас со Стасом.

Это — ни о чем.

И пусть наши взгляды совпадают на некоторые вещи, и мы уже немножко привыкли друг к другу, у Стаса нет самого главного — любви ко мне, даже малой толики влюбленности. Нет ее, и ты никуда не денешься. Как говорил апостол Павел: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви — то я ничто», так вот, если перефразировать апостола, без любви (или хотя бы такого понятия, как «сильно нравишься») любые отношения — ничто. И не надо воображать себе что-то и фантазировать.

А я? Люблю ли я Стаса?

Я влюблена. Я очень влюблена, и события субботнего вечерка еще увеличили зависимость от него. Хочется еще, хочется продолжения... Но я не доверяю Стасу. И внутренне готовлюсь к тому, что сегодня вновь столкнусь с безразличием и его насмешками, и даже с эдакой кратковременной потере памяти по поводу прошлой встречи. С него станется. Герой добился своего — герою больше ничего не надо.

И вообще, любовь — это чувство очень глубокое и трепетное. Ни у одного из нас ее пока нет.

Но я хочу быть с ним рядом, делить радости и потери...

Веронику прошибло на лирику, сказал бы Стас. Его-то никогда не прошибает.

Джинсы, свитер. Зачем-то я надела красивое белье. Не разобралась, зачем, но надела. Хотя что разбираться? На всякий случай.

Нужно сказать, что ты, Вероника, только зря теряешь время. Стас не создан для семьи. Вернее, не сейчас и, возможно, не с тобой.

Тогда — что это?

Обычная Вероникина блажь. Кому что, а нам — подавай героя.

Лучше бы подумала о том, что сказать Роберту, занудно поучает циничный внутренний голос. А ты не звонишь ему и совсем забыла про эти отношения, а они ведь более перспективные!

Глажу Жужика по упитанному животику, который он доверчиво подставляет мне, валяясь на полу, надеваю сапоги и куртку и, щелкнув выключателе в прихожей, выхожу из квартиры.

Если воспользоваться некоторыми выдержками из лексического запаса Стаса, то «зачем об этом думать» и «эту тему мы закрыли».

Могу же себе позволить иногда не размышлять над происходящим, а просто — жить?!

— Опять ты в джинсах, — говорит мне Стас, лишь только переступаю порог его квартиры.

— А ты опять, между прочим, без рубашки, — не отстаю я. Ирония и юмор — прекрасное оружие, когда тебе немножко неудобно. Веронике же неудобно сильно.

— Мне больше нравится, когда ты платье одеваешь. Тебе идет.

Здесь не нахожу, что ответить, поэтому парировать нечем.

Ба-тюшки! Сейчас мне Стас типа комплимент отвесил? Ого... И без предупреждения.

— Раздевайся давай. Чего стоишь? Здесь тепло.

— Погулять не хочешь? — безнадежно интересуюсь я. На улице ветрено, и моросит дождь.

— А ты?

Стас хитро щурит серые глаза, всем своим видом показывая, что я произнесла свою миллионную глупость.

Снимаю сапоги и куртку, немного краснея под его насмешливым прищуром.

— В шахматы? — объявляю бодро.

Стас запрокидывает голову и смеется чуть не до слез.

— Ну, если это так теперь называется, то — в шахматы... — Стас приобнимает меня, и его рука тут же проникает под кофточку.

— Стас, надо поговорить, — произношу очень быстро. Еще пара секунд, и будет не до разговоров.

Стас замирает.

— Позже, — хрипловато шепчет мне на ухо, прижимая к стене, — Вероничка, позже...

«Надо поговорить» — вот слова, которые Стас не терпел в женском исполнении.

Потому что они намекают на то, что между женщиной и Стасом предусмотрены какие-то договоренности, некий устав, который Стас вдруг нарушил. А он никому ничего не должен.

Не был должен — и вряд ли будет.

Он уже не раз и не два слышал подобные фразы, но в исполнении Вероники слова прозвучали очень увесисто и серьезно. Хотя Туз предупреждал, что так будет. «Обычные женщины, Стас, не чета вон тем, в бассейне. Они другие...»

Стас был готов пробежать пятьдесят километров по пересеченной местности с автоматом наперевес, лишь бы не слышать этих слов и не начинать с Вероникой ненужную болтовню на тему «поговорить». Все разговоры у баб сводятся к одному — «про тебя и меня».

Ну что он ей скажет? «Подруга, секс с тобой — одно удовольствие. Я даже не ожидал, что ты такая горячая штучка будешь, что у меня на тебя встает на раз-два. Очень хочется перейти уже в эту секунду к делу, да ты вопросы лишние задаешь».

За это он тут же благополучненько схлопочет по роже. Сам понимает, не маленький.

Было еще кое-что, правда. Уже давно было. Но для этого Стас не мог найти нужные слова. Как собака — чувствует что-то, а что — неясно. Но даже если бы он и нашел слова, ни за что не озвучил.

Веронике про его чувства знать необязательно.

Разговор следует сразу перевести. Что придумать?

Туз улыбался, когда Стас рассказывал ему про пса и Веронику.

«А что же ты, Стас, не притворился сирым и убогим? Твоя баба, смотрю, обожает таких. И переспать с ней получилось бы сразу — она бы пригрела тебя, сироту казанскую... Э-эх! Молодо-зелено!»

Начать жаловаться? А на что?

Не подходит.

И у Стаса оставался один единственный выход.

— Позже, Вероничка, позже... — Стас ждал этого все воскресенье и половину понедельника. И сейчас она объявит, что он как-то не так на нее реагирует и хлопнет дверью перед его носом, уходя прочь?

Не пойдет.

— Ванная тебя ждет, — пробормотал Стас в ответ на свои мысли, заводя руки Вероники вверх и сильнее вжимая ее в стену своим телом.

— Да что ты мне все про какую-то ванну? — возмутилась Вероника, пытаясь переместиться чуть вбок. А сама покраснелась, и глазки прячет, и дыхание стало неровным — Стас не стал скрывать своего возбуждения: прижался к ее телу своими бедрами. Пусть не помышляет даже, что уйдет так легко и просто.

— Это я фантазирую, — тихо-тихо сказал Стас, проводя языком по шее Вероники и целуя ее за ушком. Вероника дернулась всем телом.

— Стас...

— Ну до чего же ты болтливая, просто жуть какая-то. Попозже все расскажешь.

— Ну так, может... все-таки до спальни доберемся? — Вероника подняла руки, пытаясь упереться ладонями в грудь Стаса и хоть немного отстранить его.

«И, значит, пока мы добираться будем, ты мне выложишь по дороге все как на духу? — развеселился Стас, — э-э, нет, дорогая. Хитришь. Не получится обмануть-то».

— А что тебя в прихожей не устраивает? — вслух произнес Стас, приподнимая свитер Вероники и игнорируя ее бестолковое движение — не подвинет она его никуда, — меня так даже сильнее возбуждает. Ты — и в необычном месте...

Все, хорошо болтать. Стас сказал эти слова — и осознал, что до спальни он не дотерпит. В любом случае. Слишком хорошо приложился телом, а Вероника еще вырваться придумала, вертится недовольно, как змея, задевая все причинные места и только распаяя Стаса.

— Стас, ты что! А соседи? Как считаешь, им приятно будет?

Стас хмыкнул. Правильная училка вечно печется о ком угодно, только не о себе.

— Им будет полезно. Для здоровья. Не думай ни о чем: здесь люди все занятые, в это время никого дома нет. Я тебя успокоил, зайка? — Стас справился с застежкой ее джинсов, но снимать их самому было неудобно: ослабишь оборону — вырвется и начнет говорить.

— Вероничка,ними джинсы. Сама ними. И свитер... — прошептал Стас ей на ушко медленно и чувственно. И опять прижал Веронику к стене, потерялся об нее твердым членом, оттягивающим джинсы в нужном месте сверх приличия сильно. Вероника чуть покраснела.

— Может, отойдешь все-таки? — в ее голосе, несмотря на краску на лице, звучала ирония, — иначе я ничего снять не смогу. Ты так сильно прижимаешься... — Стас отступил на шаг. Но не дальше.

Вероника осторожно стянула свитер. Алиска со своим почти профессиональным стриптизом не возбуждала так, как эта, неторопливо снимающая свитер, стремящаяся потянуть время до последнего, лишь бы не остаться в прихожей.

Но все случится здесь, моя лапочка, хмыкнул про себя Стас. Как бы ты не тянула с раздеванием.

— Джинсы, — напомнил Стас Веронике, жадно разглядывая ее грудь, оттененную красивым бельем. Интересно, она всегда под невзрачную одежду красивое белье надевает? В прошлый раз, если честно, он, кроме пресловутых чулков, в пылу страсти ничего из белья не заметил — или внимания не обратил. Не до того было. Совсем тогда ополоумел, ага.

А потом не ней уже ничего не было. Вероника дрожала, так что пришлось отнести ее в комнату, положить на кровать и, накрыв ее одеялом, лечь рядом, согревая своим телом. А потом Стас просек, что дрожит-то Вероника не от холода...

Сейчас же было время разглядеть ее подробнее.

Ну да, с того момента, как он увидел ее в кафтанчике, она похудела. Или кафтанчик старенький всегда ей был велик? А когда она бегала, тоже красивое белье надевала?

О-о, что же он так долго тормозил...

— Ты джинсы будешь год снимать, а? — получилось сказать внезапно севшим голосом.

— Я же аккуратно, не могу сразу снять! — завредичала Вероника.

Как пить дать, коза. Трахаться в прихожей не хочет. Соседи, видите ли, да и вообще. Пакостит по-мелкому.

Стас не мог понять, что происходит, но неуступчивость распалила его еще больше. Еще немного — и мозги отключатся. Бывает иногда. Тогда он такого наделает, что Вероника сразу позабудет, как это — медленно раздеваться.

Стас снял за пару секунд с себя джинсы — больше ничего он предусмотрительно не надел. Прямо как в воду глядел. Вероника тем временем спустила свои джинсы лишь на пару сантиметров, обнажив кружевные трусики телесного цвета. Вернее, их верхнюю часть.

— Бл. ть... — только и сказал Стас. Незамедлительно слупил с нее и штаны, и трусики — не стал тянуть время и разглядывать, как уж там выглядит нижнее белье. Потом покажет.

Если Алиску, равную с ним по росту, можно было толкнуть к стене и, раздвинув ей ноги, делать все, что ни придет в голову, то с Вероникой, которая была пониже его ростом, это не получится.

Нужно держать на весу.

Стас приподнял Веронику, не обращая внимания на ее возмущенный вскрик. Пусть себе вскрикивает сколько угодно.

Он удобнее перехватил бедра Вероники, еще немного приподнял, прислоняя к стене — так ему будет сподручнее. Одно движение — сильное и глубокое — и член Стаса легко скользнул туда, куда следовало. Никакого дискомфорта Стас не ощутил.

— Вероничка, зачем говоришь, что здесь не хочешь? — сквозь зубы процедил Стас, чуть толкаясь в ней, — ты вся такая влажная, неужели не все равно?

А она только застонала, закрыв глаза, и положила руки на его плечи, ища опоры.

Стас закусил губу. Всегда врет или хорошо скрывает. Правильная маленькая девочка.

Движения были в этот раз ограничены, но, кажется, Веронике это положение понравилось, а Стасу — так тем более.

Мышцы его рук, привыкшие к нагрузкам, приятно и привычно болели, но Стас почти не замечал напряжения, вернее, оно добавляло остроты ощущениям.

Горящие нервы мышц, горящее тело Стаса... и горящая вместе с ним женщина, обволакивающая его член нежными сокращениями плоти.

Стас кончил, когда ее мышцы только-только сильнее начали сокращаться. Прижался к ней всем телом, ловя эти только начинающиеся волны оргазма.

А не фиг было со штанами тянуть!

В глазах Вероники, опуская ее на пол, Стас увидел разочарование.

— Вообще-то, есть такое понятие — предварительные ласки, — начала было она, мило скорчив недовольную мордашку, но Стас не дал ей продолжить: поцеловал в губы, дерзко прервав все претензии. И заверил, чуть отдышавшись:

— Это вступление. Думаешь, на нем все закончится?

— Думаю, — Вероника переступила с ноги на ногу, — Стас, будь человеком, дай помыться...

— Ошибаешься. Пошли, — кивнул Стас, взяв Веронику за руку. Открыл дверь ванной,

достал полотенца из шкафчика.

— А...ты...

— Вместе помоемся, — широко улыбнулся Стас, — ты ж ничего не имеешь против?

— Я как-то...перед мужчинами не мылась.

— Так нужно начинать, не считаешь? Хочешь, я тебя помою?

— Э-э... нет, пожалуй.

— Можешь меня помыть, — подмигнул Стас Веронике. Она кинула на его мускулистое тело сомневающийся взгляд, но потом гордо подняла нос.

— Мойтесь сами.

— Переставай дуться, — Стас чмокнул Веронику в щечку, зашел в душевую кабину, включил холодную, затем горячую воду, — Стасик же обещал продолжение банкета. Только для тебя одной. Лады, лапочка?

— Ну-ну, — насмешливо протянула Вероника.

— Не доверяешь, — цокнул языком Стас, — а я разве тебя когда-нибудь обманывал? Да провалиться мне на этом месте... — Стас подал Веронике руку, и она на удивление послушно зашла в душ.

— Потеплее бы, — тоскливо сказала она, съезжившись под теплым струями.

— Так? — Стас прибавил горячей.

— Да, так лучше, — Вероника распрямила спину. Стас попялился на ее грудь: под стекающими по ней каплями воды она смотрелась очень эротично. Размер от второго к третьему, и больше третий, на глаз определил Стас. Конечно, все это он определил и раньше, наощупь, но здесь уж точно удостоверился.

Стас выдохнул и перевел взгляд на полочку с мочалками и гелем для душа. Новых губок был несколько: Стас озаботился выкинуть все вещички Алисы. Купил парочку — про запас. И тут же пригодились.

— Ну, гель для душа только мужской, — пожал плечами Стас, протягивая баночку с надписью «мен», — но скажешь, куплю такой, какой захочешь. А сейчас придется этим...

— Ничего, — ответила Вероника почти спокойно, но Стас понял, что что-то в его словах ее смутило. Стас не стал заострять внимание: налил гель на новенькую мочалку, провел по телу Вероники.

— Спокойнее, дорогая. Я не кусаюсь...

— Отдай, сама, — Веронике, видно, было не по себе, — безграничный ты наш! Ну что за... — и Вероника оцепенела. Еще бы: пока она следила за тем, как Стас специально медленно водит губкой по ее телу, вторая рука Стаса легла на темные волосы на лобке, и один палец уже начал гладить клитор.

— Это типа продолжение банкета, да? — насмешливость вернулась к Веронике, — Стас, да брось ты, я переживу...

Стас действительно бросил. Мочалку. Посмотрел задумчиво. Можно было бы и здесь, конечно, но неизвестно, как наша умница воспримет то, что собирается сделать Стас. Вдруг правильным девочкам этого делать нельзя-нельзя? Была бы другая, он бы не волновался, но Вероника вечно преподносит сюрпризы, поэтому с ней нужно быть всегда настороже.

— Думаю, мы прервем сеанс. Вернемся к душу позже, как считаешь? Пошли.

— Стас, ты собрался сделать какую-то подлянку, да?

— По глазам видишь? Нет, дорогая. Все честно и откровенно. Вытирайся, идем.

— А куда идем?

— В спальню.

— Ты ж вроде бы туда не хотел?

Стас не стал отвечать, скривив губы в хитрой улыбке. Хотел-не хотел, а обстоятельства заставляют.

— Все же для вас, дорогая...

— Ну ладно... — Вероника вытерлась и подозрительно уставилась на Стаса. Он взял ее за руку и повел за собой.

— Ложись, — первым делом сказал Стас, приведя Веронику в комнату. И лег первым.

— Да без проблем, — фыркнула Вероника, исполнив его просьбу.

— Лежи и отдыхай.

— Да как скажете...

Стас начал издалека: положил ладонь на обнаженное плечо, неторопливо, с наслаждением касаясь гладкой кожи, провел по ее телу вниз, к груди. Пусть ничто не предвещает сюрприза. Стас обвел большими пальцами рук соски Вероники, потеревил, слегка ущипнув, и вдруг почувствовал скорое приближение эрекции. Нетушки, дружок. Не торопись, попозже. Мы ж обещали.

Стас целовал грудь Вероники, медленно спускаясь к животу. Она полностью расслабилась, закрыла глаза. Стас ощущал едва различимые волны дрожи, прокатывающиеся по ее телу. Ничего. Скоро все изменится.

Целуя ее живот, незаметно продвигаясь все ниже и ниже, он обхватил ладонями ее бедра. Стас немного отстранился и, приподнявшись, раздвинул ее ноги. А потом раскрыл пальцами набухшие складочки и дотронулся до ее клитора языком.

— Не на... — Стас не стал обращать внимание на слабые попытки Вероники вырваться и протестовать. Скользнул пальцами внутрь и, помогая себе языком, начал ласкать Веронику. Это дело он знал очень хорошо — прошаренные бабы у Туза объяснили когда-то давным-давно Стасу, что к чему.

Через некоторое время он поднял голову. Вытерев губы о плечо, весело прищурился.

— Так мне продолжать, зайка? — Стас не упустил возможности поиздеваться. Пусть правильная Вероничка скажет, нравится ли ей это или нет.

Он знал, в какой момент становился. Тело Вероники уже скручивало от приближающегося оргазма, она судорожно хватала ртом воздух, голова металась по подушке, а руки беспомощно цеплялись за простыню.

Это вам за Роберта и чулочки. Будешь знать, как по мормонам бегать.

— Твою мать... — прошептала воспитанная Вероника, и по ее телу пробежала короткая импульсивная дрожь. Стас понял, что лучше не рисковать. Склонился и с помощью пальцев и языка довел дело до конца.

А потом лег рядом с совсем потерявшейся Вероникой и обнял ее, легко поглаживая по спине. Он сам сильно возбудился, пока слушал ее стоны, но лезть не решился. Она отдохнет, а там — посмотрим.

— С-спасибо, — прошептала Вероника, глубоко вздохнув.

— Я тебе о чем говорил? Мое удовольствие — твое удовольствие. Все честно-справедливо.

— Люблю честных, — тихим-тихим шепотом произнесла Вероника. Но Стас услышал.

— Откуда это у тебя? — провожу пальцами по давно зарубцевавшимся шрамам на груди

Стаса, чувствуя одновременно трепет и очередной неконтролируемый прилив желания.

Я ведь столько мечтала прикоснуться к этим отметинам долгими вечерами, когда Стас назло расстегивал свою рубашку чуть больше всех отведенных приличий и правил.

— Стасику когда-то повезло, — Стас берет мою руку, пропускает свои пальцы через мои — детишки-пятиклашки называют такое положение рук замочком.

— Это — тоже повезло? — смотрю на покрытые мелкими шрамами кисть руки Стаса. Слышу его смешок.

— Да. Просто фигня. Даж вспомнить нечего, ток неприятно было, когда это все вынимали.

— А что — это? — в ответ — тишина. Стас целует меня и обнимает сильнее. Я закрываю глаза и утыкаюсь носом в широкую грудь Стаса.

Ну вот. Опять ничего не расскажет. Но хотя бы не советует перестать задавать вопросы, и не говорит, по старинному Стасовскому обычаю, гадости. Уже большой прогресс.

— Че ты там сказать-то хотела?

Неохотно приоткрываю глаза. Мне сейчас так хорошо, что я уже забыла про все на свете.

— Потом... когда-нибудь.

Сегодня я не скажу ни слова о наболевшем. Не скажу, скорее всего, и позже.

Пусть наши встречи — ни о чем. Я же никуда не тороплюсь — почти. Замуж никто не зовет, великой любви не обещает, Роберт не предлагал серьезных отношений — за исключением подозрительной поездки в гостиницу на выходные, но и это отношениями назвать невозможно.

Главное — я очень счастлива. Здесь и сейчас.

И главное — не думать о будущем. Эти раздумья вечно портят все на свете. В дальний угол запрячем злобного червяка сомнения — любимца Вероники. Неизвестно еще, какие ты, Отче, расписал каждому из нас роли и что придумал дальше в своей мудреной, одному тебе понятной, книжечке.

«Только плакать и петь, только плакать и петь, только жить...» [□](#) Жить и наслаждаться каждой минутой, проведенной со Стасом.

В любом случае — будет что вспомнить.

*Ты думал — я Ангел с солнечным нимбом,
Парящий чуть выше земли,
Что голосом чистым в ночи предвещает рассвет.
А я же тем временем шла на работу,
Считая в кармане рубли,
И думала: стоит перчатки купить или нет?
Тебе же казалось, что я так воздушно чиста
И близка к небесам,
Но хитрая жизнь нас однажды столкнула с тобой,
И ты рассказал мне о том, что я Ангел,
И все, что ты выдумал сам.
Я слушала миф о себе — Красоте неземной!*

Ольга Тишина «Ангел»

— Вероника...

Резко поднимаю голову.

Я проверяла детские тетради. Время — половина третьего. Мой ученик, который должен прийти на репетиторство, заболел, поэтому сегодня я буду без денег, но смогу сделать больше, чем обычно. Всегда нужно делать очень много. Подготовиться к урокам, распечатать материал, найти нужные иллюстрации. К сожалению, из всяческих новшеств современного мира в моем кабинете лишь принтер — подарок родителей школе да старенький компьютер — тоже безвозмездный дар одного из моих учеников, которому родители подарили на День рождения ноутбук, бабушка — планшет, и он отдал Веронике Васильевне свое старое богатство. Но мне хватает, и я Максиму действительно благодарна. Только не нравятся Веронике Васильевне его встречи и «дружба» с Леной... А с ней ситуация тянется, и края не видно. Решать что-то здесь надо, решать...

К моменту, когда в мою дверь зашел Роберт и остановился на пороге, я смотрела в тетрадку очередного пятиклашки, но мыслями была далеко: в том вечере, когда увидела среди стайки девушек белокурую Леночку.

Может, попросить Стаса еще раз туда съездить и проверить, стоит ли она на дороге или нет? А если стоит, тогда что?

А Стас туда поедет?

Какая ты, Вероника, все-таки меркантильная. Он тебе ничем не обязан, и ездить — тоже. Да, ты с ним спишь теперь, не только в шахматы играешь, но что из этого?

Давно не играли уже, кстати. И Стас даже не предлагает. Может, самой предложить?

Улыбаюсь весело. Какие шахматы, о чем вы... Сейчас Стас нашел более перспективное занятие, нежели гроссмейстерские партии. Но я не верю, что они будут брошены навсегда. Стас очень серьезный и амбициозный мальчик, привыкший добиваться успеха во всем.

Улыбка моя потихонечку гаснет. И в деле со мной он тоже добился успеха.

Ну да ладно. За это никто на него не в обиде.

И тут я услышала голос Роберта.

Он чуть нерешительно переминается с ноги на ногу, стоя на пороге. Думаю, стоял он там уже давно, стоял и смотрел, как я в упор гляжу в тетрадку, не переверачивая странички.

— Добрый день, Роберт! — радушно приветствую его я. Не ожидала. Или ожидала?

Он будто получает какую-то команду: проходит к моему столу через весь класс, садится напротив за ученическую парту и смотрит несколько встревоженно.

— Вероника, я на минуточку, иду на вызов к ребенку. Как твои дела? Мы с Марком разволновались, звонили тебе, но телефон был выключен... И в воскресенье тоже...

Да, это так. До обеда в воскресенье я даже и не вспомнила, что забыла его включить. Судорожно включила часа в три, с испугом ожидая, что Стас мне звонил, а я не ответила... Но Стас прислал лишь смс о делах и перезвонил только вечером.

А неприятых звонков от Роберта и в субботу, и в воскресенье было много. Но я не ответила, и понятно, почему.

— Вчера Марк сказал, что видел тебя в школе и ты в добром здравии, что все нормально, поэтому мы успокоились. А сегодня я вот... забежал к тебе на минутку, чтобы удостовериться... — говорит он искренне и с таким беспокойством за меня, что мне самой становится стыдно.

Очень стыдно. Крайне стыдно.

Нужно все рассказать сейчас...

Стоп, Вероника. Что рассказать-то? И как рассказать? Остынь. Может, все иначе, чем тебе кажется. Не так уж ты и нравишься Роберту. И он объявит скоро, что нашел новую претендентку на роль своей жены и матери Марка, а именно — Лену.

— Я... извини, Роберт, что ничего не объяснила. У меня случилось такая беда... Жужик отравился, и мне уже было ни до каких поездок.

— Твоя собака, да? А что с ним было? Понос, рвота?

— Да-да... — прости меня, Жужа! Долгих лет тебе и крепкого здоровья!

— К ветеринару? — осведомился Роберт, по-деловому переходя на профессиональный прием «вопрос-ответ». Конечно, он же врач, а животные — как дети...

— Да, пришлось брать такси и везти.

— Энтерит?

— Я...я не знаю, — не будем попадаться на каверзных вопросах. Я ведь не имею представления, что это слово-то значит, — ветеринар что-то вколол...и в воскресенье тоже на такси...извини, но моя собака — это все, что у меня есть, и мне очень...

— Можешь ничего не говорить, Вероника. Я понимаю тебя. Но почему ты ко мне не обратилась за помощью? У меня же машина. Я бы довез. Конечно, я не ветеринар, но первую помощь оказать бы смог, конечно, если это не чумка и прочая гадость... Он съел что-то не то?

— Скорее всего. Роберт, мне очень жаль, что так вышло...

— Ничего страшного, Вероника, не случилось, и тебе не нужно извиняться. Мы с Марком в гостиницу не поехали, но ни капли не пожалели, что не поехали, — Роберт пожимает плечами и улыбается так открыто, — просидели дома все воскресенье, пили чай с пряниками, смотрели фильмы, вместе осваивали выжигание по дереву...только не хватало тебя. Мне. Ну... и Марку тоже.

И он смотрит на меня, а потом опускает глаза, и выражение его лица... Его не сыграешь.

А Веронике — душевная боль чуть не до слез. «Только не хватало тебя. Мне».

Отче, почему люди всегда получают не то, что они хотят? Или — то, но совершенно не вовремя?

— Мне... мне очень приятно, Роберт, что вы ко мне хорошо относитесь с Марком...

— Хорошо? Просто хорошо, Вероника? — грустно смотрит на меня Роберт, — хорошо — и только?

У него очень усталый и потерянный вид, замечаю внезапно. Да, он аккуратно подстрижен, щегольски одет, и носит черное пальто с прямо-таки заграничным лоском, но — ничего не скрывает. Я знаю, откуда эта потерянность и усталость — сама ее вижу каждый день в зеркале.

От того, что твой сын растет без матери, а ты слишком самокритичен и не мнишь, что можешь заменить ее собой. От того, что тяжело справляться одному со всем на свете. От того, что вечерами ложишься спать в свою холодную одинокую постель и не знаешь, сколько это будет длиться — год, два, десять? Ведь нужно найти своего человека, близкого тебе по духу, или хотя бы того, кто нравится. А если человечка нужного рядом не оказывается?

Роберт похож на меня. Будет лучше один, чем вместе с кем попало.

Но на мой восхищенный порыв души, который вот-вот оторвется от земли и полетит ввысь, поднимает голову прелюбезнейший червяк сомнения и душит его на корню.

Нет близкого человека, говорите? А как же Лена в болотно-зеленой юбке в пол? Вот уж кто и все принципы разделяет, и что хочешь для тебя сделает. Не нравится?

Насильно мил не будешь. Помнишь об этом, Вероника?

Так почему ж ты с ней не поговоришь и всю правду не расскажешь, чтобы больше не надеялась? Держишь на черный день?

«Вероника-а! Перестань язвить», — говаривала мне моя мама.

Ну что за дурацкий характер! Никому доверия нет.

— Я, наверное, не умею говорить о своих чувствах и слишком замкнутый, да? Но мне казалось, что...а, извини, — Роберт делает попытку отвернуться, но я протягиваю руку и останавливаю его:

— Роберт, я... я понимаю.

Смотрю с великим участием на Роберта. Насильно мил не будешь — это так.

Но у меня прямо-таки насильно?

Он будет очень заботливым отцом и мужем. Он не бросит меня и не скажет злого слова, лишь бы продемонстрировать, какой он крутой и какая я неудачница и бедная золушка.

И он мне нравится.

Не до такой скручивающей неведомой боли, которую я чувствую, когда думаю о Стасе. «Нравится» по отношению к Роберту — взвешенное, спокойное, будничное.

И он не побоялся первым сказать о своих чувствах ко мне — а это, знаете ли, похвально. И встречается у мужчин нечасто. И если встречается, то все обычно бывает не просто так, а в случае с Робертом, возможно, будет серьезно...

— Я ценю, Роберт, твое отношение... Ой, тоже не умею говорить! Когда надо сказать важные вещи, слов обычно не находится, правда? — Роберт кивает в знак согласия, улыбается мне той же улыбкой, что и у меня сейчас на лице — немного испуганной из-за того, что перед человеком раскрываешь все самое личное, признаешься ему в своих привязанностях.

— Вероника, ты мне очень нравишься. Очень. Ты, наверно, давно это поняла.

— Поняла.

Не скажу, что поняла давно, и не скажу, что особо размышляла над этим: все мои мысли были заполнены Стасом. Почти всегда — только Стасом.

А начавшиеся отношения затмили даже воспоминания о Роберте, их напрочь смели страстные объятия и поцелуи Стаса.

Секс со Стасом — это очень здорово, конечно. Да дело в том, что он вряд ли куда-то выведет. А здесь честно признаются в своих симпатиях, намекая на серьезные отношения...

Кошмар. Просто кошмар.

Роберт, где ты был два года назад? Нет, хотя бы год назад? Полгода назад?

Он жил в Питере два года назад, у него была большая счастливая семья. И ты, Вероника, тогда была ему не нужна. О тебе бы Роберт ничего не узнал и, если бы не трагедия, он бы никогда не переехал в твой город...

Зато теперь рядом с тобой двое мужчин. С одним у тебя сумасшедший секс — будто идешь по краю, а эмоции другого — твое зеркало, и ты понимаешь его боль без слов. Кого выбрать-то?

— Ты...вы с Марком мне тоже очень нравитесь. Думаю, Роберт, нам надо продолжить наше общение, — говорю лукаво. Серьезные вещи обсуждать пока рано. И я, и он это понимаем. Роберт согласен: он кивает, довольный. Я не растоптала его чувства, не ответила равнодушным «фи» на его откровенное признание. Но и не стала сильно обнадеживать.

Финал нашей истории с Робертом открыт, и действие только начинается.

А еще есть Стас, который ждет меня в машине около школы — он прислал смс, что будет через двадцать минут, и они уже почти закончились...

— Может, пройдешься со мной? До крыльца школы? А потом я пойду на вызов к ребенку. Он недалеко здесь от школы живет. Так хочется побольше с тобой побыть...

— Боюсь заболеть. Простыну...

— Накинешь куртку? Всего на крыльцо? Но ты права, не надо, что я...

— Подожди, Роберт. Я провожу...

Рано или поздно, если я буду вести двойную игру, это случится. Пусть это случится раньше, чем я полностью увязну в тягучих, как мед, и засасывающих, как болото, своих чувствах к Стасу.

Пусть знает.

Мои руки дрожали, пока я надевала куртку.

Нет, я не выйду на крыльцо ни в коем случае. Провожу до первого этажа — и все.

Могу же около лестницы передумать? Или вспомнить о неотложном деле, как это любит делать Нина Петровна?

Мы подходим к лестнице и начинаем спускаться вниз, а навстречу, рассекая волны нашей взаимной приязни с Робертом, на всех парусах несется... Нина Петровна.

Только ее вспомнишь, а она тут как тут. Интуиция? Экстрасенсорные способности? Или мечта подловить меня на чем-нибудь провокационном и из школы выпроводить?

Обложили меня, обложили. Со всех сторон. Не хватает только Стаса. Но и он где-то на подходе. Вопрос — зайдет ли в школу?

— Верони-ика Васи-ильева, — тянет Нина Петровна, а глазами так и сверкает на Роберта. Хана мормончику, как бы сказал мой десятый.

— Здравствуйте, Нина Петровна, — официально выговариваю я, но глазами сверкаю не меньше. «Нина Петровна, идите вы лесом... то есть — мимо».

— Я смотрю, родители у пятых классов чрезвычайно заботливы... и часто ходят к

учителям. Правда, Вероника?

Стерва!

— Да, Нина Петровна, — спускаюсь дальше, стараясь не обращать на нее внимания. Роберт идет за мной — он не разбирается в наших с Ниной Петровной отношениях, просто он воспитан и сдержан, а внешне эта хитрюга ведет себя очень непринужденно. Только я понимаю всю тонкость ее эзоповского языка, да и направлен этот язык исключительно ко мне. Не к Роберту. До него моей змее нет особого дела. Так, покричать о сектантах. А вот я и Роберт — в ее понятии несовместимые вещи.

И нет мне прощения.

— Вероника Васильевна, обязательно порекомендуйте активному родителю принять участие... — Нина Петровна меняет курс и спускается по лестнице следом за нами.

— Конечно, — перебиваю Нину Петровну, — я только за!

Школьный холл, почти безлюдный в это время. На скамейке, рядом со столом охранника и вахтера, сидит Стас. Небрежная спокойная поза: ноги вытянуты и скрещены, спиной упирается в стену, глаза прикрыты. Но уже — нет, не спокойная. Увидел.

Впервые в жизни я благодарна Нине Петровне. При ней Роберт не позволит себе никаких вольностей, вежливо попрощается и уйдет. Не целовать же меня в щечку при этой востроглазой мымре?

— До свидания, Роберт, — изо всех сил пытаюсь улыбнуться.

Чувствую, как воздух обретает плотность и свойства бензина. Он давит на меня. Еще немножко, лишь чиркни спичкой — и школьный холл взорвется, — приходите еще...

Краем глаза я замечаю, как Стас поднимается со скамьи.

— Я позвоню, Вероника Васильевна, — Роберт принимает мою игру.

— Сделайте одолжение...

Стас направляется к нам.

Роберт прощается и идет навстречу Стасу.

Мое сердце замирает. Я впервые вижу их вместе, и это доводит меня чуть ли не до шока.

Такие разные. Выдержанное черное пальто — и распахнутая кожаная куртка. Аккуратно подстриженные темные волосы с благородной проседью — и короткий ежик светлых волос. Доброе и понимающее выражение лица Роберта — и словно высеченное из камня бесстрастное лицо Стаса. Но все равно самое главное — не в этом, не в этом...

Как в замедленной съемке наблюдаю, как они проходят мимо друг друга.

Стас бросает на Роберта короткий настороженный взгляд. Роберт же, кажется, даже не посмотрел на Стаса, полностью погруженный в свои мысли.

Они расходятся в разные стороны. Роберт — к входной двери, Стас идет ко мне и Нине Петровне, все еще стоящей рядом.

Только сейчас я замечаю, что задержала дыхание. И выдыхаю как можно бесшумнее.

Роберт уже в дверях...

— Вероника? Твое завтрашнее занятие с Марком — в силе?

На громкий голос Роберта оборачивается Стас. Горло перехватывает — не могу говорить, только молча киваю, как китайский болванчик. Роберт открывает дверь и выходит из школы.

А Стас после небольшой заминки с вопросом Роберта продолжает идти ко мне, и в глаза ему лучше не глядеть.

— Значит, вот какой у Марка папочка заботливый, что к молоденьким учительницам

подкатывает без зазрения совести, — злой язык Нины Петровны не знает удержу. И все это слышит подходящий к нам Стас. Нина Петровна полна праведным гневом и не собирается говорить тихо:

— Нет, мало того, что он — мормон...

— Через пять минут жду тебя в машине. Не опаздывай, дорогая. Пожалеешь, — голос подошедшего Стаса негромок, но четок, и в нем прозвучала такая интонация, что Нина Петровна аж поперхнулась и натужно закашлялась.

Я не стала смотреть в глаза Стаса. Мне тоже хватило его негромкого, но безжизненного голоса.

Стас разворачивается и быстро уходит. На его по-армейски прямую осанку и широкие плечи мы смотрим с Ниной Петровной вдвоем.

И надо видеть вконец выпученные и ошалевшие глаза Нины Петровны.

А я впервые в жизни позволяю себе то, что никогда не позволяла раньше и вряд ли бы разрешила себе когда-нибудь, хотя часто хотелось сильно-сильно...

— Мать вашу, Нина Петровна! Может, стоило поорать на всю школу, как вы любите делать? У вас отлично получается...

— Да я...да что я... — Нина Петровна удивлена настолько, что не находит слов.

Но мне теперь все равно. Я бегу вверх по лестнице в свой кабинет. Уже четыре минуты с копейками секунд. Могу не уложиться в назначенное время.

Если через пять минут не подойду к его машине, он...он уедет? Мы больше не увидимся?

Теперь хана мне. И нашим со Стасом отношениям, скорее всего, тоже.

Задерживаю дыхание, медленно выдыхаю. Оставляю немного неаккуратно разложенные тетрадки на столе, бросаю в сумку несколько методичек и быстро одеваюсь. Ждать больше пяти минут Стас вряд ли будет.

Отлично, Вероника. Разговор ваш состоится. Только что ты Стасу скажешь?

Во-первых, бесполезно оправдываться.

Во-вторых, никакого компромата не было. Ну, пришел ко мне Роберт. Я учу его сына, между прочим, так что разговоры мормона со мной — это не что-то из ряда вон выходящее.

И в самых главных: я Стасу — никто. И звать меня — вы сами знаете, как. Подружка по шахматам. И это он мне решил сказать «пожалеешь»?

Теперь уже я наполняюсь праведным гневом. Заразный, кажется.

С какой радости Стас решил сунуться в мою личную жизнь? Неужели ревнует? Не верю.

Ревность отпадает. Хотя, может, немножко ее и имеется. Все-таки наши отношения перешли в горизонтальное положение, я игрушка новая, не потрепанная еще. Такую отдавать жалко.

Ему, в конечном итоге, плевать на мое счастливое будущее. Думает только о себе и своем удобстве...

Закрываю кабинет, спускаюсь вниз. Нины Петровны нигде не наблюдается: сидит, наверно, как сыч, в своем шикарном, отремонтированном родителями кабинете. И переваривает огромное количество новой информации о Веронике.

Завтра будет очень интересно послушать интерпретацию Вероникиных походов, рассказанных самой правдивой сказочницей всех времен и народов.

Но пока школьные сказки мне совершенно безразличны — решить бы глобальную проблему, маячащую на горизонте.

Я, правда, не понимаю, откуда появился жесткий тон Стаса. Скорее всего, опять будет говорить, что мормоны — не друзья человека, а тем более — не друзья женщин.

Открываю входную дверь школы и задерживаюсь на крыльце, оглядываясь по сторонам. Стаса не заметить невозможно. Он, как обычно, стоит около машины. Руки скрещены на груди. Ни движения.

Не холодно ему?

Как ни в чем не бывало, с милой улыбкой на лице, подхожу к Стасу.

— Садись в машину, — кивает он мне. Тон его голоса будто бы обычный: спокойный, буднично-нейтральный. Отошел, что ли? Ну, немножко разозлился, бывает. Только почему разозлился?

Сажусь в машину, сохраняя на лице мирную полуулыбку из серии «все в моей жизни замечательно». Стас садится в машину, захлопывает дверь. Включает мотор и печку.

— Замерз? — сочувственно спрашиваю я. Стас дергает плечом.

— Я привыкший. Это для тебя.

— Спасибо, — я очень благодарна Стасу за такие мелочи. Заметил, что я почти всегда мерзну...

— А теперь, дорогая, скажи мне, что этот придурок опять делает рядом с тобой? — Стас не реагирует на мое спокойнейшее выражение лица. Поворачивается и смотрит прищуренными глазами на меня.

Какой он... нет, даже не красивый, даже не мужественный. И не сексуальный, и не еще тысяча эпитетов, которые, впрочем, тоже бы ему подошли.

Какой знакомый до боли.

— Я учу его сына, — невозмутимо говорю я.

Стас игнорирует мои слова.

— Сына его...

— Врать переставай. Говори как есть, — холодный тон такого родного голоса.

— Хорошо — пожимаю плечами я, — как скажешь. Роберт предложил мне встречаться, а в перспективе — серьезные отношения. Возможно.

— Согласилась, что ли? — саркастический вопрос Стаса.

— Да, — отвечаю просто.

Стас насмешливо цокает языком.

— Веронич-ка! Дурью не майся...

— Я не маюсь. Я замуж хочу выйти. Замуж, Стас, понимаешь? Чтобы меня любили, уважали... Чтобы у меня были свои дети, а не только те, которых я учу... и которые на самом деле мне чужие...

Молчание — мне ответ.

Извините, Стас как — вас- там-по — батюшке. Наболело. А вы спросили не вовремя.

Мне вдруг стало легче от того, что я искренне призналась, о чем мечтаю. Легче — и одновременно тяжелее.

Стас-то точно не разделит мои мечты.

— Ну, ты мне Америку не открыла, — теперь уже Стас — сама невозмутимость, — ты и раньше говорила что-то подобное. Но, Вероника... выйти замуж за мормона? Я тебе уже раз десять повторил: он тебе мозги промывает с замужеством. Все мы, мужчины, хотим одного и того же...

— Не одного и того же, — отвечаю убежденно, — у него на кону — серьезные отношения. У тебя, Стас, не знаю. Скорее всего, нет. Это все прекрасно, что мы с тобой...

— Я понял, что мы с тобой. Я не понял, зачем тебе мормон, когда есть тысячи нормальных мужиков. И тебе в который раз повторяю, Вероничка, зайка моя. Мормон — не выход. Он не нужен тебе. Так он и разбежался — тебя замуж брать. Даже если возьмет... не стоит жизнь связывать с сектантом. Кто угодно, только не наркоманы, алкоголики и сектанты. Запиши себе на листочке и выучи наизусть.

— Можешь не учить меня, Стас. Я сама решу, с кем мне связать свою жизнь.

— О-о-о... Вероничка клычки показывает, прикольно. Да ты моя лапочка...

— Хватит смеяться. По мне, он... очень хороший человек. С ним, конечно, нужно бы еще пообщаться...

Стас многозначительно поднимает брови.

— Ты уж определись. Или хороший — или пообщаться.

Как же мне хочется хоть однажды выглядеть перед Стасом независимой и успешной! И чтобы он не мог возражать и издеваться. Детское желание, конечно. Но неужели я запомню наши встречи с ним как одну постоянную насмешку? Мне бы не хотелось. Хочется сохранить о нем совсем другие воспоминания...

— Стас, Роберт — человек верующий А верующие всегда помнят, что ты держишь ответ не только перед собой, но и перед Богом. Это больше, чем совесть... Трудно описать мышление верующего человека, но у Роберта по определению есть и нравственные ценности, и ориентир в жизни, это ясно сразу...

— Вероничка, видишь ли, верующий верующему рознь. Ты, может быть, и держишь ответ. А он? Уверена, что мормон на сто процентов правильный?

— Нет, Стас. Не уверена. Поэтому мне стоит с ним еще пообщаться. Понаблюдать, поговорить, а потом будет понятно, нужен ли мне этот человек. Только одно меня смущает...

— Дай-ка угадаю. Я, что ли? Желаете сказать мне аривидерчи, зайка?

— Нет, — говорю почти беззвучно, стараясь не глядеть на Стаса, — нет...

И закрываю глаза. Вот и подошли мы к красной черте. Я мечтала, что она нескоро наступит, что смогу оттянуть разговор и побыть со Стасом еще немного.

Режьте меня. Не могу сказать Стасу «прощай». Но обманывать не стану.

Я сказала все, что есть. Пусть будет так, как будет.

— Мне, конечно, не хочется с тобой расставаться. В любом случае, спасибо тебе, Стас. За все... — слезы душат меня. Невыносимо тяжело расставаться с тем, что тебе очень-очень дорого.

— Знаешь, Вероничка, — профиль Стаса, на который я кошусь, максимально незаметно смахивая слезинки с ресниц, четок и бесстрастен, — не нравится мне твой фрукт. Ладно, если уж ты такая упертая и ищешь чего-то великого, встречайся с ним. Я же не могу тебе ничего запретить. Встречайся, общайся, гуляй. Рассуждайте о Боге, о всяких там моральных ценностях... У меня одно условие. Спать ты будешь со мной. Только со мной.

Цепенею от слов Стаса. Но отдаю себе отчет, что запрыгала от радости сейчас, если бы могла.

Может, я и плохая. Но меня сейчас все устраивает.

— Если я узнаю, что ты переспала с ним — мы расстаемся. Делить женщину еще с кем-то — последнее дело. Я против. Захочется с ним трахнуться — предупредишь меня заранее, и разбежимся. Нормуль?

— Да... — не нахожу слов. Как Стас мог подумать, что я смогу встречаться и спать

сразу с двумя? Я тут скрыть-то едва намечающиеся отношения с мормоном не умею! А как уж меня совесть кушает за любой проступок...

— Невысокого ты обо мне мнения, — говорю тихо и обиженно.

— Жизнь научила, — Стасу все равно на мою обиду.

— Может, не там учился? — иногда я могу сказать, как говорится, не в бровь, а в глаз.

Редко, но получается. Оборону Стаса я пробила: на несколько секунд он даже растерялся, не зная, что ответить. Но после решил не заметить мой вопрос:

— Мормон не подходит тебе, дорогая. Говорю как друг. Хороший друг, которому не все равно, что ты творишь. А творишь ты чрезвычайно много и плодотворно... Не надо с ним ничего иметь общего. Присмотрись внимательнее, послушай, что он говорит. Думаю, поймешь однажды, что Стасик был прав.

— А ты знаешь, кто мне подходит?

— Нет, — усмехается Стас, — но я знаю, что мормоны не подходят никому, кто не мормоны. И, надеюсь, ты не собираешься становиться мормонкой, — он вдруг резко хватает меня за руку и больно дергает к себе. И несколько секунд я смотрю в прищуренные серые глаза Стаса, полные ярости.

— Бл...дь, попробуй только покреститься в эту веру. Узнаю — я ему морду набью, поняла? Чтобы не была такой смазливой... А тебя... — и замолкает так же неожиданно, отталкивает от себя.

Плюхаюсь на свое место. Удивительно, но мне ничуть не страшно.

— А со мной что сделаешь? — интересуюсь нахально. Так и подмывает узнать секрет.

— Получишь.

— Получу? А бить будешь на каком основании?

— А тебе кто сказал, что бить буду? — жесткий голос Стаса — и голодный взгляд.

Внизу живота сводит мышцы в один большой комок, становится жарко, словно по венам пробегает огонь.

— Стас, если я надумаю с ним спать, ты услышишь об этом первый. Клянусь, — твердо говорю я, — по-другому не умею.

— Я знаю, — легкая улыбка появляется на лице Стаса, — ты честная и наивная девочка. Таких баб надо под стекло и в музейку сдавать — сейчас не век наивности. Поэтому не хочу, чтобы какой-то мормон наобещал х. н знает что, а ты поверила и повелась. Надо же мозги иметь...

— Я их имею, Стас! Я же не сказала, что всецело доверяю Роберту.

— Про твои мозги — спорный вопрос. Имела бы их, с мормоном в жизни не связалась.

Глубоко вздыхаю и считаю до двадцати. Доказывать Стасу, что мормоны тоже люди — бесполезное занятие. Стас не хочет развивать тему, как и я.

— Ладно, поехали, наивная моя.

— Тебе не нравятся наивные. Зачем со мной связался? — сегодня мое нахальство не знает предела.

— В шахматы играешь хорошо, — губы Стаса кривит многозначительная ухмылка, а я опускаю глаза и чуть-чуть краснею.

Ухмылка Стаса еще шире:

— Поехали. Ко мне в гости. Поиграем.

Если бы Стасу кто-нибудь объяснил, чем руководствуются бабы, пытаюсь изменить свою

судьбу, он бы был этому человеку премного благодарен.

Ну что тебе не нравится? Только-только начали спать вместе. Стас не задумывался о развитии отношений — и не хотел думать. Идет как идет. Что тебя не устраивает? Живи и радуйся каждому дню. Стас всегда так жил. Потому и дни в армии никогда для него не тянулись — он был здесь и сейчас, а не так, как некоторые: «Вот дотяну до конца контракта, тогда и заживу». Глупая точка зрения.

До конца ведь и не дожить можно, всякое случается, а уж глупых смертей сколько...

Но с правильными вечно все наперекосяк. Ладно бы, Стас еще понял, если бы какие-то претензии по поводу свадьбы она бы предъявила к нему. Он бы быстро расставил все приоритеты.

Но собираться замуж за мормона и перестать встречаться со Стасом, когда и секс вроде классный, и общаются неплохо? Кидаться куда-то лишь потому, что там вроде предлагают серьезные отношения, а Стас их не предлагает? Дурдом.

Стасу стало в какой-то момент даже жаль Веронику. А потом накатила обида — значит, Стас левый какой-то? С ним каши не сварить, поэтому надо искать другого, поэтому даже придурочный мормон лучше Стаса. Он же подарит штамп в паспорте и деток!

А Стас о себе почему-то всегда думал по-другому. Он знал, что никогда никого не оставит в беде. Не оставит и Веронику, черт бы ее побрал. Ну, может, пока не обещает свадьбы, но у них ничего и не начиналось серьезного пока. Или уже началось?

От крамольных мыслей Стасу становилось жутко.

Нет, нет. Таким, как Вероника, не место в его жизни.

А кому место? Уже никому.

Он так привык. Проще, легче, удобнее. Стас серьезно относился ко всяким свадьбам. Наверное, даже слишком серьезно.

«Держи дистанцию», — улыбался Командир. Он говорил о других вещах, но Стас взял эти слова девизом ко всей своей жизни.

Но Вероника поняла. Она и не пыталась дистанцию нарушить.

Она просто мечтает стать счастливой.

«Я замуж хочу выйти. Замуж, Стас, понимаешь? Чтобы меня любили, уважали... Чтобы у меня были свои дети, а не только те, которых я учу...и которые на самом деле мне чужие...»

Стас даже растерялся. Еще бы. Когда тебя открытым текстом ставят в известность, что хотят детей и замуж, и уже, в принципе, нашли подходящего мужика, а ты рассчитывал несколько на другое — это, знаете ли, шокирующе.

И главное — что сказать в ответ? Что сказать-то?

«А сейчас — песТня!» — важно объявил бы Пуля, и затянул матерные частушки. Этот гад всегда умел и развеселить, и от ответа уйти. Стас тоже умел, но хуже, потому что такую непринужденность в щекотливых вопросах, как у Пули, еще поискать. Пуля, дебил, что ты наделал...

Стас заострил внимание к секте, потому что больше его заострить было не на чем. Мол, сектант и прочее. Ему и раньше не понравилось это обстоятельство, да и само появление мормона напрягало. Откуда появился этот хмырь? Стас очень надеялся, что после того, как Вероника прогуляла свидание, мормон сделает ей ручкой и пойдет искать себе мормонку. Ан нет, не вышло. Прицепился, как клещ.

Все дело в мелком. Сын Веронику любит, и папашка туда же...

А может, и не в мелком дело. Но по-любому — мормон Стасу теперь попортит нервы, сам того не ведая. Интеллигент хренов. Пальцецо, седые височки, мятый какой-то от усталости...

И чего тебе, доктор, на заднице ровно не сиделось?

Но через эту браваду Стас осознавал, что дело его — дрянь.

Вероника уйдет. Как пить дать. Правильные всегда выберут доктора с ребенком. Может, она и немного еще повстречается со Стасом, но каждый день следует ждать спокойной фразы: «Мы с тобой больше не увидимся».

Подобного у Стаса никогда не было.

Ее нужно было наказать так же, как Алиску. Разорвать всякие отношения, или хотя бы пригрозить прекратить встречаться — на совсем уж худой конец. Попугать зомбированием сект...

Ну и кто бы от этого выиграл? Мормон?

Стас давно так не психовал. Ладно, что сидит он в одиночестве на кухне, а не на людях.

«Никогда не показывай сильных эмоций, Счастливчик. Людьми так легко манипулировать! Точнее, легко манипулировать их страстями...»

Стас это правило всегда выполнял.

Но жизнь сама манипулирует тобой. Тут уж хоть показывай свои чувства, хоть не показывай.

«А ты другие, Стас, чувства изображай. Чтобы люди думали, что они тобой манипулируют, а ты сам ими как хочешь крутишь. Правильно, Командир?»

«Умник великий, Пуля!»

Как же их обоих не хватает Стасу...

У тебя все есть. Ты многого достиг, и еще есть перспективы. Но ты несчастлив. Понимаешь теперь, на вершине, что чего-то в жизни недопонял и слишком много потерял.

А рядом с Вероникой становилось теплее. Реально. Есть у нее непонятное свойство — согревать своим присутствием. Раньше она согревала сердце Стаса, потому что он всегда помнил, что ей намного хуже, чем ему, и отчасти ее жалел. А потом она развлекала своей восторженной болтовней о школе, собаке, — да о чем угодно! — самого Стаса. Говорила искренне, не задумываясь, как Стас отнесется к ее словам.

Сам Стас давно разучился искренне и радостно разговаривать. Слушал, дивился и немного завидовал, что цинизм не коснулся Веронички своим всепроникающим дыханием. Как ребенок, ей-богу. Пострадавший, настороженный, недоверчивый, но всегда благодарный за любое проявление теплого чувства ребенок.

Это было странно, смешно, необычно. Но все равно — притягательно.

Стас, в общем-то, понимал, почему мормон так и вьется вокруг молодой хорошенькой учительницы.

И понимал, из-за чего, кроме всего прочего, не хочет Веронику потерять.

Он сделает все, что в его силах, чтобы заставить ее хоть еще недолго побыть рядом. Засунет кое-куда свои шуточки и злые подколы, которые ей так не нравятся. Постарается казаться милым. Придумает, что можно сделать еще. А там, глядишь, Вероника разочаруется в мормоне...

Стас откинулся на спинку стула и закрыл глаза. «Сегодня играем в шахматы, только в шахматы, — заявила вредная Вероника, расставляя фигурки на доске, — я давно уже не играла с тобой. Потеряешь наработки...»

Улыбнулась ласково и чуть грустно. Как будто уже прощалась с ним.
А Стас не смог сказать ни слова против. Впервые в жизни.

— Вероника Васильевна, ну давай-айте поговорим, — ноет Марк, — давай-айте сегодня писать диктант не будем. А?

— Диктант мы напишем, Марк. После поговорим...

— Ну не-ет... — тянет хитрый мальчишка.

Он уже извел все лимиты разговоров, рассказав мне об одноклассниках, компьютерных играх (с друзьями втихаря от папы играли, но я же не выдам), новой театральной постановке в церкви, а еще о том, как нахлебался воды в бассейне. Я уже и осуждающе посмотрела на Марка, и посочувствовала великому водохлебу, и узнала исчерпывающую информацию о новой пьесе, автор которой — Лена. «Елена Витальевна нас учит», — со вздохом произнес Марк. Почему со вздохом — не спросила.

Мы занимаемся с ним на кухне, как и со всеми моими другими учениками. В комнату не хочется водить посторонних, там — только мое пространство. А на кухне хорошо, тепло и уютно. Здесь тарелки, чашки и ложки спрятаны по шкафам, максимальное количество свободного места. А в конце занятия угощу сладену кексом с цукатами — я Марку обещала. Запах уже давно ползет по всей кухне. Он мешает моему ученику: мальчик то и дело кидает голодные взгляды на духовку.

— Марк, соберись, — строго говорю я, — уже сорок минут прошло, а ты еще словечка не написал.

Марк с неохотой сжимает в кулачке ручку. Я начинаю диктовать текст, и минут пятнадцать Марк изо всех сил держится. Но лишь только проговариваю последнее предложение, мальчишка чуть ли не с радостным воплем отодвигает тетрадь ко мне.

— И ты считаешь, я это должна проверить?

— Вероника Васи-ильевна, — канючит Марк, — ну я не могу-у сегодня много проверять и писа-ать... Мне еще в церкви писа-ать...

— В смысле?

— Елена Витальевна мне дает переписывать роль. Роль така-ая длинная!!! — Марк трясет кистью, — У меня всегда руки устают. Я выучил отрывочек, но там еще мно-ого таких отрывочков, и все надо переписать от руки. Так Елена Витальевна говорит.

— Марк, понимаю, что еще придется писать, но...

— За мной папа придет.

— И?

— Вероника Васильевна, идемте с нами в церковь! Пожалуйста! Я так хочу, чтобы вы с нами были!

— Марк... — останавливаюсь и раздумываю, что сказать, чтобы и ребенка не обидеть, и церкви избежать.

Вот она, Вероника. Самая сложная загвоздка. Церковь, церковь...

Мормоны же не женятся на тех, кто не мормонки. Или женятся?

Мне придется покреститься в эту религию. А как иначе? Рано или поздно наступает такой момент, когда женщине приходится выбирать: или с мужем, или при своей точке зрения. В некоторых семьях многие вопросы проходят безболезненно, даже такой неоднозначный, как отношение к религии. Но не с Робертом. Он слишком увяз в мормонстве, и даже не в самой вере дело, а в семейственных отношениях внутри церкви.

Один старейшина Беннет чего стоит.

Смогу ли повернуть семейный парус так, чтобы увести корабль из гавани мормонства? Кто Роберту я, и кто — Беннет?

Боже, о чем думаю?

Марк заглядывает мне в глаза, все старается подвинуться поближе — прямо как Жужик, запертый сейчас в комнате (он, как и запах кекса, мешает Марку сосредоточиться). В школе Марк последним отходит от моего стола, когда звенит звонок, и первым на перемене подбегает с вопросами, и еще сотня мелочей, например, какая-нибудь конфетка в угощение или ощутимым толчок в спину соперника, который решил занять мое внимание чуть больше положенного.

Я замечаю симптомы болезни, и они меня очень настораживают. Нельзя давать мальчику необоснованных надежд, он слишком хочет ко мне привязаться...

Не умею я работать на два фронта.

Нужно...

А с другой стороны, может, Роберт скажет, что я ему не подхожу. Вот, например, после разговора о религии. Я же откажусь вступить в их прекрасную секту. Марк — не Марк, любовь — не любовь, но предать свои взгляды на жизнь...

Марк надувает щеки, высматривая в написанном ошибки, и держит наготове карандаш — он всегда подчеркивает карандашом сложные места, в которых сомневается, а потом возит по тетрадке стеркой, убирая его следы.

А может, и покрещусь при сильной нужде, думаю внезапно с непонятной злостью. Много же живет на свете женщин, которые вроде бы разделяют взгляды мужа, а сами имеют свою позицию. Просто скрывают ее ото всех. Да и в семье так уж важно, во что ты веришь? Здесь важны дети, их радости, беды и болезни, бытовые хлопоты, помощь мужу, куча мелких обязанностей... Главное — Роберт тоже верующий, и мы смотрим с ним в одну и ту же сторону. Мелкие несогласия по поводу религии — это пустяки.

Или нет? А Стас?

— Я проверил, Вероника Васильевна! — Марк подвигает мне тетрадочку, я молча беру ее у Марка и смотрю, нет ли ошибок.

Читаю одно предложение, написанное Марком, несколько раз, но не могу ни понять смысл, ни увидеть ошибки.

Как же Стас?

Вероника, что за дурацкая привычка все просчитывать заранее? Время покажет. Вдруг Стас себе найдет другую модель? Алиска, как я поняла, куда-то испарилась. Временно, возможно, а может, навсегда — но о ней ни слуху ни духу, и Стас переключил все свое внимание на меня.

Вдруг с Робертом ты не сможешь быть вместе из-за совершенно других причин, не только из-за его религии?

А если тебе завтра на голову кирпич упадет?

В мире нет ничего постоянного. Тебе ли, Вероника, не знать. Еще вчера ты ходила в лучшие магазины города, чтобы выбрать хорошенькое платьице для коктейля, а сегодня забегаешь в секонд-хенд и радуешься, что отхватила почти не ношенный свитер. Еще вчера ты смотрела из окна машины на проходящих по тротуару замученных женщин с большими сумками, а теперь ты — одна из них, и сама несешь домой неподъемные пакеты с макаронами и гречкой... Еще вчера у тебя был муж и долгожданная беременность, а в

одновременно не стало ни того, ни другого.

И ты еще загадываешь, как все сложится. Чудачка.

— Давай-ка отдохнем, Марк, — обращаюсь я к мальчику, не в силах продолжать занятие, — кекс, наверное, как раз готов...

Марк ничего против не имеет, и личико его расплывается в счастливой улыбке.

— Вероника Васильевна, я так обожаю ваши кексы! Мне они так нравятся! Моя мама тоже пекла кексы, немножко другие, правда, но очень-очень вкусные!

Мне больно слышать восторги Марка. Любит Вероника примерять чужие сапожки и, по китайской поговорке, проходить в них чужой путь...

— Марк, а что сегодня будет в вашей церкви?

— Старейшина Бенетт будет говорить. А потом немножко выступим мы с пьесой. Не все покажем, небольшой кусочек...

— Возможно, я съезжу и посмотрю на тебя. Если вы с папой будете не против.

— Ура! Папа вам хотел предложить, когда меня привез, но потом сказал, что вы откажетесь. И меня просил не говорить. Но вы же с нами, Вероника Васильевна? С нами-нами?

Марк чуть не скачет на стуле.

— Да, Марк, — говорю я, и слова отдаются эхом в глубине души, покрывают мою постоянную боль, словно мягкое одеяло — ребенка, смягчают, бесконечно смягчают то, что осталось от застаревших невидимых ран.

Пусть моя невзрачная жизнь принесет пользу миру: поможет вырасти и стать собой одному маленькому человечку, который так хочет во мне нуждаться. И даже если мне не выпадет счастья родить своего сына или дочку, я помогу воспитать чужого мальчика, который рано или поздно станет моим...

Я готова к этому. Почти.

Но два часа — проповедь и небольшая часть любительских выступлений — мне дали пищи для мозгов больше, нежели все прошлые встречи с Робертом. Пошла я туда, конечно, только из-за Марка. Ради двух минут — бесполезное двухчасовое пребывание в огромном зале в одном из ДК нашего города. Но, как оказалось, совсем не бесполезного. Для меня.

Роберт сказал после, что Марк сегодня играл лучше, чем всегда. «Для тебя старался, Вероника», — добавил довольный отец.

Я же два часа сидела рядом с Робертом и внимательно наблюдала за ним.

Неужели смогу все это терпеть? Долгие-долгие годы...

Впору было выругаться. Но учительницы не должны никогда ругаться матом, и моя преподавательская сдержанность не дала разойтись с непечатной бранью. Лишь дома я произнесла пару бранных слов, но на том иссякла.

Сомневаюсь, что смогу. Не смогу. Не буду. Даже ради Марка...

И вроде бы правильные разговоры вели, но Веронику они не устроили. Задел высокомерный тон, на который иногда сбивался старейшина Беннет. Не понравился поверхностный подход к цитатам из Библии и постоянные отсылки к Книге Мормона. Я бы трактовала Библию по-другому, но это же я, не они. И вся эта обстановка, в которой то и дело проскальзывает фальшь. Пусть здешних прихожан все устраивает, но у меня другой взгляд на веру.

Роберт и его церковь — не мое. Сегодняшняя проповедь слишком явственно это

продемонстрировала.

Особенно запомнилась Лена с программной речью и реакция Роберта на эту речь.

Юбку она передела: теперь на ней был интересный костюм кораллового цвета, тоже с юбкой, но ей он был очень к лицу. Я заметила немного румян и туши на ее лице. Смотрите-ка...

«Бог нам поможет, Бог сделает все, что хочешь, исполнит любое твоё желание». Этими словами заканчивалась вдохновенная речь. На протяжении сей вдохновенности я незаметно косилась на Роберта, на его светлое и радостное выражение лица, замечала его кивки — согласие с Леной, и понимала отчетливо — не в долгах мормонам дело, и не стоит доверять своим иллюзиям и воздушным замкам. Он полностью здесь, мыслями и чувствами.

А я здесь лишняя.

И нам не по пути, как бы ему не хотелось меня наставить на путь истинный, и как бы этого не хотелось мне. Извини, Роберт.

Светлым лучом в темном царстве стало выступление Марка, но и тут я смотрела на него уже другими глазами. А смогу ли я ему быть хорошей матерью, если совсем не разделяю взглядов отца, которые с рождения стали и его взглядами? Если думаю иначе?

Марк блистал на сцене, превращаясь из пухленького замкнутого ребенка в яркую звездочку, и зал ему восторженно аплодировал. Он был здесь дома.

А я ведь постаралась бы вытащить мальчика из этой церкви. Всеми силами бы постаралась. Я бы смогла, я знаю. Роберта — вряд ли, но Марка — точно смогла.

Но имею ли право вот так вмешиваться в чужую жизнь? На мой взгляд, ошибаются они. На их — ошибаюсь я. Нам всем хорошо в наших привычных рамках. Стоит ли разрушать чужую веру лишь потому, что ты считаешь ее неправильной?

И можно ли мне вмешиваться в отношения отца с сыном и рушить годами заведенный уклад?

Я чуть не расплакалась в зале, полном одухотворенными — и не очень — людьми. Вот и все, Вероника. Всему тому, чего ты себе напридумала, не суждено сбыться. А могло ли быть иначе?

Оглядела зал еще раз, встретила взглядом с Робертом, который тут же отвернулся — на проповеди смотреть на соседку негоже. Не могло.

Сиди теперь. Реальность-то всегда веселее выдумки.

Представляю, какая нашему военному будет радость. Издевки и насмешки обрушатся на мою голову, и первыми его словами будут: «А Стасик тебе говорил..».

— Как проповедь? — спросил Роберт, когда мы вышли из зала: я сказала, что очень тороплюсь домой, поэтому ушли первыми.

Я тяжело вздохнула в ответ. Тактичный Роберт предпочел больше ни о чем не спрашивать.

— А как я? Как я? — спрашивал Марк, прыгая вокруг нас.

— Ты молодец, Марк, — сказала я, а его отец поцеловал Марка в макушку.

Теперь придется... что теперь придется? Как-то постепенно отстранять от себя мальчика, возможно, прекратить репетиторство. С Робертом все проще: сказать при встрече, что расстаемся. Но ребенок...

Я со всем разберусь, но Стасу не скажу ни слова. Пусть думает, что общаюсь с мормоном. А потом, когда-нибудь, я признаюсь, что не сложилось. Незаметно, мимоходом... Чтобы не явился сильно на этот счет.

Мы подошли к машине, и Марк уселся на заднее сидение. Роберт это сделать не торопился, а мне ничего не оставалось, как стоять рядом с ним.

— Вероника, мы с Марком уедем три недели в Петербург. У нас там дела по наследству... в общем, дела. Я буду звонить тебе, хорошо?

— Звони, — согласилась я.

Роберт посмотрел на меня. А потом улыбнулся. Как всегда.

Три недели — целая жизнь. После, когда они вернутся, я скажу Роберту обо всем. Нужно бы теперь, но в машине Марк, а разговор не из очень приятных, и он не для свидетелей, тем более — не для ушей Марка.

— Когда уезжаете?

— Послезавтра вечером. Что у тебя завтра, кстати? Может, увидимся? Я могу зайти к тебе в школу. У меня работа до трех...

— Не надо. Хотя...ладно, заходи. Посидим в тепле в моем кабинете.

Там будет легче сказать Роберту о нашем расставании. Все-таки школа — моя территория. И плевать на Нину Петровну.

Меня высадили около подъезда, и Марк долго махал мне рукой. А я смотрела вслед их уезжающей машине и думала, что, несмотря ни на что, все вышло правильно и вовремя.

Потому что незачем тешить себя глупыми мечтами, которым не суждено сбыться. С этой мечтой я рассталась почти без потерь. Пара матерных слов дома и несколько слезинок там же — не в счет.

Веронике нелегко терять свои мечты.

Да, я сочувствовала Роберту. Да, он мне нравился немного. Я даже попыталась примерить на себя отношения с Робертом. Не вышло.

Давно надо было отправиться в мормонскую церковь, чтобы любые надежды меня покинули.

Дома первым делом подхожу к окну и сморю на березу за окном, чтобы немного отвлечься. Старинный прием всех учителей.

«Кого люблю, того наказываю». Наказал Ты меня — лучше не надо. Все эти пять лет, кроме всего прочего, я не смогла найти свою любовь — странные отношения со Стасом я в расчет не беру.

Где я ошибаюсь? Я же делаю что-то не так, Отче?

Чувствую себя, будто вернулась на пять лет назад, в ту больницу. И стою на пороге чего-то страшного.

Ситуация с Леной. Ее мне одной никак не решить, этот кошмар раскинул надо мной черные крылья. Ни войны, ни мира. Кроме того, наблюдаю некие внутренние перестроения в своем десятом классе — будто болото вспучивается. Пока не разобралась в их предпосылках, но здесь, уверена, дело нечисто.

Марк и Роберт. Самое главное — Марк, с Робертом проще. Как объяснить мальчишке, что ты всегда рада ему, но что у тебя есть своя жизнь, в которой вы не можете быть мамой и сыном, даже если он сильно хочет?

Ну, и Стас, конечно. Два пропущенных звонка от него: Вероника, как подобает на концертах и серьезных мероприятиях, поставила телефон на беззвучный режим. Перезвоню позже — сейчас не хочется с ним разговаривать. Успокоюсь немного — перезвоню.

Отворачиваюсь от окна. Жужик сидит рядом со мной. В его зубах — поводок: он очень быстро учится тому, что ему надо, а сейчас нужно пойти гулять. Сажусь на корточки и

обнимаю тут же завивавшего хвостом пса.

— Ничего, Жужа, еще не все потеряно, — оптимистично заявляю я, — мы с тобой живы, здоровы. С Божьей помощью, верно? А все остальное — будет.

— Тебе, Вероника, зачем телефон нужен? Открой секрет. Звоню, и все без толку... Наш репертуар неизменен. Опять стебется надо мной.

Или волнуется?

— Ты волнуешься за меня, Стас, что ли?

— Да епт... Нет, радуюсь, что трубку не берешь, а в каком-нибудь кустике валяешься без дыхания... Вы ж любите собирать всякие неприятности, мадам. Чувствую обоснованную тревогу... Ладно, хоре со словами играть. Что было-то?

— Меня пригласили Роберт и Марк в церковь, — отвечаю честно, — два часа проповедь, а в конце Марк играл в спектакле.

Надо видеть злобное лицо Стаса.

— Ну и как? Все, мы мормонки?

— Я не согласна со многими высказываниями их старейшины. Стас, не надо так злиться. Туда я больше не пойду, скорее всего.

Долгий и глубокий вздох Стаса.

— Я молчу, — Стас трясет головой, — я точно молчу. Не, я сто процентов — молчу. О-ох, бл. дь, тяжело... свои-то мозги не вставишь, — сокрушенно ерошит свои короткие волосы.

Смотрю в пол, по сторонам боюсь оглянуться. Целый час я убеждала себя, что все хорошо, и старалась не жалеть ни о чем и не плакать понапрасну. А потом все же перезвонила Стасу и сказала, что сегодня зайду. Но веселее за час мне не стало, сколько не вспоминай жизнеутверждающих цитат классиков — и не классиков тоже.

Неприятно, что так долго себя обманывала — и сама же поймала себя на вранье. А еще уплывающая на волнах разочарования мечта о счастливой семье... вы меня поняли.

— Ладно, — вздыхает еще раз Стас, — мормоны, не мормоны — забыли. Пойдем? В шахматы сыграем? — его рука касается моей талии.

— Сыграем, — я уже направляюсь в сторону кухни. — Сегодня только в шахматы?

— Ку-уда? — Стас ловит мою руку и ведет за собой в ту белую гостевую комнату с большой кроватью.

— Вот, значит, какие у вас шахматы? — впервые за вечер улыбаюсь искренне.

Я очень даже за этот вариант шахматных партий. Стас уже который раз встречает меня без майки, в одних джинсах (мы завели новую моду — так и снимать с себя меньше одежды, и очень живописно), так что разглядывание скульптурно вылепленных мускулов настраивает на определенные раздумья. Стас в курсе: ими пользуется очень умело.

И вдруг я понимаю, что больше в этой самой комнате не хочу находиться ни минуты.

Знаете, как бывает. Часто говорят о внезапном прозрении. Вот оно и пришло ко мне после двухчасового пребывания с Робертом в том зале ДК, которое сняли для себя мормоны и использовали как храм. Но храм-то не там! Храма там нет! И этот зал использует кто ни попадя. Говорят, вечеринки геев нашего города в нем проходили тоже.

И нельзя было говорить в этом зале о самом дорогом. Для дорогого нужно всегда свое место — пусть маленькое, неприметное, но — родное. А не проституточные стены чужого помещения: сегодня — концерт, завтра — проповедь, послезавтра — оргия.

Таковы и всякие гостевые комнаты. Сколько было в них людей до тебя — и сколько будет после...

Вконец изменившееся Вероникино сознание.

— А ведь это же не твоя комната, Стас! Покажи мне свою!

— Нужна она тебе? В ней ничего интересного, Вероничка, — но я уверенно подмечаю ложь.

— Раз ничего интересного, покажи тем более. Тебе же нечего скрывать, Стас, правда? — прием из копилки Нины Петровны. Стою в дверях белой гостиной, наивно хлопаю глазами, но не тороплюсь войти.

Если буду спать с ним, то только в его комнате. А нет — повернусь и уйду. Клянусь, я не дрогну. Надоело быть «одной из».

Стас мешкает несколько секунд. Сомневается. И я получаю неоспоримые доказательства, что туда водят не всегда и не всех.

— Идем, покажу, любопытная. Но с тебя стребую...

— Да что угодно, — легко отмахиваюсь от вызова.

— Что угодно? Тогда по рукам. Не забудь только, Вероничка.

— В разумных пределах, конечно, — иду на попятную. Напридумает еще чего-нибудь из серии «хоть стой, хоть падай».

— Э-э, нет. Ты все сказала. Я тебе хоть экскурсию проведу, раз пошла такая пьянка. Но за это — одно Стасово желание, пра-ально? — Стас берет меня за руку и отводит от гостевой.

Дверь его комнаты закрыта. Не на ключ, просто закрыта. Стас ее открывает.

— Наслаждайся.

— Точно — бизнесмен. Прирожденный. Ничего не делаешь без пользы для себя, — ворчу я для вида, жадно оглядывая комнату.

Кажется моя просьба глупой? Мне — нет. Очень хочу узнать, что Стас за человек. Я уже для себя все уяснила, но, может, его комната прольет свет на темные стороны его жизни.

Вероника не сильно приблизилась к пониманию Стаса, даже в его комнате ни разу не была. А она может очень многое сказать о хозяине, правда? Ну, хоть для начала...

— Бизнесмен, еще какой, — соглашается Стас, хитровато щурясь. Выбирает желание.

Задерживаю дыхание. Почему-то очень волнуюсь. Неужели ты, Вероника, думала, что увидишь комнату Синей Бороды? Не глупи, ну чего здесь особенного?

Обычная комната. Я бы сказала, в квартире Стаса красивее есть. Да даже кухня по дизайну его комнате даст сто очков! Мне казалось, все будет иначе...

Стою, как в музее, замороженно разглядывая обстановку, из-за чего слышу за спиной смешок Стаса.

Очень мало мебели. Шведская стенка, гантели, около узкой кровати — коврик. Мы на таком занимаемся в фитнесе стрейчингом и йогой. Значит, Стас тренируется и дома? Похвально. У меня нет столько силы воли, чтобы дома тренироваться. Железная дисциплина Стаса чувствуется везде: ничего лишнего, только самые необходимые вещи...

На стене замечаю фотографию под стеклом — единственная фотография, больше ни картин, ничего. И не подойти поближе я не в силах.

Три человека. Один и них — Стас. Этот Стас моложе, чем сегодняшней, но с таким же замкнутым и отстраненным взглядом. Рядышком сидит, уверенно держа в руках автомат, худощавый темноволосый парень с синими-синими глазами: даже не совсем яркое фото передает их синеву. Насмехается нагло. Если бы он был моим учеником, то доставил бы мне много неприятных минут на уроке. И еще один, пожилой коренастый мужчина. На его лице

я задерживаю свой взгляд. И, хотя мне интересен и молоденький Стас, и синеглазый автоматчик, но...

Оно ничем не примечательное. Небольшие светлые глаза, обычные славянские черты лица, и нос с курносинкой.

...но когда я говорила десятиклассникам (не моим, а когда замещала Нину Петровну во время ее болезни год назад) о Платоне Каратаеве, очень важном герое для Толстого в «Войне и мире», представляла себе именно такого. Наверное, что-то в них — вымышленном и настоящем — мужчинах есть очень близкое.

Или это все Вероникины фантазии на филологическую тему.

Выражение открытого добродушия на лице? Да в чем дело? Не могу отвести взгляд...

— Кто это, Стас? — показываю пальцем на пожилого военного.

— Александр Иванович, — деланно равнодушный голос. Но меня не проведешь.

— Санчо? Ты его еще так называл? Это про него ты мне...

— Да. О нем.

— А где он, Стас, сейчас? Это твои друзья, да? Вы поддерживаете отношения?

— Он умер, — отчужденный тон. Вздрагиваю, будто меня хлестнули плетью: кто, как не я, почую чужую боль, даже если она усердно спрятана?

Нужно переключить внимание Стаса, спросить о наглom пареньке с дерзким взглядом ультрамариновой синевы, но я нарушаю все правила приличия: почему-то хочется узнать, как погиб пожилой военный.

Я не могу ошибаться: он умер, закрывая своим телом молоденького курсанта. Или геройски повел чего-нибудь...ну, как-то геройски.

— Как он умер?

— Его убили.

— О-о... Извини, Стас...

— Я не знаю, кто его убил. Никто не узнал до сих пор, — отдаю себе отчет, что надо отходить от фото: своими вопросами я отобью у Стаса всю охоту заниматься сексом, если уже не отбила. Он отвечает, но ответы даются нелегко. Я будто клещами вытягиваю из Стаса его прошлое.

Но от фотографии не отхожу.

— А рядом? С автоматом?

— Вероника, ну какой же это автомат? Ты хоть автомат-то видела когда-нибудь, детка? Это снайперская винтовка Драгунова. Паренек на фото — очень хороший снайпер. А сейчас — еще лучше, наверно...

— Ты о нем ничего не знаешь?

— Нет. Почти ничего.

— Значит, все-таки знаешь...

— То, что я знаю, меня не устраивает. Потому и не общаюсь. Все про этот экспонат? Я могу еще чего-нибудь показать... — Стас начинает злиться всерьез.

— Стас, ну зачем ты так? — примирительно говорю я особой интонацией — лично моей, никаких уверток ведущих динозавров преподавания. В ней лишь бесконечное понимание, — Я еще хотела поговорить... вот об этом пареньке.

— Это я. Мне тут года двадцать четыре, что ли...

— Какой ты здесь милый, Стас. Прелесть просто. Жаль, я с тобой раньше не познакомилась... Не познакомилась со всеми вами.

— Тогда бы тебе очень понравился Пуля. С винтовкой...

— Этот? Не-ет... Мне бы все равно понравился ты, не он. Твой Пуля слишком рискованный. И наверняка из тех, которые любят ходить по лезвию ножа. Бестолковые они какие-то... — последнюю фразу я произношу очень тихо, больше для себя, чем для Стаса. Меня особо не привлекает подобный тип мужчин, залихватский вид и небесная синева глаз не топит айсберг Вероникиного сердца. Что-то есть в синеве, да приложить некуда.

И тут спохватываюсь: я ведь только что призналась Стасу в любви?

Не-не, все прилично. Ну, сказала лишь, что он бы мне понравился, что с того? Стас и сам знает: я к нему дышала и дышу чрезвычайно неровно. Лишний раз докажу эту истину.

Э-эх, Вероника. Где твоя недоступность, где загадочность? Говоришь все в лоб. Очаровывать мужчин не умеешь, садись, два.

— Ну, ты прямо знаток человеческих душ, — кривая ухмылка Стаса.

— Я же не зря почти семь лет в школе проработала. Разбираюсь немножко. А у твоего Пули на лбу написано: «Бабник и нарушитель спокойствия». А вот пожилой мужчина... Если бы мы с ним служили вместе, я бы была очень счастлива, что попала именно к нему. Так ведь у тебя, Стас? Он...

— Вероничка, хорош ковыряться в прошлом. Иди сюда, — Стас берет меня за талию и подтягивает к себе, тем самым отрывая от просмотра фото и его дальнейшего комментирования. К лучшему. Не знаю, чего бы я еще наговорила. И кто — или что — за язык меня вечно тянет в присутствии Стаса? Да и просто так, по жизни.

Привычно ощущаю одновременно трепет в теле и слабость, но для меня сейчас нахождение в комнате Стаса и фотография затмили даже возможный секс. Хочется просто прижаться к нему, прижиматься долго-долго, и слушать его рассказы. А можно — только дыхание. Просто быть рядом и никуда не уходить.

Апокалиптические мысли настоящей оптимистки. Каждый день стоять на пороге разрыва, и неожиданно осознать, что ты влюбилась в Стаса.

И, самое интересное, любишь именно такого: скрытного и холодного, с вечными гадкими подколами, без которых, впрочем, уже начинаешь скучать, с тщательно скрываемыми тайнами, волевого, гордого и неприступного. Каждая твоя маленькая победа на этом фронте оказывается громадным шагом вперед к... чему?

Губы Стаса скользят по моей шее, вверх и вниз, приближаются к подбородку и губам. Он всегда или недоговаривает, или не хочет говорить. Но здесь мы будем откровенны.

Я не в силах терпеть дольше. Приближаю свои губы к губам Стаса, целую их осторожно и нежно. Они тут же вздрагивают, отзываясь на мое слабое прикосновение. Стас не привык к нежности, и его руки мало не расплющивают меня, изо всех сил впиваясь в мое тело, и поцелуй превращается из несмелого в откровенно жадный, глубокий и долгий. Он длится столько, что у меня кружится голова и начинает не хватать дыхания.

Без лишних слов, молча и быстро, сбрасываем одежду.

Стас подталкивает меня к своей кровати. Опускаюсь на очень твердую поверхность матраса, которая схожа с деревом, но неудобство ощущаю лишь первые секунды, а дальше уже не до ее твердости.

Протягиваю руку Стасу, сидя на его узкой и жесткой кровати. Стаса не нужно просить дважды. Он наваливается сверху и распластывает меня на ней. Нависая надо мной, покрывает поцелуями лицо и шею. Становится невыносимо жарко, и кажется сейчас, что тепло, исходящее от его рук, волнами прокатывается по телу от макушки до кончиков

пальцев.

— Подожди чуток, дорогая, — коротко целует меня Стас, протягивает руку к прикроватной тумбочке и достает презерватив, — халява Стасику закончилась.

Ложится рядом, надевая презерватив. После он уверенно гладит мою грудь, и живот. Через мгновение чувствую его пальцы в себе.

Провожу ладонью по этим крепким мышцам рук и груди, и впиваюсь ногтями в огромный бицепс, когда ощущаю, как входит в меня его член. Стас тут же останавливается и вновь целует меня в губы. Не прерывая поцелуя, начинает двигаться, и каждое движение отдается в моем теле пьянящей волной.

Никогда еще моя жизнь не была такой полной.

— Хочу на выходных отдохнуть за городом. У меня там небольшой коттеджик. Поехали со мной?

На узкой кровати Стаса, рассчитанной на одного, очень тесно. Стас не выпускает меня из объятий.

— Я бы с удовольствием, Стас, — моя голова лежит на плече Стаса, и изо всех сил я стараюсь спрятать счастливую улыбку, — Только...

— Собаку твою берем без вопросов. Места хватит всем. При таком раскладе — едем?

— Да, — прижимаюсь крепче, и Стас медленно проводит ладонью по моей спине, содрогается всем телом, начинает водить ладонью более активно...

Стас — это Стас. Никаких лишних слов, никаких цветистых фраз. Но он никогда не бросит в беде, всегда исполнит обещание и возьмет с собой невоспитанную псину ради ее хозяйки.

— Памперсы, Стас, бывают разные. Японские — самые лучшие, кожа ребенка в них дышит. Эти, собаки, самые дорогие. Поэтому Дианка предпочитает заказывать корейские, но они закончились очень быстро — обычно хватает подольше. Короче, не специалист я по ним... — Димыч и Стас стояли около большого количества полок в супермаркете, заполненных упаковками памперсов, и с недоумением их рассматривали.

— Еб. ть, Стасон. Че выбрать-то, а?

— Если б я знал...

— Дианка сказала: «Пойди купи памперсы». Какие-то с синеньким...а что с синеньким? Может, и не с синеньким...

— Я бы лучше прополз крокодилычиком десяток километров, чем памперсы помогать выбирать тебе, Димыч. Мы здесь минут десять, а нужные никак не найдем. Башка раскалывается от этой дребедени. Короче. Звони Дианке.

— Ага, звони. Она скажет, что я дебил. Жена мне пять раз название повторила. Забыл.

— А записать? — хмыкнул Стас.

— Я еще не в полном маразме, отвали.

— Тогда звони давай. Не мучайся.

Димыч вытащил телефон и несмело набрал номер.

— Диан, я тут в магазине со Стасом...

Стас чуть отошел от полок. Димыч позвал его в супермаркет после тренировки. Неплохое дело. Заранее подкупить продуктов на дачу, можно полуфабрикатов и того, что готовить не нужно, чтобы не париться. Они с Вероникой договорились уехать в субботу днем, а в воскресенье вечером — вернуться. Четыре приема пищи плюс мелкие перекусы, если брать по максимуму, подсчитал Стас по старинной армейской привычке. Напрягать Веронику не стоит, пускай отдыхает от своей работы. Не забыть еще консервы проглоту! Чем больше, тем лучше. Чтобы не смотрел голодными глазами и не скулил.

От воспоминаний о Веронике Стаса начинали обдавать какие-то теплые волны. «Мне бы все равно понравился ты, не он». Спорное заявление, но сердце оно согревало.

Он ей нравится, и нравится сильно — Стас убедился в который раз. Значит, мормона можно легко задвинуть на задний план, а лучше — выкинуть из ее жизни. Чтобы даже не вспоминала о докторе и его ребенке.

Ребенке... Несколько раз у них был незащищенный секс. В последнюю встречу Стас стал пользоваться презервативами, чтобы уж совсем козлом не быть и не подставлять Веронику. Он ей и напомнил о прошлых разочках. «Нечего страшного, — отмахнулась Вероника, — не переживай, Стас. Чтобы ребенка сделать, столько времени надо стараться...» В ее глазах Стас разглядел тоску. Бедная маленькая девочка, что ж тебя так к земле-то прижало...

Стас до спорных памперсов набрал полтележки продуктов, отметив после детских товаров подойти в отдел с собачьими кормами. Димыч наконец определился с упаковкой и, блестя счастливыми глазами, с чувством выполненного долга катил свою тележку к Стасу, как Стас краем глаза заметил нечто. Оборачиваться не стал, хотел было сделать вид, что ничего не увидел и пройти мимо, как Димыч раскрыл рот и проронил:

— Мать вашу...

Выпучил глаза и остался стоять столбом. Стас не стал больше игнорировать нечто, обернулся.

К нему и обалдевшему Димычу катила тележку Алиса.

Стас знал, почему Димыч изображает статую. Что они с Алиской расстались, он с Димычем поделился. Тот был знаком с Алисой лично — несколько раз Димыч с женой приезжали в коттедж на дружеские шашлыки. Так вот, что расстались, Стас ему рассказал, а куда ушла Алиса — не отвечал. Теперь Димыч и дивится.

А дивиться было на что. Насколько позволяли высоченные каблук и юбка в пол, она вышагивала изящно, гордо — и непобедимо. Светлое платье до пола, подчеркивающее красивое загорелое лицо, сверху — легкая курточка с мехом. И полностью покрытые платком волосы — ни прядки не видно.

— Стасон, ты ток погляди на ее бошку...

— Привет, Стас, привет, Дим, — Алиса улыбалась своей несравненной белозубой улыбкой, как если бы была в постоянном мини и с длинными распущенными волосами.

— Ну-ну, — только и ответил Стас. Кивнул и хотел было катить тележку дальше, отправляясь за консервами. Димыч не дал.

— Алиса... не ожида-ал! Это ж как тебя угораздило?

— Сама не знаю, Дим, — быстрый ласковый взгляд в сторону Стаса, медовый голосок, — вот теперь грущу...

«Грусти и дальше», — подумал про себя Стас. Но Димыч не отставал.

— Не, Алис, я, конечно, все понимаю... Но вот так, враз изменить свой имидж... Это ж как ты любишь своего парня! Можно поздравить, что ли?

— С чем поздравить? — капризно спросила Алиса, — не с чем... Стас! На пару слов?

— А если скажу, что нет? — осведомился Стас, холодно разглядывая Алису с ног до головы.

— Ста-ас... — в тоне Алисы появились истеричные нотки. Димыч предпочел укрыться от скандала.

— Пойду, подожду в соседнем отделе.

— Я быстро, — Стас помнил об огромной нелюбви Димыча к женским штучкам, но оставаться наедине со стервой не собирался надолго.

— Что надо? — сурово спросил Алиску, лишь только Димыч укатил тележку и затаился по соседству.

— Слышала, что и ты грустишь... Девушку другую не нашел... — начала она с загадочной интонацией в тихим голосе, но Стас оборвал загадочности:

— Ты, Алисочка, больше сплетням верь.

— Но у Туза ты ни с кем не познакомился...

— А у Туза я больше с девочками знакомиться не буду. Хватит, вырос уже, пора жену искать, а не с вами время просаживать, — Стас это сказал больше для остротки, как понял — а ведь правда. Давно пора. Только себе сказать недосуг было, а если он и задумывался об этом, то сразу забывал.

— Уже нашел кандидатуру? — Алиска не верила.

— В процессе, — сообщил Стас.

— Че... реально, то ли? Стас, не шутишь?

— Да какие шутки, дорогая? Дуй к Рамзанчику.

— Стас, мне плохо с ним!

— А я чем помогу? Слушай, красавица, не строй из себя жертву. Я знаю, на что ты способна, моя прелесть. Удивляюсь, как Рамзаша у тебя не под каблуком еще. Со мной у тебя не прокатило. Но так Рамзан-то вон как влюблен...

— Да что мне с его любовью делать, — презрительно надула губки Алиса, — устроил шариат. Туда не ходи, там не фоткайся, с мужиками не болтай. Задолбал уже.

— А Стасику-то как клево слушать, — Стас не преминул уколоть Алиску. Не задели ее слова никак. Вроде бы встречались несколько лет, а ничего не осталось от этих встреч, совсем ничего, и даже сердце не дрогнуло от воспоминаний о ночах и днях, проведенных с Алисой в одной постели.

— Хотя, с другой стороны, у меня все супер. Рамзан мне машинку купил, теперь рассекаю... — Алиса поняла, что ничего не добьется жалобами. Теперь решила задавить благополучием.

— О-о. Что ж ты мне жалуешься? Живешь прекрасно — и жалуешься. Лады, зайка, рад был встрече. Хорошо, что у тебя все хорошо. Всех благ.

— Стас, пойдем, Дианка торопит, — вовремя вынырнул из другого отдела Димыч, держа в руках баночки с детским питанием. Подслушивал, кажись.

— А тебе — скорее жениться, Стасик, — едва не пропела Алиса, — и не пожале-еть...

— Не бойсь за меня. Гудбай, Алис.

— Че, Стасон, скучаешь?

— По Алиске? Нет.

— Я так и думал. Жениться на ком собрался?

— Пока ни на ком, Дим, — моделька уплывала по проходу супермаркета, подметая длинным платьем пол. Димыч и Стас смотрели ей вслед.

— Вздорная баба. Скажи «спасибо» неизвестному азеру, который забрал ее к себе.

— Не поверишь — каждый день «спасибо» говорю. Уже мозоль на языке...

— Стас, ты, это...подумай насчет жениться. А со своей девушкой, если сомневаешься, Дианку познакомь, она тебе всю характеристику потом на нее выдаст. Как там мормоны, кстати? Отвяли?

— Не совсем. Скоро отвянут.

— Осторожнее с этими сектантами. Уведут не глядя, — посочувствовал Димыч.

— Нет, Димыч, — голос Стаса потеплел от воспоминаний. «Мне бы все равно понравился ты, не он», — Не уведут уже. Не отдам.

— Ты сжигаешь все мосты, Вероника. Зачем? — тихий и безжизненный голос. Нервно ерзаю на стуле.

— Роберт, пойми меня правильно. Я не собираюсь вступать в вашу сек...э-э...церковь. Религию вашу исповедовать не буду. Ни сейчас, ни когда-нибудь. Честно.

— Какая разница?

— Мне кажется, на этом этапе отношения следует прекратить. Проще и лучше закончить именно сейчас, чем позже. Я не разделю твоих взглядов, Роберт, — ласково объясняю я, как объясняла бы старательному, но непутевому ребенку, — зачем общаться с человеком, который заранее настроен против того, что тебе дорого? Я побывала дома у вашего старейшины. Побывала в вашем зале, который вы сняли. Роберт... это не дело.

Мы разговариваем уже полчаса. Робертом приведены непреложные аргументы: любовь Марка, мы слишком мало знакомы, чтобы судить (а вдруг, судьба?), религия роли никакой не

играет, ну и так далее. Он сто раз прав, и к каждому доводу Роберта не придаться... Только упертая Вероника стоит на своем.

Бесит меня американское «ю кен мейд (ты можешь сделать) все на свете», которое сейчас демонстрирует мормон. Просто — очень злит и нервирует!

Допустим, я твоя мечта. А что, если я не хочу, чтобы ты меня достигал? Что, если знаю: это не нужно тебе? Так нет. Ломаем копья, колья, мечи и шлемы, съедаем сотни железных караваев и износим тысячи железных сапог. Чтобы убедиться — в который раз! — что мечта была не твоя.

Сейчас приведу цитату из Библии. Если я сошлюсь на такой авторитет, все встанет на свои места. Против этого лома у Роберта, как говорится...

Но цитаты благополучно разбегаются по закоулкам мозга, оставляя меня ни с чем. Ничего нового. Вечно обо всем думай и заботься сама, и не спрячься за чужим словом. Не это и полезно.

— Роберт, я считаю, что Лена будет лучшей мамой для Марка, нежели... — о себе скромно умолчим. Вот так вот вам! Не можешь сослаться на вечное — стоит озвучить правду в лоб.

Роберт глубоко вздыхает, опускает голову.

Он сидит напротив меня, за ученической партой. Полчаса назад скромно заглянул в кабинет, сказал, по обыкновению, что пришел ненадолго. Свое пальто он снял, отряхнул черные брюки и черную шерстяную жилетку без рукавов. Поправил воротничок светло-голубой рубашки, и только после этого сел за парту. Аккуратнейший интеллигент девятнадцатого века, у которого порода — в крови... Светлая печаль Вероники по этому поводу.

По поводу девятнадцатого века, разумеется.

Признаюсь, некоторые сомнения в правильности моего решения все же проскальзывают, хотя со Стасом сейчас, мне кажется, у нас отношения стали намного лучше. Он почти не язвит, а если и язвит, то по делу, приглашает на дачу за городом... Для нашего задиристого и гордого такое поведение я бы охарактеризовала как несвойственное. Может быть, дело в Роберте. Стасу не нравится мормон, и, возможно, нравлюсь я. Не настолько, чтобы предложить мне нормальные отношения со свадьбой, но все-таки...

И его беспокойство из-за того, что не предохранялись. Говорят, у кого-то все получается с одного раза, но точно не у меня. Мы с мужем занимались нужным вопросом месяца четыре, прежде чем тест на беременность показал положительный результат. Впрочем, на грех и грабли стреляют. Ничего. Если выстрелят, я только рада. Конечно, будет трудновато малыша поднимать одной (самый худший из сценариев, просто они для меня привычнее), но я справлюсь.

— Вероника, быстрее! М-м- м... Вероника Васильевна, директор на совещание все собирает. Срочно! — голова Розы Андреевны появляется и исчезает за дверью.

Оперативно встаю.

— Там какой-то форс-мажор случился. Надо бежать...

— Вероника, мы с Марком уезжаем завтра. Давай так: я приеду, и мы во всем разберемся. Хорошо? А так буду позванивать, узнавать, все ли у тебя в порядке.

Он даже не спрашивает, можно ли.

— Да-да, — киваю на бегу. Хватаю сумку со спинки стула, в руки беру записную книжку и ручку.

— Прикрой дверь, Роберт, пожалуйста!

Непредвиденные совещания в школе бывают по разным поводам. На моем сердце лежит огромный камень из Лены Севальцевой, который даже подвинуть боюсь. Беспокоюсь: не про Леночку мою ли совещание?

Я недавно узнала телефон и позвонила однокласснице, которая теперь работает в полиции. Толкового ответа не получила, так как не спрашивала напрямую, а юлила вокруг до около, вконец изведя и себя, и свою собеседницу. Какой вопрос — такой ответ. «Позвони, когда будет ясно, скажу кому надо», — пробормотала моя одноклассница и повесила трубку.

Еще сваливаю от бесконечного разговора ни о чем. Для себя я все решила: мормонству нет места в моей жизни.

Но сознание завывает издевательски: вдруг Стас поиграется в любовь и бросит? Что ты будешь делать тогда? Сидеть у разбитого корыта и лелеять свои идеалы о правильной вере, чести и достоинстве? Был же хороший мужчина, а ты его отшила, причинив боль. А приличного мужчину найти ох как нелегко. Пусть я не так уж и занималась поисками эти пять лет, но передо мной много грустных примеров из школы. Вот та же Юлька. Девчонке двадцать три или двадцать четыре. И никого на горизонте, хотя она регулярно ходит на свидание с мужчинами: сайты знакомств творят чудеса. Несколько свиданий — и Юлька вновь одна. А иногда бывает достаточно одного.

Что и говорить, если моя встреча с будущим мужем получилась совершенно случайно, как в сказке про Золушку.

Мы с Юлей чем-то похожи, наверно, потому и выбрали обе одну и ту же профессию — учитель русского и литературы. Как не вспомнить о Генри с его «Дело не в дороге, которую мы выбираем. То, что внутри нас, заставляет нас выбрать эту дорогу». Что-то одинаковое глубоко внутри.

Я ей точно не позавидую.

Иду быстро, насколько позволяют каблуки. Когда была моложе, я даже бегала на совещания по школьному коридору. Пока меня не остановила Роза Андреевна и не намекнула, что учителю по школе бегать неприлично.

Дефилирую по коридору — приличнее не бывает, а сердце так и екает в груди. Представляю: прихожу на совещание, а там позорят мою девочку — и меня заодно.

— Коллеги! Ну, мы все собрались, я думаю. Кого нет, сообщу завтра... — Екатерина Львовна стоит и обозревает школьные парты, за которыми сидим мы, учителя-предметники среднего и старшего звена. Начальной школы тут нет; они давно проверили свои тетрадки и разбежались кто куда. У остальных — дела и репетиторства. Екатерина Андреевна знает об этом, но закрывает глаза: на то у нее свои причины. Она зарабатывает хитроумными способами свои деньги, мы — свои. Полный нейтралитет, никто никого не трогает, хотя ее заработки побольше наших.

Как говорили древние, «каждому — свое».

Мы сидим с Розой Андреевной за одной партой, Нины Петровны в наличии нет. Эта-то куда усвистала? У нее невпроворот репетиторства, и она точно в школе.

— Коротко о главном. Дамы, ти-ше! Тише! — Екатерина Львовна специально понижает голос почти до шепота: некоторые из учителей до сих пор негромко переговариваются.

— В пятнадцатой школе прорвало трубу, поэтому предметную олимпиаду, которая запланирована на это воскресенье — повторяю, на это воскресенье — перенесли в нашу

школу. Она начинается в десять, мы с вами приходим к девяти...

Недовольный гул прокатывается по партам, а я закусываю губу. Приехали на дачу мы с Жужиком, сто раз съездили...

— А ведь можно было на двадцать седьмую перебросить, — шепчет мне Роза Андреевна, поправляя очки, — там и ближе, и школа побогаче. Нет, наша захотела, видно, выслужиться перед министерством. И плевать на всех, не ей же работать в воскресенье, а завучам...

— Понимаю, коллеги, — выдержав паузу, продолжает Екатерина Львовна, — все понимаю. Воскресенье — долгожданный выходной. Но давайте вспомним, как мы прекрасно отдохнули на ноябрьские праздники. За выходной, как обычно, один отгул. А теперь кто где сидит на олимпиадах — кабинет и время. Запишите, пожалуйста.

Далее следует перечень классов и фамилия учителя. Роза Андреевна смотрит за дисциплиной в кабинете, где ребята будут писать задание по литературе (ты не можешь присутствовать на своем предмете — вдруг, подскажешь что-нибудь), Юльке достается физика, мне — сидеть в коридоре и провожать заблудших до туалета.

— Есть вопросы? — корректно интересуется Екатерина Львовна, переступая с ноги на ногу. Дорогая и элегантная обувь на шпильке — такая позволительна только директору школы. Екатерина Львовна хорошо выглядит, всегда неброско, но умело накрашена, и одета в изумительные стильные костюмы, о которых Вероника только мечтает. Короче, благополучнейшая женщина.

В классе шум становится все отчетливее. У многих на воскресенье планы, поездки, те же репетиторства. Теперь все придется отменить, а значит — потерять деньги, не увидеть детей, родителей, не съездить на рынок, не отоспаться, в конце концов. Когда об олимпиаде объявляют за неделю или за две, она не воспринимается настолько трагично, но завтра суббота, а послезавтра — долгожданное воскресенье, за которым следует новая учебная неделя. Слишком жестокий удар для усталых учителей.

— А пораньше нельзя было предупредить?

— Да что же это такое, опять олимпиада. Только одна закончилась...

— Екатерина Львовна, может, она будет не у нас все-таки?

— Дамы, — Екатерина Львовна ровна и невозмутима, — олимпиада будет точно у нас. В пятнадцатой прорвало трубу сегодня, мне недавно позвонили. Скажите спасибо, что не в субботу, у нас есть один день на подготовку классов. Я все понимаю, но олимпиаду провести придется. Еще вопросы.

— Екатерина Львовна, а Нина Петровна где сидеть будет? Со мной в коридоре? — шокирую я всех учителей. Обычно не спорю никогда, вздыхаю и делаю, потому что поняла давным-давно: спорить бесполезно. Среди нас есть учителя, которым обязательно нужно выпустить пар и повозмущаться. Но и они тоже будут делать, что сказано, согласны или нет. Никому не хочется иметь проблемы с работой.

— Ее не будет в воскресенье.

— Почему? — ответ Екатерины Львовны задевает меня.

— Она, Вероника Васильевна, отпросилась. У нее серьезные обстоятельства, и я решила не привлекать ее к олимпиаде.

— Я бы хотела тоже отпроситься. И мои обстоятельства очень серьезные, — многие учителя согласны со мной, звук разговоров нарастает. Если бы в воскресенье работали все — не было так обидно. Или бы работали по составленным графикам...

Екатерина Львовна опускает глаза, вновь выдерживая паузу. Она стоит у центральной доски класса, переминается с ноги на ногу (в подобных туфлях не постоишь долго), но никто и ничто не может поколебать ее уверенности. Потому начинает говорить вроде бы задушевно, а на самом деле — с заметной угрозой в голосе:

— Не забывайте, уважаемые учителя, школа — это работа, которая кормит вас. Основная... работа. Я не в курсе обстоятельств вашего случая, Вероника Васильевна, но уверена, что ради работы многое следует отложить или сделать в другое время. Конечно, вы можете подойти ко мне лично, — продолжая свою невозмутимую речь, Екатерина Львовна многозначительно выгибает идеальную бровь. Ничем не прикрытый сарказм и скрытое пренебрежение — вот что могу прочесть по выражению ее лица.

— Подойти лично...но... я уверена: все можно отложить. Как и у всех остальных работников. Умиравших и больных среди вас нет, все остальное... реально перенести, правильно?

— Так Нина Петровна заболела? — для меня уже это принципиальный вопрос. Другие учителя негодуяюще смотрят на директора, но теперь помалкивают — угрозу поняли все. Кроме Нины Петровны, не назвали еще нескольких педагогов, так сказать, приближенных Екатерины Львовны. Возмущаться учителя уже не рискуют. Даже Роза Андреевна не высказывается.

Я сейчас одна камикадзе.

— Можно сказать и так, — я раздражаю Екатерину Львовну и немного подрываю ее авторитет. Но меня уже трясет от всех выходов в воскресенье и в продленку, в то время как другие легко отбредиваются. Поездка со Стасом лично для меня очень важна. Если я ему откажу, поступит ли повторное приглашение, или он на выходные найдет леди поговорчивее?

Можно подумать, мол, если хочет быть рядом, подождет. Но Стас — не тот человек, который подождет именно меня. Вот Роберт подождал бы следующего воскресенья, и сколько угодно. Стас же... надо позвонить и поговорить с ним.

Я не могу рисковать работой даже ради развития отношений со Стасом. Слишком дорога для меня школа, которая, по правде сказать, «кормит».

— Но если у вас действительно что-то серьезное, Вероника Васильевна, заходите ко мне в кабинет, поговорим, — все-таки Екатерина Львовна боится сильно закручивать гайки, заигрываясь в игру «директор-подчиненные». Она далеко не глупа и хорошо знает историю. Станешь диктатором — получишь бунт на корабле. Пусть у нее есть связи в министерстве и в правительстве, мало ли какую неприятную проверку может подкинуть разобиженный на тебя человек, мало ли куда обратиться...

Поход в ее кабинет ничем хорошим для рядового учителя не заканчивается. Молчи, Вероника, молчи. Работа тебе еще нужна.

— Я попытаюсь решить свои проблемы. Но если не выйдет?

— Хорошо, Вероника Васильевна. Тогда мы вас привлечем в другое воскресенье, — Екатерина Львовна остается непобежденной, давая понять всем присутствующим учителям, что у нас в школе торжествуют справедливость и равноправие. Никого не убедила, но сохранила лицо, — на этом я заканчиваю. Если есть ко мне пожелания...

Ни у кого пожеланий нет. Все — кто быстрее, кто медленнее — вскакивают со стульев и расходятся по кабинетам. Так же поступаю и я. Екатерину Львовну окружает несколько учителей, которым срочно нужно в воскресенье отпроситься. Возможно, у них получится

лучше, чем у меня. Поторопилась я.

— Если бы могла, Вероника, с удовольствием тебя подменила, — Роза Андреевна кладет руку на мое плечо, — но, видишь, тоже участвую...

— Все равно теперь, Роза Андреевна. Мне надоели вечные отлучки Петровны. Что мы лошади? Почему ей всегда все можно?

— Вероника-а...перестань. Я б поняла, если такие слова говорила наивная Юля, но ты-то, ты... тебе ли не знать нашей кухни, моя милая! Или этот хулиган настолько хорош, что от любви голова кругом?

Враз краснею так, как раки не краснеют.

— Роза Андреевна, да ладно вам...

— А что я такого сказала? Я б тоже от такого мужика обо всем забыла. Э-эх, Вероника Васильевна! Нашла из-за чего тайну делать...А вредная бабка раскусила. Обойдется олимпиада без тебя, делай свои делишки. Заболей внезапно.

— Внезапно уже не получится.

— Надо было промолчать. А нынче выходить тебе придется, Вероничка. Сама знаешь Екатерину Львовну. Ну что у вас запланировано на субботу, распись, что ли? Можно отложить на недельку? На следующей неделе сделать? Или нет?

— Можно...наверное, — отвечаю в глубокой задумчивости. Если любит — подождет? Проверим. А не подождет — и прекрасно. Я пойму: на Стаса не стоит тратить время.

Как бы он мне не нравился, как бы меня к нему не тянуло. Я уже говорила Роберту, «проще и лучше закончить именно сейчас, чем позже».

— Стас, привет...

— Привет, дорогая. Как дела? — сдержанная веселость в голосе Стаса.

— Да как-то не очень. У нас в школе олимпиада предметная в воскресенье. Стас, не получится на дачу...не смогла я отпроситься... не отпустили.

— Че, все плохо? Школка без Веронички никак? — кажется, Стас несколько разочарован.

Громко вздыхаю в трубку.

— Получается так. Можно на дачу на следующих выходных, если ты...если тебе...

— Давай на следующих. У тебя точно олимпиада, а не народные песнопения мормонов?

Я готова была брякнуть, что мормонство для меня уже неактуально, но прикусила язык за секунду до чистосердечного признания. Этого знать Стасу пока не стоит.

— Можешь посетить школу в воскресенье и удостовериться. Я в коридоре заседаю. Если очаруешь бабулечку-вахтершу, скорее всего, она тебя пропустит ко мне.

Все-таки нужна, и Стас подождет. Я догадывалась о таком ответе, но успокоилась лишь тогда, когда его услышала.

— Только бабуль я еще не очаровывал, — звучит в трубке веселый голос, — хотя с вами, училками, чему только не научишься...Ты, моя занятая, во сколько заканчиваешь в воскресенье?

— В час или два. Когда все дети уйдут — свободна.

— Я заеду за тобой. Ладно, дача на этой неделе не получается, но в гостях всегда рад тебя видеть. А завтра в субботу просто вечером посидим, да? После восьми?

— Да.

— Сыграем в шахматы? — веселье продолжается.

— Сыграем. Можно и в шашки, — нейтрально произношу я и стараюсь не выдавать эмоций: зашедшая ко мне в класс Роза Андреевна внимательнейшим образом прислушивается к разговору и довольно улыбается.

Сегодня впервые пошел снег. Начало декабря — пора уже.

Снег падал весь день. Он уже не растает, останется лежать на земле белым покрывалом, придавая всему, на что он ляжет, чистый, невинный вид.

Даже сейчас, вечером, светло от летящего снега.

Я смотрю в окно. Так долго ждала зимы — не наглядеться. Стас расставляет шахматы — кто продул, тот готовит фигурки для следующей партии. Традиция.

В окно он посматривает тоже — скорее из-за чувства солидарности, чем из эстетических соображений.

— Сейчас заметет все снегом...

— Ага, — мимолетный взгляд Стаса на улицу, — мы так весь вечер и проиграем, Вероничка?

— Еще предложения? — хитрю я.

Стаса изрядно потрепали на сегодняшней тренировке, он еле дохромал до кухни. Чем на рукопашном бое занимаются, интересно? Дерутся до посинения, по стенам и потолкам скачут? Я впервые увидела сильно уставшего Стаса, да еще травмированного. Посмотреть бы одним глазочком на их занятия. Но мне туда ход заказан: Веронику давно известили.

— Мамочки... — это Стас сейчас задрал рукава, и я увидела огромные синячищи на его запястьях, — что же с тобой делали сегодня?

— У Димыча дома неприятности, — весело ответил Стас, ничуть не переживая из-за синяков, — он немного не рассчитал силу. А мне не удавались новые приемы по уходу от захватов... Короче, фигня, Вероничка.

— Ничего себе — фигня, — я готова произнести длинную речь о неизвестном Димыче, называя его разными недостойными словами. Да что там: самолично готова избить за то, что старательно разукрасил руки Стаса. Ну и придурок, а если он Стасу в следующий раз тоже не рассчитает и треснет по голове до сотрясения мозга? А если еще хуже? Нельзя с неадекватными людьми заниматься на тренировках!

Еле усидела: понимаю, конечно, что моя забота вряд ли оценится...

— Стас, вы молодцы, конечно, что занимаетесь, но можно же себе чего-нибудь повредить! — выпалила — и тут же покраснела.

Стасу — очередной повод поржать.

— Не переживай, дорогая, нужное в сохранности.

— Да, но... — смущенно замолкаю.

Еще большой смех.

— Я скажу Димычу, чтобы бил куда угодно, ток не туда. Лады? Тогда тебя мои тренировки устроят?

— Делай что хочешь, указывать не буду! — ворчу недовольно. Ну вот, опять двадцать пять. То есть — радостный стеб над Вероникой. И пускай себе стебется, и побьют его сильно на тренировке пускай — ничего больше не скажу!

— Вероничка, волнуешься за меня, что ли? — не отстаёт Стас.

Кручу головой.

— В мыслях не было. Хозяин-барин. Развлекайся как угодно...

— Значит, волнуешься.

Горестно вздыхаю. Да, волнуюсь. И не только, между прочим. Понимаю, что люблю тебя, раздолбай ты тренированный.

— Зайка очень миленькая, когда волнуется.

— Да-да, Стас, конечно. Ходи давай, — я боюсь этих фраз, боюсь посмотреть в глаза Стаса. Он все больше и больше не походит на себя прежнего, и перемены пугают.

Нет, Стас остался почти таким, каким был, только менее отстраненным, чем раньше. Немного внимательнее, чуть добрее... Если бы это был не Стас, я бы сказала по взглядам и поведению: меня видеть рады и даже — я очень нравлюсь. Но по отношению к данному субъекту все сложнее. Не хочу замечать, как теплеют глаза Стаса, как он меняется, когда смотрит на меня задумчиво и странно, и не подозревает, что я за ним наблюдаю. Мне есть с чем сравнить, так не было при наших первых встречах. Постель, скажете? Вот и я себя успокаиваю этим.

Нельзя верить в чудо. Нельзя. Не может Стас в меня влюбиться. В кого угодно, только не в меня. Я же с ним играю в шахматы. Я не соответствую идеалам красоты. Я всего лишь школьная учительница, у которой жизнь не сложилась. Я неудачница, в конце концов, с которыми такие, как Стас, не водятся. Наше знакомство — совершенно случайное, а отношения скоро завершатся. Губешки закатай обратно, Вероника!

Не закатываются. Проблема...

— Пошел уже конем минуты три как. О чем замечталась?

— Может, у тебя мазь есть? Гепариновая. От синяков хорошо помогает, — синие запястья Стаса мерещатся нервной Веронике, хотя он опустил рукава и ничего уже не видно.

— Была. Да брось ты, Вероник! Само пройдет.

— А с ногой что?

— По нерву пробили. Это тоже пройдет.

— А если не пройдет?

— О-о, лапочка, ну сколько можно? Останусь хромым навечно. Ты меня таким любить будешь, ась?

— Надо подумать.

— Думай, кто тебя торопит. И ходи уже, время заканчивается...

Как он легко проходится по слову?любовь?! Я вот не могу произнести его небрежно... А может, он сказал эту фразу не просто так? Вероника, где губозакатывательная машинка?

Когда-нибудь я поговорю со Стасом откровенно. Не сейчас — чуть позже, если наши непонятные отношения будут продолжаться. Соберу всю смелость в кулак и спрошу о самом важном: ?Зачем??. Стас же любит задавать этот вопрос. Пусть сам разок мне на него ответит.

— А что там насчет моего желания? — Стас, хоть уставший и побитый, блещет фонтаном идей.

— А-а, да, было такое... Ну? — не очень почтительно отзываюсь я. Мое желание — его всего измазать зеленкой, гепариновой мазью, накормить обезболевающими (у него, скорее всего, что-нибудь да болит) и уложить в кровать. Но Стас, видно, считает иначе.

— Сыграем в фанты? — подмигивает мне Стас.

— Че-его? — тяну удивленно. Фанты. Может, в песочнице поковыряться предложит?

— Димыч подарил взрослые фанты, — хохотнул Стас, — те, из-за которых жена его чуть из дома не выгнала. Я еще не смотрел, но, говорит, кле-евые...

— Что ж жене-то не понравились?

— Так у нее детей двое. Представь, сколько с ними мороки? А тут еще Димыч со

своими фантами, он чуть сковородкой не получил по башке за них. Ему, кстати, тоже их отдал кто-то.

— Бедные фанты, несчастливые...

— Нормальная игра. Задания самые разные — от секса до покупки норковых шуб, — округляю глазки, а Стас улыбается:

— Что, заинтересовал? Вероничка, все по правде. Выпадет шуба, куплю тебе без разговоров.

— Да? — шуба мне особо не нужна, зато интрига нравится.

Игры с судьбой — плохая привычка, но фанты — лишь детская забава. Пускай взрослый ребенок развлечется. Тренировки на износ чисто ради того, чтобы подраться, теперь вот фанты для взрослых...

— Тебе очень хочется? Хорошо, тащи их сюда.

Стас, все еще прихрамывая, идет за сумкой. Я пытаюсь подняться и опередить Стаса, но он лишь машет рукой и произносит: ?Дойду, отдыхай?. Возвращается с небольшой коробкой.

— Вытаскиваешь пожелание и исполняешь.

— Дай хоть посмотрю, что нужно будет делать, — забираю у него коробку и открываю ее. Там заламинированные карточки: авторы игры, видно, рассчитали, что в фанты будут играть не раз и не два. Некоторые карточки приводят меня в дикий восторг: ?Помой полы??Помой посуду??Купи торт? и — о, чудо! — ?Купи норковую шубу любимой?. Эта карточка, как я поняла, исключительно мужская. Есть и с сексуальным текстом карточки, на некоторых даже нарисованы позы. Легкое покалывание и трепет во всем теле. Меня эти карточки устраивают, как только травмированному Стасу исполнить?

Смешные карточки: ?Расскажи стишок, стоя на табуретке??Покричи петухом пять раз??Выпей литр пива?.

Бегло просматриваю все записи. Добро, малыш, развлекайся.

— Играем, но ты тянешь первым.

Стас аккуратно отставляет шахматы на подоконник.

— Мне повезет.

— Ага. Шубу можно на куклу Барби, я разрешаю.

— Дава-ай... вот эту! — он тянет карточку из коробки.

Любопытство заставляет меня приподняться со стула.

— Читай уже, Стас.

— Подтянитесь два раза на перекладине? Ха! Всего-то?

Перекладин в квартире Стаса я видела две: в его комнате и в коридоре. Стас забывает о своей хромоте и усталости и чуть ли не бежит в коридор, где раз пять с легкостью подтягивается. Я, не торопясь, иду следом: контролирую исполнение задания.

— Молодец, — комментирую спортивные достижения Стаса и ощущаю, что стало жарковато. Облегающий джемпер не скрывает напряженных бицепсов, и легкость, с которой Стас подтягивается, впечатлила бы любую.

А у них женщины на тренировку не забредают случайно? Надеюсь, что нет. Иначе уведут Стаса в два счета — подтягивается уж очень живописно.

— Пойдем, Вероник. Интересно, что тебе выпадет.

Я фортуне не угодила. Карточка попалась — прозаичнее не бывает: ?Помой посуду?. Ладно хоть петухом не кричать.

— Так и знала. Ну, Стас, показывай, где у тебя посуда...

— Нет ее. Я все в посудомойку загрузил. Вот две кружки. Помой, раз хочется.

— Мы же играем... — включаю воду и мою кружки.

— Тухлые задания. Где обещанный драйв, за который пострадал Димыч? Дорогая, давай по второму кругу?

— Как скажешь, — дурацкие карточки остались в коробке и меня ожидают.

— Окей, садись. Мое задание...?Постойте на голове?.

— Ста-ас... — Только хочу озвучить просьбу не выполнять данный фант, а он уже стоит на голове около дальней стены, джемпер сползает вниз, и оголяется мощный торс.

— Вот и все, — Стас легко возвращается в обычное положение, а я благодарю всех святых, что не мне выпало это задание и не пришлось самой так стоять. Стас-то бы помог, я знаю, но переворачиваться с ног на голову как-то не очень.

— Скучняк, — Стас, уже почти не хромя, возвращается на стул.

— А если бы?спойте песенку??

— И то веселее.

— Приличное задание, что тебе не нравится?

— Неприличные интереснее. Тяни, Вероничка. — Да тяну я, тя... — надпись на карточке повергает меня в преогромнейшее смущение. Фортуна сегодня не на моей стороне — сто процентов. Шуба, ты где?

Че замерла? Шуба все-таки выпала? Вероника окаменела от счастья?

Тупо смотрю на надпись. Был такой фант, читала. Но не думала, что он может выпасть именно мне и именно сейчас...

— Ну-ка, — Стас выдергивает карточку из моей руки, — ? оральным сексом?. Вот так-так! Движуха!

Усиленно соображаю.

— Карточку нужно выполнять мне, правильно?

— Ага, типа того, — Стас откровенно улыбается и пялится на мою недоуменную гримасу.

— Ладно, проехали, — говорит он, замечая, в какой ступор ввело меня задание, — понял: миссия не выполнима. Фиг с ней, Вероничка, отложим, бери другую...

Пребываю в задумчивости.

— Дорогая, забей. Проехали. Бери-бери!

— Но мы же договорились выполнять все?

— Забей, я сказал...

Мне хотелось бы, чтобы все произошло не так. И не сегодня. Хотя — почему не сегодня?

— Ладно, пошли.

— Куда? — Стас мало не пугается.

— В твою комнату. Здесь неудобно. А там ляжешь...

— Э-э... Не надо, зайка. Ход отменяем...

— Ничего не отменяем. Мы же всерьез играли, правильно? И ты мне шубу бы купил? Или нет? — хитро разглядываю Стаса.

— За мной бы не заржавело, сама знаешь, — честнейший взгляд вмиг посерьезневших серых глаз.

— Так почему за мной должно заржаветь? Идем, — встаю и больше без всяких упрасиваний направляюсь в комнату Стаса, внутренне наслаждаясь его нерешительностью.

Ради такого чувства всемогущества, которое испытываю, стоило выполнить и более сложные задания.

Ощущаю себя если не отомщенной за прошлые страдания, то сравнявшей счет.

Не оглядываюсь назад — Стас идет следом. Никуда он не денется.

— Давай стриптизом ограничимся? Можешь даже все не снимать. э-э... так, чисто символически...

— Идем, Стасик. Трусишь? Не бойся, все закончится благополучно для тебя.

— Вот черт! Вероник, махнемся фантами. Давай лучше я! А ты на голове постоишь помогу.

Резко останавливаюсь и оборачиваюсь.

— Только на голове я еще не стояла, — шиплю через сжатые зубы. Хочу добавить: ?Пора отвечать за детство в одном месте? но жалею Стаса, потому как супермен не в своей тарелке.

Думает, я совсем салага в этом деле. Представляю, как удивится...

Пять лет — большой срок для потери навыков, но основное еще помнится. Конечно, с таким учителем...?Нелли? — коротко стриженная худощавая блондинка уселась на краешек стола и, закинув ногу на ногу, закурила тоненькую сигаретку. Такой я впервые увидела Нелли, дорогую валютную проститутку, выписанную из Питера моим дюже увлекающимся новизной мужем. Это было за два года до того, как наш брак распался. По его друзьям тогда прокатилось эпатажное увлечение: повышать сексуальное образование своих жен и любовниц, нанимая проституток им в наставницы. Естественно, мой муж не мог остаться в стороне.

Нелли нашел по знакомству: посоветовал кто-то, расхвалив, как легко она может поделиться опытом своего специфического ремесла и обучить невежественную жену.?Ну что, красавица, записывай или запоминай? — выдув дым в потолок, Нелли, не сходя с места, начала урок.?Смотри сюда? — она открыла рот, чуть высунула язык, и обалдевшая Вероника, не отрываясь, глядела на гибкий язык Нелли, который выделял невообразимые вещи.? Как тебе?? — хрипловато рассмеялась Нелли, — это что можно показать. Много не покажу, не трясись, просто объясню. Кое-что на секс-игрушках продемонстрирую. Договор??

Несколько летних недель Нелли жила в нашей просторной квартире в комнате для гостей.

Я ужасно ревновала к ней мужа. Не спала ночами, контролируя, чтобы не ушел глубокой ночью в комнату Нелли, по утрам ходила уставшая и невыспавшаяся. Мое обучение происходило с утра до вечера (услуги Нелли стоили недешево, поэтому муж выбрал ускоренный курс), и скоро моя учительница заметила, как я зеваю на ее объяснениях. Невнимательности к себе она не терпела.? Ты бы лучше за себя волновалась, чем за муженька своего, — поиздевалась надо мной Нелли, — я больше гоню по девочкам... Издержки профессии. Извини за прямоту?.

С того разговора бессонница меня покинула, но от Нелли я старалась держаться подальше.

Теперь думаю, муж все же переспал с ней пару раз. Надо же было проверить на себе, чему научит дорогостоящая шляха твою жену? Почувствовать руку мастера, так сказать. Ну, в нашем случае не руку, конечно. Вернее — не только руку.

Но тогда я об этом не догадывалась, а теперь события давно минувших лет не стоят

грусти. Огромная благодарность бывшему мужу, что сейчас я не ударю в грязь лицом. И Нелли тоже. Вот ей — особенно.

Расставались мы почти подругами. Никаких приставаний ко мне, намеков и полунамеков — она честно отработала полученные от мужа?нехилые деньги? (Коля сумму не озвучил, но я поверила на слово).?Звони мне, Вероник, не пропадай. Прикольная ты. Без понятия, как ты затесалась в эту шарашку и сколько продержишься... Если вопросы будут — жду. И если новье придумаешь — тоже. Сама знаешь, люблю тырить чужие наработочки?.

Говорила про?продержишься? Нелли мне чуть ли не каждый день. Роняла непонятные фразы, задавала кажущиеся глупыми вопросы, пытаюсь что-то донести помимо своего многогранного опыта и рабочих моментов. Я тогда не слышала ее — сколько уж лет мне было? Не больше двадцати трех, и о будущем Вероника не беспокоилась...

Первый год мы созванивались, и Нелли меня курировала, по телефону рассказывая модные тенденции, и просто так, случаи из жизни. Потом телефон она отключила. Полгода я звонила с постоянством раз в неделю, но все натыкалась на безразличное? Абонент временно недоступен?...

Уверенно переступаю порог спальни Стаса и оглядываюсь. Стас мужественно держится: заходит в комнату, бодренько ложится на кровать. Не верит, что осмелюсь.

— Я лег. Презерватив доставать?

— Зачем? Не надо.

Подхожу к кровати. Стас пристально смотрит на меня.

— Ты серьезно, Вероничка?

— Серьезнее не бывает, — сообщаю недоверчивому. Присаживаюсь на кровать и расстегиваю молнию его джинсов.?Несколько развитий сюжетов, красotka, и миллион видов импровизаций. Работай от того, какая обстановка и что за клиент. В твоем случае — в каком настроении пришел с работы муж, как встречаешь его ты, ругались или нет вы вчера, ну, и прочее... Сечешь, о чем я???Да, Нелли??. Чудненько. Можно сразу быка за рога — и в путь. Быстро-быстро, не меняя темпа, или быстро — еще быстрее. Но если хочешь, чтобы все достойно, надо вот так... — далее целая лекция о видах ласк, переходе от простого к сложному и от медленного к быстрому. — Так это же — как в литературе! — восклицаю восхищенно, слушая подробный рассказ Нелли, сопровождающийся наглядной демонстрацией на резиновом члене, — есть завязка, развитие действия, кульминация и финал...??О-о! — Нелли выгибает брови дугой, — вот что значит училка русского и литры...?

Но валютная проститутка тоже мыслила категориями развития сюжета.

В общем, устраиваю Стасу все в лучшем виде. И завязку, и кульминацию. Стас задыхается и стонет в финале, метаясь по кровати.

— Бл...дь, ни х. на себе... — выговаривает, отдышавшись, — как ты языком делаешь...

— Уметь надо, — может, я слишком постаралась сегодня? Да не должна. Практики не было давно, много сложных техник я не применила... Зато два года подряд я с лихвой доказывала Коле, что деньги были потрачены не зря. Старалась всегда внести что-то свежее и необычное в нашу семейную сексуальную жизнь.

Лишь после развода осознала, что даже самый разнообразный секс не поможет тебе удержать мужчину. Или мой умерший ребенок изменил обычное течение жизни, и Коля побоялся, что он никогда не станет отцом? Страх потерять свое продолжение, свое будущее... Не знаю.

— Да уж, мадам, умеете вы удивить так удивить, — Стас натягивает штаны и осторожно садится на кровати. Он даже немного смущен, мне кажется. Проводит рукой по волосам раз, другой. Внезапно рука останавливается.

— В закромах больше спецэффектов не имеется?

— Почитать тебе Бродского?

— Не-не, не надо! Слышали уже. И читывали сами.

— Серьезно, что ли? — не верю я.

— Ага. Книжку пришел в магазин купить, говорю: «Дайте самую большую со стихами Бродского?». Продавщица посмотрела на меня как на идиота, но книженцию принесла. Стремные стихи, я не осилил много, извини, Вероничка, не мое...

— И ничего не понравилось?

Стасу, я вижу, сейчас не до Бродского, но чувство благодарности за сделанное заставляет его напрямь извилины и вспомнить нужное.

— Почему? Ну... что-то там про облака было. И по холмы. Красивые стихотворения.

— Поняла, что за облака и холмы, — соглашаюсь я. Мне тоже стихотворения эти нравятся. Стас усиленно трет лицо.

— Блин, не отойду никак. Иди сюда!

Звонок телефона. Стас качает головой.

— Перезвоню позже. Пусть хоть Папа Римский.

Кому-то очень нужен Стас. Звонят ему еще и еще.

Стас, тихо матерясь, тянет руку к тумбочке, на которую положил телефон. Недовольно хмурится, глядя на экран, и отключает его.

— Потом, — отвечает он на мой немой вопрос и обнимает меня, зарываясь лицом в распушенные волосы.

— Вообще не ожидал. Клево. Спасибо огромное.

Чуть киваю.

Некоторое время мы сидим без движения, и я чувствую горячее дыхание Стаса, ощущаю его крепкие мышцы. Если бы все было так просто, «спасибо огромное» — и жили они долго и счастливо.

— Вероника... — тихо-тихо говорит Стас.

— Да?

Но Стас больше ничего не произносит. Кашлянув, меняет положение тела, отодвигается от меня.

— По-моему, мне повезло с фанатами больше, чем прежним хозяевам.

— Да ты, смотрю, по жизни счастливчик, — иронизирую я и с удивлением замечаю, как сходит довольная улыбка с лица Стаса.

— Счастливчик, моя лапочка. Если б ты только знала, какой...

Мы в игры долгими годами
Чуткими, как иглы, тонкими словами,
Вплоть до совершенства постигнув это искусство
Томного блаженства в сочетании с вкусом
Слово змейкой вьётся -
В кружева, в кружева.
Смысл, какой захочешь,
Можно в них завернуть.
Неземной мозаикой
Развесить слова,
Обмануть полмира,
А самой улизнуть.
И летать над бездной, не боясь сорваться,
В синеве небесной с головой купаться,
И душой услышать, как плачет Высшая Правда!..
Там, где чувства дышат, говорить не надо.
Ольга Тишина «Весточка»

— Вероника Васильевна, я вас задерживаю? — Аня забегают в класс, когда я застегиваю куртку.

— Нет, не очень тороплюсь. Говори, Ань. Как твои дела?

— Да нормально, — пожимает плечами девочка, — как обычно... Вероника Васильевна, я стихотворение написала новое. Та-а-кое! Это самое лучшее мое стихотворение, правда-правда!

— Лучше скажи, стихотворение, как твои дела по-серьезному? — внимательно смотрю на девочку.

— Вы о Севальцевой?

— О ней в том числе.

Суббота, мой десятый умчался по домам, и Лена с Максимом ушли тоже, потому Аня не боится произносить опасную фамилию вслух. Да и сама история давно покрылась пылью и патиной, и кажется случившейся не взаправду. Поведение Лены улучшилось, я постоянно вижу ее с Максимом, и мозг отказывается поверить в то, что можно влюбиться в заботливого и доброго мальчика, везде и всюду ходить с ним — и быть проституткой. Он же должен заметить твои отлучки, так? Современные подростки день и ночь на связи, если уже не ночуют друг у друга в гостях. А не заметил, значит, их нет.

Или их Лена успешно скрывает.

Недавно с Розой Андреевной мы вновь говорили о ней. «Что ты как курица. Вероника, — Роза Андреевна изрекла дополнительную кучу ругательств в мой адрес, — кудахчешь над бедняжкой Леночкой? У бедняжки все есть, кроме головы. Успокойся уже! Не твоя забота, что девочка вне школы делает! Ей уже шестнадцать есть? Пусть зажигает!»

«Так нельзя, Роза Андреевна».

«Нельзя учителю и классному руководителю подсылать амбалов, чтобы ее покалечить! Вот это — нельзя! А что гадина творит с собственной жизнью — ее заботы и заботы

родителей. Подозревают, чай, о ней...»

«Нет...»

«Давно с матерью разговаривала? Я с ними в одном дворе живу. Она какие загорелые!

Откуда папашка с мамашкой прилетели недавно? Где отдыхали? В Турции?»

«В Африке где-то», — стыжусь за родителей Лены. Но я их действительно сто лет уже в школе не видела, а загарчик отметила, когда мы случайно встретилась в супермаркете.

«А ты все пляшешь, пляшешь за своих! Будут тебе амбалы ноги ломать — тогда я посмотрю, как запоешь!»

— Вероника Васильевна! Вот стихотворение! Я его напечатала...

— Мой золотой, убегаю. Отдашь мне листок, в понедельник все скажу, что думаю, хорошо?

— Конечно! — в класс заглядывает Кристина — она ждет Аню у двери, но ни в коем случае не зайдет, пока мы разговариваем об Анином творчестве. Уважает личное пространство подруги.

Аня прощается со мной и уходит, а я складываю листок вчетверо и кладу в кармашек сумки. Не до детских стихотворений мне сейчас.

Часа через два Стас заедет за нами, и мы с Жужиком отправимся к нему на дачу.

«Консервы твоему псу я уже купил, не бери еды. Можно только посуду пса — и все. Забудешь — на даче найду». Стас предусмотрел все, но я не доверяю тому, что покупают одинокие мужчины, поэтому вчера полвечера провела у плиты, запекая в духовке курицу, жаря пирожки с картошкой и параллельно — блины. Думаю, мой военный не останется голодным.

Со дня детских игр в фанты прошла ровно неделя, во время которой я успела много раз понервничать за будущие выходные, точнее — за очередной срыв планов. А потом, отдохнув вечером с любимыми книгами, и Новым Заветом в том числе (по расписанию предполагалась аэробика в фитнесе, но ее решила прогулять), я в который раз ощутила, что все тленно на земле, и перестала волноваться.

И сложилось. Не произошло ни стихийных бедствий, ни каверз от школы — ничего серьезного, что бы помешало поездке.

Вещи сложила заранее (немудрено — всю неделю думала о поездке). Оставалось только вытащить контейнеры из холодильника и определить их в крепкий пакет. Я буду готова даже раньше назначенного времени.

Интересно, получу бонус от настоящего военного, что собираюсь быстро, как в армии? За прошлые старания бонусов не получила.

Стас долго был под впечатлением от произошедшего. Про «повторить» не намекал, допросов не устраивал, но интересующийся взгляд ловила постоянно. Где-то в четверг за партией в шахматы его прорвало:

— Вероничка, с таким багажом знаний... блин, не знаю даж, как сформулировать-то...

— Не заморачивайся. Муж бывший постарался, чтобы я была у него самая лучшая. Во всем. Но лучшей для него я не стала...

— Бл. дь, забудь о нем. Ты клевая. Честно. Муж твой бывший — сволочь. Ну, сама в курсе.

— В курсе, конечно, и давно... Спасибо, Стасик. А ты настоящий друг, хотя и вредный местами, — закидываю пробную удочку и внимательно наблюдаю.

При слове «друг» Стас чуть изменился в лице, хотел было что-то сказать, и я замерла,

ожидая...

Но он лишь согласно кивнул и ограничился обычным:

— Обращайся, дорогая.

И мы, как выразились бы мои многоумные детки из десятого «А», «проехали эпизод без последствий».

— Это — дача? — разглядываю высокие стены забора. М-да. Отстала от жизни. После того, как сия богатая и сытая прелестница захлопнула передо мной двери, выбросив на свою обочину, слово «дача» прочно ассоциировалась у меня с небольшим одноэтажным домиком с печкой, участком земли и невысоким деревянным забором — как у моих подруг, к которым я иногда летом выбиралась «на ягоды». Плотный туман заполнил сознание, вытолкнув память о другой жизни, с элитными машинами и коттеджами, с легким звоном хрустальных бокалов на большом теплоходе (да-да, у мужа были и такие друзья), в окружении безупречных мужчин и шикарных женщин — и будучи одной из них.

Нормальная защитная реакция организма. Да и не была элитная жизнь моей никогда.

— Не нравится? Ты ж еще ничего не видела, только забор?

— Нет, нет, Стас... Просто не ожидала. Красиво тут как.

— Ну да. Летом еще красивее. Посиди минутку, — Стас выходит из машины, чтобы отпереть ворота. Опять в распахнутой куртке и без шапки.

Подарю на Новый год шапку и шарф, проносится в голове. Мама Ани иногда вяжет за денежку. Если ей сказать сейчас, к тридцать первому числу она успеет. Только какой цвет подойдет?

— Готово, — говорит Стас, садясь в машину.

Считаю, синий или серый цвет пряжи. Ну нельзя ходить без шапки зимой!

— Стас, а у тебя есть шарф и шапка?

— В смысле? Ты о чем? — Стас даже руки с руля убирает, так он удивлен.

— Холодно же. Давно хотела спросить тебя об этом. Ну ладно, осень, но сейчас зима...

Стасу весело. Он поднимает руку и треплет меня по шапке: я-то, в отличие от некоторых, одеваюсь согласно погоде.

— Вероничка... озаботилась, дорогая...

— Не переживай, ничего подобного. Вдруг заболеешь? Я не доктор...

— Все будет хорошо, Вероничка.

— А если...

— А если — не будет, — обычная самоуверенность здоровенных мужиков.

Но шапку и шарф я ему все же подарю. Приличный новогодний подарочек.

Дом-коттедж у Стаса оказался очень хорошеньким, на мой взгляд. Двухэтажный, деревянный, с балконом и верандой. Не фешенебельный, но с претензией. Недалеко от дома — беседка. Представляю, как здорово сидеть в ней с друзьями летом. А что друзей у Стаса хватает — не сомневаюсь.

Жужик тоненько заныл на заднем сиденье. Надо сказать, что пес очень неплохо перенес дорогу, останавливались мы на трассе всего раза два. Под конец дороги он свернулся калачиком на подстеленных Стасом ковриках и одеялах и заснул, и прервала чуткий сон пса лишь вынужденная остановка перед воротами.

— Потерпи, псина, — сказал Стас, но не тут-то было: Жужик забежал на заднем сиденье и заскулил.

— Сейчас, — через несколько метров Стас заглушил мотор. Пение Жужика стало более

жалобным.

— И все-таки твоя хозяйка тебя набаловала, — подытожил Стас, выходя из машины. Закрыв ворота, и только после этого открыл заднюю дверь.

Жужик быстро побежал, вздымая лапками снег, со звуком, больше похожим на стук конских копыт. Рассек небольшой сугроб и остановился, чихая и встряхивая головой. Задрал лапу, отметив начало своей территории, и продолжил носиться меж деревьев.

— Как он рад, — я вышла из машины и глядела на небольшую упитанную собаку, которой так мало нужно для счастья — плошка с едой и любящий хозяин, да возможность побегать... И как много нужно для счастья мне. Это неправильно.

Скажете, собаки не люди? Так, может, мы о себе слишком много мним?

— Ох и носится твой пес, — Стас открыл багажник и вытащил из него сумки.

— Давай я тебе... — начала я, по привычке подхватывая одну из сумок, но Стас тут же забрал ее у меня:

— Ты училка по физкультуре, что ли, и забыла наемдни штангу потягать? Донесу я сам все! Отойди! Возьми вон лучше самое тяжелое.

— Что?

— Ключи.

— Конечно... — позорюсь я. Привыкла все делать сама, ничего не поделаешь. А привычка — вторая натура, говорили древние. Сейчас натура показалась в лучшем виде.

— Вредничаешь вечно, Стас... — я же не могу вот так сразу радостно отбежать от сумок, правда? Вероника не ударит в грязь лицом и не покажет, что она белоручка! Ну да, я привыкла сама таскать свои тяжести, а к джентльменам не привыкла...

Стас взваливает огромный рюкзак на плечи, берет сумки в руки и несет их к крыльцу дома, где уже сидит Жужик. Я иду следом, неся ценный груз, который мне доверил Стас.

— Вредничаю. И вообще, г...неца навалом. Но, говорят, я неплохой человек.

— А кто говорит? — навожу справки.

— Мама говорит. — Маме-то виднее, конечно... — на сердце внезапно теплеет, особенно когда Стас поворачивается, подмигивает мне и улыбается открытой и искренней улыбкой. Она мимолетна, как взмах крыльев бабочки, и она — словно удар для уставшей от печальных раздумий Вероники.

В коттедже Стаса по-спартански мало мебели. Витая лестница на второй этаж, а на первом, в единственной огромной комнате, камин. По-моему, настоящий.

— Он же настоящий, Стас?

— Ага. Расслабляюсь, когда на огонь смотрю. Успокаивает... Ой, сколько мы костров пожгли на учениях! Я, когда дом стал строить, точно знал, что камин у меня будет. И баня. Все, больше особо ничего не надо было от дома.

Жужик заходит в чужой дом с опаской. Принюхивается у порога, поджимает уши и бочком идет за мной. От хозяйки ни на шаг.

— Располагайся, — Стас направляется к небольшой импровизированной кухне в углу большой комнаты:, плита, кухонный гарнитур — тоже, кстати, с барной стойкой.

— У тебя любовь к барным стойкам? — невинно интересуюсь я, стараясь очень сильно не улыбаться.

Стас издает веселое хмыканье:

— Знаешь, не задумывался. Правда. Наверно, да, огромная любовь. Преогромная. Полезная вещь. Согласна? — подмигивает мне, хитро прищуриваясь.

— Ну-у... если только стол нужной высоты.

— А высоту здесь не подгадывал... Иди-ка сюда! — Стас обязан прояснить вопрос сию же секунду. Просто как дети эти мужчины! Смешно иногда, вот ей-богу.

— Стас! — смущаюсь я, — Перестань! Никуда я не пойду! Тут продукты испортятся, давай все положим в холодильник...

— Надо тебя напоить. Когда ты немного пьяная, то на все соглашаешься. И Бродского цитируешь местами.

— Я... ну хватит уже, — везу тяжелые сумки к холодильнику. Стас подходит ко мне, поднимает сумки и сам несет по назначению.

— Это что? — Стас недоуменно разглядывает большие пластиковые контейнеры, которые лежат сверху.

Это я для вас старалась.

— Я тут испекла немножко. Пирожки, блины, курица на банке.

— На че-ем?

— На банке. Рецепт нужен?

— Отпробуем без подробностей. Да зачем ты, зайка? Я тут подкупил продуктов. Отдыхала бы вчера, — эти слова Стас говорит, да? У меня с ушами все нормально? Хотя, что я иронизирую? Если человек может две недели уживаться с чужой собакой и по первому зову мчаться помогать друзьям, стоит ли удивляться, что он может проявлять подобное сочувствие?

— Ну, мне нетрудно было, Стас. Честно, — «и очень хотелось что-то приготовить для тебя». Вторую часть реплики я, по понятным причинам, не озвучила.

Стас приоткрывает крышку одного из контейнера, разглядывает содержимое и хочет продегустировать, но внезапно передумывает и возвращает крышку на место.

— Ладно, позже. Ты есть будешь, Вероник?

— Нет. Какие планы?

— Пока не стемнело, можем погулять в лесу. А вечером придумаем что-нибудь.

— Минуточку, доложу в холодильник продукты... А снега там немного, в лесу?

— Не провалишься. А провалишься — вытащу, — успокаивает Стас, и его серые глаза ласково смотрят на меня, — пойду включу котел. Когда придем, в доме потеплеет.

Я готова идти с ним куда угодно.

Быстро складываю продукты в холодильник, застегиваю пуховик и надеваю сапоги.

Стас возвращается в куртке цвета хаки, с черной шапкой на голове.

— Экипировка? — показываю на куртку.

— Да. Шарф и шапка тоже имеются, дорогая. При полном параде, все как надо.

— Только на природу надеваешь? А в городе?

— Да ну, — Стас легко отмахивается от моих назойливых вопросов, — город — это город...

И мне не о чем спорить. Но вязаные шарф и шапку я ему подарю все равно. Может, сумею уговорить их надеть — это очень хорошо мне удавалось с контингентом от двенадцати до семнадцати лет. Можно сказать, я дипломированный уговорщик по надеванию шапок, шарфов, теплой одежды, получению положительных отметок, участию в олимпиадах и конкурсах... Нина Петровна, конечно, уговаривает еще лучше, зато я — от чистого сердца.

Пристегиваю карабинчик поводка к ошейнику Жужика — боюсь, убежит. Мы выходит

со Стасом на улицу. По пути Стас открывает дверцу машины и захватывает с заднего сиденья небольшой рюкзачок, повергая меня в благоговение. Как настоящий походник, он даже на небольшую прогулку в лес берет обмундирование.

— Фонарик, спички, еда? — интересуюсь я.

— Ну да. И еще кое-что. Идти до леса здесь недолго, минут двадцать пешком — обрыв и Волга. Если быстро, успеем дойти и вернуться до темноты. Ты как?

— Видно Волгу? Ну, пойдём быстрее! — чуть не подпрыгиваю от любопытства.

Уважительно смотрю на Стаса и его рюкзак. Настоящие походники (я пересекалась с ними в юности) тоже были такими. Даже в недалекие отлучки от лагеря брали жилетки с сотней карманов, где лежало все самое необходимое — от ножа и фонарика до спичек и небольших запасов еды.

Как я люблю говорить с пятиклашками о рассказе Виктора Петровича Астафьева «Васюткино озеро»! Он всегда читается и анализируется с полным аншлагом: дети дружно хотят пересказать мне текст о мальчике, потерявшемся в тайге, но проявившим огромную силу духа и с достоинством преодолевшем испытания, которые выдержит не каждый взрослый. «Идешь на день — хлеба бери на неделю», «Тайга хлипких не любит» — громко зачитывают они мне пословицы из рассказа, находя их в тексте. И как внимательно слушают о том, что рассказ написан по детским воспоминаниям писателя и что мальчик по имени Витя много-много лет назад по правде заблудился в тайге! Как сам искал дорогу домой, преодолевая голод, усталость и страх... Потому, наверно, и читается рассказ с интересом, что за ним — настоящие сомнения, отчаяние, надежды.

Все должно быть подтверждено жизнью, прочувствовано и прожито.

Мы со Стасом минут пять идем по дороге, мимо заборов различной высоты (я бы определила их как «очень высокие» и «очень-очень высокие»). Потом коттеджный поселок заканчивается. Начинается лес.

Старые деревья с огромными стволами перемежаются с молоденькими тоненькими стволиками, пеньками и поваленными деревьями. Протоптана тропинка — прямо по снегу. Его, как и обещал Стас, не очень много: где-то по щиколотку, может, чуть выше.

— В январе здесь сугробы, не пройдешь. Ребята ездят на вездеходах, но я что-то никак не куплю себе. Да и бываю за городом нечасто, так, на выходные, да и то не на каждые. А некоторые круглый год живут здесь, ездят в город. Полтора часа по трассе — и на месте, удобно. Пробки только на въезде в город... Может, когда-нибудь перееду сюда. На пенсии.

Последняя фраза нравится и успокаивает: значит, никакие переезды на планируются. Мы будем встречаться.

— Места... чудесные! Я ни разу не была здесь, когда ходили в походы. Больше за Волгой, переправляемся на тот берег...

— А я остался здесь из-за Волги. В том числе, — Стас берет меня за руку, и мы быстрым шагом идем по утопанному снегу.

— Остался?

— Я ж из Москвы сам. Мо-осквич! Не скажешь? У меня там родители, сестра. А я уехал...

— Из Москвы? Все же туда, наоборот...

— А что в ней хорошего? Ну, деньги, возможности. Вот моя семья и развлекается со своими бизнесами. Сестра — та горы сворачивает. Молодая, сильная, расчетливая. Насмотрелся на это все во-от так, — Стас проводит ребром ладони по горлу, — хотел на

Кавказе остаться сначала, или в Краснодаре, а потом вспомнил, как здесь красиво, какая река, природа — и приехал. Я в Поволжье год по контракту служил, пока в Дагестан обратно не перебросили. Наелся юга как не знаю кто. А домой не хотелось. Какая разница, где начинать торговать, правда? Здесь даже легче, чем в Москве — конкуренции меньше. Рынок сбыта, конечно, тоже не такой, но... ой, заболтался. Смотри, какое дерево. Местная достопримечательность. Старый дуб, сотня лет — точно есть.

Дуб поразил меня. Его огромный и мощный ствол в метрах пяти от земли раздваивался, и уже два ствола тянулись раскидистыми ветвями к небу.

Видно было, что дуб старый, даже не очень внимательному и разбирающемуся в этом человеку: несколько крупных веток обломилось, кое-где треснула кора, дупло, образовавшееся в месте, где стволы разрастались, говорило о том, что дерево начинает умирать. Но дуб сдаваться времени не собирался, и нерушимо стоял, смиренно перенося все удары природы.

— Прямо как в «Войне и мире». Эпизод под кодовым названием «встреча с дубом». Если еще увижу и небо Аустерлица, тогда полный набор князя Болконского в постижении истины... — бормочу я.

— Че-го? Вероник, хоре меня пугать!

— М-м... Правильно говорят, меньше знаешь — крепче спишь. Не обращай внимания.

— Это верно. Но жить скучно.

Некоторое время мы, не произнося ни слова, продолжаем идти по тропинке. Жужик бежит рядом со Стасом, не рискуя отлучиться: Стас взял у меня поводок, потому что обалдевший пес, почувствовавший свободу, рвался с поводка. Узнав твердую руку Стаса, он чуть успокоился и, вертя головой изо всех сил, вращая опалевшими глазами, все же покорно трусит рядом с ним.

— Кто здесь ходит? Этот маршрут популярен?

— Местные. Еще бы не популярен! Прямой путь до Волги. И не заплутаешь — здесь везде на деревьях метки. Гляди, — указывает мне Стас на помеченные синей и красной краской деревья, — не отойдешь от тропы.

— И все равно рюкзак взял?

— Так мало ли че. Мне привычнее.

— Летом, здесь, наверное, виды еще лучше.

— Да. Но зимой свои плюсы, не считаешь?

— Мы в походы ходили только летом, никогда — зимой. Максимум — ранней осенью...

— А в армии не спрашивают, хочешь или нет. Приказали — поехали. Хоть в лес, хоть в болото, хоть к папуасам... Волгу уже видать.

Лес заканчивается обрывистым берегом. Стас останавливается и хватается за куртку.

— Притормози, дорогая. Стой здесь, любуйся. Ближе к обрыву лучше не подходить.

Белый лед на реке перемежается в середине с серо-синими проталинами, над которыми поднимается белая дымка.

Улыбаюсь и смотрю на Волгу. Жужик не выносит долгого пребывания на одном месте и громко и горестно скулит.

— Будешь носиться в другом месте. Знаю тебя: почувешь свободу, унесешься хрен знает куда, потом лови где угодно! — парирует Стас. Приобнимает меня одной рукой:

— Замерзла?

— Немного, но я бы еще постояла...

— Стой на здоровье! Даже если темнеть будет, придем куда надо, — Стас прижимает меня к себе еще крепче, — теплее?

— Да, спасибо.

Мне уже не до красот зимней Волги, холод сменяется приятным жаром во всем теле. Одновременно сладко и горько: так призрачны, мимолетны и нестабильны сейчас наши отношения. Как лепестки яблонь. Сегодня они — часть цветка, а завтра ветер несет их к земле. Но в этом и вся прелесть. Не зря же японцы несколько дней подряд приходят посидеть в цветущие вишневые сады и смотрят, как распускается и угасает вишневый цвет...

Холодные губы Стаса чуть касаются моей щеки, а когда я поворачиваю лицо к нему, и моих губ.

— Замерзла. Губы ледяные. Согреться не хочешь?

— Как?

— Пробежаться, а? Ты ж у нас великая бегунья! Наблюдал года два за тобой и думал, когда же бегать нормально научишься...

— Я научилась, — возмущаюсь я.

— Научилось она! Даже не знаешь, что сначала разминочку делают. Начинают бежать длинные дистанции не торопясь, а не стартуют, будто от маньяка сваливают.

— Э-э...

Стас целует меня еще раз, но это уже не легкое прикосновение, а долгий и глубокий поцелуй. Жужик нагло твякает, и Стас отрывается от моих губ.

— Цензура, блин! Бежим!

Мы бежим, взявшись за руки, по утоптанному снегу.

— Дыши носом, — говорит Стас, повернув голову и мельком посмотрев на меня. Через некоторое время я останавливаюсь, и он — тоже.

— Набегалась? — с ласковой усмешкой спрашивает Стас, проводя по моему лицу тыльной стороной ладони.

— Да, — выдыхаю я, переводя дыхание.

— Не стой на месте после бега. Пойдем.

Не-ет, товарищи. Зимние пробежки, когда холодный воздух попадает в легкие, не мое. И не понимаю, почему в таком восторге Стас.

Он останавливается на краю леса, снимает с плеч рюкзак.

— Никогда не пила горячий чай в зимнем лесу? Обалденное ощущение! Всего год отслужил по первому контракту в Поволжье. На юге зимы были хорошие! Здесь — похолоднее намного. Кое у кого из наших были термосы. Чай с сахаром и лимоном в поля — вообще дело. Конечно, пить надо аккуратно — зима, все такое, но оно того стоило...

— Вы жили в полях?

— Ну, как в полях? В полях — так называли просто. На природе, в учебных центрах. Лес, горы, поля, болота — что попадет. Зимой или осенью если — зимних палатках, с печкой... Месяц, может два... — Стас наливает мне дымящегося чая в съемную крышку термоса, — попробуй.

Отпиваю глоток. Да, чай согревает, и пить его очень приятно, но еще приятнее — смотреть в серые глаза Стаса, в которых не плещется постоянная насмешка.

Его язык больше не изрекает колких фраз, к которым, впрочем, у меня уже выработался неплохой иммунитет.

«С любимым хулиганами можно договориться», — золотое правило Розы Андреевны. Неужели я смогла договориться с моим?

Протягиваю кружку Стасу, он наливает немного чая себе и выпивает — медленно, смакуя каждый глоток.

— Обожаю так делать. Неправильно, может быть, но здорово.

Стас мне доверяет. Ниточка его доверия тонкая-тонкая: я чувствую ее стеклянную хрупкость наработанным учительским чутьем, но ее протягивают именно мне.

И последним человеком я буду, если начну вспоминать былые обиды и не возьмусь за второй конец.

— Нальешь еще?

— Конечно, — Стас щедро плескает мне чая в кружку, — только сейчас пойдем домой. Станет жарко, вспотеешь, и надо, чтобы не простыть, в тепло.

— Ты специально приберег чай на конец похода? Продумал все, — смотрю восхищенно на Стаса.

— Я ж не в первый раз здесь в лесу гуляю. Пойдем потихоньку, как допьешь.

— Ага, — растягивая удовольствие, пью очень медленно. Смотрю на деревья вокруг, на небо, только-только начинающее темнеть, и чувствую, как Ты проходишь близко-близко и, словно перышком, прикасаешься к моей душе.

Я так счастлива, Отче. В белом холодном лесу, отчужденном от всего мира высокими стволами деревьев, счастлива здесь и сейчас, позабыв о прошлом, не думая о будущем.

Просто идти рядом со Стасом, беспечно шагая по снежному ковру, смотреть в Твое безграничное серое небо, не ощущая холода. Без страха и сомнений, каждой клеточкой посылать в полутьму чувство любви к Тебе — огромной любви и благодарности.

Все не зря. Каждый мой шаг — через Тебя, и каждый мой вздох — с Тобой.

Слезы выступают на глазах. Когда не можешь вынести красоты, которую невозможно охватить и вместить твоей душе, именно они помогают удержаться на грани.

Я почти не чувствую своего тела — словно меня нет, словно я совсем невесома. И нет ничего: ни моей жизни, ни суетливых желаний и эгоистичных чаяний. Эти мгновения дарят самое дорогое, что бы я могла найти в жизни — ощущение Твоего присутствия во всем.

Стас молчит, лишь берет меня за руку. Наверное, заметил на моих глазах слезы, но ничего не скажет о них. И не будет смеяться и подкалывать меня. Почему-то я в этом уверена.

Когда перебежки отпущенного с поводка Жужика от дерева к дереву отвлекают внимание Стаса, незаметно вытираю слезинки. Чувства такой силы не бывают продолжительными — долго не вынесешь, постепенно они затухают, и остается лишь воспоминание о них. Но даже воспоминание ценно.

— Иди сюда, Жужка! — зовет Стас пса, и тот, повиливая хвостом, бежит ко мне и Стасу...

Первым делом Стас приказал одеться в сухое.

Переодевшись, я разогрела на небольшой Стасовой кухоньке курицу, пирожки и блины. Стас заявил после ужина, что объелся и, довольный, изрек:

— А вообще-то я хотел еще баню предложить.

— Завтра, — кивнула я. Сегодня слишком много праздника.

— Как скажешь. Тогда — вечерние чтения?

— А у вас нет предложений получше? — интересуюсь, доедая пирожок.

— Камин, — показывает пальцем Стас.

— Здорово. Мне чем-то помочь?

— Да сиди, — машет рукой. Откуда-то Стас приносит дрова и начинает растапливать камин.

В комнате потемнело, и Стас включил неяркий свет.

После розжига провел меня по дому, бегло показав второй этаж, и мы вернулись обратно.

Стас подвинул к камину небольшой диванчик, принес пледы.

— Забирайся. Все как надо: холодная зима, камин, плед. Еще можно замакарить глинтвейн...

— Глинтвейн? А у тебя есть вино, апельсин и специи?

— Вероничка, ты обо мне плохо думаешь. Все есть, конечно.

— Стас, мы глинтвейн, помню, на костре варили! О-о!

— Ну так давай повторим! Чем камин — не костер? Конечно, можно и на улице, но сезон не тот. Сделаем...

И мы варим глинтвейн на решетке камина. Наевшийся консервов Жужик приполз полежать рядом с диваном. Вернее, сначала — рядом. Потом пес поставил передние лапы на диван и попытался ко мне залезть.

— Это что за незаконное занятие чужой территории? — сразу же отфутболил его Стас, грозно повысив голос, и Жужуку пришлось довольствоваться подстилкой на полу. Стас поспешил сесть рядом со мной на диван.

— Вот дела. Отлучишься ненадолго, и твое место займут на счет раз.

Сидел рядом со мной Стас чисто символически. Устроился около камина, осторожно помешивая вино.

Отблеск огня попал на тонкую стальную полоску — Стас наклонился, и движение обнажило странный предмет на его поясице. Вернее, стальную рукоятку ножа.

— Ты всегда носишь с собой ножики? Даже сюда?

Стас завел руку за спину, ближе к поясице, и вытащил хитро спрятанный нож.

— Не холодно с ним? Он же у тебя прямо к коже?

— Нет, не прямо. Здесь не видно, но сам нож в кожаном чехле. Чехол вшит в джинсы, так что он мне не мешает. Только помогает всегда. Не люблю быть безоружным — мало ли что, — Стас вертит нож в руках, и я наблюдаю за опасно-игривыми переборами пальцев.

— Держи, — перехватывая мой взгляд, протягивает его мне.

Это тот самый нож, который я уже разок видела на уроке.

— Я с ним знакома, — хочу отдать нож обратно, но Стас ухмыляется:

— Да бери уже. Мой тебе подарочек.

— В смысле?

— У меня еще есть. А нож — это друг и товарищ. И колбасу отрезать, и, веревки, если руки тебе связали. Тысяча применений! Еще маникюр можно делать...

— Ста-ас! — возмущенно перебиваю его я, несогласная с неприкрытым цинизмом.

Стас еще раз хмыкает:

— Положи в карманчик куртки. У тебя есть один внутренний, я видел. Вот в него и положи. Не говорю, что пригодится, пусть просто полежит. Незаменимая вещь. Могу по этому поводу рассказать адын паучитэльный история...

— Не надо, — изо всех сил мотаю головой, — не надо мне твоих историй, Стас.

Наслушалась уже. Не порть вечер.

— Как скажешь, дорогая, — Стас придирчиво рассматривает кастрюльку с вином, — Кажется, нормально.

И снимает ее с огня. Хитроумный Жужик тянется к ней любознательной мордой: ему до всего есть дело.

— Где у тебя бокалы, Стас? — откидываю плед и встаю с дивана.

— В шкафчике... верхнем, самом левом.

Здесь? — подхожу к гарнитуру и показываю на шкафчик.

— Да. Доставай уже, чего как не родная...

Вытаскиваю бокалы, немного ополаскиваю их под струей воды и возвращаюсь к камину.

Стас осторожно разливает получившийся напиток.

— Как у тебя здорово получилось, — продегустировав глинтвейн, восхищаюсь я.

— Да как обычно, — но Стасу нравится похвала.

Подсаживаюсь поближе к камину, прямо на подстилку к Жужуку. Стас берет с дивана подушку и устраивается рядом.

Пьем вино и смотрим на огонь. «Все слова уже сказаны, все песни допеты».

— Вероника... Разговор есть.

— М-м-м, — не отрываю взгляд от огня.

Рука Стаса прикасается к моей спине. Он не торопится говорить: гладит меня, словно кошку, заправляет за ухо выбившуюся из хвоста прядь, проводит подушечками пальцев по щеке...

— Бросай своего мормона, Вероничка. Нам с тобой он не нужен, правда?

— Нам? — поворачиваюсь к Стасу, не веря своим ушам.

— Да. Если мы будем продолжать встречаться и дальше, мормон явно лишний. Или лишний я... — в голосе Стаса слышу хорошо скрываемое волнение. Скорее не его звук, а только отзвук, но оно намекает мне на многое.

— Я ничего гарантировать не могу, но... черт! Вероника, сама все понимаешь. Никто не знает, что случится завтра, но я бы хотел, чтобы... короче, чтобы мы были вдвоем. Без третьего лишнего.

— Да я уже... Да, Стас. Ты прав. Я перестаю встречаться с Робертом. Обещаю, — прямо и открыто смотрю на Стаса, лицо которого напряженное и замкнутое. Стаса действительно волнует мой ответ. И когда черты его лица перестают казаться резкими, когда перестают ходить желваки на скулах и разжимаются поджатые в тонкую линию губы, понимаю: я ему нужна. Я небезразлична настолько, что великий гордец меня просит. Просит!

Удерживаюсь от выражения любых эмоций, хотя сердце так и выпрыгивает из груди. Неужели Стас сказал такое? Я теперь в сказке. Не полностью романтической, местами жестковатой, как и сам Стас, но тем не менее.

И если сейчас проявлю бурную радость, то вспугну его, покажусь совсем ребенком...

— Я с тобой, Стас. Решено, — говорю я, стараясь казаться счастливой, но немного отстраненной. Мы же не о любви сейчас, и не о браке, и ни о чем очень серьезном. Потому держаться надо соответствующе.

Считаю, это у меня выходит неплохо — привет школе, Розе Андреевне и Нине Петровне, моим самым главным учителям по жизни. Напряжение совсем уходит с лица Стаса: его поняли и правильно отреагировали.

— Иди сюда, — Стас отставляет бокал, подсаживается ближе и обнимает меня. Делаю глоток вина и тоже ставлю бокал на пол. Стас проводит губами по моей шее, целует впадинку ключицы, отодвигает ворот шерстяного платья...

Жужик решает вмешаться: он тоже хочет внимания. Стас дарит мне быстрый поцелуй в губы, а потом, погладив пару раз Жужика, встает с пола и протягивает мне руку.

— Передислоцируемся на диван, а?

Треплю Жужика по загривку и встаю следом.

Стас снимает с себя одежду.

Сажусь на диван и стягиваю с себя облегающее платье.

Все стало чуть иным. Вино ли, разговор — или что-то иное — лишили меня постоянного ощущения стены. Сегодня она рухнула: прозрачная, тонкая, почти неразличимая стена в словах и поступках, которая нас всегда разъединяла.

Его поцелуи стали чуть иными. Его прикосновения и ласки теперь неторопливы и нежны. В них есть страсть — и нечто большее.

Мое тело горит, наполняясь желанием, острым и жалящим, как ледяная вода. Я целую смуглую грудь Стаса, глажу ладонью его шрамы и прижимаюсь крепче к его телу. Не уходи. Пожалуйста, только не уходи...

Стас легко избавляет меня от нижнего белья. Шелест упаковки презервативов, и Стас проникает внутрь меня. Он дразняще двигается в неторопливом чувственном ритме, полностью заполняя собой. Изредка останавливаясь, целует в губы, и я чувствую вкус вина на его губах.

Я обхватываю его крепче, выгибаясь и изо всех сил сжимая внутренние мышцы. Сложно вынести эту медленную неспешную пытку.

Пытаюсь немного убыстрить ритм, двигаю бедрами, но Стас прижимает их одной рукой к дивану. Даже шевельнуться я не могу.

Тяжело дыша и кусая губы, беспомощно вздрагиваю всем телом.

Кажется, уже не могу терпеть.

— Стас!

Стас целует мою грудь и продолжает в этом разрывающем мое тело темпе. Я дрожу, и нужно совсем немного, чтобы...

Он убирает руку, удерживающую мои бедра, и быстрые толчки заставляют меня кричать и выгибаться.

Двигаться вместе с ним, поднимаясь и падая.

Утрачивать контроль, сотрясаясь в мощном оргазме.

Я слышу, как вскрикивает Стас, и последние, самые сильные толчки, сотрясают мое тело.

Он падает рядом со мной. Проводит рукой по моим волосам и крепко сжимает в объятиях. Не могу ничего говорить. Молчит и Стас.

Слова уже лишние.

Все будет прежним вокруг тебя -
Весна придет в свой срок -
Созреет Утро и прорвет
Свой огненный Стручок.
В лесах зажегся дикий цвет -
Ручьи полны вестей -
И тренькает на банджо Дрозд -
Пока ты на Кресте.
Свершен неправый Приговор -
А вечер так же тих.
Разлука с Розой для Пчелы -
Вся сумма бед земных.
Эмили Дикинсон

— Вероника Васильевна! Срочно зайдите ко мне в кабинет! Срочно!

Появление психолога на уроке литературы будоражит весь десятый «А». Наша «психологичка», как любят называть ее дети, сидит себе смиреннько в кабинете на первом этаже, но редко-редко ее можно увидеть хотя бы мелькнувшей в коридоре.

Если она приходит прямо к тебе на урок, да еще и «срочно»...

Немигающий и тяжелый взгляд Лены Севальцевой я чувствую кожей.

Надоело. Честно. Или мир, или война. Ну сколько можно...

Наверное, на меня сильно повлияла поездка на дачу Стаса. «Расширение горизонтов» — кажется, так называется чувство, когда начинаешь жить по-новому?

Все мои прошлые ухищрения по поводу Лены были глупыми и робкими, от того — неудачными.

Я не питаю никаких надежд относительно нашего психолога, которую больше интересуется маникюр и каталоги косметики, чем дети. И будущая книга по психологии под ее авторством, как же я забыла!

Но она же может подсказать мне... что-нибудь. Например, телефон другого психолога.

Крылья, выросшие после выходных, несут меня быстрее решить давнюю тяжбу. Может, я делаю правильно, что молчу, и Лена уже встала на путь исправления, так что лучше ей не мешать...

Но Лена остается проституткой.

Не могу объяснить своей уверенности.

— Открыли учебники на странице сто двадцать первой. Читаем раздел до конца. Когда я приду, перескажете, что прочитали, — с этими словами я выхожу за дверь. За мной несется гул голосов — ничего мои дети читать в ближайшее время не собираются. Будут обсуждать уход Вероники Васильевны к Ладе Сергеевне.

Ну что за психолог? Даже директор, и та вызывает любого учителя в свой кабинет на перемене, понимая, что урок нельзя прерывать (исключая форс-мажоры типа лопнувшей трубы и «заложенной» в школе бомбы, которую разок в год да выдумают).

А уж десятиклассников после такого появления не соберешь.

Но Ладе Сергеевне безразличны и я, и мои уроки.

В другой раз я бы ее проигнорировала и пришла к ней на перемене. Еще чего, тратить на пространные рассуждения Лады Сергеевны драгоценные минуты урока.

Иду сейчас. На воре шапка горит.

— Вероника Васильевна! Что там у вас с вашими личными делами? — Лада Сергеевна демонстрирует сильную обеспокоенность.

— В смысле — с личными делами?

— Вероника Васильевна! Вы мне не сдали личные дела вашего класса! Я же просила!

— Меня? — озадачиваюсь я.

Не помню. Когда она меня просила принести ей личные дела? Ей трудно их взять у секретаря, что ли? Дела же там и лежат. При чем тут я?

— Я передала через одну вашу девочку еще вчера, что сегодня буду просматривать личные дела в вашем присутствии. Неужели этого вам она не сказала? Мне для моего исследования нужны несколько детей, которые отвечают определенным критериям...

Дальше я даже не слушаю. Она с бешеными глазами забежала ко мне на урок из-за личных исследований?

— У меня вообще-то был урок, Лада Сергеевна, — произношу на грани предельной вежливости, — вы не могли потерпеть до перемены?

— А вы бы пришли в перемену! — как ни в чем ни бывало заявляет Лада Сергеевна, поправляя наманикюренными пальчиками с длинными ноготками рукав моднейшего платья.

Действительно. И сказать на это мне нечего.

— Но раз вы пришли, — пожимает плечами Лада Сергеевна, — чтобы не зря бегали, сообщу кое-что актуальное... Ко мне заходил Андрей Петрович. Говорил о неадекватном поведении Лены Севальцевой на уроках биологии...

Затаиваю дыхание. А Лада Сергеевна все медлит с ответом.

— Вы пришлите, Вероника Васильевна, Лену ко мне, поговорим. Возможно, она будет одна из тех, чью ситуацию я опишу в своих исследованиях...

Лада Сергеевна работает у нас в школе на полставки. Ей совершенно плевать на школу, она мечтает написать книгу. Свободный творческий человек. Творческий, Вероника, ты поняла?

Только эта информация спасает меня от «взрыва мозга» — так говорят мои дети о будущем ЕГЭ по русскому языку, но к Ладе Сергеевне данное обозначение подходит лучше некуда. И от бестолковых высоких нот в голосе полезное знание избавляет тоже.

— Я пойду? Это все?

Тихо, спокойно, вежливо.

— Мне нужны вы и личные дела...

— Подойду после шестого урока. Устроит?

— Я убегаю после пятого...

— Тогда — завтра.

— Хорошо, Вероника Васильевна, только не забудьте...

«А ты — перестань разговаривать со мной через детей!»

Поворачиваюсь на пятках и открываю дверь.

— Пришлите ко мне Лену Севальцеву обязательно! Возможно, у нас будет с ней серьезный разговор! — кричит мне в спину Лада Сергеевна.

Понимаю раз и навсегда, что искать достойного психолога буду исключительно своими

силами.

Недалеко от двери Лады Сергеевны стоит Лена. Звонка еще не было, но у девочки на плече сумка...

Узкие щелочки ненавидящих глаз, сжатые кулаки...

— Сука! — выдыхает моя Леночка, — Тварь п. кудная!

Пока я стою, оглушенная, Лена, одетая в одни черные брюки и светлый свитер, бежит к выходу из школы по длинному гулкому коридору...

Я рассчитывала увидеть Лену во вторник, отвести в сторонку и поговорить.

Ради этого пришла в школу даже раньше, чем обычно.

Вчера шахматная партия со Стасом затянулась надолго.

«Я пойду домой, Стас. У меня собака голодная и негуляная».

«Ну так пошли, погуляешь с ней, а потом у меня переночуете».

От такого предложения ни я, ни Жужик решили не отказываться.

Ночью я проснулась потому, что почувствовала, как чья-то рука обнимает меня. Испугалась, и сердце быстро заколотилось в груди.

«Спи, ты чего?» — шепнул мне Стас, и я вспомнила, где нахожусь. Прижалась к Стасу и заснула.

А под утро пес беспрепятственно залез на кровать с белой комнате (пришлось все же переночевать нам со Стасом там: кровать в его комнате ну очень уж жесткая и узкая).

Около шести утра я была разбужена рычанием Жужика: Стас его передвигал ближе к краю постели, а псу вовсе не хотелось покидать приятнейшее одеяло.

Со словами: «Нет, псина. Гулять с тобой согласен, но спать — никогда» Жужик был все-таки выдворен с кровати.

После инцидента с депортацией Стас пошел на пробежку, а я — домой, чтобы собрать нужные в школу книги и переодеться.

В половине восьмого я была уже в школе, около восьми — стояла в школьном коридоре. Пришедшая дежурить с классом Роза Андреевна, мягко говоря, удивилась: я не отличалась ярким рвением, чтобы дежурить не в свой день. Но Лена Севальцева в школу так и не пришла. И Максима тоже не было.

А в четыре часа пополудни меня вызвали к директору.

В класс зашла вездесущая Нина Петровна. Наметанным взглядом отметила ученика и разложенные на парте учебники:

— Вероника Васильевна, вы бы отпустили мальчика. Екатерина Львовна вас срочно к себе просит... Ой, серьезное дело... — и загрустила на манер Ярославны.

«Слово о полку Игореве» я много раз читала. В оригинале — тоже. Узнаю первоисточник...

— Кость, иди домой. Созвонимся и отзанимаемся попозже, хорошо?

Семиклассник понимающе кивнул и начал собирать вещи. А Нина Петровна все стояла в дверях и качала головой.

Неожиданные появления Нины Петровны — не к добру. Я давно это усвоила и внутренне начала готовиться к худшему.

Новость о Лене все-таки прорвалась в школу. Не знаю, как. Может, кто-то еще увидел девочку, кроме меня, не один Стас ездит по той дороге. И сейчас меня будут ругать и позорить: классный руководитель не обозначил проблему лицом, не заявил о ней...

И хотя мне есть что ответить на обвинения, я все равно останусь плохой. Как всегда.

Кабинет директора, пожалуй, самый красивый в школе, не считая класса Петровны, конечно. Нина Петровна — умная женщина, лишней раз не полезет вперед, и ее класс можно поставить на второе место после директорского...

Екатерина Львовна, по обычаю, спокойна и невозмутима — как кобра. Элегантный пиджак, корректнейшая юбка, незаметный профессиональный макияж и прямая осанка — настоящая Железная леди.

Уж я-то знаю, как она может шипеть и бросаться на любого подчиненного. Ох мне и попадет...

— Вероника Васильевна, добрый день, садитесь, пожалуйста, — широкий жест в сторону своего стола, где рядышком притулился одинокий стул просителей.

Официальная часть, начало.

Сажусь куда велено. Екатерина Львовна занимает собственное место за столом.

— Неприятнейший разговор произошел у меня сегодня с родителями вашего ученика, Вероника Васильевна. И с самим учеником. Пару часов назад...

Учеником? При чем здесь мой ученик? Боже мой, ну что еще...

Екатерина Львовна опускает глаза на какую-то бумагу, которую держит в руках.

— Вероника Васильевна, не буду ходить вокруг да около. Вас обвиняют. В домогательстве несовершеннолетнего...

— Что-о?

— Сегодня приходил ко мне Максим Артемьев. С родителями. Мальчик им все рассказал. Вы помогли его в пятницу.

— Я?

Тишина звенит. Нет, это звенит у меня в голове.

Екатерина Львовна устало вздыхает.

— Вероника Васильевна, объяснитесь, пожалуйста.

— В смысле — объяснитесь? Вы сейчас о чем, Екатерина Львовна?

— Вы пристааете к Максиму.

— Пристаю... — у меня в голове не укладывается... да ничего не укладывается!

Прищуриваю глаза, мотаю головой.

— Я тоже не совсем поняла претензию и ее мотив, — аккуратно вставляет Екатерина Львовна, — я даже не поняла, как это могло произойти. Но мальчик настаивает, понимаете? Он рассказал родителям. Они настроены очень решительно...

— И вы в это верите? — непонимающе смотрю на Екатерину Львовну. Та отводит взгляд.

— У Максима есть свидетели. Лена Севальцева.

Звон в ушах усиливается с каждой секундой, и мне уже не хватает воздуха.

Вот как, значит, Леночка. Говорят, на чужом несчастье счастья не построишь... Но некоторым это ох как удается.

— А вы сами в это верите, Екатерина Львовна? — злость поднимается из самых глубин души. Неужели ты, прожженная школой тетка, не чувствуешь истинную подоплеку? Допустим, ты не знаешь настоящей причины наиглупейшего обвинения, но должна же понять за такое количество лет в школе, что дети не всегда говорят правду. Зато отлично говорят то, что нужно и выгодно им. Они еще не осознают полностью всей значимости любых слов, которые иногда бросают, даже не подумав. А еще многие часто готовы идти ва-банк, чтобы

добиться своих целей...

— Я не могу судить...

— Вы верите — или нет? Одно из двух. Это серьезное обвинение...

— Более чем, Вероника Васильевна. Также мне пока не особо ясна позиция родителей и то, что они собираются делать с обвинениями Максима. Это ведь может дойти до уголовной ответственности...

Все, мне достаточно.

— Екатерина Львовна, вы мне скажите — вы кому верите? Максиму, который на ровном месте меня просто с грязью смешал, вместе со своей юной любовницей Леной Севальцевой, которая еще и проститутка до кучи? — Екатерина Львовна чуть прищуривает глаза, но предпочитает эти фразы не заметить, проигнорировать. Сильного удивления на ее лице нет. Неужели ей уже донесли? Или она меня вовсе не слушает? Или уже настолько привыкла к негативу?

— Я уж молчу о том, что обвинения смехотворны и просто...просто...у меня нет слов...

— Я склонна верить вам, Вероника Васильевна, — в голосе Екатерины Львовны не слышу ни обвинения, ни поддержки, — видите ли, какая непростая ситуация. Я легко смогла бы поймать эту парочку на лжи. Но у ваших детей влиятельные родители, как вы знаете. И слепо верящие своим детям. Я не удивлюсь, если сегодня уже идут сплетни по всему вашему классу: по родителям, по детям...

Дальше гений дипломатии может мне ничего не говорить, но Екатерина Львовна не умолкает — напротив, ее голос становится все более и более уверенным:

— Я смогла бы все это замять, Вероника Васильевна. Обвинение даже с Леной выглядит голословно. Но вы понимаете, что это значит для школы, если маховик начнет раскручиваться? Прокуратура зачистит к нам, и к вам зачистит, кстати, если не еще хуже. Не дай Боже, узнают журналисты — они к нам просто налетят! Посмотрите, как смакуют подобные темы в газетах. И самое главное для вас, Вероника Васильевна... Что случится с вами? Хоть докажут, хоть опровергнут, но эта такая грязь, что не отмоешься. И репутацию не восстановишь. И на всю школу тень ляжет...

Я еле киваю в ответ. Мы заботимся только о репутации.

— А ничего, что ребенок — нет, двое детей! — нами всеми, и вами тоже, манипулирует? — мой голос совсем хриплый от волнения.

— Да, ваших противоправных действий, кроме Лены Севальцевой, никто пока не видел, как сказали мне родители Максима...

Закатываю глаза. «Моих каких-то действий». Это ж надо.

— Но опять же, говорю, все нужно разбирать и рассматривать... Школе не нужны такие проблемы, Вероника Васильевна.

— Екатерина Львовна, я объясню, почему вдруг возникли такие обвинения к учителю, — с надеждой начинаю говорить я, но Екатерине Львовне не до моих разоблачений. Она меня даже не слушает. Куда-то исчезает ее рассудительность и бесстрастность.

— Вероника Васильевна, скажу откровенно. Никаких проверок и — упаси Господь! — прокуратуры в моей школе мне не надо. Ситуация щекотливая, ситуация непростая...

— Екатерина Львовна...

— Подождите, Вероника Васильевна. Говорю сейчас я, вы — после. Ситуация плохая... Понимаете, Вероника Васильевна... Даже если это оговор...

— Что значит — «даже»? — зло спрашиваю я.

— Даже если это оговор, — повторяет Екатерина Львовна с многозначительной интонацией, — вы понимаете, как все сложно доказать. Сексуальные приставания... и есть свидетель — Лена Севальцева.

— Отлично, — мой безжизненный тон производит впечатление на Екатерину Львовну:

— Вы ведь понимаете, каково это? Каково это для вас и, по большому счету, для всей школы! Ладно, сейчас ситуация касается лишь родителей, вас, меня и ребенка! Случай — антиреклама нашей школы... Вероника Васильевна, вы не представляете, какой этот случай может вызвать резонанс в обществе! Все так легко раскрутить до чуть ли не масштаба всей России! И раскрутить не в вашу и нашу пользу, заметьте. Извините. Я к такому не готова.

Закусываю губу до боли. Боюсь моргать: слезы могут политься совершенно не к месту. Никому не нужны они. Не нужно и мое ноющее от боли сердце, куда будто ножик всадили. Вот как расправляются с неудобными. Оклеветать, оболгать человека, который тебя учил столько лет, водил на экскурсии, разговаривал с тобой о вечном, выслушивал твои капризы, осушал слезы, подбадривал, находился девять месяцев в году всегда рядом, почти каждый день. Был ближе многих дядь и тетей, которых видишь несколько раз в год, принимал тебя таким, какой ты есть...

И выставить из школы педагога, едва представится случай. Не побороться за доказательство его невиновности, не разобраться. После стольких лет прекрасного сосуществования меня и моего десятого, сложного и местами трудного, но все же плодотворного, незаметно избавиться от учителя. Об этом пойдет речь дальше, за этим меня сюда и пригласили.

— Вероника Васильевна, вы понимаете сами, — сочувствующий взгляд Екатерины Львовны, — нам скандал на весь мир не нужен. И никому потихоньку не докажешь, что ребенок обиделся и оклеветал вас.

— У него на это были свои причины...

— Вероника Васильевна, я же не о причинах сейчас, — голос Екатерины Львовны опять вкрадчив и негромок, — я вам о последствиях. Причина, по большому счету, не важна. Важно, что вам будет. А будет, Вероника Васильевна, многое. Вы услышите меня, пожалуйста! Что бы ни произошло, вы все равно будете плохой. Эта грязь — из тех, что не отмыться, повторюсь! И никому не докажешь, что вы хороший учитель. Верно?

Сдержат слезы не получается, и я ненавижу себя за проявление слабости.

Ради чего стою здесь? Ради детей, которые меня оболгали, пожелав убрать ненужного свидетеля? Лена придумала все, не сомневаюсь. Но Максим, тихонький Максим, хороший, правильный мальчик. Что же ему наговорила его любовь, что он так легко согласился разыграть этот фарс?

— Почему здесь нет Максима и его родителей? — хрипло спрашиваю я, ногтями до крови впиваясь в ладони. Не расплакаться сильно, перестать плакать вовсе, пусть и душат обида и жалость к себе.

По идее, именно они должны мне предъявлять претензии, распекать... Никого. Только Екатерина Львовна и ее нежелание мне помочь.

— Я проводила Артемьевых час назад, Вероника Васильевна. Мы с вами все сами решим. Их — зачем?

— Но они — мои обвинители, — я даже могу едко улыбнуться, немного приподняв уголки губ.

— Я вам повторяю в сотый раз, Вероника Васильевна! Вас! Обвинили! И это не обычные вещи. Педофилия — не педофилия, но приставание к несовершеннолетнему!

— Это ложь, вы же знаете.

— Вы меня не слышите! — повышает голос Екатерина Львовна, — неважно, правда, ложь... Обвинили, главное — в чем. Школе не нужны такие скандалы, понимаете? Как мне еще намекнуть на то, что вам пора писать заявление об уходе?

— Давайте листок ваш. И ручку, — я не узнаю свой голос, настолько он сильно изменился.

У Екатерины Львовны все давно готово. Ей легче уволить учителя и найти другого, чем расхлебывать странные обвинения, возникшие из ниоткуда, и связываться с родителями, у которых «большие связи».

— Вы уходите сегодня же, безо всякой отработки. Вероника Васильевна, увольняю вас по собственному... У меня на примете несколько школ, и я обязательно...

— Не надо. Я... обойдусь без школы.

Заполнить несколько пустых пробелов в уже готовом, отпечатанном листке. Перечеркнуть все, ради чего ты училась столько лет. Потерять работу, без которой не представляешь своей жизни.

— Вероника Васильевна, не переживайте, в нашем деле случаются всякие вещи. У вас будут еще классы, ученики...

— Хватит мне учеников, всех уже выучила, — больше в этом кабинете я не буду находиться ни секунды.

— Попозже приду за остальными документами. Или передадите. Через Розу Андреевну, — и я впервые позволяю себе роскошь не обращать внимания на слова Екатерины Львовны: выхожу из ее кабинета. Больше она не моя начальница, я от нее не завишу, и могу вести себя как заблагорассудится. И мне плевать на то, что она мне скажет в утешение.

Я не вернусь. Все, что я делала семь лет в школе, оказалось мелким и незначительным, зато лживым обвинениям поверили сразу...

Как же! Грядущие прокурорские проверки и дурная слава учителя убийственны для начальства.

Нормальная жизнь, Вероника. Ничего необычного, милая, ибо нет ничего нового под солнцем.

Я даже могу понять Екатерину Львовну...

Давлюсь рыданиями, почти бегу по школьному коридору. В классе мне легче не становится. Закрываюсь на ключ и сажусь на первый подвернувшийся стул.

Эти стулья, парты, портреты классиков на стене, зеленая доска, мои шкафы, заполненные «под завязку» — планы уроков, учебники, дополнительная литература, справочники, таблицы, рисунки детей...

Неужели — всё?

Растения на окнах. Кто их будет поливать, когда я уйду? Кто будет заниматься в моем классе, пускай не очень отремонтированном, но таком родном и любимом?

В глаза бросаются только детали, детали...

И мне сложно поверить, что сюда я больше не приду. Не встану перед партами, не начну урок, привычно оглядывая класс внимательным взглядом.

Потому что сегодняшней день внезапно стал последним в моей учительской карьере.

Горе! В минувшие дни
На каком отдаленном поле
Из диких зарослей трав
Подул на меня впервые
Этот осенний ветер?
(Готоба-ин)

— А подписывать на горячую голову никогда ничего не стоит.

Роза Андреевна пьет вместе со мной ромашковый чай. На чае настояла она, когда полчаса назад постучалась ко мне в кабинет.

Нине Петровне не терпелось поделиться новостью, и теперь ее знает каждый, кого она встретила в коридоре. Хорошо, что большинство учителей уже давно дома.

— Знаю, — соглашаюсь я. Ничего уже не воротишь.

— Твой уход будет расцениваться как согласие и бегство, понимаешь?

— А не уход?

Роза Андреевна выразительно посмотрела в и глотнула чайку.

— Вот видите, Роза Андреевна...

— И все-таки дело здесь нечистое, хоть с какого бока смотри, что-то у самой нашей директорши... А-а, известно что. Аттестация у нее идет. Точно! Да, Вероник, скандалы под аттестацию — не есть хорошо. Потому что родители, как сказала Петровна, когда я ее поприжала, вообще сидели шокированные.

— Петровна была там?

— Ну как, была. Набегами. Ты ж знаешь ее — ничего не ускользнет от бдительного ока. Какой бы шпионкой могла стать! Эх! Работала бы на благо Родины...

— Мне уже неинтересно, Роза Андреевна. Я уйду, — почти за час боль поутихла. Кого мне жаль оставлять здесь? Юлю, Розу Андреевну. Своих детей. Родные стены.

Но с детьми я все рано прощаюсь, рано или поздно: все уйдут после одиннадцатого класса из школы, и я лишь пожелаю им доброго пути.

Стены, кабинет. Глупо за них держаться. Они неживые, в конце концов, пусть и значат для меня очень много, и много с ними связано. Но все равно: это только кабинет, только парты, только — доска и прочее.

А с Розой Андреевной нас связывают долгие годы дружбы. Не потеряемся и будем видеться, хоть и не так часто. С Юлей — то же самое. Да и не сегодня-завтра эта трогательная девочка найдет себе парня, выйдет замуж, а дальше — обязательный декрет. Тоже вопрос времени.

Хотелось доучить тех детей, которых я вела столько лет, до выпускного класса, так много им рассказать...

Ну, мало ли что тебе, Вероника, в жизни хотелось.

— А мне интересно. С чего это она вдруг решила, что ты в школе никто? Ты учитель первой категории, у тебя и участие в конкурсах есть, да и она к тебе была всегда расположена...

— Роза Андреевна, вы будто не знаете. Она была расположена, когда у меня муж был богатый и влиятельный. Тогда мы с ней кофе в ее кабинете пили, и она даже со мной

дружила...

— Ну да. Помню время. Ой, змея...

— Это нормально, Роза Андреевна. А теперь — что за меня держаться, правильно? Тем более, родители в шоке. Мало ли что сделают, куда обратятся... Они даже мне не позвонили, — кивнула я на телефон, — не позвонили! Мы знаем друг друга сколько? С пятого класса Максима! Шестой год. Почему не прийти и не разобраться лично, зачем сразу к директору? До этого — любая фигня, но звоним даже в одиннадцать вечера! И поверить в такое...

— Вот и Нина Петровна возмущалась. Говорит, видала я Вероникиного хахаля, и даже двоих...

Кривлю лицо. Только этого мне еще не хватало.

Но Роза Андреевна не заостряет здесь свое внимание.

— Екатерина Львовна проигнорировала даже свою любимую Петровну. Знаешь, что я думаю? Непорядок в бухгалтерии у директорши. Боятся проверок, замечает следы...

— Все, Роза Андреевна. Давайте больше не будем говорить, — прошу я, — все случилось. Я уволилась. Блин, — кривлюсь уже не от того, что мне противно слушать чужие сплетни, а от боли, полоснувшей мой живот.

Роза Андреевна наблюдает, как я, гримасничая, держусь за него рукой.

— Иди к врачу, Вероника. Это нервное, но оно опасно.

— Да...прошло, — боль становится тише. Я расслабляюсь и убираю руку с живота.

— И я бы порекомендовала тебе сразу в больницу. У меня мамочка есть — заведующая гастроэнтерологическим отделением. Мы с ней в прекрасных отношениях. Давай ляжешь туда? Собаку, если нужно, я могу взять к себе, пока ты в больнице будешь лежать.

— Да ладно вам, Роза Андреевна. Все пройдет и так, — если лечь все же придется, буду умолять Стаса взять Жужика, но чтобы уставшая после уроков Роза Андреевна еще гуляла с псом?

— А если не пройдет? Знаешь, что? Ты до завтра посмотри. Будет хуже — звони прямо в любое время. А вообще телефон отключи, мало ли, кто позвонит. Я за ситуацией смотреть буду.

— Уволилась и в больницу легла — это очень-очень плохо, Роза Андреевна. Тогда меня можно подозревать во всех грехах, не считаете?

— А ты не выпендривайся. Был у тебя приступ вначале года? Был. Сейчас самое время, когда все болячки вылезают. Еще бы, не вылезти с таким стрессом. Короче, иди домой. Не сиди здесь.

— Да. Сейчас.

— И не реви. Может, обойдется. Ленка пургу навела, не иначе. Максим — хороший мальчик, может, завтра пойдет на попятную. Поймаю-ка я его в коридоре...

— Роза Андреевна, ради Бога, не надо...

— Ленка твоя сегодня заявила в школу все-таки, — не слушает меня Роза Андреевна, — Это ее ты караулить вышла в восемь утра в коридор? Ну. По первому этажу прошла и зашла к нашему психологу. Наверно, рассказать о своей трудной и тяжелой жизни...

— Вот как? — значит, разговор с Ладой Сергеевной у нее сегодня состоялся. Умненькая девочка, никто не спорит. Родители развивали с детства, два языка, музыкальная школа, хореография. Это сейчас она разленилась, жаловались они мне год назад, но раньше...

Что она выведала у Лады, неважно. Лично я уволена. Меня почти в школе нет.

Как это — нет? Я не верю, что не приду завтра к родному десятому и не спрошу, кто отсутствует сегодня. И Яна больше мне не принесет своих стихов, и Аня тоже. Ни их, ни Кристину, ни еще двадцать человек — родных и любимых крокодильчиков — больше не увижу. А мы планировали в Питер весной ехать, и я уже начала собирать списки — кто едет и кто нет...

Боль взорвалась где-то в глубине фейерверком, ощутимым ударом отозвавшись в животе. Зажмурившись, я вновь схватилась за живот. Пожалуйста, только не надо сейчас...

— Вероника! Тебе плохо? Моя девочка, да что ж такое... — переполошилась Роза Андреевна.

— Ничего, — тихо выдохнула я, — Это...это душа болит.

— А тело болит от души. Вероника, не смей расстраиваться! Я придумаю что-нибудь, подключу всех наших, тебя так просто не уволят, мы не дадим!

Роза Андреевна еще надеется, что я буду работать в школе.

— Я сама не останусь, Роза Андреевна. Даже если меня вернуться попросят... Не будет мне здесь ни житья, ни работы.

— Ладно, ладно, — отмахивается моя собеседница, — Потом. Все потом. Сейчас с здоровьем вопрос реши. Работа — работой, но здоровье важнее всегда будет. Деньги есть? Давай одолжу...

— Ро-оза Андре-евна, не надо мне ничего-о...

Домой я пошла где-то через полчаса. Роза Андреевна все настаивала взять у нее деньги и обратиться в больницу. О втором мне пришлось дать честное пионерское подумать до завтра, а от первого я отказывалась долго, мотивируя тем, что имеются отложенные на отпуск. Крым мне машет ручкой в этом году, как и в прошлом, конечно, но зато я могу пока не беспокоиться о деньгах.

Всю дорогу домой я запрещала себе думать о школе.

Нет — и нет. Закрыли тему, проехали.

Стас скоро выйдет из дома, чтобы отправиться на тренировку. Я-то знаю, когда он выходит: строго за полчаса до ее начала, то есть через пятнадцать минут. И если я пройду мимо его дома, может быть, пересекусь с ним, увижу его...

Без предварительного звонка мы со Стасом не встречались, даже при том, что наши отношения чуть изменились. Но, думаю, ничего страшного не будет, если я приду, не предупредив его. Я же не в гости, хотя очень хотелось бы.

Просто его увижу. Махну рукой, будто случайно встретились. Он не пройдет мимо, потому что тогда Стас не Стас. Обязательно подойдет, улыбнется чуть-чуть, так, как умеет только он, посмотрит пронзительными серыми глазами и скажет что-нибудь. Например: «Привет, дорогая. Как твои дела? А почему глаза красные? Случилось что?»

Даже сейчас мне стало немного теплее, и боль, напоминающая о себе почти на каждом шаге, слегка изменилась, словно переместилась за невидимую завесу.

Наверное, болевой синдром начался действительно из-за нервного потрясения. Ничего страшного, пройдет. Сколько раз уже было! Не так сильно, правда, но и увольняют меня не ежедневно.

Я рассчитала время верно: идти от школы до дома мне минут пятнадцать-двадцать. Выйди я пораньше, была бы около дома Стаса, когда он открыл подъездную дверь. Но я

немного задержалась, поэтому увидела его, вышедшего из дома, на приличном расстоянии.

Перепутать невозможно: горнолыжная куртка, штаны цвета хаки (он часто одевается в тренировочное заранее), ежик светлых волос — мы опять без шапки, ага. Стас направился к своему белому джипу, припаркованному неподалеку.

Я ускорила шаг, мы должны были пересечься вот-вот, с минуты на минуту. Если бы он повернул голову, обязательно заметил меня — одинокую фигурку с тяжелой сумкой. Я решила именно сегодня потихоньку начать выгребать из школы годами копившееся там имущество.

Из синей иномарки (названия этой машины я не знаю), стоявшей рядом с белым джипом, выпорхнула женщина в черной короткой шубке. На высоких шпильках, не совсем красиво сгибая колени, мелко-мелко перебирая длинными ножками, побежала к Стасу, который, видимо, услышал перестук каблучков: остановился, резко повернув голову, посмотрел туда, откуда слышался шум.

— Ста-ас! — ветер донес до меня вскрик девушки или она кричала так громко?

Девушка сдернула розовенькую шапку, замахала, счастливая, ею, не прекращая бежать.

Я будто натолкнулась на каменную стену. Замерла, силясь выдохнуть.

Не одна я знаю, когда у Стаса начинается тренировка.

Алиса. Вернулась. Из какой-нибудь неведомой дали. Из знойных Эмиратов, пропитанных песком и ветром пустыни. Из яркого пестрого Таиланда. Или из шумного Парижа, где она подвизалась фотомodelью?

Алиска все-таки поскользнулась на своих высоченных каблучках. Очень вовремя, кстати, на нужном расстоянии. Стас как раз ее подхватил, тонкую, лёгонькую, а она обвила его шею и прижалась к нему. Кажется, потом они поцеловались.

Какая мне разница, откуда. Просто. Она вернулась. А это значит, что я... что мне надо уходить.

Я развернулась и быстрым шагом направилась к своему дому.

Не помню, как дошла до него — скорее по привычке, выработанной годами каждодневного возвращения из школы.

Я ничего не чувствовала, пока шла. Как будто те несколько минут не просто не жила в мире — не существовала.

Меня в нем эти несколько минут не было.

Теперь в Веронике не нуждаются. А если и нуждаются, то быть одной из его любовниц не желаю. Точка.

Зачем было что-то предлагать? Зачем была поездка на дачу, зачем было все, что было?

А, да. Ему же было скучно! Развлекся не хило наш дружок, а Вероника вызвалась и аниматоры. Справилась на все десять баллов, молодец, девочка!

Поверила. Поверила в то, что люди, похожие на Стаса могут что-то испытывать к серым мышам, пусть и милым, добрым и искренним.

Жужик оглушительно гавкал и возил поводок по комнате, кухне и узенькому коридору. Это меня немного привело в чувство: я поняла, что давно стою на пороге своей квартиры, смогла закрыть дверь на замок, а дальше — сползти вниз по этой же двери. Сидя на корточках, таращилась на панели, которыми обита прихожая — одинаковый рисунок — завитушки нескольких цветов — и пыталась сообразить, что мне надо сейчас делать.

Раздеться. Вероника, надо раздеться. Боль напомнила о себе легчайшим покалыванием в животе.

Пока я шла домой, ее не замечала. Да ничего я вокруг не замечала! Слишком оглушило...

Зачем все было? Нечем было занять себя, пока Алисы не было?

Это Алиса, я не ошиблась. Длинные русые волосы, рост, манера одеваться...

Жужик устал бегать по квартире, бросил поводок и лег рядом со мной, тихонько поскуливая. Заглядывая мне в глаза, подполз поближе. Опять заскулил.

— Попозже, Жужа, — проговорила я, еле разлепив губы.

Медленно разулась, сняла куртку и шапку.

Словно в тумане, добрела до кухни и посмотрела на березу за окном, на ветках которой лежал снег.

Старый учительский прием здесь не поможет. И сегодня я выбыла из рядов учителей.

Осторожно, будто оберегая открытые раны, опустилась на табуретку.

Пойти вечером к Стасу, спросить об Алисе? «Знаешь, я случайно заметила вас вдвоем, она бежала к тебе так, будто не видела сто лет, и вы целовались с ней. Стас, а я? Что я значу для тебя?»

Хватит быть униженной и оскорбленной, Вероника! Почему бы тобой не попользоваться, если сама позволяешь? Бывшему мужу, Стасу, Лене, Максиму, Екатерине Львовне, да всем! Позволяла и позволяешь.

Подпрыгиваю на стуле, несусь в прихожую за сотовым. Откуда только резвость взялась...

Я знаю, как сожгу мосты. Они и так уже горят всюду, но не хватает одного, самого главного штриха.

Я больше не буду жертвой и несчастной брошенкой.

Мне осточертело быть всем этим.

— Стас, привет, — даже не слышу, что он мне говорит в ответ. Набираю в грудь побольше воздуха, чтобы выпалить на одном дыхании:

— Стас, мне Роберт сегодня сделал предложение. Я выхожу за него замуж. Извини, что все так вышло. Мне будет лучше с ним, понимаешь? А с тобой... с тобой у нас не получится, скорее всего, ничего. Ну... Всего хорошего тебе. Извини.

— Да... — слышу в трубке родной и знакомый хрипловатый голос. И тут же нажимаю кнопку отбоя.

Меня трясет, и я вновь сползаю вниз, и сажусь на холодный кафель. Плакать не могу, изредка громко всхлипываю и ловлю ртом воздух.

Рядом наскуливает Жужик, вертится на одном месте, нервничая, заглядывает в лицо. «Хозяйка, что с тобой?»

Поднимаюсь и добредаю до кухни. становится сильнее. Открываю шкафчик и вытаскиваю любимые таблетки: запаслась с прошлого раза. Добавляю приличную порцию успокоительных — как раз хватит.

На улице давно стемнело, приходится включить свет. Жужик недовольно ходит по кухне и таскает поводок: с ним не погуляли.

Выходить на улицу мне не хочется, но собаку жалко. Пережидаю минут пять около окна, пока живот немного успокоится, затем иду в прихожую. Натягиваю старенькие сапоги и куртку и открываю дверь.

Жужик быстро обегал все кусты, пока я стояла около подъездной двери и ждала его.

Радостно подбежал, виляя хвостом, ко мне, и поднял кверху мордочку: «Я все сделал, холодно, идем домой!»

Я открыла для него дверь, и пес юркнул в подъезд. Я за ним заходить не торопилась, оглянулась на пороге: может, Стас случайно проедет мимо... так, случайно...

Какое мне до него теперь дело? Никакого...

Мы с Жужиком вернулись домой. Я наложила ему корма и устроилась около окна на табуретке. Опершись локтями о подоконник, сидела и смотрела во тьму за окном. Делать мне все равно на завтра нечего. Контрольные листочки моих учеников, которые лежат непроверенными, можно смело выбрасывать.

Ничего не видно, ничего. Прямо как то, что творится у меня сейчас в душе. Непроглядная тьма.

Я вновь осталась одна.

И у меня не сохранилось, как в прошлый раз, любимой работы, которая немного помогла отойти от шока пять лет назад, и все эти годы давала смысл моей жизни, и я всегда могла сказать: «Ну вот, не получилось с любовью и семьей, зато приношу пользу миру, сею доброе и вечное...»

С позором, гаденько прогнали меня с работы, оправдывающей мою не сложившуюся жизнь. Приложили чистым личиком да в грязь.

А уж Стас, он-то... Как же так?

Это несправедливо, несправедливо... В голове вертелись тысячи речей, которые я могла бы сказать. Обвинительные, гневные.

Только говорить их было некому.

Я опять осталась ни с чем. Все надежды и планы рухнули в одну минуту, словно по щелчку великого фокусника. Поднимаю глаза к небу. Его я не вижу — за окном одна и та же темень, тем более, что сижу при свете около окна.

Мне не повезет, если я загремлю завтра в больницу, и глубоко не повезет, если станет плохо сейчас.

Вроде бы ничего, не сильно болит... Нет, нормально, Вероника. Все при тебе, и все с тобой...

Долго сидеть, ни о чем не думая, не умею. Чтобы не вспоминать о сегодняшних событиях, начинаю перебирать в памяти строчки стихотворений и подробности жизни классиков.

Потому что, несмотря ни на что, я все же остаюсь учителем русского и литературы.

Все твои мученья — только малость, если вся в крови земная ось.

Может, слишком дешево давалось всё, что и далось, и удалось?

За непрокаженность, неуродство доплаты — хоть сломанным хребтом.

Всё, что слишком дешево дается, встанет слишком дорого потом.

«Не так уж и плоха моя жизнь», — устыдилась я обличающих строчек Евтушенко. Давно забыла его стихотворения, тем более, поэт не программный, а гляди-ка...

Вот они, издержки филологического образования. Больших денег оно мне не принесло, но в трудный час всегда припомнятся чьи-нибудь жизнеутверждающие слова, которые подбодрят и помогут. Моментально к стихотворению Евтушенко присоединились рубаи Хайама, строчки из любимейшего Нового Завета и Экклезиаста.

«Род приходит, и род проходит, и нет ничего нового под солнцем...»

Ничего нового. Также пять тысяч лет назад бросали любимых, охладевали чувствами к

ним... Уходили от жен, оставляли детей, ничего не понимающих — или бежавших за ними: «Папа, не уходи!»

Вздрагиваю от картинки, которую себе тут же представила.

Если посудить, Вероника, тебе еще крупно повезло.

Мне все так же больно и плохо, но что-то изменилось. Через красоту языка высказанных когда-то мыслей я, как много лет назад, еще девочкой, сидевшей в классе на уроке литературы и внимательно слушающая учительницу, читающую всему классу стихотворение Заболоцкого, почувствовала себя на грани миров.

Именно тогда, кстати, я поняла, какую профессию выберу. Чтобы через красоту языка хоть иногда, ненадолго и случайно, но прикасаться к Тебе.

Я не одна, Ты рядом. Ты меня не оставишь. Никогда.

Здравствуй, Отче. Снова мы с тобой один на один: без купюр, без отвлекающих моментов типа благополучия и удачно сложившейся жизни.

Я не променяю наше общение ни на что другое.

Мне не вырваться, не убежать от себя. Я всегда знала, что надо быть другой, другой. Легко, как водомерка, скользить по поверхности жизни, не углубляясь в нее и не отравляя себе жизнь экзистенциальным отчаянием. Радостно улыбаться, вопреки всем потерям, и, сжав зубы и откинув все сомнения, стремиться к мечте.

Господи, как же больно...

У меня есть лучше, чем все эти призрачные мечты, которые часто не проходят проверку временем и жизнью. У меня есть Ты. Мой самый большой маяк, который никогда не посадит меня на мель. «Кого люблю, того наказываю».

Господи, как же больно...

Может, сегодня мне и досталось, но я не потеряла свою любовь к Тебе. Чувствую, как тонкими ниточками прорастает она через мою душу, схватывая ее, разваливающуюся во всех местах, некрасиво показывающую сейчас темноту и гниение. Тонкие-тонкие ниточки любви и веры, инерция которых не дает распасться моей душе, такие хрупкие — и такие нерушимые.

Эка невидаль. Предал, и из-за предательства сама отказалась от того, кого любила, и кто стал, как хотелось бы верить, испытывать к тебе какие-то чувства.

Еще с работы уволили, и плюнули в душу кое-кто из тех, о ком заботилась несколько лет, и с кем работала бок о бок.

Я жива, относительно здорова, только душа разрывается на части. Пожалуй, мне стоит поблагодарить за легкие испытания.

Не впервой начинать заново. Пора бросить вредную саможалость и перетерпеть это время. Боль души может никуда не уйти и уже, как говорил мудрый Лев Николаевич, вряд ли получится обнять тех, кого простил.

Но с этим всем можно научиться жить.

Рано утром я позвонила Розе Андреевне и передала из рук в руки ей Жужика, а сама легла в больницу по ее же протекции. Старую сим-карту вытащила, сообщив новый номер нескольким близким людям — и только.

Стас ехал на тренировку, матерясь в полный голос.

Прискакала стрекоза! Стас ей так и сказал: «А пойди-ка попляши». Более некультурно, разумеется. И довел до ее сведения, что он думает по поводу эффектных появлений и

киданий в его объятия, тоже не очень вежливо.

Алиска сразу полезла целоваться. Упала на него — Стас даже засек момент, когда ее коленки подогнулись. Еще подумалось: «Помочь или не стоит?», но он подхватил ее не раздумывая, а проанализировал ситуацию после. Как не подхватить человека, который падает? А нужно было. Ударилась бы фейсом об асфальт — и балаган закончился сразу, не успев начаться.

«Я отомщу, Стасик. Твоя баба пожалеет, что с тобой связалась» — прошипела, стиснув зубы, Алиска в конце разговора. А вот здесь Стас не стал деликатничать, немного потряс зарвавшуюся сучку. «Слышь, красота, держись от моей женщины подальше. Иначе я тебе устрою такой рай — пожалеешь, что родилась. Ты меня знаешь...»

Алиска замычала беспомощно, и глазки у нее забегали. Больше она не угрожала. Перешла к упрощениям и слезным мольбам спасти ее от правоверного. Стас послал Алису обратно, к этому самому правоверному. На том и расстались.

Тварь. Пусть только попробует что-нибудь сделать Веронике. Он этой шалаве по горлу самолично чиркнет, и даже не дрогнет. Стас редко кипел от гнева, но гадина умеет бить по самому больному...

Еще когда они с Пулей были на учениях в Дагестанских горах, чуть не подрались из-за Пулиного очередного откровения.

Тот хохотал и уверял Стаса, что при определенных обстоятельствах можно воевать и убивать даже баб — кого угодно! «Просто ты, Стас, скрываешь от себя, насколько ты гад. Вроде бы и понимаешь, а все равно цепляешься — за правила там, за мораль...» Стас сегодня понял, что, к сожалению, в его случае Пуля был прав.

Веронике он предложит пожить у него пока. Недельку-другую. А там, может, они уживутся, и тогда... э-э-э...

Стас влетел в вестибюль школы — он уже прилично опаздывал. С деревянной лавки у дальней стены поднялся Димыч.

— Стасон, все открыли, парни переодеваются. Я тебя жду...

Стас потянулся за играющим телефоном.

— Щаз, Дим, — проговорил тихо, нажимая на кнопку вызова.

— Привет, дорогая!

— Стас, мне Роберт сегодня сделал предложение. Я выхожу за него замуж. Извини, что все так вышло. Мне будет лучше с ним, понимаешь? А с тобой... с тобой у нас не получится, скорее всего, ничего. Ну... Всего хорошего тебе. Извини.

— Да... — только и смог выговорить Стас. Но она не стала говорить с ним дальше. Короткие гудки следом: разговор закончен. Как и их отношения.

Стас, ничего не видя перед собой, сунул телефон в карман куртки, поправил спортивную сумку и пошел к лестнице.

— Стас, все нормуль? — Димыч, догнав Стаса на лестнице, придержал его за локоть.

— Нормуль, — Стас продолжал подниматься по лестнице. Около спортзала остановился, провел рукой по волосам. Поглядел на поднятую руку непонимающе, опять поправил сумку...

Димыч толкнул дверь спортивного зала. Оба вошли в общую раздевалку. Стас на автомате прошел дальше, в тренерскую — там обычно он оставлял свои вещи. Не потому, что был круче других — так уж повелось. Его считали руководителем, а у руководства есть неписанные законы. Приходилось соответствовать.

Стас переобулся, похлопал себя по карманам, чтобы убедиться, что он все оттуда выложил. Обычная подготовка к занятию.

Невозможно. Она же сказала, что с мормоном все. И Стас, дурак Стас, поверил.

А нужно было всего лишь колечко на пальчик, которое говорило, что это навсегда и что отношения серьезные. Мормон просек сразу, а Стас не стал врать.

Стас умел отстраняться, выносить отношение к событию на периферию сознания. Они с Пулей тренировали когда-то это свойство специальными упражнениями, да и просто так, в обычной жизни. «Важное уменьице», — прикалывался Пуля, специально подстраивая Стасу сотую по счету пакость — на них об был мастак. И, что самое интересное, никогда не попадался.

Тщетно. Отстраниться не получалось. Стас думал об этом каждую секунду, пока вел разминку. Повторял годами отточенные движения, полностью уйдя в себя, и внутри тем временем образовалась живая дыра, которая засасывала все подряд в свои безграничные недра. Холодно, неуютно. У Стаса отродясь так ничего не сосало. По молодости были разочарования, и даже скупые слезы местами. Но чтобы так было плохо...

— Стас, едем к тебе домой. Парни одни сегодня позанимаются, — Димыч подошел к Стасу сразу же после разминки. Громадная лапища легла на плечо Стаса.

— Стас, едем. Или я тебя сам выведу отсюда. Парни помогут.

Стас хотел было сказать, что все в порядке, но не смог выговорить фразу.

— Поехали, — повторил Димыч. И Стас, выдавив из себя «увидимся» парням, стоящим поблизости, пошел в тренерскую.

Собрал вещи, не став переодевать кроссовки, вышел в коридор школы. Димыч уже ждал его там.

Они вместе спустились по лестнице, вместе дошли до стоянки.

Чувства Стаса будто припорошило снегом, как и сознание.

— У меня в машине бутылка хорошей водки. Погодь, принесу, — Димыч остановился около своего рено логана, открыл дверь и вытащил откуда-то бутылку.

— Заначка от Дианки? — Стас растянул в улыбке чуть побледневшие губы.

— Ну да. Держу при себе. Я поведу твою машину, Стас, — голос Димыча изменился став командным, — ты сидишь рядом. Ясно?

— Я сам могу.

— Ты. Сидишь. Рядом.

— Остановись здесь, — резко приказал Стас Димычу, когда они проезжали мимо Вероникиного дома.

Нажав на кнопку, опустил стекло....

На кухне к Вероники горел свет, и Стас различил ее силуэт. Она сидела у окна не двигаясь.

— Выходишь? — тихо спросил Димыч, — Идешь?

Стас было дернулся открыть дверь, но словно снова услышал Вероникин голос.

«Мне будет лучше с ним, понимаешь?»

Дыра разверзлась еще шире, начало жечь в груди. Тут же нахлынули ненависть и обида.

— Нет. Поехали.

— У вас все серьезно уже было, Стас?

На столе стояла бутылка, и Димыч, привыкший к подобным обезболивающим, методично спаивал Стаса.

— Поздно. Не успел.

— В смысле? Я че-то ничего не понял из твоих рассказов. Ты что, мормона не отметелил?

— Нет. И даже согласился, что она с ним будет общаться. Чтобы типа ее свободу не ограничивать... А, черт! Налей, Дим.

— А почему ты сразу, Стасон, не сказал ей? Сразу бы сказал — или мы с тобой любим друг друга, или шуруй к тому мужику?

Стас поморщился. Да потому, что считал, что с неудачницами не стоит связываться. Вероника слишком долго была для него примером глубочайшего бедствия: знай учит детей да читает книжки, с опаской относится к переменам, слишком много думает, не стремится понравиться...

Но теперь это вдруг стало так дорого Стасу, так близко.

— Извини, Стасон, но здесь ты...м-м... немного накосячил. Если б ты сразу сказал ей..

— Я понял, Димыч. Не надо, — Стас еле сдержался, чтобы не наорать на друга. А тому, видно, это было и надо.

— Стас...вон хоть стенку побей, что ли. Весь серый. Выпей еще. Вот, налил, пей, — Димыч плеснул в граненый стакан водки.

Стас выпил. Закусил огурцом.

— Еще? — не спрашивая разрешения, налил снова. Стас пить не стал, но стакан поставил поближе.

— Бл. дь, я ее...бл. дь! Дим, раньше думал, есть бабы нормальные. Но даже нормальные крутят хвостами на стороне. Бл. дь, ну как так... А, к черту! Пошли они все на х...! — язык заплетался, но мозг не кружила успокоительная легкость.

Димыч мудро не раскрывал рта, лишь подвигая еду и подливая водки в стакан.

— Я не думал, что она...уйдет. Не верил. Все для нее, бл. дь...Все было хорошо, мы за город ко мне съездили. А потом она звонит и говорит, что все. Замуж за мормона выходит...

— А ее случайно не принудили к этому, а, Стас? Может, под дулом...

— Димыч, епт... Сейчас не Чечня. Кто ее принудит? Детский доктор? Да он не знает как автомат держать, пальчики, бл...дь, то-оненькие... Видал я ее перца. Блядь, я все понимаю..., — Стас хлебнул еще.

— Но по телефону...Ты хоть встреться ней, в глаза посмотри...

— На х. р? Все, Дим, хватит. Пошла она в ж... Пусть будет счастлива со своим ср. ым мормоном, пусть там нарожает мормон...мормонят... Принцесса, мать ее. Стас не подходит, Стас же сволочь...

Пьяный Стас трепался еще около часа. Пытался рассказать Димычу обо всем, но вылетали какие-то однобокие фразы, которые совсем не выражали того, что творилось в душе Стаса.

Пустота поглощала и затягивала его. Он поверил Веронике, а она, маленькая правильная девочка, нанесла самый болезненный удар, перечеркнув своим поступком...все перечеркнув. Сначала Пуля убил Стасову веру в людей, но у Пули был огромный смягчающий фактор. Стас, хоть и злился и ненавидел бывшего друга за его поступок, оправдать отчасти мог. А Веронике не было оправдания. Шарахалась там, за спиной у Стаса.

Стас ей сам это разрешил и ничего не обещал, не давал гарантий...

Так кто виноват?

— Хотела все семью, детей... Получит по полной эту семью у мормона...

— Ты с ней поговори все-таки, Стасон...

— Бл. дь, Дим! — заорал Стас и стукнул кулаком по столу. Блюдец с огурцами, стоящее на краю, упала на пол и разбилось, но ни Стас, ни Димыч даже не дрогнули от неожиданного звона, — все, не говори мне о ней...не говори...Ну, пусть живет себе и живет. Пусть будет счастлива! Она ж так хотела стать счастливой.

Димыч вздохнул, подпер щеку ладонью.

— Я не стал...не стал ничего говорить ей. То есть только начал... а вишь как все... — слова ничего не значили, да и не было подходящих. Наваливалась тоска — Стас не терпел это чувство, но теперь оно было сильнее его.

И жизнь была сильнее его. Она тысячи раз лишь радостно щелкала Стаса по носу, а теперь забивала огромный кол в его сердце.

Но Стас не утратил самокритичности. Отчасти сам виноват в произошедшем. Не подстраховался. Возомнил о себе, что самый лучший...

А ты — один из многих. И не нужно мнить большего. Пусть в чем-то успешнее и счастливее, но жизнь пишет огромные полотна, и ниточки судеб тянет не только от самых благополучных. И режет капризная художница любую счастливую судьбу на корню...

— Не говори мне, Дим, о ней. Не говори, — твердил Стас, наливая себе водки. Димыч не произносил ни слова.

Дай руку на прощанье,
А слез не будем.
Есть дар — воспоминанье,
Давай его хранить.
Есть детское прозреньё
И в нынешней поре.
Есть к миру снисхожденье
В его плохой игре.
Пусть нам разнимет руки
Судьба. Чем спорить с ней,
Докажем, что в разлуке
Объятие сильней.
Несчастен тот, кто плачет.
Гони унынья тень.
Судьба всегда припрячет
Свечу на черный день.

Шарлотта Бронте «Расставание» (в сокращении)

Двадцать восьмого декабря Стас вернулся в город. Он уехал к родителям, решив проветриться в родной столице и встретить с семьей Новый год. Мама с отцом обалдели немного: раньше такого за сыном не водилось.

Стас походил по знакомым с детства улицам, сходил с сестрой в боулинг и парочку хороших клубов. Муть.

Но до Нового года он все-таки в Москве не остался. Потянуло назад, домой.

А еще сеструха начала толкать речи о правильном ведении бизнеса. Несколько дней это бесило Стаса, и они спорили, как обычно. Через дня три спорить с ней Стасу надоело, он начал отмалчиваться, пока самая умная в семье поучала брата.

И, наконец, Стас не выдержал. Заявил семье, что бизнес без него горит и свалил из Москвы раньше положенного.

Дальше, двадцать девятого, совершил весьма нелогичный поступок. Зашел в подъезд Вероники, поднялся на второй этаж и нажал на кнопку звонка. Никто ему не открыл, Стас даже не услышал лая Жужика из-за двери.

Вышедшая, к его везению, соседка сообщила: Вероники давно нет.

Переехала к мормону, видно. Чтобы Стас не доставал.

Оно и к лучшему. Не хочет встречаться — не надо.

У Туза уже всю грохотала музыка. Стас приехал поздравить часов в десять утра, а здесь — полный кипиш. Что будет, когда куранты пробьют двенадцать, боялся представить.

Заходить не хотелось. На душе Стаса скребли кошки, но он пересилил себя и шагнул в огромный зал, который сразу оглушил его светом, звуком, запахом. Пахли розы; пахли ароматические палочки с корицей из зала с; пахло водой из бассейна и огромным количеством ароматизаторов.

Стас сразу же увидел Туза, идущего ему навстречу.

— С наступающим, мой мальчик! Приехал проведать старика?

— Доброе утро, Алексей Георгиевич.

— А что случилось? Нут-ка, пойдем, — пронизательный Туз открыл дверь залы, и они вышли в коридор.

По мановению руки Туза, сидевший там, что-то нажал на своем пульте, и картина на стене отъехала в сторону, обнажив стальную дверь.

— На случай серьезных разговоров, — пояснил Туз, с наслаждением разглядывая чуть растерявшегося Стаса. Тот видел эту картину сто раз, но не подозревал, что за ней может что-то скрываться.

— Иногда хочется побыть в одиночестве. Или разговор настолько серьезный, что следует избежать все рядом находящиеся уши, — Туз уверенно повернул ручку двери.

Комната походила на кабинет делового человека: огромный стол красного дерева, кресла, большой книжный шкаф, мягкий уголок, и рядом — стол с кофеваркой и чайником. Стас дивился: на Туза это было так не похоже! Впрочем, не похоже на того Туза, которого знал Стас, вернее, каким Туз хотел казаться.

— Наливай кофейку, он всегда свежий. Что-то плоховато выглядишь. Обычно бодрячком тебя вижу, а сейчас ты того...не очень. Что-то случилось?

— Нет, все нормально, — Стас потянулся за чашкой.

— Рассказывай, мой мальчик. По бизнесу никаких сплетен о тебе не слышал, значит, личное. Как поживает твоя учительница?

— Я... мы расстались, — Стас поставил чашку с кофе на столик. Пить его расхотелось, несмотря на аромат: Туз знал толк в кофе.

— И ты выпиваешь? Что ж, ничего необычного, кроме того, что раньше ты не пил из-за таких пустяков. Или не пустяк?

— Алексей Геннадьевич, я завязал.

— Да понял уже, понял... Подарок хочешь вручить старикану?

— Д-да, — Стас все мял небольшую коробку в руках, забыв о ней, — с праздником хотел поздравить...

— Положи. Сядь в кресло!

Стас как по команде выполнил приказ.

— Так-то лучше, — кивнул Туз, рассматривая лицо Стаса, — а почему расстались?

— Они наша другого.

Туз покачал головой.

— А эта-то куда отправилась, за какой любовью? Сказала?

— Она по телефону сообщила, что замуж выходит.

— Но ты ее увидел? — Туз потянулся за сигарой. Коробка с ними лежала на столе.

— Нет. Не видел. Все было хорошо, и вдруг...

— Так не бывает, — Туз медленно подносил зажигалку к сигаре, — не бывает, чтобы на ровном месте. Хотя... женщины — опасные создания. Не стоит переживать из-за них, мой мальчик.

— Да...

— Впрочем, я много говорю глупостей. Старый стал...

— Алексей Георгиевич, вы...

— Стас, сколько тебе годков?

— Тридцать четыре.

— Возраст Христа ты прошел, — усмехнулся Туз, — а мне — шестьдесят седьмой идет.

В два раза старше тебя. Недалеко от семидесяти. Так что честно могу сказать, что я старый.

Туз задумался и, лениво поднеся сигару к губам, просидел некоторое время в молчании. Стас отхлебнул кофе и зажмурился: такой крепкий он был у Туза.

— А старики склонны к сентиментальности. Слышал? Дурацкая болячка. Сидишь иногда, смотришь на отдыхающих в бассейне, а сам вспоминаешь, вспоминаешь... Я по молодости был чем-то похож на тебя. Но более дерзким, более нахрапистым и безжалостным. Стремился к власти. Мне было двадцать... двадцать один... Учился тогда на учителя биологии и географии, был влюблен... Да-да, Стас, старый Туз должен был быть учителем. Но — не стал. Об этом — другая история, — Туз с удовольствием затянулся, выдохнул дым в потолок, — Хочется рассказать об Оксане...

Стас ничего не имел против.

— Мы учились вместе, — неторопливо и обстоятельно, словно сказкой, делился Туз своей историей, — обычная девушка, ничего примечательного, но мне она нравилась. Не знаю, почему. Все хотел подойти, пригласить на танцы. Не подошел. После, думал, после... Скоро она кого-то встретила. Ну, там, студенчество, все дела. Позже меня из университета попросили, и началась совершенно другая жизнь. Я сто раз забыл об Оксане. Но вот как меняется человек: лет пять назад вспоминать стал чаще. Решил разыскать, благо у меня ж связи, ты знаешь... Иголку в стоге сена найдут. Хотелось пообщаться, так, вспомнить юность, какая уж любовь, правда? Слишком много лет прошло, многое произошло, я не двадцатилетний студентик великой страны, и она — уже бабушка, наверно. Нашел.

Стас глянул на Туза, почувствовав недоброе.

— А она два года как умерла, Стас. У нее дети, даже внуки, жизнь прожила, что говорить, достойную. Учителем биологии проработала всю жизнь, представляешь? Вот почему я так заинтересовался твоей учительницей. Мотай на ус, мой мальчик. Гордость — гордостью, и обида — обидой, но однажды можно не успеть...

Стас потупился.

— Вы правы, Алексей Георгиевич. Вы всегда оказываетесь правы...

— Не льсти мне, Стас, тебе это не идет.

— Я не льщу, — Стас вскинул голову и посмотрел старику прямо в глаза, — я поговорю с ней. Скажу ей, что она мне нравилась, — Туз многозначительно поднял брови и ухмыльнулся.

— И нравится, — произнес Стас враз охрипшим голосом.

— И скажи. Она ж тебя не съест. Зато у тебя совесть будет чиста. Я вот говорю всегда своим ребятам: с приличными людьми всегда надо разговаривать.

— А скажет, что я ей не нужен, хоть поздравлю. Со свадьбой.

— Молодец, — одобрительно кивнул Туз, — вот это — настоящий Стас. А не мямля, что зашла ко мне минут двадцать назад. А это — подарочек Туза Стасу, — Туз протянул коробочку. Стас аж замер с протянутой рукой: в таких коробочках обычно лежат кольца.

— Да не тебе, дурак! Ей! — громогласно расхохотался Туз, обнажая идеально белые голливудские зубы, — подаришь при встрече. Оно не обручальное, ни к чему не обязывает, но у старика сердце екнуло, когда ходил своим бабам выбирать золотые украшения. Увидел и подумал, что оно — для твоей учительницы. Как раз...

Стас открыл коробочку. Золотое кольцо с бриллиантом в форме сердечка, и камень сразу приковывал к себе внимание — настолько он был ярок и чист.

— Не захотелось такой своим шалавам отдавать. Не заслужили они. А твоя девочка —

да. Колечко недорогое, но этот камень как раз для нее.

Стас не стал обольщаться: понятие «недорогое» у Туза было очень растяжимым. Но не взять не мог. Сделать это означало бы обидеть старика.

— Спасибо, Алексей Георгиевич, — поблагодарил Туза.

— Подари в любом случае, слышал меня, баран молодой? В любом! Пусть выбросит, продаст — не твоя потеря. А я посентиментальничаю. Не для тебя стараюсь, не парься. Для себя и памяти Оксаны. Я бы тоже ей что-нибудь подарил. А кому сейчас дарить? Холодной земле? Стас без лишних пререканий взял коробочку, и оставшиеся слова благодарности застряли в горле.

Новогоднюю ночь я провела в больнице. Сидела на подоконнике одна в палате: все остальные сбежали на праздники по домам. Поздравила Маринку и Розу Андреевну. С последней мы обстоятельно поговорили, в том числе о состоянии немного приболевшего Жужика. Матери с отцом послала смс с нового номера, от них получила похожую: с Новым годом, исполнения всех желаний...

Больше я никому не сообщила свой номер. Немного необычно было не принимать большое количество звонков и смс от родителей, но в моем положении вряд ли это бы были полные теплоты и благодарности поздравления.

Я забыла, правда, о Роберте. Ему я отправила смс сразу как поменяла номер. Он подробно на нее ответил (поделился тем, о чем я и не спрашивала), порадовавшись, наверно, что Вероника в кои-то веки написала первая. До этого за все время своего отсутствия Роберт пару раз прислал смс, помня о том, что их не особо ждут, и не желая навязываться.

Но, видимо, то, что я все-таки сообщила о новом номере, изменило его взгляд на весточки для меня. Будто получив негласное разрешение, он начал писать чаще, и даже звонить.

Тридцать первого декабря в десять часов вечера Роберт позвонил из Петербурга, и мы проболтали полчаса о том о сем. Даже Марк меня поздравил, зачитав в трубку детское стихотворение о Новом годе. Это единственное светлое пятно за все нынешнее время для Вероники, но все-таки здорово, что оно у меня случилось.

«Мы приедем девятого января с Марком, Вероника. Десятого Марк пойдет в школу как раз. Что ты делаешь десятого вечером?»

«Ничего. Я вообще безработная уже. Решила из школы уйти».

«Да? У тебя грустный голос, это не телефонный разговор, так? Расскажешь, когда я приеду? Нас, надеюсь, не бросишь? Вероника, с Марком ты не перестанешь заниматься? Прошу тебя...»

«Нет, конечно».

«Тогда — до десятого. Целую...»

Никогда не плюй в колодец.

Кто, как не тактичный интеллигент Роберт, поддержит в трудную минуту?

Вероника, встретив его, вспомнит о постигшем Роберта горе и еще сто раз усовестится своего маленького несчастья.

С другой стороны, зачем человеку давать ненужную надежду?

Я не стала размышлять дальше. И так уже за эти больничные дни передумала и поразмышляла отменно. Мне удалось понять и Екатерину Львовну, и даже Лену с Максимом. Примириться с ситуацией, в которую попала сейчас. Примириться через пень-колоду, разумеется: увы, я не умею все вот так сразу прощать и принимать. Но я очень- очень

старалась.

Если со школой мне удалось худо-бедно разобраться, то о Стасе вспоминать было больнее, чем о работе. Нет, передумала я о нем достаточно. И о своем глупом поступке — тоже.

За мормона я замуж не собираюсь, зачем мне это надо было говорить, зачем? Чтобы доказать Стасу, что я не неудачница и у меня, как и у него, есть козырной туз в рукаве? Что я нужна еще кому-то, кроме него... Глупо, конечно. И так по-детски.

Если было бы можно прокрутить все назад, я бы сделала по-другому. Просто спросила про Алису и ушла с гордо поднятой головой, не припрягая Роберта. Просто — ушла. И начала новую жизнь.

А с другой стороны — ну и что? Мы расстались бы все равно, верно? Какая разница, что я сказала...

Очень хотелось увидеть Стаса, до безумия, и услышать вечно чуть насмешливый тон голоса, почувствовать на своем теле его руки...

Иногда я днем ложилась на кровать, отворачивалась к стенке и тихо плакала. Ночи тоже были невеселые.

Не поговорили... Мой необдуманый звонок не в счет. Может, он бы мне сказал что-нибудь в свое оправдание, а может, даже бы соврал. Может, я бы сделала вид, что поверила, и наши встречи продолжились. Плохой мир лучше доброй ссоры. Или ушла... Зато не преминула бы ему высказать наболевшее. Особенно про его слишком задранный ввысь нос.

Вот про нос — всенепременно.

Высказать... и поблагодарить. За то, что он для меня сделал. А потом уйти...

Вместо этого я, лежа на больничной койке, мучаюсь раскаянием. Он хороший человек, он лучший из муж... О-ой, оставим патетику!

Короче, если убрать его спесь и злой язык, и еще некоторые недостатки, я бы сказала, что он...

Он просто самый любимый. Со всеми недостатками.

А теперь, Вероника, забудь. Все вышло так, как вышло.

Новый год ты встречаешь в больничной палате, в полном одиночестве.

Ничего страшного.

У меня есть небо и звезды. В палате темно: я специально выключила свет, иначе не различить ничего за окном.

Ближе к двенадцати я все еще сидела на подоконнике (благо это старые, еще советские, а не новомодные пластиковые, и мой вес легко могли выдержать), куталась в теплую шаль и смотрела в ночное небо, полное мерцающих звезд.

Смотрела вверх и думала о том, что и над Стасом это же небо, и я, вопреки всему, что произошло, испытываю к нему самые теплые чувства.

Спасибо, Отче, что он у меня был.

Новогоднюю ночь Стас одиноко проскучал дома.

Его звали многие: Туз с усмешкой предложил остаться, уже ожидая отказа, Димыч рекламировал встречу Нового года с его шумной семьей, обещая незабываемую ночь с нервной Дианкой и вопящими детками («Чтобы ты, Стасон, не обольщался: с детьми о-очень тяжко»), парни с тренировки, Михалыч — все как один зазывали Стаса. Раньше Стас сам приглашал всех на дачу — или Новогодние ночи проводил в ресторанах, а еще раньше —

в гостях у Алексея Георгиевича. Теперь он не мог поехать за город — пока не зарубцевались раны, в коттедже не появится. С ним связано слишком много, и все произошло недавно.

Пить в новогоднюю ночь Стас не стал: пристыдил презрительный взгляд Туза. Побрился, надел праздничную рубашку, новые джинсы, заказал себе японской еды — чисто символически.

Снял со стены фотографию, поставив на подоконник, зажег перед ней церковную свечку: зашел в храм сразу как из Москвы приехал, постоял перед иконами.

Пусть им будет потеплее: одному — живому, другому — умершему.

Такого Стас еще не делал никогда в жизни.

Приглушил свет и разложил на столе роллы — все как надо — достал из принесенного пакета палочки.

«Живем, блин», — сказал бы Пуля, если бы в их тушеночные учения где-нибудь в горах, полях или болотах кто-нибудь завез японские роскошества, а не выдавались бы надоевшие сухпайки с вечным «Адаптоном», яблочным пюре, кашами с мясом, незабываемой военной тушенкой да витаминками — по одной на сухпаек.

Иногда вместо тушенки попадался зеленый горошек (обычно в банках без маркировки). Вот тогда было свинство, и приходилось жрать несчастный горох под приколы более удачливых товарищей. А иногда не везло всем, и ржали над этим, изощряясь в приколах, вместе...

За прошедшие дни Стас чего только не передумал. Главное: как занять себя, чтобы отпустило. Москва не помогла. Уже рассматривал и Египет, и Турцию, и Доминиканскую республику. Была даже залетная идея вернуться в армию, а еще лучше — поехать на Кавказ, отыскать там Пулю, набить ему морду за то, что связался с моджахедами, и увезти сюда. Совершенно бредовая идея, но Стаса она развлекла: он начал было строить планы по возвращению блудного Пули, но потом признался себе, что вряд ли ему позволят аферу проверить. Да Пуля сам его отправит домой первым же поездом, и хорошо, если не грузом двести! Что ему стоит, первоклассному снайперу, нажать курок? С придурка станется.

А Вероники вновь не было дома. Не было дома и Жужика: Стас звонил долго, но из-за двери никто не залаял. Как и в первый раз.

Отмечать праздник вдруг расхотелось: роллы показались невкусными, мидии горчили. Наверно, надо было идти к Димычу и Дианке, там хотя бы он развеялся рядом с детьми и старым другом.

Стас подошел к окну. Черное небо посверкивало яркими крупинками звезд. Стоит прогуляться, подышать воздухом. Тогда будет легче. Сидеть рядом со свечой и старыми армейскими фотками — это ж совсем свихнешься.

Он задул свечу, быстро оделся. Снял с вешалки горнолыжную куртку.

«У тебя есть шапка, Стас? Как ты без шапки все время ходишь...». Стас до скрипа сжал зубы. Ну вот, опять! Мать твою, нет ее! Нет! Забудь!

Сбежал с лестницы и, кивнув консьержу, крикнувшему: «С наступающим!» толкнул подъездную дверь.

Холод и высокое небо над головой отвлекли Стаса. Он, задрав голову, смотрел на звезды, и память возвращала его в сотни ночей в палатках — тех, что были на учениях. Тогда он и не знал, что переживает самые радостные дни своей жизни, да, сложные и неоднозначные, но еще не заполненные памятью о потерях, глодающих душу не хуже прожорливого зверя.

Твою мать! Опять она! Работает на трассе!

Стас не мог ошибаться. Светленький хвостик, высокие лаковые сапоги на шпильке, очки в пол-лица.

Ну что, мадам? Вы боролись, но это ни хр. на не работает!

Злорадства хватило Стасу ненадолго. Он проехал немного и остановился. Не двигаясь, сидел в машине.

Она столько переживала из-за девчонки...

Пусть ее Лена стоит здесь. Стас проедет мимо, ему без разницы!

Руки не слушались. Он уже вытаскивал из кармана телефон и набирал номер Вадима.

— Вадим, не хочешь прикрыть малолетнее бл. ство? Меня возьмешь в команду? Помогу, чем смогу...

Поступок будет подарком ей, хотя она никогда не узнает об этом. Больше мелкая стоять на трассе вряд ли станет. Стас устроит шалаве такую рекламу — мало не покажется. А девчонка, как он помнил, пиариться боялась.

Стас это сделает для той, которую он...ладно, уже неважно.

Меня выписали девятого января. Десятого дети пойдут в школу, их родители — на работу, Вероника же останется дома.

Я вольна искать место или устроить отпуск за свой счет, предаваясь блаженной лени.

Надумала все-таки выбрать первый вариант: за любую работу, лишь бы была, хвататься не хотелось, плюс лучше найти поближе к дому и не с символической зарплатой.

Как несколько месяцев назад, я забрала Жужика. Теперь у Розы Андреевны, не у Стаса.

После душещипательного приветствия (в конце его Жужик все-таки залез ко мне на ручки, забыв, что он уже упитанная дворняга, а не крошечный щенок с переломанными лапками, который сильно болел и которого Вероника долго носила на руках) мы с Жужиком простились с Розой Андреевной и вернулись домой.

В подъезде столкнулись с соседкой.

— Вероника, здравствуй! К тебе приходил мужчина раза два. Высокий такой, большой, светловолосый... Ты уезжала, что ли? И собачки не было...

— Я была в больнице, Жужик жил у знакомой.

— Ох ты...

Соседка заахала, нажелала мне здоровья и хорошего жениха в придачу. С трудом улыбнувшись, я обещала, что так и будет, потом поднялась с Жужей на второй этаж и открыла ключом дверь своей квартиры.

Значит, он приходил. И звонил на старый номер, наверно. Не вернуть ли мне старую сим-карту в телефон и позвонить?

Так хотелось это сделать. Даже больше: набраться наглости и постучать в его дверь.

Стоять на пороге и смотреть. Потому что за порог Стас вряд ли меня пустит.

Или сказать: «Стас, я все выдумала, с Робертом меня ничего не связывает...». И тут выходит в прихожую Алиска...

Никуда я не пойду. С мужем хлебнула горя, когда узнала, что у него есть любовница и я стала лишней... Странно, что он вообще здесь побывал. В шахматы не с кем играть, наверно.

Вынужденное безделье (не знаю, что посулила Роза Андреевна матери своего ученика, но держали меня в больнице до последнего, переплюнув все положенные для этого сроки, хотя у меня со здоровьем было далеко не плохо) порядком меня расслабило. В ближайшие дни я займусь домашними делами: выкину из квартиры все лишнее, устрою дома уборку, затем начну искать работу.

Не забыть бы еще: завтра мы встречаемся с Робертом, и репетиторства с Марком продолжатся, а это значит, небольшие деньги у меня будут.

Кроме того, я обзвоню всех моих детей, с которыми я индивидуально занималась русским языком. Всех тех, кто не учится в школе, где я работала, разумеется: в моей, наверно, скабрзную историю знает каждый первоклассник. Поражаюсь, что ко мне не пришел никто из полиции, министерства образования, прокуратуры — откуда там приходят, если учителя подозревают в приставаниях к ученику?

Скорее всего, делу сразу же дали задний ход: Максиму тоже не нужна широкая огласка. Веронику обвинили, убрали из школы — и будет.

Не пропаду, подработки есть. Я начала тратить отложенные деньги, но увлекаться не стоит. Неизвестно, сколько времени займет поиск новой работы, придется растягивать накопления.

Так или иначе, Вероника начинает новую жизнь. Без школы, лишних друзей и воспоминаний.

Вечером десятого числа, прямо перед встречей с Робертом, я вдруг почувствовала непонятную тревогу. Она пришла из неоткуда, заставив отставить утюг, которым гладила высохшие вещи. Прислушалась к себе и снова потянулась к утюгу. Глупости. Делай свое дело, Вероника. Только всяких дурных предчувствий тебе не хватало.

За окнами порядком стемнело. Так как мы с Робертом должны сегодня встретиться, я оделась заранее: не собиралась заставлять его ждать.

Время тикало, а Роберт не звонил.

Забыл? Из Питера еще не вернулись? Устал с дороги?

Я перебрала огромное количество оправданий. Но можно же было предупредить, верно?

Отложила последние джинсы, которые гладила, выключила утюг. Невидящим взглядом посмотрела на стопку.

Кем будет Вероника, если не учителем? Продавцом яиц, дворником, кондуктором. Весь мир для нее открыт.

Ирония меня никогда не покинет. Пока могу не волноваться: запасы круп и денег есть, чтобы в отчаянии не кидаться в те профессии, которые никогда не привлекали. Возможно, секретарем стоит себя попробовать. Я ответственная и исполнительная — школа научила. Корректором, редактором...

В восемь вечера я перестала ждать чего-либо. Доготовила плов, скормила тарелку Жужу и легла почитать.

Роберт позвонил в восемь пятнадцать вечера.

Его голос меня несколько насторожил. «Встретимся в сквере около твоего дома, Вероника, на освещенной аллее. Я через минут двадцать подъеду. Удобно?»

«Да!» — ответила я, и трубку тотчас положили. Лишь потом я сообразила, что за окном темно, и мне в небольшой парк около дома — пусть он в двух шагах — тащиться не хочется.

Почему именно в парк и так поздно?

Мелькнула мысль о маньяке, кстати. Знаете, как в фильмах: он был хорошим

семьянином, а оказался самым плохим из героев.

В моей куртке до сих пор лежит ножик, подаренный Стасом. Единственная вещь, напоминающая о нем. Я как следует рассмотрела нож в больнице, когда никого не было в палате. Кустарная работа умелого мастера, но мне такой еще дороже. Ножик же его...

Пожалуй, стоит выбросить, чтобы уничтожить все напоминания о Стасе.

Не могу себя заставить. Пусть лежит.

Никакого маньяка, внезапно поняла я, подкрашивая губы, уже полностью одетая. Скорее всего, Роберт... голос слишком отстраненный... Роберт встретил в школе Нину Петровну. Или еще кого-нибудь из моих доброжелателей. Очень не хочется верить, что грязные слова обо мне передают друг другу ученики пятого класса, и сплетню домой принес Марк.

Вероника, не стоит! Зачем тебе туда идти? Хочешь еще раз услышать о себе гадости?

Я заторопилась в парк. Конечно, Роберта ввели в заблуждение. Он беспокоится, хочет поговорить, чтобы развеять сомнения, если они появились. Я бы тоже так поступила!

Что ни говори, но услышать сплетню и увидеть своими глазами — две большие разницы...

Как я пристаю к Максиму, не видел никто, даже я и Максим, потому что подобного не было в природе!

С Робертом нужно встретиться, объяснить, почему так вышло, рассказать о случившемся.

Шепнув Жужуку, расстроено усевшемуся в коридоре, «Пока, мой хороший!» (с ним выходила на улицу недавно, и больше пес сегодня гулять не будет), я закрыла дверь на ключ и побежала вниз по лестнице.

В парк успела прийти, естественно, раньше Роберта. Остановилась недалеко от входа, у самого начала освещенной аллеи, огляделась. Парк был почти пуст, лишь у соседней лавочки стоял мальчишка лет шестнадцати, явно ожидая кого-то. По новому веянию среди подростков, паренек включил на полную громкость музыку и совершенно не скучал, изредка постукивая ботинками по утоптанной дорожке.

Я вздохнула неодобрительно, Взглядом классного руководителя, который отругал огромное количество ребятишек за одежду не по сезону, пошарила по коротенькой куртешке и явно не зимним джинсам паренька. Стоит мальчишка, мерзнет. Родители, куртки им нужно покупать не модные, а теплые! Намодничают, а после маются болячками, как один мой ученик, который...

Вероника, ты уже не учитель. И не классный руководитель. Успокойся! Больше нет у тебя класса, который можешь назвать «своим».

Вроде бы мозгами понимаю, но старые привычки быстро не сменить.

— Вероника! — Роберт шел ко мне навстречу. На голос обернулась я и тот мальчишка, я заметила.

Появление Роберта ничего не изменило в его раскладе, музыку выключить он не посчитал нужным. Из динамиков лился забойный реп.

— Рада тебя видеть, — я с удивлением посмотрела в необычно хмурое и замкнутое лицо Роберта.

По-моему, что-то доказать будет сегодня нелегко. Здесь точно потрудились единственная и неповторимая в своем роде женщина. Боже, ей-то я что сделала? Слова плохого за семь лет не сказала...

— Я не буду долго ходить вокруг да около, Вероника. У меня нет времени, дома ждет сын. Я сегодня услышал нечто, что шокировало меня и заставило изменить мнение о вас. Мы разные с вами люди, действительно.

— Роберт, неужели ты не понял! Там, в школе, меня просто оболгали! — с возмущением успеваю сказать я, прежде чем сердце совершает высоченный кульбит, и становится вдруг необычайно плохо, пусто и все равно.

Он поверил. И вовсе не горит желанием меня выслушать. Я виновата априори, без права на помилование и пересмотр дела.

Музыка, которую слушал мальчишка, сменилась, стала намного тише, будто паренек понял, что сейчас решается что-то до умопомрачения серьезное. Ветер донес до меня до боли знакомый художественный свист.

Со времен студенчества я знала песню наизусть, и мне не нужно было слышать ее слова и мелодию: сейчас они возникали в голове сами собой. Погребенные годами, работой, мелкими происшествиями и всей суетой жизни, забытые напрочь, слова песни жгли сердце как каленое железо, параллельно вежливым, но удивительно жестоким словам Роберта:

— Видите ли, Вероника, я не мог даже предположить, что у женщины, которая мне нравится, может возникнуть подобная ситуация...

«Мне сегодня прольется,
Белой кошке в оконце,
Лучик бисера пыли:
Доброе утро...»

— Ситуация с малолетним ребенком, даже пусть вы и говорите, что оболгали... но это же уму непостижимо! Как такое можно выдумать?

«Мне сегодня воздастся
Три ступеньки от царства,
Три подковки от Сивки,
Три копытца от братца...»

— Вы мне очень нравились, Вероника, очень! Но с таким грузом я жить не могу, совсем не могу...

«Три попытки вернуться,
Две попытки остаться...»

— Каким грузом? — шевельнулись мои губы.

«С вечера полоумно,
Вокзал немногочисленный — прощай, мое детство.
А с утра безголово
От короткого слова
На стекле электрички...»

— С мыслью о том, что это могло быть на самом деле, понимаете? Если есть сплетни, значит, женщина в какой-то мере виновата в них. О целомудренной женщине не может быть сплетен...

«Мне по ранней дорожке
До беззубой старушки.
Пауки в паутинке.
Шелом алейхем!»

— Да неужели? — мои губы совсем замерзли.

«Преисполнена граций,
С бересты колесницы,
Я не синяя птица
В три погибели гнуться!»

— Больше нам с вами встречаться не стоит, да мы и не встретимся, тем более, из нашей школы вы уволились. Я скажу Марку... Не то, что я узнал, конечно.

«Я хочу улыбаться,
Чтобы не разминуться...»

— Вы ведь уволились? И вас с нами больше ничего не связывает. И со мной тоже...

«И что сегодня Джа даст нам,
Станет горьким лекарством —
С песней по жизни!
И чего мне стрематься,
Белой кошке в крошке —
Парус надежды...»

Снова зазвучал художественный свист Веньки Дркина, который разорвал мое сердце на тысячу кусочков.

— Значит, одно плохо слово, одна злая сплетня — и ты бросаешь человека, который тебе нравится? Да, Роберт? — не мигая, смотрю в его глаза, — Класс! Остаешься чистеньким и правильным? Незапя-ятнанным? — издевательски покачиваю головой, кривлю губы в злой насмешке, — Дружба с людьми, о которых говорят плохо, чернит тебя, святого человечка. А если окажется, что сказанное — неправда? Ты хотя бы извинишься?

— Вероника, возможно, неправда... Но я...если уже сказали...

— Это называется, Роберт, верить людской молве, — перебиваю я, — Знаешь, я всегда считала, что мужчина не должен слушать пустые плетни, он должен думать сам, и обязательно спросить женщину, которая нравится. Нормальное жизненное правило, тебе не

кажется? Или мормоны считают, что они выше этого? Нет, наверно, — обхватываю себя руками: холод пробирается в каждую клеточку моего тела.

В нем не виноват морозный воздух января, потому что я в теплой куртке, и морозец сегодня небольшой. Холод идет изнутри.

Он не отвечает мне, только сурово поджимает губы.

— А как же слова Иисуса, Роберт? В Новом Завете есть эпизод, когда к Иисусу приводят падшую женщину. Она действительно согрешила, а не так, как поступили со мной... Но Иисус не судит ее, нет! Он же говорит, помнишь: «Кто из вас без греха, пусть первым бросит в нее камень»

— Да, было такое в Евангелии. Женщину он простил. Но в Библии также сказано «Не прелюбодействуй». Заповеди, данные Богом, важнее того, что делал Иисус, тем более, его поступки можно трактовать по-разному...

Мои глаза расширяются от удивления. Теологические споры, конечно, никогда не были Вероникиным коньком, но читать и анализировать произведения — моя работа, мое любимое дело, мой хлеб, в конце концов.

— Как же так? Иисус учил любви к несовершенному! Любви, которая выше наших понятий о морали, грехе, нравственности!

Роберт смотрит на меня спокойно, отстраненно и немного безразлично. Учительским чутьем понимаю кое-что. От такого понимания у людей опускаются руки, закрываются глаза и замирают любые слова на губах.

Мы читали одну и ту же книгу, но увидели в ней совершенно разные вещи. Роберт знает, что его правда — самая правильная. Если будет стоять выбор между приличиями и любовью, он выберет приличия.

Судьба изящным жестом опустила вишенку на верхушку моего торта, слепленного из боли и потерь. Знаете, как бывает: вроде бы мелочь, а последний штрих, без которого — никуда.

Я искренне считала: религиозные люди порядочные, честные и добрые. Они и есть порядочные. Даже слишком. В ущерб настоящей любви.

— Ты еще, наверно, сейчас гордишься собой, да? Тебе неприятно, конечно, но вера в свой правильный поступок поможет пережить неприятный эпизод. Молодец, Роберт! Удобно, ничего не скажешь...

— Вероника, продолжение нашего разговора бесполезно, я думаю...

Роберту стоять рядом со мной не хочется. Его действительно ждут сын, старейшина или больные. Или Лена. Опороченная Вероника не представляет больше никакого интереса.

— Вот в этом ты прав. Совершенно бесполезно говорить с тобой. Что ж... Будь счастлив, Роберт! Ты хороший человек, нравственный, детям помогаешь, заповеди чтить, и даже больше — в твоей секте есть, наверно, дополнительные заповеди. Я уверена, Господь будет к тебе благосклонен, и у тебя обязательно будет все, что только ни пожелаешь!

Роберт не заметит сарказма в голосе, потому что в его сознании подобный исход жизни неизбежен.

Он же молится, исправно ходит в церковь, ведет достойный образ жизни, не якшается с грешниками! За такое Господь воздаст сторицей, и никак иначе. Нормальные рыночные отношения.

Я тоже не собиралась задерживаться в парке. Мальчишка уже ушел, никого не дождавись. После этих слов ухожу и я, не прощаясь, с достоинством расправив плечи. Не за

что краснеть.

Если бы Стас узнал о сплетне, вряд ли бы он поверил. Еще посмеялся бы от души, обязательно сказав что-нибудь, одновременно юморное и немного обидное.

Только я бы не обиделась.

Душу мне зачем рвешь? Кликаешь беду в дом.
Ты, печаль, мне все врешь, разрази тебя гром!
Не пропащий я, нет! Хватит мне еще сил
Отыскать мечты след и вернуть любви пыл.

Отыскать мечты след -
Я ведь счастлив там был...

Дмитрий Вешнев. «В городе моем ночь»

— Ну, и долго мы будем себя жалеть? — воскликнула Роза Андреевна с порога.

Вытащила очки, надела и огляделась по сторонам.

— Пыли-то сколько... Вероника! Протри пыль!

— Где ж пыль-то, Роза Андреевна? Позавчера только генеральную уборку проводила... — стало чуть-чуть обидно.

— Убираться следует каждый день, — не согласилась мой старинный друг.

Не в пыли дело: она побаивается, как бы у Вероники не случилось депрессии и бывшая коллега не скатилась «на дно».

Роза Андреевна разделась и прошествовала на кухню. Устроилась на табуретке, положив на колени объемную сумку, облокотилась на стол. Минутку посидела в молчании. Я поставила перед ней чашечку чая. Она побренчала ложечкой в стакане...

— Как дела? С работой как?

— Ничего. Газетки просматриваю. Ищу, — дела мои в самом деле таковы. Еще читаю объявления в интернете. Сегодня начала поиски, потому что все-таки надеюсь на отпуск подкопить. Поеду в Крым. Индию, увы, не потяну, Крым же выйдет дешевле. Будет мне праздник в кои-то веки...

— Какие вакансии? — Роза Андреевна проявляет неподдельный интерес к будущей работе.

— Не знаю... Секретарём, что ли?

— А школа?

Отворачиваюсь. Не могу говорить — больно до сих пор. Да, я тут строила планы пойти в другую школу где-нибудь на самом конце города, далеко-далеко отсюда, где никто меня не видел и никогда не узнает, почему я уволилась. Но как подумаю, что и там, среди пытливых и радостных глаз ребятишек, может проскользнуть глаза, так похожие на расчетливые глаза Лены...

— Вероник Васильна, вы все в печали? — по-своему понимает мои развороты Роза Андреевна, — С хулиганом своим рассталась, значит? Люди тебя опорочили, родители плохо сказали о тебе? Директор несправедливо уволила? Ой, беда-беда...

— Я всю душу в школу вложила, Роза Андреевна...

— Вероника, сколько можно? Порыдала, поревела — и будет. Ты у нас сильная девочка, — Роза Андреевна держит идеальнейшую паузу, — Новость рассказать? Максим-ка порезал-таки себе вены... Бог все видит, да не сразу говорит...

Я мало не упала.

— Ой, успокойся, только новой язвы не хватало, — поморщилась Роза Андреевна подвигая мне вторую табуретку, — откачали его. Это он узнал, что его любимая Леночка —

шлюха. Застукали ее...о-о... Рейд был какой-то милицейский, что ли? Мы так и не поняли, как и что, но скандал был на всю ивановскую десятого числа. А потом Максим на следующий денек добавил. Ленку куда-то отослали учиться, документы почти сразу забрали. Больше она у нас не числится.

Перевожу дыхание. Значит, живой. Слава Богу...

— А о тебе Максимчик в предсмертной записке написал, — рассказывает дальше Роза Андреевна, — «Вероника Васильевна, простите меня, пожалуйста, что я так сказал. Это неправда». Вот, дословно старая карга запомнила, записку всем классом читали — там еще много было о чем. Его же друзья нашли — Костя из твоего десятого и еще несколько, не наши. Костик все мне и выложил. Максим с ними поговорил, проводил — и по венам себе, по венам! Ладно, дверь не закрыл — они придумали вернуться, Касте слова Максима не понравились... Записки самой не видела: Костыка ее сфотографировал. Они ж все фоткают, это нынешнее поколение. То еду, то себя... Полиция была, ко всем заходила в школе, к кому было нужно. Родители упростили, чтобы тебя не трогали и никуда не вызывали. Стыдно, что ли, не пойму...

Слезы льются из глаз. Слезы облегчения, что Максим жив. И еще почему-то...

— Поплачь, — разрешает мне Роза Андреевна, — живой он, живой... Но получил по заслугам. Тайное всегда становится явным, а в его случае — он еще чужую жизнь разрушил. Поделом, впредь умнее будет, и головой, дай Бог, Так что теперь твое имя белее снега. В нашу школу вернуться не хочешь? С твоими часами напряженка, учителя на них пока не нашли, Львовна не против, я с ней вчера говорила...

— Вы смеетесь, Роза Андреевна?

— Хорошо. Необязательно в нашу. Я еще созванивалась с завучем сороковой. Эта школа от тебя недалеко, только идти в другую сторону, сама знаешь. Они тебя ждут. У русаков там часов валом, подвинутся. И классное руководство возьмешь на следующий год...

— После такого я не могу...

— О-ой... Вероника! Чего в нашем деле не бывает? Хуже твоей ситуации были, и ничего, люди пережили...

— Такое тяжело пережить. Не могу вернуться, трудно. Пойду, вон, в магазин или секретарем, и денег больше, я уже надумала, — делюсь я с Розой Андреевной сокровенным, не рассказывая о своих школьных метаниях.

— И все потеряешь? Вероника! Столько лет ты учила детей, чтобы все бросить? Все наработки — в топку?

— Не так уж долго я их учила, Роза Андреевна, — усмехаюсь я.

— Не болтай! Знаешь, моя девочка, если бы это была не ты, я бы не сказала ни слова против магазина. Ты не знаешь, что очень счастливый человек. Многие мечтают по жизни, мучаются вопросом, куда себя приложить, куда впихнуться, чтобы стать собой. А тебя, видно, Боженька в щечку поцеловал когда-то: подарил не просто профессию, а призвание. Ты же настоящий учитель, Вероника! Всегда ею была и будешь. И не спорь со старой клюшкой, которая тебя знала еще зеленой!

— Вы, Роза Андреевна, что-то уж очень резко постарели, — стараюсь говорить с сарказмом, но так и не удается проглотить комок в горле, — у Нины Петровны словечки переняли?

— Переймешь тут, с этой прыткой ящерицей, — недовольно бурчит Роза Андреевна, а на меня вдруг пахнуло чем-то привычным и родным. Школа, уроки. Мелкие интриги и

большая дружба.

— Значит, связываюсь еще раз со знакомым завучем из сороковой? Кабинет свой будет. Только та школа двухсменная, детей больше, чем у нас. Зато и денег побольше. А с репетиторством всегда успеешь...

— Я... я не могу, Роза Андреевна. Я хочу, даже думала об этом, но... — запинаясь, бормочу я.

Мне нужно решиться, не могу сразу ответить на самый сложный вопрос.

Роза Андреевна допила чай, поставила чашку на блюдечко.

— Я туточки кое-что принесла, — из недр ее большой сумки показался вдвое сложенный листочек, — прочитаешь на досуге. Ознакомься обязательно, ты меня поняла? А потом скажешь, что и как. Что с хулиганом-то? — без перехода спрашивает Роза Андреевна.

— Ничего.

— И плакать больше по нему не вздумай. Лучше найдешь. Больно — когда у тебя трое малых детей на руках, а любимый муж умирает, и страшно уже не за себя одну. Вот это — больно.

— Да, Роза Андреевна...

— Ты не давай. Листочек береги. Мне его, кстати, твои девочки распечатать помогли — Яна с Кристиной. Я им не сказала, кому отдам, но девочкам тоже понравилось. Пусть здесь только слова, но не мне тебя учить. Помнишь? «Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести...»

— «Словом можно продать, и предать, и купить, слово можно в разящий свинец перелить». Я помню стихотворение Вадима Шефнера, Роза Андреевна. Еще помню...

— Вот и скажи мне, Вероника, зачем будешь скрывать свое богатство и хранить его только для себя? У тебя всегда было, чем поделиться с детьми. Если не ты и не я, то кто? Соглашусь, может, кто-то и придет нам на смену. Но будут ли они так любить нашу работу, как любим ее я и ты? Будет ли у них чем поделиться с детьми? В общем, я все сказала, — Роза Андреевна взялась за ручки своей сумки, вставая с табуретки, — Пошла старушка — куча тетрадок, а еще ученики. Знаешь, о чем я. А ты читай. Читай, думай, размышляй. Мы подождем.

Роза Андреевна, заторопившись по делам, быстро собралась и ушла, оставив меня наедине с непонятным листком бумаги и противоречивыми мыслями.

Я действительно хотела бы вернуться в школу. Не в свою, конечно. С Екатериной Львовной больше работать не планирую, и пусть очень хочется увидеть вновь свой десятый класс, я все же не вернусь. Нельзя в одну реку войти дважды, говорили древние. Река меняется, как изменилась для меня после неприятного случая школа. Да и я стала другой.

Возвращаюсь на кухню. Белый лист лежит на столе. Жужик кружит вокруг стола и водит носом — надеется, что Роза Андреевна оставила именно угощение и именно ему.

Хитрая Роза Андреевна не зря всучила мне листок. Какая-нибудь мотивирующая штука на нем напечатана. Что я, не учитель? Точно скажу, кто какими методами пользуется...

Много раз читала высказывания матери Терезы. Мало того, даже проводила классный час о ней года два назад (дети должны знать о светлых и любящих людях), и мои восьмиклашки зачитывали, а некоторые — цитировали пронзительные строки о вере и любви.

Не помню, присутствовали ли там Максим и Лена. Да это неважно сейчас. Убеждаюсь в который раз: все новое — хорошо забытое старое.

«Люди бывают, неразумны, нелогичны и эгоистичны — все равно прощайте им.

Если вы проявили доброту, а люди обвинили вас в тайных личных побуждениях — все равно проявляйте доброту.

Если вы добились успеха, у вас может появиться множество мнимых друзей и настоящих врагов — все равно добивайтесь успеха.

Если вы честны и откровенны, люди будут вас обманывать — все равно будьте честны и откровенны.

То, что вы строили годами, может быть разрушено в одночасье — все равно продолжайте строить.

Если вы обрели безмятежное счастье, вам будут завидовать — все равно будьте счастливы.

Добро, которое вы сотворили сегодня, люди позабудут завтра — все равно творите добро.

Делитесь с людьми самым лучшим из того, что у вас есть, и этого никогда не будет достаточно — все равно продолжайте делиться с ними самым лучшим.

В конце концов вы поймете, что все это было между Богом и вами. И этого никогда не было между вами и ими».

Скажу честно: не было такого, чтобы — раз! — и я поняла, как нужно правильно жить. Даже великий совет матери Терезы, полностью убедивший поначалу, Вероника смогла внутренне немного покритиковать. Позже согласилась: кому, как не самой знаменитой из монахинь, много лет служившей людям, рассуждать о человеческой природе? И, вопреки всему невозможному, вопреки озлобленности мира и его равнодушию, помогать людям снова и снова, улыбаться каждому дню...

Принятие сложившейся ситуации приходит не сразу. Особенно если тебе не конфетку подарили.

Раньше у меня проскальзывал вопрос: «Почему именно со мной?». После листика Розы Андреевны он куда-то испарился. Пропала и обида, крадущаяся по пятам, словно маленький юркий зверек — пролезет в любую щелку.

Неблагодарная Вероника, как обычно, выставила на пьедестал свои красивые мечты о правильном течении жизни. Теперь расплачиваемся.

Следующий день отметился еще одним загадочным случаем.

Я надумала идти в сороковую школу: поговорить с. Одевшись, взяла новенькую записную книжку (старую выкинула, выписав только самое нужное). Небольшая книжечка, из старых запасов, поместилась бы в маленьком кармашке сумки, куда я ее и попыталась засунуть. Неожиданно пальцы нащупали какую-то бумажку.

На листочке от руки было написано стихотворение Ани, которое она принесла мне в пятницу — до нашей со Стасом поездки на дачу, до моего обвинения, до расставания и болезни... Солнечный лучик из прошлой жизни, где я была счастлива — и была учителем и классным руководителем, которому творческие девочки носили стихотворения, чтобы Вероника Васильевна прочла и оценила.

Время, когда мы со Стасом были вместе, как бы слово «вместе» глупо не звучало сейчас.

Зачем-то изображаю безразличие: ощущаю, как напрягаются лицевые мышцы, будто на меня смотрят сейчас. Разворачиваю листок. Не из-за сентиментальности, а больше из

любопытства: не способная писать стихи, всегда любила их читать, тем более — творчество своих учениц.

Счастливый твой сон будет убит
Далеким воем сирен.
И горе сквозит, горе сквозит
Сквозь щели разрушенных стен.
Ничто не уйдет, не забудется все,
Не сможешь жизнь вновь начать.
Но если судьба вертит так колесо,
Зачем же о боли кричать?
Что было любимым — забыто давно.
Ушло, растворилось во тьме.
И радость забыта, и в сердце темно.
А впрочем, так лучше тебе.
Надежда ушла, жизнь идет стороной.
Так лучше, так чище, поверь.
И годы сливаются в блик золотой
На шапках старинных церквей.
И ты засыпаешь, о страхе забыв,
И больше не слышно сирен.
Лишь горе сквозит, горе сквозит
Сквозь щели разрушенных стен...

Ане бы я сказала, что это — самое лучшее из ее стихотворений, отметила бы необычные метафоры: сравнения времени с золотым бликом, а горя — с ветром. Грустно улыбаясь, сворачиваю бумагу и кладу на полочку, рядом с нарядными безделушками. Не успела похвалить.

Моя девочка растет, и эгоистичное детское выпячивание своего «я» отходит на второй план. Меняется тема и идея лирики. Больше нет бедной страдающей души, не признанной и не понятой в лучших традициях романтизма (привет Байрону и раннему Лермонтову). Уже не хочется противопоставлять себя холодному бездушному миру, потому что мир на самом деле теплый и живой, и реагирует на любое движение твоей души. Только говорит с тобой особым, одному ему известным, языком.

Я же могла выкинуть бумажку, забыть, не заметить. Но теперь она лежит на полочке, и я еще не раз вернусь к этому стихотворению, почитаю...

Ученики всегда могут научить чему-то учителя.

И дело не в дороге, которую мы выбираем... [\[2\]](#)

В тот же день я устроилась на работу в сороковую школу. Мне выделили часы и кабинет, а на будущий год пообещали классное руководство.

Стас дал себе зарок: два дня. За два дня найти Веронику и поговорить. Затем выкинуть и разговор, и ее из мыслей и освободиться от ненужных душевных терзаний, которые уже извели непривычного к ним Стаса.

Хватит!

Без Туза он все-таки не обошелся. Пришлось вечером связаться с Алексеем Георгиевичем и попросить старикана о помощи. Тот, кажется, ждал звонка Стаса.

«С тебя упаковка сигар, мой мальчик! Я найду твоего мормона за день, дружок! Два — это максимум», — расхохотался в трубку Туз и закашлялся.

Стас не стал просить о большем. Отлично знал, что разыскать мормона Тузу ничего не стоит с помощью нескольких звонков. Почему он не торопится, Стас анализировать не стал. Королям простительно все. Поблагодарил старика, как обычно, положил трубку.

Лег на прикроватный коврик, покачал пресс. После отжался на кулаках. Прокачка спины, растяжка. Повтор комплекса. Немного вспотевший Стас, размеренно дыша, улегся на коврик, уставился в потолок. Тяжко. Но то, что все будет известно через два дня, Стаса успокоило: не терпел неопределенности.

Раз за разом он прокручивал все моменты, которые произошли до рокового звонка. Что сделал не так, где не то сказал?

Ответа нет.

Тот день отметился в его памяти еще встречей с Алиской. Да, было дело, но расстались они далеко не друзьями. Если предположить, что Вероника видела их встречу, то даже на расстоянии было ясно, что к чему. Уж последнее Стасово потряхивание стервы и негалантное сопровождение до машины свидетельствовало лучше любых слов.

Не поймешь женщин.

Стас прояснит неизвестные моменты, какими бы они не были. Отдаст колечко Туза и заживет спокойно.

Боже зимних небес, Отче звезды горящей,
Словно ее костер в черном ночном просторе!
В сердце бедном моем, словно рассвет на чашу,
Горе кричит на страсть, ужас кричит на горе.
Не оставляй меня! Ибо земля — все шире.
Правды своей не прячь! Кто я? — пришел — исчезну.
Не оставляй меня! Странник я в этом мире!
Дай мне в могилу пасть, а не сорваться в бездну.
Боже! Что она жжет в этом костре? Не знаю!
Прежде, чем я дойду, может земля остынуть!
Будто твоя любовь, как и любовь земная,
Может уйти во тьму, может меня покинуть... (...)
Не оставляй меня! Ты меня не оставишь!
Ибо душа моя — эта вся местность Божья!
Отче! Каждая страсть, коей меня пытаешь,
Душу мою, меня — вдаль разгоняет больше!
Иосиф Бродский из «Прощальной оды»

Второй день я задерживалась допоздна на новой работе. Причем не просто допоздна, а совсем допоздна. Заметите разницу?

Ибо ничто не бывает так сложно для учителя русского и литературы, чем разгрести наследство, оставшееся от прошлых учителей. Шкафы моего нового класса были полны нежно сберегаемым добром: от старых журналов «Роман-газета» раритетного года и всяческих портретов Ленина (открытки, календари, пожелтевшие от времени большие портреты) до вполне интересных газетных вырезок тоже неопределенного года и планов классных часов, которые могли бы стать хорошими сценариями, если их чуть подправить. И не могу же я выкинуть столь нужные вещи, как, например, книгу о Хатыни, пусть она листочками посыпалась на пол, когда я достала ее! Или открытки с портретами маленьких героев СССР, погибших в Великую Отечественную. Даже портретов с изображением Ленин оставила парочку. Пусть будут, пригодятся, может, что ли...

Мне отдали три класса, пару индивидуальников; нагрузки у меня стало достаточно. Другое дело, что занятия в сороковой и в первую, и во вторую смену. Трудновато перестроиться с блаженной односменки, но я со временем привыкну. Кроме того, шепнули, что в школе закрывают глаза на репетиторство прямо в кабинете, и жизнь от подобной новости показалась мне веселее. Однозначно, она стала налаживаться.

В первый же день на первом уроке мы с моим новым пятым классом написали проверочную работу, которая была запланирована по программе.

Шестым уроком у пятого класса (в этот день у них по расписанию два русских — первым и шестым уроком) я объяснила новую тему, а в начале минут пятнадцать дети писали работу над ошибками. Пунктик у Вероники на данной методике. Не терплю, когда не понимают, почему ошиблись. Малыши сверкали любознательными глазками, и были «сильнее» в русском языке, чем мой предыдущий пятый класс. Никто — никто! — не читал по слогам, и ребятня была готова порассуждать вместе со мной о серьезных вещах...

Жизнь действительно налаживалась.

Я с энтузиазмом взялась за приведение нового класса в порядок. Раньше, до меня, он не был закреплен ни за кем из учителей сороковой школы. Естественно, уборка в нем почти не проводилась, цветы медленно чахли, поддерживаемые лишь альтруизмом уборщицы, а парты пестрели вольнолюбивыми надписями на трех языках. Потому и задерживалась второй день, совсем забывая о бедном одиноком Жужике, преданно ждущем меня в коридоре квартиры.

Возвращалась домой по темным пустым улицам. Но фонари светили ярко, прохожие иногда встречались, и меня не покидало ощущение, что я наконец выползаю из наполненной мазутом ямы на свет Божий. Не может же быть, что в твоей жизни идут только черные полосы!

Белая полоса в моем случае неизбежна.

— Идем, Жужик, — я взяла поводок, даже не прикрепляя карабин поводка к ошейнику. Дети готовятся ко сну или уже спят, пес свободно может побегать, не пугая никого. Все хозяева собак уже выгуляли своих питомцев, да и немного их в наших домах, я за все наши прогулки с Жужиком насчитала человека три, не больше. Пусть побегает без поводка, рассудила я, немного лентясь, если честно. Устала за день. Постояю около подъезда, пока Жужик все свои кусты посетит. Погуляем около дома, далеко не пойдем.

На улице пес носился, рассекая сугробы, как пловец стилия баттерфляй. Только упитанный зад и хвостик я наблюдала, когда сугробы буравила моя быстрая подлодка.

На полпути к очередной снежной шапке пес замер. Замерла и я, посмотрела туда, куда, не дыша, глядел Жужик.

Недалеко от нас с Жужей также, не двигаясь, стояла незнакомая рыженькая дворняжка.

Сучка! На кобеля мой пес обрушился бы злым ненавидящим лаем, здесь же он медленно начал двигаться к ней, чуть повиливая хвостом. Я же начала как можно незаметнее перемещаться ближе к Жужику. Если я вовремя верну пса на поводок, все обойдется...

Рыженькая подпрыгнула на месте, завиляла хвостом. Немного отбежала в сторону, остановилась — она увидела, что я приближаюсь к Жужику, а значит — и к ней. Пес рысцой поскакал к собаке, и я смотрела, как они обнюхивают друг друга, виляя хвостами. Подружились, значит.

Я продолжила медленно и плавно подходить к собакам: известно, что бывает, когда встречаются две особи, настроенные друг к другу положительно. Играют, прыгают, покусывая друг друга, и могут даже убежать...

Последнего я боялась сейчас больше всего. Конечно, на ошейнике Жужика есть крепко примотанная скотчем бумажка с моим телефоном, на случай его пропажи или бегства, но найдется ли добрый человек, который обратит внимание на ошейник одинокой собаки и мне позвонит? Если я потеряю сейчас и Жужика...

А Жужа обо мне забыл. Рыженькая девочка заняла все его внимание, и он бы не заметил, как я подхожу к нему. Но сучка была недоверчивой. Она посмотрела на меня умными глазами привыкшего к бедам и лишениям существа и рванула по тротуару к парку. За дворняжкой понесся и мой пес, а за ними двоими, задыхаясь от быстрого бега, бежала я.

Прогулялись вечерком, переходящим в ночь... Где я ловить буду противного Жужика, по каким подворотням?

Рыженькая с Жужиком забежали в парк, и на освещенной аллее, в ее конце, они начали прыгать и кружить. Я перешла на шаг, дыша с трудом, потом оперлась на колени, опустив голову. В легких творилось что-то невероятное. Пусть я раньше бегала, но пробежки летом и

зимой — две большие разницы. Как же Стас зимой тренируется? Не спросила.

Похрипев минутой, подняла голову. Моя парочка пропала, я не видела никого на освещенной аллее. Придется сворачивать с нее в неосвещенные закоулки парка.

Закусив губу, я изо всех сил старалась не разрыдаться. Ничего страшного, парк со всех сторон окружен приличной стеной, здесь несколько выходов, правда, но далеко они вряд ли убегут. Не плачь вперед, Вероника! Жужик непременно найдется!

— Жужик! — воскликнула я, дойдя до конца аллеи. Фонари освещали снег, и мне повезло: я разглядела свежие следы, уходящие по сугробам влево. Конечно, была еще пара протоптанных тропинок, но я что-то сомневалась, что собаки предпочли узкие человеческие дорожки простору сугробов. Шагнула в след, и сразу нога провалилась почти по колено.

Я шла по снегу и звала Жужика. Сначала кричала тихо — боялась, что встречу кого-нибудь в парке. Но скоро убедилась, что никто на мои вопли из людей не откликнулся, и сочла, что в парке одна. Все дальше и дальше уходила от освещенной фонарями аллеи, которая заканчивалась выходом из парка.

— Жужик! — слезинка скатилась по щеке. Они убежали по тропинке, а я иду непонятно куда... Нужно возвращаться.

Маленькие следы свернули теперь направо. От снега было светло, глаза привыкли к темноте, редкие фонари, встречающиеся на пути, тускло горели, и я еще подсвечивала следы на дороге экраном сотового телефона — взяла с собой, прямо как знала...

— Жужик! Жу... — перевела взгляд от следов на снегу вперед и осеклась.

На поваленном бревне впереди сидели трое молодых парней. Зимний холод был им нипочем, кажется, и забрались они в дебри заснеженного парка давно. Прошли какой-то иной дорогой: я их следов не встречала, хотя и видимость была у меня неважная.

— Извините, здесь две собаки не пробежали? Сорвались с поводка... — только один Бог знает, сколько мужества мне стоило произнести эти слова доброжелательно и твердо. Но пугаться и нестись во все лопатки, не разбирая дороги, не было выходом: что предпримут тогда сидящие на бревне? А упоминание о собаках может немного успокоить шальные головы: собаки примчатся на крик хозяйки, и мало ли, какой они породы...

— Были, — сказал один из парней, подозрительно растягивая слова, — туда побежали.

Махнул рукой вглубь парка.

Остальные, кажется, созерцали горящий экранчик телефона в моих руках.

— Спасибо, — заковыляла я по снегу, — Жужик!

Специально отошла от молодцев подальше, прислушалась. Тишина.

Присутствие трех мужчин в парке не понравилось, и их взгляды на мой телефон — тоже. Стоит уйти отсюда, и поскорее.

Без Жужика? Не пойду я никуда, пока его не найду, мало ли, что мнительной Веронике привидится да покажется...

— Жужик! — в отчаянии закричала я, срывая голос. Как буду завтра говорить на уроках, стало неважно. Лишь бы Жужика найти.

Вновь прислушалась. Недалеко раздалось знакомое потягивание! Жужик!

— Жужик, Жужик! Ко мне! — кричала я.

Через сугробы, напрямик, неся Жужик. Один, без рыженькой. Она его покинула, что ли, нырнула в раскопанный лаз под крепкой и высокой оградой парка, а толстенький Жужик не пролез? В парке таких нор несколько, я еще летом обратила внимание. Или пес заметил, что рядом нет хозяйки, испугался — без меня он оставаться крайне не любил. Я была

уверена, что найду их, заигравшихся, вдвоем. А сейчас он бежит один, и это самый лучший из вариантов. Облегченно вздохнув, я наклонилась, чтобы потрепать подбежавшего ко мне пса по загривку и пристегнуть поводок к ошейнику: злиться сейчас на Жужу было выше моих сил. Слава Богу, что нашелся.

Пес с благодарностью и любовью лизнул мое лицо пару раз.

— Идем домой, дуралей. Больше в жизни тебя не отпущу без поводка, ясно?

Псина была со мною полностью солидарна. Или делала вид — до очередной самочки.

Возвращаться по своим следам я не стала, ибо встречаться вновь с ребятами на бревне не спешила. Брела по колено в снегу, без тропы, и Жужик прыгал за мной по сугробам.

Я ощущала, как в сапоги набивается снег. Домой, домой — отогреваться у обогревателя! Жужик же по обыкновению уляжется около еле теплой батареи, но псу подойдет и она.

Не потеряюсь — где-то рядом стена парка, упрусь в нее скоро. По стеночке, по стеночке... Мы с Жужей вернемся к аллее и фонарям, а там — выход из парка. Хотелось уже перелезть ограду и скорее выбраться отсюда, но с собакой не провернешь сие ненадежное мероприятие, да и я буду долго страдать, перелезая через стену, построенную еще в советские времена, что называется, на века. У Стаса бы быстро получилось, и стена для него не так уж высока, тем более, что Стас спортсмен, а я — не очень...

Мы были недалеко от фонарей, когда Жужик глухо зарычал. От его рыка меня обдало морозом с ног до головы. Я не убыстрила шаг поначалу, надеясь, что Жужик умолкнет. Но пес рычал и крутил мордой. Я, ускорив шаги, начала оглядываться. Аллея была близко, я с надеждой шла к ее свету, как на моем пути встала одинокая фигура. Пес залаял.

— Фу, Жужик, — мне хотелось верить в хорошее. Может, человек просто вышел подышать свежим воздухом.

Краем глаза я заметила еще двоих. Трое мужчин. Не нужно быть самой умной, чтобы догадаться — хотя бы по количеству — кто эти люди.

И пришли они по мою душу.

Несколько секунд я не могла пошевелиться. Остолбенела и лишь отмечала, что мужчины, будто волки, подходят, крадучись, ко мне с трех сторон.

Страх перерезал голос: я открыла рот, чтобы обратиться к мужчине, который по расстоянию находился ближе ко мне, но не смогла ничего произнести. Рядом залаял Жужик, переходя на визг. Это был единственный звук в пустом парке. Пес тоже чувствовал угрозу, и тянул поводок изо всех сил. В ту сторону, с которой никто не крался и куда я могла убежать.

Я продолжала стоять. Надеялась договориться с неизвестными или застыла от ужаса? Не берусь утверждать.

Горящие сзади фонари слегка подсвечивали фигуру мужчины, который подходил все ближе, в то время как остальные двое были от меня на приличном расстоянии. Он что-то достал из кармана, или просто вынул оттуда руку, но мой ступор сменился паникой. Развернувшись, я побежала в единственно относительно свободную сторону. Жужик несся, обгоняя меня, поводок натягивался изо всех сил. Он мог бы бежать быстрее, но он был со мной, на поводке, и был готов меня охранять. Но Жужа — не овчарка, науськанная на атаку. Обычная дворняжка без всяческих умений, с сомнительной родословной, и предки его привыкли выживать любым способом, от нападения до трусливого бегства.

«Там стена.

Пока буду перелезать через нее, они сто раз подойдут».

Это я поняла с ужасающей ясностью.

Паника меня больше никуда не гнала; я заставила себя остановиться последними усилиями воли. Рядом лаял Жужик и рвался с поводка.

Те, дальние, не торопились. Не торопился и первый. Они знали, что я никуда не денусь: еще шагов десять, и стена преградит мне дорогу. Убегу я в любую из сторон, в любой меня перехватит один из мужчин, а остальные двое подбегут, когда поймавший будет меня удерживать. Стоит договориться, добровольно отдать телефон... Кроме него у меня с собой больше ничего нет.

А если очень честно, меня банально загнали в угол...

«Ну почему?» — я была готова стонать на весь мир. Почему моя жизнь, только начав налаживаться, оборачивается полной гадостью и двумя метрами земли в самом худшем раскладе? Я столько хотела сделать для мира, чтобы чуточку изменить его...

Ты от горя, а оно тебе навстречу...

Я в бессилии смотрела, как ко мне подходит эта троица. У первого был ножик в руках, точно: так держат нож в руках. Так его держал Стас когда-то...

Они приближались, а животный страх и обида душили мою душу.

Все происходило будто в замедленной съемке. Время растягивалось до бесконечности.

Мне даже нечем похвалиться перед Господом, если случится непоправимое. Я не сделала жизнь ни капельки лучше. И с моим уходом из мира не останется ничего, о чем бы я могла сказать Тебе: «Посмотри, я все же не зря пришла в мир, я оправдала Твое доверие. Я люблю тебя».

Но я бы смогла сказать лишь последнюю фразу. Ни похвальных листов великих поступков, ни грамот добрых дел.

Рядом оцетинился Жужик, и лаял так, как я никогда еще не слышала. Даже если бы я произнесла слово, оно утонуло бы в этих надсадных звуках.

«Не будь жертвой... Должна быть великая идея...Нужности тебя миру».

Что-то пронзило мое сердце, слезы выступили на глазах. Благодарю Тебя, Отче. Грязная обида отпустила меня. На что обижаюсь, чем недовольна?

Моя жизнь была вовсе не пустячной. Я сделала все, что смогла.

И если бы Господь предложил бы мне выбрать любую жизнь, наполнив самой, как пазлами, событиями, Вероника бы выбрала то же самое.

Мои неудачи и беды, сыпавшиеся на меня, были посланиями и происходили от Тебя. Мои попытки, старания и надежды были нужны Тебе.

Даже маленькая одинокая неудачница необходима Богу...

Через пелену я слышала лай Жужика, видела мужчин. Первый находился шагов десяти от меня, другие — подальше.

Ни шагу назад. Я не побегу больше и не стану жертвой. Никогда не стану жертвой. Пусть и прожила дурацкую жизнь, но за нее еще поборюсь.

Вечно сомневающаяся и трусящая, я вдруг ощутила, что за моей спиной нечто большее, чем я сама. Что я часть этого...

И у меня есть нож, чтобы защищаться.

Бросить на снег поводок, резко дернуть замок, залезть в кармашек и выставить вперед руку с ножом стало делом нескольких секунд.

Руки почти не дрожали, голова стала пустой и ясной.

Мне нечего терять, кроме огромного мира и моей жизни, которая была на самом деле прекраснейшей и полной счастья — всегда полной счастья. Как я раньше не додумалась? Все

грустила и грустила...

Я мысленно простилась со Стасом, Жужиком, родителями и всем миром, но сейчас ничто не дрогнуло в сердце. Мы всегда вместе. Мы будем вместе, в каком бы состоянии ни были. Я люблю и отпускаю, ибо пришел час...

Ослепительный свет бил в глаза, а они все карабкались наверх, в гору, и Стас будто наяву ощущал, как лямки нагруженного под завязку рюкзака каждую секунду давят на плечи. А Командир шел вперед легким шагом, не замечая своей ноши.

Стас остановился. Приложив руку козырьком ко лбу, посмотрел вниз. Горы, вечные горы, и что же мы тут потеряли, раз скачем по ним, как сайгаки? Он смекнул, что не знает цели пути и конечной его точки.

— Санчо, куда мы премся?

— Все тебе надо знать, Счастливчик...

— Надо. Куда?

Санчо остановился. Стас смотрел на него снизу вверх: тропа поднималась под приличным углом, и солнце слепило глаза Стаса.

Командир кивнул ему и начал тонуть в свете, льющим сверху, и скоро Стас его перестал видеть. Только ярчайший свет везде, закрывший и горы, и тропу, и Командира...

Стас резко сел на кровати, помотал головой. Опять гребаные сны!

Они редко посещали Стаса. Мать постаралась, нашла сыну когда-то хороших психологов — или психиатров, просто они психологами представились, черт их разберет — да и нервная система у Стаса сама по себе была крепкой.

От образов, иногда прорывающихся в упорядоченный мир Стаса, тот не мог заснуть оставшееся ночное время. Предпочитал больше не ложиться и бодрствовать. А утром бегать больше.

Стас встал с кровати, натянул джинсы и майку, походил по комнате. Открыл окно и с наслаждением вдохнул холодный воздух. Не обращая внимания на холод, высунул голову. Пусть малясь проветрится.

И тут же услышал собачий лай. Сердце стукнуло глухо и сильно в груди — она! Вернулась! Лай донесся снова, и Стас оторопел.

Лай был одновременно и испуганный, и нападающий. Собака чуть не срывалась на визг, изо всех сил напрягая свои собачьи связки, разорялась так, будто ее жизни угрожала опасность: изо всех сил, не останавливаясь, визжала, переходя с визга на низкий предупреждающий лай, а потом вновь сбиваясь на визг. Словно ужасно боялась, но кого-то защищала...

Твою мать!!!

Стас за несколько секунд вытащил из тайничка пистолет и снял с предохранителя. Всунул ноги в тренировочные кеды, удобные тем, что их не нужно было зашнуровывать, набросил куртку. Еще секунд десять, даже меньше — спуститься с лестницы и открыть дверь. С ключами возиться не стал, консьерж потом откроет.

Это было просто глупо — сжимая пистолет в руках бежать к парку, не чувствуя своих ног. Глупо и смешно, может, какая-нибудь приبلудная шавка охраняет своих детенышей, ну что ты как дебил стукнутый, ей-Богу! Несешься ночью в парк, услышав лай какой-то собачки! Совсем ополоумел с этой своей лю...

Но интуиция Стаса вопила, что нужно бежать как можно скорее.

Холодный воздух попадал в легкие. Стас тяжело дышал — настолько резво по холоду он давно не носился. Но постоянные тренировки помогли добежать очень быстро: с собакой творилось что-то не то. Она замолкала временами, видно, атакуя кого-то.

Стас несся на собачий голос. Забежал в парк, пронесся по освещенной аллее, чуть подняв пистолет, завернул на лай.

С трех сторон окружали кого-то трое высоких мужчин. А рядом с фигуркой, размахивающей чем-то, прыгал пес, атакуя одного из нападавших. Стас был далековато, но с легкостью узнал Жужика. И Веронику.

И тогда он прицелился и выстрелил. Не раздумывая, автоматически — как иногда стрелял там, давно и далеко. Предупредительный: в землю. Пока ошарашенные силуэты поворачивались к Стасу, он выстрелил еще раз. Один из мужчин схватился за ногу.

Фигурка застыла без движения, пес же заскулил тоненько, пополз к хозяйке.

А те, другие, повели себя иначе: двое убежали, третий, прихрамывая, тоже спешил за ними. Стас выстрелил вдогонку, а потом бросился к Веронике.

Она, покачиваясь, начала оседать в снег. Подбежавший Стас ухватил Веронику за куртку, не дав упасть. Из ее руки что-то выпало. Стас нагнулся, заткнув пистолет за пояс, освободившейся рукой повозил по снегу... Поднял ножик. Свой ножик, подаренный когда-то Пулей, который договорился с дагестанским мастером, и он сделал штук шесть таких ножей. Два Пуля подарил Стасу, два — Командиру втихую. Они изначально были созданы больше для забавы как метательные ножи, и метались в бревна, хотя Пуля продумал в них еще кое-что: упор для пальца, длину...

— Ты что, ножик вытащила? Зачем тебе нож? — ляпнул слегка обалдевший Стас. Вопрос получился тупым и заданным не вовремя.

Она попыталась защищаться.

— Я...ты же сам, Стас, давно мне говорил...

— Говорил, — согласился Стас, соображая, о чем она и стараясь не обращать внимания на першение в горле.

Зато сильно стучащее сердце унять не удавалось.

— Обопрись на меня, пойдем отсюда. Жужик, мать твою! Не бегай вокруг меня, сидеть! Сидеть, я сказал!

Стас огляделся. Никого. Убежали, с. ки.

Он их найдет попозже. Нарики районные, не хватало на дозу или наширявшиеся. Стас поговорит с Вадимом, а лучше — с Тузом. Пусть Стас окажется у старика в должниках, эти твари сядут.

Если к Вадиму, надо бы уже звонить в полицию, чтобы приехали парни, и по свежим следам...

Стас посмотрел в остекленевшие глаза Вероники и обнял ее. Она не двигалась.

— Ну, все закончилось, дорогая. Их нет. Я с тобой... Идем домой.

Вероника мотнула головой и вцепилась в куртку Стаса. Стас ощущал, как бьет Веронику сильнейшая дрожь.

Смелая Вероничка, вытащила ножик и типа была готова дать отпор. Надо было мотать чем скорее, тем лучше! Бросить пса — тот бы нашел, как — и попытаться перелезть стену.

Но тут же изменил мнение: Вероника не справилась бы быстро с лазанием.

Выбрала из всех вариантов самый...какой, Стас? Самый правильный, сказал бы Командир.

Стас крепче обнял Веронику и посмотрел на небо. Звезд не было на нем: мутная серая пелена. Стасу захотелось плакать, он еле-еле сдержал слезы, когда до него дошло, что сделал.

Он успел. Сегодня ночью успел спасти того, кто ему был неизмеримо дорог, забыв обо всем переживаниях и своей озлобленности. Последняя, впрочем, давно прошла.

— Я бы с тобой в разведку пошел, — хрипло прошептал Стас, глядя Веронику по голове, — ты молодчинка, смелая...

— Нет, не смелая...

— Ага! Спорим, значит, отошло. Согрелась? Домой пошли, провожу, не куковать же в парке до утра, — Стас намеревался попасть к Веронике и в квартиру, а не только в подъезд, но решил сообщить ей это где-то около двери.

Подхватил поводок Жужика, который преданно рядом сидел на снегу и изредка гавкал, потрепал псину по загривку. Тот было пытался и его атаковать, но потом узнал Стаса и дипломатично повилял хвостом.

Нормальный кобель, не зря тебя кормит хозяйка. Спас ты ее сегодня.

Но попала в парк Вероника тоже из-за Жужика, и из-за него же они познакомились со Стасом, и еще куча всего...

Стас решил подумать о хитрых ходах жизни попозже — сначала нужно было довести Веронику до квартиры. Ноги у нее заплетались, но она, не жалуясь, с трудом передвигала ноги по снегу, поддерживаемая Стасом. Параллельно он внимательно оглядывал окрестности. Нет, эти больше не вернуться. Пистолет у таких вряд ли имеется.

Но нужно уходить из парка: сюда точно вызвали полицию местные. Хотя бы один проснулся.

Полиции не будет при одном условии: если проснувшиеся решат, что просто застрелили гавкающую собаку.

С полицией в данный момент лучше дела не иметь: Веронике сейчас не до вопросов. И хотя Стас сам горел желанием их задать (какого черта поперлась в парк, чего хотели сволочи и прочее), расспросы отложил.

Только оказавшись в подъезде Вероники, Стас чертыхнулся про себя: у нее нет ни водяры, ни другого алкоголя — провереннейшего средства со времен армии при великих — и не очень — потрясениях. Лучше бы Стас отвел ее к себе домой, тем более, квартира его так и осталась незапертой. Хотя за ее сохранность Стас не боялся: соседи приличные, да и в подъезде камеры повсюду, зато в баре у Стаса стояли стратегические алкогольные запасы: не так, чтобы напиться, а так, чтобы было.

После успокоительных можно бы было поговорить начистоту о мормоне, и Стас прикидывал, как ему лучше навязаться к ней в квартиру.

Но Вероника сама помогла.

— Стас, не уходи, пожалуйста! — тихо произнесла она аккуратно в подъезде ее дома, — Пожалуйста! Побудь со мной, вдруг они вернуться!

— Да без вопросов, — Стас еле скрыл ликование в голосе.

— Все прошло, Вероника. Ты в безопасности, у себя дома. Дверь закрыта, я здесь, — твердил Стас. Вероника продержалась ровно до того момента, как они переступили порог ее квартиры. Она сняла куртку, сапоги. Стас успел снять тоже самое, остался в майке: куртку второпях натянул прямо на нее. А после Вероника замерла, вновь задрожала.

— Ой, — и села прямо на пол в прихожей, — ноги что-то не держат, — беспомощно

попыталась улыбнуться. А потом заплакала.

Стас помог подняться Веронике. Сел на первое попавшееся место — небольшую тумбочку в прихожей, а Веронику, как ребенка, посадил к себе на колени. И начал успокаивать — как умел.

— Стас, я нормально, — Вероника попыталась встать, но Стас придержал ее за талию.

— Куда? Еще раз шмякнуться хочешь? Подыши, дорогая.

Вероника закивала. Стас прижал ее сильнее к себе: он не имел понятия, как успокаивать женщин, и действовал интуитивно, доверяя своему чутью, которое и в этот раз не подвело.

Стасу никогда еще не было так хорошо. Он переживал свое счастье молча, уставившись в темноту прихожей немигающим взглядом. Успел. И сейчас она сидит рядом, вцепившись в его майку, и Стас чувствует ее горячее дыхание и частые удары сердца. Стас закрыл глаза и выдохнул как можно тише. Успел...

Теперь плевать и на ее слова, и на мормона. Черт с ним, с мормоном, главное — с ней все в порядке, и Вероника вместе с ним! Пусть лишь сейчас.

Сидеть Стасу становилось неудобно. Зашкаливающий адреналин сменился тем, что растягивало джинсы в районе ширинки. Еще немного, и он кончит прямо здесь, насмешливо подумал Стас. И вместе с тем ему было чертовски спокойно и радостно. Вероника рядом. Дрожит от страха и очень нуждается в Стасе. Большого счастья он для себя представить не мог.

— Давай на кухню, что ли? — Стас намного наклонил голову и пробормотал слова, губами чуть касаясь щеки Вероники. Вдохнул украдкой ее запах и закусил губу: те духи, которыми она всегда душитя. Он думал, что это неважно, что о них давно забыл, но тело отозвалось напряжением в мышцах и адским жаром, словно его кровь стала раскаленной лавой.

— Н-нет, — Вероника мертвой хваткой вцепилась в майку Стаса, всем телом прижимаясь к нему, — Стас, пожалуйста! Я. я сейчас успокоюсь. Честно. Пос-сизу минутку и успокоюсь.

— Конечно, — согласился Стас. Посильнее обхватил Веронику, с удивлением нащупывая под теплой кофтой ребра.

— Ты чего худая такая, дорогая? Морковкой питаешься? — пошутил неумело Стас. Пускай отвлечется. Кроме того, бабам нравятся упоминания об их стройности. Отойдет немного, ей полегчает...

— Я в больнице лежала, а там кашами кормили. Каша невкусные...фу! И пища вся диетическая...

Стас напрягся.

— А ты когда лежала-то? — спросил будто невзначай, и ласково провел ладонью по спине.

— Недавно, — выдохнула Вероника.

Стас прищурился. Лежала в больнице, значит, пса отдала кому-то. Интересно...

— Водки у тебя, наверно, нет, — сменил тему Стас.

— Вино есть, — прошептала Вероника, — мне в школе подарили до... до того, как из школы уволилась.

— Уволилась? Блин, а я-то думал, что же тебя нет... — прокололся Стас.

Стас- растяпа, ты разболтался, придурок! Расскажи ей еще, что ее около школы

караулил, не стесняйся!

— Ты ждал меня около школы? А... — Вероника глянула в лицо Стаса. Тут же засмушалась, покраснела, сжалась. Стыдно стало, видеть.

— Искал, дорогая, — произнес ласково, не переставая гладить Веронику, хотя сердце разрывалось от неведомого чувства, — думал, поговорю и узнаю, по какой причине Вероничка променяла меня на мормона, — Стас пальцами приподнял подбородок Вероники и заглянул в ее глаза. Родные голубые глазки, всегда мечтательные и грустные, смотрели на Стаса испуганно. Будто он застал ее за непотребным делом.

— Почему ты не с ним, Вероника? Зачем пошла в парк одна? Он что, не мог пойти с тобой? Это так положено у мормонов: невесты сами гуляют с собакой ночью в парках? — Стас начинал заводиться. Тварь докторишка, и нет ему другого названия!

— Мы не с ним. Расстались давно, да и не встречались, по большому счету. И замуж за него я не собиралась и не собираюсь!

Стас ушам своим не поверил.

— Да ты че! Не врешь?

Вероника распахнула свои голубые глазенки и посмотрела в глаза Стаса с предельной искренностью.

— Я — нет, — отчеканила твердо, а Стас даже обрадовался: вопрос задел за живое, и страх потеснили другие эмоции. Эффективный прием, который давным-давно поделился Командир со Стасом: разозлиться, чтобы уменьшить чувство страха.

— Ты на что-то намекаешь, я гляжу, — срулил Стас на свою обычную интонацию. Она давалось нелегко: сам не отошел от случившегося.

Веронике он не покажет своей слабости.

— Я видела тебя и Алису. Неприятно, знаешь ли, когда за твоей спиной... Я ни на что не рассчитываю, но... Если бы ты честно предупредил меня, что ты встречаешься с Алисой — и не знаю еще с кем — в общем, если бы ты сказал мне о всех своих женщинах, мне бы не было...

— Видела меня и Алиску? — переспросил Стас, — Да, было. Приперлась и полезла целоваться: вернись, Стас, я все прощу! Но я ее за шкирятничек в машинку ее новую отвел и посоветовал впредь уведомлять в письменной форме о предстоящих посещениях. Я ж с ней давно расстался, Вероничка, — Стас нежно провел ладонью по щеке Вероники. Та, затаив дыхание, расширенными глазами смотрела в лицо Стаса.

— Давно расстались, дорогая, — повторил Стас, — приблизительно в то же время, когда мы в кафе с твоим давнишним другом общались. Она периодически пытается наладить контакт, и одну из ее попыток ты и наблюдала, наверно. С Алисой у меня никогда больше ничего не будет, тем более, я тут прикинул, что мы с тобой...

— Ты...не сказал мне...

— Не сказал тебе? А ты спрашивала? — вот тут Стас солгал. Разумеется, она не спросила ни разу. А Стас не стал бы ей ничего говорить, потому что считал Веронику недостойной новости. И вообще, долго носился с... хрен знает с чем. Выпендрожностью своей, во-во.

Близость беды расставила приоритеты. Да и он сам изменился, что ли?

— А ты бы тогда ответил? — вернула ему вопрос Вероника. Стас отвел взгляд. Тогда бы точно — нет. А теперь...

— Говорю как на духу, дорогая: я один. Меня ты, кстати, тоже попросила, и я

действительно один. Увидела с бабой и сразу когти рвать, даже не зазвездив мне по морде? Я так не играю! В следующий раз досматривай представления. Мало ли, что в конце ожидается...

— Стас, ты не врешь?

— Нет, бл. дь, сижу у тебя в прихожей и выдумываю! Ради чего? Ты меня вроде как знаешь, Вероничка? Неужели не разберешься?

Вероника не обманывала. Ни один нормальный мужик не выпустит свою женщину ночью гулять с собакой, а мормон, поди, из нормальных, хоть религиозен не в меру.

С души будто камень свалился. Полдела сделано. Оставалось самое сложное.

«Отложим ненадолго разговорчик, не к месту он сейчас», — успокоил себя Стас и притянул Веронику к себе, заправил выбившиеся прядки за ушко, негромко проговорив:

— Мы друг друга неправильно поняли. Ну, было и было, дорогая! Слышишь? Мы разобрались, да? — он легонько поцеловал шею Вероники, чуть отогнув ворот кофты, — да?

— Да, — пальцы Вероники, впивавшиеся в тело Стаса, ослабили хватку.

Следующий поцелуй не получился ненавязчивым. Вероника застонала, обхватила Стаса за шею.

Он целовал ее щеки, лоб, заплаканные глаза, шептал слова, которые в жизни не говорил ни одной из женщин. Руки Вероники забрались под его майку, глядя обнаженное тело Стаса.

— Стас, я давно хотела тебе сказать...вдруг не успею, вдруг...

— Потом, — прошептал Стас в губы Вероники. Долгий и глубокий поцелуй плавил тело Стаса, лишая самообладания.

Он поднял Веронику и понес в комнату. Бережно уложив на кровать, скинул с себя одежду. Вероника лихорадочно стягивала кофту. Стас помог ей раздеться — пальцы не очень ее слушались — и лег рядом на кровать.

Рука Вероники скользнула по его щеке. Стас поймал ее и поцеловал ладошку. А затем покрыл тело Вероники быстрыми жадными поцелуями.

— Стас, я тебя лю...

Он не дал ей договорить: опустился на нее и мощно вошел, прежде чем она успела сказать последнее слово. Он не любил высокопарных слов с армии, подозревая в них скрытую подоплеку и ложь. Каждое его движение было наполнено любовью. Стасу так хотелось, чтобы Вероника это почувствовала, чтобы поняла без слов...

Я в Гефсиманский сад пойду, чтоб прохладу его испить,
Ищут ангелы там звезду, и не знают, как дальше быть.
«Если мы не найдем звезду, кто ж вам будет тогда светить?»
Я в Гефсиманский сад войду, чтоб помочь им ее найти.
(...)

Ведь зовется она Любовь, и сияет во все лучи!
Я останусь навек с Тобой, чтоб гореть огоньком свечи.
Дмитрий Вешнев «Я в Гефсиманский сад войду»

— Вы тоже к Веронике Васильевне? — недоверчиво спросила полноватенькая девочка с двумя косичками и голубым глазами, которые увеличивали стеклышки очков.

— Да, — просто ответил Стас.

— И тоже делать работу над ошибками? Она назначила на это время... — голос девочки стал еще более подозрителен.

Стас задумался, привычно взъерошив волосы.

— Ну, в какой-то степени — да. Точно. Делать.

— Она сейчас придет. Ушла туда, — указала девочка в одну из сторон школьного коридора, — она в школе.

Еще бы не в школе. Стас утром отвез Веронику до новой работы, а Егор с Лешкой дежурили целый день недалеко от входа школы — Стас их попросил присмотреть, пока они с Вадимом пытались выйти на троих неизвестных. «Проси Туза», — наконец развел руками Вадим.

Стас попросит.

Девочка, не таясь, разглядывала Стаса.

— Вы же не учитесь у нее, вы шутите. Слишком взрослый, — девочка задумалась на минутку, почесала лоб, поправила косички. И осведомилась деловито:

— Вы в классе ее будете ждать? Подождите там, а? Если Вероника Васильевна выйдет из класса, мне поможет?

— А сама, значит, никак? — иронично заключил Стас.

— Я уже второй раз пишу. И все не напишу, — сообщила девочка с великой печалью в голосе.

— Ну, знаешь... Каждый свою работу над ошибками должен делать самостоятельно, — поделился с девчушкой Стас мудрым советом.

— Она тоже так говорит, — еще печальнее вздохнула девочка, — «Пиши сама, Кристина». Я уже пишу... пишу-у...

— Да ладно! — удивился Стас, невольно улыбаясь, рассматривая девчушку — такая была смешная и милая, — что здесь сложного? Я вот всегда хорошо делал все работы. А уж работа над ошибками — это легкотня! Ну, выписал слово правильно...

— Вы ничего не понимаете! — возвестила мелкая строгим тоном, — ей нужно не просто выписать слова правильно. Я бы за пять секунд это сделала! Нужно еще объяснить, в какой части слова у тебя ошибка, какое правило забыла...короче, надо о-соз-на-вать. Чтобы больше таких ошибок не делать, понятно? Потому что, если так и будешь ошибаться, экзамены не сдашь. Вот сию и ей объясняю. Осоз-наю. Но чего-то пока не осоз-на-ет-ся.

— Ошибки осознавать — сложнее всего, — поддакнул ей Стас.

— Ну, вы, наверно, с ней поговорить, да? Вы взрослый, вы такого не пишете...

— Представь, приходится иногда.

— Вон Вероника Васильевна идет, — заговорщицким шепотом прошептала девочка, — а я только одна пришла на переписывание. Бли-ин, опять не сдам...

Стас повернулся туда, куда обреченно смотрела девочка.

Вероника шла по школьному коридору, держа в руках стопку тетрадей. Строгий серый костюм, туфли на невысоком каблуке. Она сосредоточенно смотрела в пол, о чем-то задумавшись.

Стас впервые ее видел в школе, на работе. Сердце забилось быстрее: на мгновение он ощутил себя мальчишкой, который так же, как и мелкая, ждет свою учительницу, и сильно волнуется, только вовсе не перед контрольной.

Потому что он влюблен в учительницу.

— Вероника Васи-ильна, я пришла переписывать! — объявила девочка.

— Стас? — Вероника, оторвав взгляд от пола и посмотрев на стоящих рядом Стаса и мелкую, немного смутилась. Изо всех сил стараясь не улыбаться — Стас видел, как она неумело пытается скрыть радость, и как светятся ее глаза — невозмутимо подошла к ним. Рада, что он пришел, что ли? А почему Стас должен был не прийти? Чудная...

— Вот девочка контрольную писать пришла, — сразу прикрылся мелкой Стас, — а я в классе подожду. Можно? Посижу...

— Ну конечно, — теперь Вероника улыбалась открыто, — пойдём. Сядешь за последнюю парту, а Кристина сегодня быстро работу напишет. Да, Кристина? — хитро усмехнулась Вероника. Передав свои тетрадки девочке, открыла ключом кабинет.

— М-да-а... — пробурчала девчонка, не разделяя, видимо, восторгов своей учительницы.

— Давай-давай, Кристин. Как научишься, все будет легко.

— Научиться бы, — девчонка украдкой поглядела на Стаса.

Он сел за последнюю парту. Кристина заняла тот же вариант на том же ряду, куда сел Стас, только на первой.

Тот посмеялся бы во весь голос, если бы мог, наблюдая за ее приготовлениями к контрольной. Девчонка прошуршала по всему учебнику, листая его изо всех сил — смотрела правила, поди. Потом, откуда ни возьмись, появилась тетрадка какая-то. Мелкая поправила очки и погрузилась в чтение. Стас скривил Веронике рожицу уставшего ждать человека. Вероника закусила губу, чтобы не расхохотаться.

— Повторила, Кристина? — спросила она строго, — а теперь закрывай учебники и тетрадку по теории.

Мелочь в трауре убрала тетрадку с учебником в.

— Десять минут, — напомнила ей Вероника, отдавая ей какую-то тетрадь и листочек, а Стас уставился в потолок. Десять минут, это ж с дубу рухнуть!

Стас потянулся вперед.

— Вероника Васильевна, дайте мне тоже листочек, пожалуйста. И ручку.

Беленькие косички любопытствующе качнулись.

Вероника, прищурив глаза, удивленно посмотрела на Стаса. Пожав плечами, взяла листок со своего стола, ручку. Подойдя к Стасу, опустила их на парту.

— Только прилично веди себя, хорошо? Не знаю, зачем тебе листочек с ручкой, но на

парте ничего не рисуй... — прошептала еле слышно, слегка улыбнулась.

— Да вы что, Вероника Васильевна, какие рисунки? И разве я когда-нибудь себя плохо вел? — подмигнул ей Стас, отвечая также тихо.

— Все моменты перечислить? — поинтересовалась Вероника.

— Потом как-нибудь. При личной встрече. Наедине, — Стас выразительно перевел взгляд на первую парту: мелкая аж шею вытянула, как жирафа, лишь бы услышать, о чем шепчется незнакомец с учительницей.

Вероника вернулась за свой стол. Посмотрела на Стаса еще раз — в глазах так и прыгали смешинки — и взяла красную ручку. Перелистнула тетрадку, задумчиво, как школьница, закусив кончик ручки, углубившись в проверку. Стас смотрел на нее краем глаза, не поворачивая головы.

Девчушка, больше не получая информации к размышлению, с громким тяжким вздохом начала корябать в тетрадке.

Стас остался один на один с чистой бумагой в линейку. Непривычно сжав пальцы на ручке — писать уже почти разучился, все на компьютере печатал — Стас поставил точку на первой строчке сверху.

Снова посмотрел на Веронику, и в сердце будто хлынул поток света, снося все на пути.

Он знал, что сейчас напишет, уже давно. У него было время подумать. Как в нескольких словах сказать человеку, что без него твоя жизнь... нет, не станет глупой и никчемной, хотя и это тоже. Просто потеряет что-то большое, неузнанное, удивительное и светлое.

Стас слегка дрожащей рукой вывел на листке три слова. Сложил его пополам.

На душе стало легко.

— Я все-е, Вероника Васильевна! — воскликнула девчонка, трясая тетрадкой. Встал и Стас: он не очень доверял себе в эту минуту. Широким шагом подошел к столу, где сидела Вероника.

— Я тоже все, — Стас положил сложенный вдвое листок на парту, подвинул уверенным жестом на ее стол. Мелкая как раз стояла рядом и глазенки ее горели, впиваясь в листочек, но Стасу нужен был свидетель, чтобы не струхнуть в последний момент и не забрать малодушно лист обратно.

Потому что писать это Стасу было тяжело. Он никогда настолько не был искренним по отношению к женщине, и никогда ответ не был столь важен для него.

Вероника посмотрела на бумажку. Заправила выбившуюся прядку за ухо, и Стасу захотелось повторить это движение: заправить ее выбивающуюся прядку самому. Он отвернулся, сжав кулаки:

— Мое тож проверьте, Вероника Васильевна.

— А у вас какая работа? — не выдержала девочка.

— Кристина, я думаю, тебе можно уже идти. Я скажу завтра, какая у тебя оценка, — услышал Стас невозмутимый голос Вероники.

— Но вы даже не посмотрели, Вероника Васильевна, — сообщила охотливо девочка, явно не торопясь уходить.

— Проверю попозже. Можешь идти, — спокойный приказ Вероника немного расстроил Кристину, так мечтавшую узнать секрет Стасова листочка. Она медленно собиралась, долго копалась в рюкзаке. Стас смотрел на Веронику, и она смотрела на него, и ее голубые глаза будто светились огоньками изнутри.

— Проверь, — произнес Стас немного непослушными губами, когда Кристина вышла из

класса, — там не все, но, мне кажется, здесь написано самое главное. С остальное как-нибудь определимся, лады?

Как подгадал хитрый старикан, что его подарок очень-очень пригодится? Вручать его здесь, в школе, Стас не собирался — хотелось это сделать у себя дома. Сначала — колечко Туза. Через месяц — два (он проконсультируется у Димыча, когда можно) — свое, уж не менее красивое.

При одном условии, которое зависит от нее.

Вероника не ответила, кивнула, улыбаясь. И развернула листок.

«Я тебя люблю».

Это было выведено на одинарном листочке, вырванном из обычной тетрадки. Я такие всегда держу на своем столе, у меня их целая кипа. Ребенок забыл тетрадку, выполняет индивидуальное задание, или работу над ошибками — тогда даешь и не слушаешь никаких стенаний, что «у меня не-ет листка-а, Вероника Васильна-а! Я не могу-у ничего писа-ать!»

Держа листочек, встаю из-за стола. Вчера он не сказал мне ни слова о любви. Просто был всегда рядом: остался на ночь, с пониманием выслушал мой рассказ о школе («Туда ей и надо, шалаве. И мальчишку довела... Дрянь! Хорошо, что менты приехали и всех забрали»), а утром отвез на новое место работы.

«Я приеду, дорогая, за тобой. Не выходи никуда из школы».

Да, мне не сказали ни слова о любви. И все же... Я подозревала, что нравлюсь, но если Стас еще и написал...

— Стас! Ты не прикалываешься по своему обыкновению?

— Я такими вещами не прикалываюсь, — отрезал Стас, — люблю тебя. Я все сказал, добавить нечего... — Он не отвел взгляд, и серые глаза глядели на меня необычайно серьезно, — Блин, ну если ты мне ничего на это не можешь ответить...

— Я тебя люблю, Стас. Уже давно, к сожалению. Ничего не могу с этим поделать. Ты прекрасно знаешь, наверно...

— Ничего я не знаю. Чужие мысли читать не умею, а уж таких правильных училок, как некоторые, тем более, — рука Стаса касается моей талии.

— Но вчера...

— Вчера — это вчера. Может, вчера ты была напугана или благодарна мне без меры — у тебя это случается. Сегодня скажи. Сейчас, — он подходит близко-близко ко мне и смотрит сверху вниз. Его руки железным кольцом обхватывают мою талию, притягивают к себе.

— Я люблю тебя, Стас, — говорю негромко, радостно смотря в ставшие родными серые глаза.

— Слушай, я, конечно, не подарок и не принц на белом коне, но со мной всегда можно договориться. Ты в курсе.

— Да, — кладу свои ладони на его грудь и встаю на цыпочки, — мы договоримся...

Я легонько целую губы Стаса, провожу языком по его нижней губе. Его руки сжимают меня тисками, но Стас отвечает мне таким же легким поцелуем, перерастающим в долгое затяжное безумие, от которого у меня сбивается дыхание.

— Поехали отсюда, что ли? — Стас, оторвавшись от моих губ, недовольно оглядывается по сторонам. Парты и старые стены класса не вдохновляют его на большее, как, впрочем, и меня. — Хотел тебе подарочек небольшой сделать, только его подарю не здесь. На школу у меня аллергия.

— С каких пор?

— Недавно появилась, прикинь? — веселится Стас, улыбаясь во весь рот.

— В подарок опять ножик, Стас? Воздержусь-ка от ножей, мне хватит...

Все равно, что он выдумал. Три слова на листочке. Из людей мне никто никогда не дарил большей ценности.

Еле сдерживаю слезы. Меня выдают, скорее всего, блестяще от соленой воды глаза. И у Стаса глаза странно яркие. Он покашливает, проводит рукой по волосам.

— Нет, не нож, далеко вообще от ножей и прочего. Тебе понравится, дельная вещь...

— Стас, это что? — допытываюсь я, но Стас целует меня еще раз, и тут же пропадает желание задавать любые вопросы.

— Умная, да? Сейчас тебе все выложил. Нет уж... Давай, где твои вещи, поехали...

— Стас, мне нужно собрать тетрадки...

— Завтра. Сегодня отдыхаешь. Собирайся, дорогая. Я тебе даже помогу свалить отсюда как можно раньше...

Но тетрадки я отстояла: Стас, чертыхаясь, сам складывает их в пакет, пока я надеваю куртку.

— Стас, аккуратнее! Они детям еще пригодятся, — увещаю его, замечая, как небрежно он засовывает детские тетрадки.

— Все с ними будет хорошо, не переживай!

Я так счастлива!

Счастлива не тем восхитительно обманчивым счастьем, которое застит глаза и заставляет забыть обо всем, кроме него. Наверно, это удел юности, но мое счастье не меньше. Оно другое.

Чувствую, как внутри продолжает гореть что-то ласковое и теплое. Оно разгорелось сейчас ярким пламенем огромного костра — весь мир заполнит — но было и раньше, немного светило мне среди крушений и потерь, иногда становясь совсем-совсем маленьким, крошечным угольком. Мне удалось эту кроху пронести через все, что было. Кажется, мне удалось.

Отче! Благодарю за все-все! Я не знаю тех слов, с которыми могла бы обратиться к тебе: они не в состоянии передать мои чувства. «Отче, будь со мной рядом и никуда не уходи!»! А я буду продолжать учиться жить в любви, не завися от радости, не боясь потерь.

Да святится Имя Твое.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Цитата из стихотворения Иосифа Бродского.

Отсылка к цитате ОГенри из рассказа «Дороги, которые мы выбираем»: «Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу».